

КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ
ПРОЦЕССЫ
НА ЮГЕ
УКРАИНЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ
ПРОЦЕССЫ
НА ЮГЕ
УКРАИНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1979

В работе рассматриваются культурные и бытовые сходства и особенности у различных групп населения, живущих в инокультурной среде южных областей Украины, показывается происхождение этих групп, численность, условия расселения (компактными массивами, отдельными селами, включенными в общую массу украинцев)

Ответственный редактор
Ю. В. ИВАНОВА

ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ УКРАИНЫ

Южная Украина является регионом со сложным этническим составом населения (при постоянном численном преобладании украинцев). Изучение культуры населения такого региона дает возможность выявить закономерности возникновения этнических традиций, с одной стороны, и процессов культурного взаимодействия между несколькими этническими группами — с другой.

На протяжении XVIII в. в результате русско-турецких мирных договоров Россия закрепила за собой обширные пространства в Причерноморье, важные опорные пункты как в стратегическом, так и экономическом отношении, право свободного судоходства по Черному морю и прохода через проливы Босфор и Дарданеллы¹. С этого времени началось интенсивное экономическое освоение Северного Причерноморья, за которым вплоть до 1917 г. закрепилось официальное название Новороссии.

Новые земли представляли собой большей частью степи с крайне редким населением. Для их хозяйственного освоения требовался значительный приток населения извне. Заселение края происходило постепенно, по мере прекращения военных действий между Россией и Турцией².

По мере укрепления южных рубежей и уменьшения опасности татарских и турецких набегов южные степи становились притягательным объектом для многочисленных переселенцев из правобережной и левобережной Украины, из черноземного центра России. Среди переселенцев, искавших себе прибежи-

ща в причерноморских степях, были люди самого различного социального состояния, национальной принадлежности и вероисповедания.

Первоначально Новороссия осваивалась главным образом за счет самовольных переселенцев, украинцев и русских. Интенсивная помещичья колонизация края началась с конца 60-х годов XVIII в. Царское правительство раздавало огромные земельные пространства украинским и русским помещикам, польским магнатам, которые должны были заселять эти земли своими крепостными или «вольными выходцами» (незакрепощенные крестьяне, жившие на помещичьих землях, состоявшие с помещиками в различного рода договорных отношениях, именовались «помещичьи подданные»)³. Одновременно продолжалось стихийное заселение края казенными и крепостными крестьянами, бежавшими от произвола помещиков, казаками (после ликвидации в 1775 г. Запорожской Сечи многие казаки стали крестьянами-земледельцами), отставными солдатами, старообрядцами, сектантами; из них складывался основной контингент государственных крестьян. Они получали земельные наделы на льготных условиях, заводили собственные мелкие хозяйства. К этой же категории надо причислить казаков Екатеринославского казачьего войска, осевших на земле и составивших так называемые военные поселения.

Значительную роль в освоении южных украинских степей играла и организованная правительственная колониза-

ция. Доступ иностранным колонистам в новые владения Российской империи начиная с 1751 г. открыли специальные правительственные мероприятия. В 1762 г. был издан манифест Екатерины II, приглашавший переселиться в Россию «всех желающих»⁴. Подробнее условия переселения были опубликованы в манифесте 1763 г.⁵; в следующем году был разработан «План о раздаче в Новороссийской губернии казенных земель к их заселению». Согласно этому плану и другим правительственным указам в Новороссии разрешалось селиться «всякого звания людям», однако «главной заботой правительства» являлось привлечение состоятельных и хозяйственных людей⁶.

В дополнении к «Плану» 1764 г. указывалось: «1) допускать к переселению в Россию и к водворению на казенных землях исключительно хороших земледельцев и людей, приобревших (sic!) навык к возделыванию винограда, в разведении шелковичных деревьев и других полезных растений, а также сведущих в скотоводстве, особенно в содержании улучшенных пород овец; 2) равным образом допускать мастеровых, полезных собственно в сельском быту»⁷.

Колонистам раздавались земли при условии их заселения и устройства на них хорошо поставленных хозяйств различного направления. Эти земли были собственностью колоний и находились в подворном наследственном пользовании отдельных семей, у которых могли быть отобраны в случае нарушения колониетских правил. Права отчуждения (продажи, дарения) земель их держатели не имели. Иностранцам для обзаведения хозяйством предоставлялись денежные ссуды и различные льготы при условии перехода в русское подданство.

К категории «иностранцев колонистов» со всеми вытекающими отсюда правами причислялись также государственные крестьяне, переселенные из

внутренних губерний России. Следовательно, понятие «колонист» имело в первую очередь административно-правовое значение⁸.

В начале XVIII в. хозяйственно осваивались главным образом районы Бахмутской провинции; со второй половины XVIII в., после окончания русско-турецкой войны 1735—1739 гг., и на протяжении первой половины XIX в. — «Заднепровские места» (будущие Александрийский, Елисаветградский, Ольвиопольский уезды Херсонской и Верхнеднепровский уезд Екатеринославской губерний) и бывшие земли Войска Запорожского. В 1760—1770-х годах значительно возрастают темпы заселения Елисаветградской провинции (северной части будущей Херсонской губернии).

С 1775 г. активно заселяются земли будущего Херсонского уезда, а после Ясского договора с Османской империей 1791 г. возрастает темп заселения Очаковских степей, расположенных между Бугом и Днестром, южных районов Днестровско-Прутского междуречья (Буджак) и территории будущей Таврической губернии.

Этнический состав новых поселенцев был чрезвычайно пестрым. Кроме украинцев (которые во все периоды заселения Новороссии составляли большинство) и русских, здесь были сербы — переселенцы из разных областей Австрии (в 1751 г. возникла так называемая Новая Сербия на землях будущих Елисаветградского и Александрийского уездов Херсонской губ.; в 1753 г. — Славяносербия в Бахмутской области — будущем Славяносербском уезде Екатеринославской губ.) и пришедшие в более позднее время из районов, подвластных османам; здесь были герцеговинцы, черногорцы, поляки, греки, заднепровские молдаване и другие восточнороманские группы (их так же, как и молдаван, зачастую называли «волохами»)⁹.

В большинстве это были выходцы из

Османской империи, преимущественно христианского вероисповедания. Переселение христиан — неполноправных подданных Османской империи (райи) в Россию шло по существу непрерывно с конца XVIII в. Особенно значительными были переселенческие волны во время и по окончании русско-турецкой войны 1806—1812 гг. В 1812 г. в состав России вошла Бессарабия (так с 1813 г. стали именовать земли в Днестровско-Прутском междуречье). В ее южных областях обосновалось много болгар; с ними вместе вышли из северовосточных земель Болгарии жившие там гагаузы и небольшая группа албанцев. Кроме того, в Бессарабию направлялись греки, сербы, молдаване (переходившие из-за Прута и из северных районов Прутско-Днестровского междуречья), евреи. Всех вместе их именовали обычно «задунайские переселенцы».

Мигрантов этой категории расселяли на местах, где прежде были селения погайцев (или буджакских татар, как их тогда называли), к этому времени покинувших буджакские степи: еще во время войны часть их перешла в Мелитопольский уезд Новороссии, а другая часть, согласно статье 7 Бухарестского мирного договора, была переселена в Турцию¹⁰.

Официальная статистика не выделяла албанцев и гагаузов из общей массы беженцев — и тех, и других в документах именовали «болгарами», не зная на языковые различия: гагаузы говорят на тюркском языке, албанский язык занимает изолированное место в системе индоевропейских языков. Объединяла их с болгарами помимо культурных навыков (приобретенных за длительное обитание в болгарских областях Османской империи) общее вероисповедание — православие¹¹.

Первое поселение болгар в Российской империи, подтвержденное документами, датируется 1752 г. Более интенсивная болгарская иммиграция началась с 1762 г. (год обнародования манифеста

Екатерины II). Кроме Бессарабии, болгары расселились в Херсонской губернии, в том числе в г. Одессе, в Таврической губернии, на Крымском полуострове. Последнее значительное переселение болгар состоялось в 1830—1834 гг. По подсчетам Н. С. Державина, общее число болгар в России в 1844 г. превышало 75 тыс. человек¹².

В 1861—1862 гг. значительное число задунайских колонистов перебралось в Бердянский и Мелитопольский уезды Таврической губернии (после того как часть южной Бессарабии отошла к Молдавскому княжеству по условиям Парижского трактата 1856 г.)¹³. Районами наиболее компактного расселения болгар стали Буджак и Бердянский уезд Таврической губ.

Общее направление хозяйства болгарских колонистов — земледелие (полеводство, огородничество и виноградарство) и животноводство (которое со временем утратило свое значение). Болгарские колонисты прибывали в Россию из разных областей Болгарии; естественно, в их среде имели место значительные культурные и бытовые различия. Живя совместно в новых условиях, разные по происхождению группы консолидировались, создавали новые локальные варианты местной культуры¹⁴.

К категории иностранных колонистов были причислены греки, выведенные в конце 70-х годов XVIII в. из Крыма (тогда полуостров принадлежал Крымскому ханству) и поселенные в Приазовье. В литературе они получили наименование «маркупольские греки». Вместе с греками из Крыма переселились армяне, грузины и волохи.

Старожильческое греческое население Крыма, история которого уходит корнями в эпоху Византийской империи, и, может быть, во времена греческой колонизации Средиземноморья и Северного Причерноморья (начиная с VIII в. до н. э.), в этнографическом и языковом отношении отличалось от эмигрантов из

континентальной и островной Греции нового времени.

Иммиграция греков в Россию шла в течение всего господства османов на Балканах¹⁵. В XVII в. г. Нежин стал центром греческих иммигрантов. Русское правительство предоставляло грекам значительные привилегии. Особенно активным было переселение греков в 1775—1812 гг. Часть переселенцев поступала на военную службу, неся чаще всего охрану южных морских границ России. Многие иммигранты осели в южных городах и местечках, образовав цепь общин от устья Дуная до Азовского моря. Наиболее многочисленными из них были в Измаиле, Одессе, Херсоне, Таганроге, Николаеве. Значительное число греков поселилось в Крыму (Балаклава, Феодосия и др.), восполнив тем самым греческий этнический элемент, сократившийся после переселения большей части старожильческого населения в Приазовье. Традиционные занятия греков — иммигрантов нового времени — торговля и мореходство.

В 1764—1770 гг. происходило организованное переселение из немецких земель и других областей Центральной Европы. Вновь прибывших расселяли в Поволжье, на Слободской Украине, на Черниговщине, в Лифляндии (Прибалтика) и Санкт-Петербургской губ.¹⁶

С 1789 по 1835 г. в Россию прибывали различные группы меннонитов¹⁷. Первая переселенческая волна захватила главным образом бедняцкие семьи из Пруссии. В последующие десятилетия прибывали новые группы меннонитов, состоявшие преимущественно из зажиточных людей, проигравших в конкуренции с прусскими буржуа¹⁸. Эти колонисты заводили на полученных от казны землях хорошие хозяйства, преимущественно земледельческого направления.

В конце XVIII — начале XIX в. меннонитов и выходцев из различных немецких земель (которые в отличие от меннонитов были по преимуществу ма-

ломушцами горожанами, в новых условиях с трудом осваивающими сельское хозяйство) направляли главным образом на юг — в Молочанский уезд Таврической губернии, в Хортинский и Мариупольский уезды Екатеринославской губернии, в Херсонскую губернию, а также в Поволжье. В начале XIX в. в Буджаке были устроены так называемые «варшавские переселенцы» — беженцы из Варшавского герцогства, частично польской, но главные образом немецкой национальности¹⁹. Официальная статистика различала меннонитов и других выходцев из немецких земель. Однако окружающее население все эти группы, а также переселенцев из Польши, Чехии и немецкоязычных швейцарцев называло одинаково — «немцами». Колонии «немцев» и слившихся с ними других иммигрантов из Центральной Европы сконцентрировались в Буджаке, в западной части Херсонской губернии, на востоке Таврической губернии (в районе Молочных Вод и в Крыму), в Екатеринославской губернии.

Среди иностранных колонистов были евреи; указом Екатерины II 1769 г. им разрешался въезд в Россию с условием поселения только в Новороссийской губернии. Этим разрешением воспользовались главным образом евреи из Польши, принявшие, как и все иностранные колонисты, русское подданство²⁰. В начале XIX в. число евреев в Новороссии увеличилось за счет выходцев из переселенных белорусских городов и местечек (часть Белоруссии была присоединена к России в 1792 и 1795 гг.). Согласно «Положению» 1804 г. евреям предоставлялось право селиться (в пределах «черты оседлости») на помещичьих и казенных землях, сохраняя при этом личную свободу. Пожелавшие заниматься земледелием получали надель и льготы наряду с «иностранными колонистами»²¹. В 1850 г. в Херсонской и Екатеринославской губ. насчитывалось 15 еврейских земледельческих колоний.

В Бессарабии также были еврейские общины, но там они не имели статуса колонистов и не основали отдельных поселений²².

Для полноты картины следует упомянуть некоторые другие малочисленные этнические группы. Армяне, вывезенные из Крыма вместе с греками в конце 1770-х годов, основали г. Нахичевань и пять близлежащих сел. Другая группа армян поселилась на Днестре в Херсонской губернии, где они основали г. Григориополь (1794 г.).

В начале 1780-х годов небольшая группа шведов была поселена в Херсонской губернии²³.

Романскую группу дополнили франкоязычные швейцарцы и итальянцы. Швейцарцы в 1822 г. основали (и до 1846 г. заселили) колонию на месте татарского аула Аша-Аба (отсюда топоним Шаба, Шабаг), которая с начала XX в. носит название Шабо²⁴. Итальянские поселенцы оказались в разных местах черноморского побережья. Наиболее известные их колонии — Керченская, Феодосийская, Одесская²⁵.

В первые десятилетия XIX в. политика русского правительства изменилась: вызов иностранных колонистов был прекращен. В 1842 г. многочисленные законодательные акты, касавшиеся иностранных колонистов, были сведены в «Устав о колониях», согласно которому колонистам разрешалось свободно переходить в другое звание, приобретать в полную собственность частные земли и пр.²⁶ В разное время были отменены льготы и привилегии, дарованные колонистам, вплоть до распространения на них законов о рекрутском наборе.

Так сформировалось сложное по этническому составу население Южной Украины. Общее направление хозяйственной деятельности этого населения определялось быстрым экономическим развитием южных областей. Нарушение принципа дворянской монополии на землю, преобладание среди населения сво-

бодных, незакрепощенных крестьян²⁷ и колонистов создавали благоприятные условия для развития края по капиталистическому пути.

В XIX в. в степной Украине оставалось много неосвоенных земель. До середины 40-х годов XIX в. основу хозяйства здесь составляло овцеводство²⁸. Рост спроса на хлеб как внутри страны, так и в Западной Европе послужил толчком к усиленной распашке степных пространств. Благодаря удобству сбыта продукции через азово-черноморские порты, плодородию черноземных земель украинская степь превращалась в крупнейший район пшеничного экспорта. Здесь рано развились товарно-денежные отношения и сравнительно широкое применение в сельском хозяйстве имели машины и наемный труд.

Южные области России (Новороссия, область Войска Донского) к середине XIX в. стали районом товарного земледелия, специализировавшегося на производстве зерна (главным образом пшеницы)²⁹. Второе место в южнорусском экспорте занимали продукты скотоводства, в том числе овечья шерсть. Тонкорунное овцеводство стало вторым направлением в сельском хозяйстве Южной России в первой половине XIX в.³⁰ Фермерские хозяйства в Новороссии, Приазовье, на Дону и Кубани, в Ставрополье наряду с помещичьими хозяйствами этих областей втягивались во всероссийский внутренний и внешний рынок. Особенно быстро капиталистическое торговое земледелие стало развиваться в связи с развернувшимся строительством железных дорог, соединивших Причерноморье с центральными районами страны и морскими портами.

Темпы роста сельскохозяйственного производства на юге Украины были выше, чем в каком бы то ни было другом районе России. Это обстоятельство вызывало огромный приток наемной силы извне. Поток переселенцев в Южную Украину не прекращался в течение все-

го XIX и начале XX в. Благоприятные природные условия, выгодное географическое положение, быстрое развитие торгового земледелия, широкие экономические связи с центром России, с одной стороны, и европейскими странами — с другой, превратили Новороссию в район наиболее быстрого прироста населения.

В 80—90-е годы XVIII в. из семи интенсивно заселяемых губерний России на первом месте была Херсонская, на втором — Екатеринославская, на третьем — Таврическая. Народонаселение Северного Причерноморья за 75 лет возросло почти в 100 раз. Таких темпов прироста не знал ни один район России²¹.

Ликвидация крепостного права способствовала еще большему развитию миграционного движения. Согласно данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. 17,7% всего населения и 12,3% сельского населения Таврической губернии родились (к моменту проведения переписи) за пределами этой губернии. Из всех живущих в Таврической губернии неместных уроженцев более всего было выходцев из украинских и южнорусских губерний²²: Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Орловской, Курской, Бессарабской, Черниговской, Харьковской, Калужской, Тамбовской и др.²³ В Херсонской губернии из абсолютного числа уроженцев других губерний, которые составляли среди всего населения губернии 14,84%, а среди сельского населения — 6,76%, более всего было переселенцев из Киевской, Подольской, Таврической, Бессарабской, Полтавской, Волынской, Орловской, Екатеринославской, Черниговской, Курской, Калужской и др.²⁴

Эти данные указывают не только на быстрый прирост населения Южной Украины, но и на его чрезвычайную подвижность, перемещение из одного района в другой.

* * *

Сложный этнический состав населения Южной Украины (при весьма значительном преобладании украинского населения²⁵), разбросанность поселений жителей неукраинской национальности²⁶ в условиях активного хозяйственного взаимодействия и обмена культурными ценностями — все это содействовало разворачиванию этнических процессов различного характера.

Некоторые малочисленные группы подверглись естественной ассимиляции. Городские общины греческих иммигрантов XVII—XIX вв. утратили этническую специфику, потомки их ассимилировались более крупными нациями, главным образом украинцами и русскими²⁷. Шведы в известной степени слились с немцами²⁸. Часть их выехала за пределы нашей страны. Потомки франкоязычных колонистов с. Шабо за более чем столетнюю историю колонии утратили языковые традиции. В 1860—1870-х годах часть земель, не освоенная первыми колонистами, была отдана немецкоязычным швейцарцам. Благодаря бытовым контактам, смешанным бракам, а также школе, где преподавание шло на французском, немецком и русском языках (последний в 1918—1940 гг. был заменен румынским), в селе установилось многоязычие. В 1940 г. большая часть потомков колонистов покинула Шабо. Большинство оставшихся ныне русскоязычны, и только единицы в общении между собой иногда употребляют французский язык²⁹.

Потомки итальянских колонистов испытали те же последствия естественной ассимиляции. Языковые традиции со временем затухали, возрастала роль русского языка как средства общения вне своей этнической группы, а позже — и между собой. В 1960-х годах в наиболее значительной по численности группе — Керченской только пожилые люди хорошо знали итальянский язык, пред-

ставители среднего поколения не могли пользоваться им активно, а молодежь его вовсе не знала. Вслед за утерей языка утрачивались, хотя и медленнее, бытовые традиции и постепенно менялось этническое самосознание: молодые люди считают себя русскими⁴⁰.

Другой вид межэтнических отношений сложился между молдаванами и украинцами. Близкие по культуре и равноправные политически, эти народы влияли друг на друга, перенимая культурные и бытовые навыки, но четко различаясь по родному языку. В зависимости от конкретных условий говоры небольших молдавских групп, оказавшихся в иноэтническом окружении, сохраняются в той или иной степени как средство общения в быту; в некоторых случаях они перестают существовать в результате ассимиляции их носителей украинцами; в иных случаях молдаване ассимилируют украинцев⁴¹.

Третий вид межэтнических отношений — культурная интеграция — сложился между потомками «задунайских колонистов» — болгар, гагаузов и албанцев, переселившихся из болгарских земель Османской империи и образовавших смежные или национально-смешанные села. Эти этнические группы создали единую (в общих чертах) культурную общность. При этом каждая группа, сохраняя родной язык, освоила язык соседей, а также украинский, русский, молдавский.

Для изучения культурно-бытовых процессов на юге Украины, которым посвящен настоящий сборник, выбраны несколько групп неукраинского населения: русские, болгары, гагаузы, греки Приазовья — потомки старожильческого населения Крыма. Каждая из названных групп представляет самостоятельный интерес для этнографической науки, а многообразные связи, установившиеся между ними и основной нацией республики — украинцами, проявляются как различные виды этнических процессов.

Формы материального быта, общественные институты, моральные нормы и эстетические идеалы, сложившиеся в той или иной этнической группе людей и закрепленные постоянным повторением на протяжении долгого времени, — этот комплекс явлений, именуемый в науке этнической традицией, выступает особенно отчетливо при сопоставлении двух или нескольких национальных групп. При таком сопоставлении выявляется все особенное, что отличает данную этническую группу, что является ее неповторимой этнической спецификой, и то общее, что сближает эту группу с другими по двум линиям: генетической (общность происхождения) и культурно-хозяйственной (общность исторического развития на одной территории).

Выявлению общего и особенного в быту и культурных традициях живущих совместно национальных групп и посвящен настоящий сборник. Объектом изучения избраны группы русских, болгар, гагаузов и греков, живущие в южных областях УССР: Одесской, Херсонской, Запорожской, Николаевской и Донецкой; по административному делению конца XIX в. эта территория входила в Херсонскую, Бессарабскую, Таврическую и Екатеринославскую губернии.

Статьи сборника написаны преимущественно на материалах полевых исследований.

В сборе полевых материалов помимо авторов принимали участие сотрудники Болгарского отряда Болгаро-гагаузской экспедиции МГУ 1952 г., Южного отряда Комплексной экспедиции Института этнографии 1968—1969 гг. и Приазовского отряда Восточнославянской экспедиции 1970—1971 гг. В составе этих отрядов работали художники В. И. Агафонов, Т. П. Лойферман, М. М. Санников и Н. Н. Суриев, фотографы В. А. Васильев, В. В. Лебедев, Е. Н. Рогов, А. В. Смагин. Иллюстрации к данной книге подготовлены М. Р. Семанкевич, а также Н. А. Юсовым (на с. 95, 98, 118).

Для изучения этнографии греков Украинской ССР очень ценны коллекции вещей и фотографии, хранящиеся в Ждановском краеведческом музее. Благодаря любезности сотрудников музея члены экспедиции Института этнографии АН СССР имели возможность подробно изучить эти коллекции, за что они приносят искреннюю благодарность сотрудникам Музея. Привлечены также материалы (коллекции вещей, фотографии, архивные записи) Краеведческого музея Донецкой области, Государствен-

ного музея этнографии народов СССР, Музея антропологии и этнографии АН СССР и др.

Наряду с сотрудниками Института этнографии АН СССР и отдела этнографии АН МССР в составлении настоящего сборника приняли участие краеведы Донецкой области: О. Н. Ксенофонтова-Петренко (г. Жданов) и организатор народного музея в селе Старомлиновка (Великоновоселковский район) С. К. Темир.

- ¹ Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года: Его подготовка и заключение. М., 1955.
- ² Значительное число исследований посвящено истории заселения Новороссийского края; упомянем некоторые из них: Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I—II. Одесса, 1850; Клаус А. Наши колонии. СПб., 1869; Баголей Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Киев, 1889; Державин Н. С. Болгарские колонии в России: Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии, т. 1.— В кн.: Сборник за народни умотворения и народописе, кн. XXIX. София, 1914; т. 2 — Пг., 1915; Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959; Она же. Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970; Кабузан В. М. Заселение Северного Причерноморья (Новоросси́и) в XVIII в.: 1719—1795.— Сов. этнография, 1969; № 6; Она же. Крестьянская колонизация Северного Причерноморья (Новоросси́и) в XVIII — первой половине XIX в.: 1719—1857 гг.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г. Кишинев, 1966; Она же. Заселение Новоросси́и в XVIII — первой половине XX в. М., 1976. О современном этническом составе этих районов и об истории его формирования см.: Науко В. І. Географічне розміщення народів в Українській РСР. Київ, 1966, с. 13—31; Она же. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975, с. 83—156.
- ³ Дружинина Е. И. Южная Украина, с. 74—76, 79—93.
- ⁴ Целое собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ), т. XVI, № 11720, № 11725.
- ⁵ Там же, № 11853, № 11879, № 11880.
- ⁶ Там же, № 12009.

- ⁷ Цит. по: Клаус А. Наши колонии, с. 20.
- ⁸ Дружинина Е. И. Южная Украина, с. 74.
- ⁹ Скальковский А. А. Географическая и этнографическая терминология Новороссийского края. СПб., 1868, с. 22—23; Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России. Л., 1975, с. 24—88; Кабузан В. М. Заселение Новоросси́и, с. 71—176.
- ¹⁰ История Молдавии: Документы и материалы, т. II: Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского. Кишинев, 1957, с. 55.
- ¹¹ Это смешение проникло даже в этнографическую литературу. См.: Державин Н. С. Болгарские колонии Новороссийского края. Симферополь, 1908, с. 35; в список болгарских колоний включены албанские села Бердянского уезда Таврической губернии Девченское и Георгиевка и село Гаммовка со смешанным албанско-гагвазским населением.
- ¹² Державин Н. С. Болгарские колонии в России..., с. 10.
- ¹³ ПСЗ, т. XXXI, № 30411.
- ¹⁴ Маркова Л. В. Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар юго-западных районов СССР. М., 1966; Державин Н. С. Болгарские колонии в России, с. 42—53, 59—72; Демиденко Л. А. Культура и быт болгарского населения в УССР. Киев, 1970.
- ¹⁵ Арш Г. Л. Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII — начале XIX в.— Сов. этнография, 1969, № 3, с. 85—95.
- ¹⁶ Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909.
- ¹⁷ Меннониты — протестантская секта, возникшая в Нидерландах в 1530—1540-х годах. В секту меннонитов вошли беженцы периода Реформации из различных немецких земель. Живя долгое время среди голландцев, они восприняли их образ жизни и

- правы, а также в большой степени и лексику. Будучи очень замкнутым сообществом, заключая браки на протяжении четырех веков только внутри своей секты, меннониты приобрели некоторые черты этнической общности (Клибанов А. И. Меннониты. М.-Л., 1931; Платов А. И. Меннониты. Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М., 1978).
- ¹⁸ Клибанов А. И. Меннонитская колонизация на юге России в XVIII—XIX вв. Л., 1935; Писаревский Г. Г. Переселение прусских меннонитов в Россию. Ростов-на-Дону, 1917.
- ¹⁹ Скальковский А. А. Географическая и этнографическая терминология, с. 24; Дружинина Е. И. Южная Украина, с. 127—138.
- ²⁰ Станиславский С. К истории колонизации евреев в Новороссии.— В кн.: Сборник статей Екатеринославского научного общества по изучению края. Екатеринослав, 1905, с. 289—301.
- ²¹ Дружинина Е. И. Южная Украина, с. 149—152; Боровский С. Я. Еврейская земледельческая колонизация в старой России. М., 1928.
- ²² Скальковский А. А. Географическая и этнографическая терминология, с. 28—29.
- ²³ Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации, с. 221—235.
- ²⁴ Шишмарев В. Ф. Романские поселения..., с. 92—144; Бородина М. А. Колония Шабо.— В кн.: Французский ежегодник. 1963. М., 1964, с. 279—282.
- ²⁵ Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации, с. 227—260; Шишмарев В. Ф. Романские поселения..., с. 146—168.
- ²⁶ Клаус А. Нань колонии, с. 22.
- ²⁷ В первой четверти XIX в. незакрепощенные крестьяне составляли 93,7% сельского населения Южной Украины (Дружинина Е. И. Южная Украина, с. 79).
- ²⁸ Скальковский А. А. Взгляд на скотоводство Новороссийского края. СПб., 1850.
- ²⁹ Золотов В. А. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX в. Ростов-на-Дону, 1963, с. 15, 19—22, 45—74, 85.
- ³⁰ Золотов В. А. Внешняя торговля..., с. 92, 100, 104—107.
- ³¹ Кабузан В. М. Заселение Северного Причерноморья..., с. 40.
- ³² Губернии перечисляются по имеющемуся в них числу неместных уроженцев в убывающей последовательности.
- ³³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. XXI. Таврическая губерния. СПб., 1904, с. XX (далее — Перепись 1897 г.).
- ³⁴ Перепись 1897 г., т. XLVII. Херсонская губерния, с. IX—X.
- ³⁵ По переписи 1897 г. в Херсонской губер-

- нии лица, признавшие родным языком украинский, составляли 53,48% всего населения губернии, русский язык — 21,05%, далее по убывающей численности следуют: еврейский (11,80%), румынский (5,39%), немецкий (4,52%), польский (1,13%), болгарский (0,94%), греческий (0,30%) и др. (Перепись 1897 г., т. XLVII, с. VII). В Бессарабской губернии почти половина жителей говорила на молдавском языке (47,58%), украинский язык признавали родным 19,62% населения, еврейский — 11,79%, далее по убывающей численности: русский язык — 8,05%, болгарский — 5,33%, немецкий — 3,11%, турецкий назвали родным 2,88% (очевидно, в эту группу включались гагаузы). Перепись 1897 г., т. III. СПб., 1905, с. XXI. В Таврической губернии украинский язык признали родным 42,2% населения, русский — 27,9, татарский — 13,0, немецкий — 5,4, еврейский — 3,8, болгарский — 2,8, греческий — 1,3% (там же, т. XXI, с. V). В Екатеринославской губернии по родному языку народности располагались в следующем порядке: украинцы — 68,9%, русские — 17,27, евреи — 4,69, немцы — 3,83, греки — 2,31, татары — 0,82% (неясно, включены ли в эту цифру татароязычные греки) и др. Там же, т. XIII, с. VIII.
- ³⁶ Даже в районах компактного расселения малочисленных групп их села были расположены чересполосно с поселениями украинцев и людей другой национальности.
- ³⁷ Арш Г. Л. Греческая эмиграция..., с. 35. В. И. Наулко в противоположность Г. Л. Аршу не считает ассимиляцию греков-горожан полностью завершенной. Он отмечает лишь распад нежинской общины, в которую из-за привлеканий с самого начала проникали лица других национальностей (Наулко В. И. Развитие межэтнических связей, с. 131).
- ³⁸ В середине XIX в. Скальковский сообщал, что многие из них забыли родной язык, об их происхождении тогда напоминало лишь название колонии «Старошведская» (Скальковский А. А. Географическая и этнографическая терминология..., с. 125).
- ³⁹ Бородина М. А. О французской колонии Шабо.— В кн.: Шишмарев В. Ф. Романские поселения..., с. 187—192.
- ⁴⁰ Шишмарев В. Ф. Романские поселения..., с. 167—168; Корси М. П. Современное состояние бицельезского говора в Крыму.— Там же, с. 192—201.
- ⁴¹ Наулко В. И. Развитие межэтнических связей, с. 124—125; Удлер Р. Я. Современное состояние основных говоров молдавских поселений в СССР.— В кн.: Шишмарев В. Ф. Романские поселения..., с. 172—183.

РУССКО-УКРАИНСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ УКРАИНЫ

В процессе заселения и хозяйственного освоения территории современной Украины возникло значительное число русских поселений. Наибольшее число русских сел расположено на востоке и юге Украины, в Сумской, Харьковской, Запорожской, Ворошиловградской, Херсонской, Николаевской, Одесской областях.

Русское население на юге Украины развивалось в определенных исторических, социально-экономических и природных условиях, в постоянном контакте с окружающими их украинцами, а также частично и с другими народами, населяющими эти районы.

Отдельные разрозненные сведения об истории заселения и быте населения некоторых русских сел имеются в различных местных статистических и краеведческих сборниках, брошюрах, исторических трудах. Среди них следует выделить две статьи местного уроженца Г. И. Сорокина¹, содержащие ценные сведения об истории местечка Дмитровка Александрийского уезда Херсонской губернии, о взаимоотношениях живших в нем украинцев и русских, их бытовом укладе и свадебных обрядах. Данные материалы об особенностях быта русско-го населения середины XIX в. содержатся в Архиве Географического общества СССР (разр. 13, 39, 45, оп. 1). Интересные материалы о русско-украинских взаимоотношениях на Украине содержатся в работе В. И. Наулко². Для характеристики этнического состава насе-

ления южных районов Украины в прошлом и в настоящее время и некоторых других вопросов были использованы разработки переписей населения 1897, 1959 и 1970 гг., а также материалы переписи 1926 г., хранящиеся в Архиве АН СССР (Ленинград), ф. 135.

Данная работа в основном написана на этнографических полевых материалах, собранных автором в 1968-1969 гг. в русских селах Запорожской, Херсонской, Николаевской и северных районах Одесской области. Было обследовано 14 русских сел. В Запорожской области села: Астраханка, Борисовка, Спасское Мелитопольского района, Родионовка Акимовского района, Большая Знаменка³, Каменско-Днепровского района; в Херсонской области села: Петровка, Счастливец Генического района, Верхние Серагозы Нижне-Серагозского района, Михайловка Скадовского района. Все эти села в прошлом были расположены на территории Таврической губернии, Астраханка и Борисовка входили в Бердянский уезд, Счастливец — в Перекопский уезд, Михайловка — в Днепровский уезд, остальные села — в Мелитопольский уезд. В Николаевской области обследованы села: Балабановка Жовтневского района (бывший Херсонский уезд той же губернии), Сергеевка Братского района, Новокрасное Арбузинского района (бывший Елисаветградский уезд Херсонской губернии); в Одесской области: Демидово Березовского района, Большое Плоское⁴.

Великомихайловского района (бывший Тираспольский уезд Херсонской губернии). Для получения сравнительных данных работа проводилась также в ближайших украинских селах: Павловка Генического района, Екатериновка Арбузинского района (в настоящее время село вошло в состав села Новокрасного), Яковлевка Березовского района (село включено в состав села Демидово).

Целью этнографического полевого исследования был сбор материалов для подготавливаемого к изданию «Регионального историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии и Молдавии».

В этой статье мы постараемся показать характерные культурно-бытовые особенности русского населения Южной Украины, сложившиеся к концу XIX — началу XX в., их развитие под воздействием социально-экономических преобразований и изменения в советское время. Нас интересовали такие проблемы, как судьба этнической группы, оторванной в силу определенных причин от основного этнического массива, степень и характер сохранения или изменения в инонациональном окружении этнокультурных признаков, свойственных данному народу на его коренной территории поселения, процессы взаимодействия и сближения, возникающие в результате активных контактов в районах этнически смешанного расселения.

* * *

В XVIII и XIX вв. на территории Южной Украины при значительном преобладании украинцев возникло большое число русских поселений, расположенных или компактными группами, как это наблюдается в Запорожской области, или рассеянных по два-три поселения между селениями украинцев и других народов. Русские села заселялись преимущественно выходцами из южнорусских губерний России — Курской, Воронежской, Орловской, Тамбовской. В эти села переводились также казенные или

крепостные крестьяне и из более северных губерний — из Ярославской, Костромской, Владимирской, Московской, Нижегородской.

Многие русские села были основаны старообрядцами и сектантами. Старообрядцы оказались в числе первых русских поселенцев на юге Украины. Еще в конце XVII — начале XVIII в. появляются первые старообрядческие поселения около Новомиргорода и Апаньева, но с приходом русских гарнизонов старообрядцы уходят на запад, в Польшу. Значительно усиливается переселение старообрядцев в Новороссию с середины XVIII в., после того как правительственным манифестом 1755 г. было разрешено всем русским старообрядцам, удалившимся в Польшу и Молдавию, возвратиться в Россию с предоставлением им возможности организовывать поселения государственных крестьян. В 1750 г. большой группе старообрядцев из московских и стародубских общин, прибывших из Польши и Молдавии, были отведены земли в крепости Св. Елизаветы (теперь г. Кировоград) и ее окрестностях, где они основали села Злынка, Клишцы, Лысая Гора, Песчаный Брод, Никольское, Красное. Между 1772 и 1773 гг. 1240 семей старообрядцев, живших в Молдавии и Польше, поселились на территории нынешней Одесской области в селах Большое Плоское, Калиповка, Золотаревка⁴. Еще большее число старообрядцев переселяется в 1785—1786 гг. из Елисаветградской провинции, стародубских и московских общин на левый берег Днепра, на р. Белозерку, где возникли русские села Большая Знаменка, Малая Знаменка (переименованная позднее в Каменку), Днепровка (Каменско-Днепровский район Запорожской области). Для привлечения старообрядцев на новые земли им предоставлялись определенные льготы: освобождение от рекрутской повинности, денежная ссуда (так, знаменским старообрядцам выдавалось 50 руб. на двор), освобождение

от податей на несколько лет. Многие села русских старообрядцев в конце XVIII в. были включены в состав военных поселений⁵, позднее все жители их были переведены на положение государственных крестьян.

Значительное число русских поселений сконцентрировано в бассейне р. Молочная (или Молочные воды), на территории современного Мелитопольского района Запорожской области. Освоение этого района происходило в результате правительственного принудительного переселения сектантов — духоборов и молокан из внутренних губерний России. В течение 1802—1820 гг. здесь было основано 9 духоборческих сел (Терпешье, Тамбовка, Родионовка, Спасское, Богдановка, Троицкое, Ефремовка, Кирилловка, Горелое) и 3 молоканских села (Астраханка, Ново-Васильевка и Ново-Спасское)⁶.

Учитывая хозяйственный опыт духоборов и их материальную обеспеченность, правительство предоставило им льготы и пособия. Сектанты, составлявшие значительный процент населения Мелитопольского уезда, благодаря многоземелью, благоприятным природным условиям, хорошей организации труда быстро превратили свои хозяйства в процветающие и во многом способствовали хозяйственному освоению края. В сектантских общинах уже в 20—30-е годы XIX в. в сельском хозяйстве интенсивно развивались товарные отношения с широким размахом предпринимательства, массовым применением наемного труда. Духоборы и молокане давали основную массу товарного хлеба в этом районе, развивали тонкорунное овцеводство, садоводство, промыслы⁷.

Однако в 1839 г. царское правительство, опасаясь распространения духоборческого влияния на окружающее население, выводит духоборов в Закавказье, а освободившиеся после них села заселяет в течение 20 лет выходцами из Курской, Орловской, Воронежской, Тамбовской,

Екатеринославской губерний и северных районов Мелитопольского уезда⁸.

По сведениям Д. И. Багалея, общее число старообрядцев в Новороссийском крае вместе с духоборами, молоканами и бессарабскими старообрядцами составляло в 1830-х годах около 36 тыс. человек⁹. Позднее в ряде бывших старообрядческих сел, например в Большой Знаменке, Каменке, Злыпке, в результате наплыва в конце XIX — начале XX в. переселенцев-нестарообрядцев первопоселенцы отошли от старообрядчества, и в настоящее время даже старики не помнят, что предки их были старообрядцами. Наоборот, некоторые села, например бывшее старообрядческое село Большое Плоское, бывшее молоканское село Астраханка, сохраняли известную обособленность до недавнего времени.

В конце XVIII — начале XIX в. возникли многие другие русские села, основанные переселенцами-нестарообрядцами из внутренних губерний. Отметим наиболее крупные из них.

Село Петровка Генического района Херсонской области образовано на месте погайского поселения Мустопой. После выселения с этой территории погайцев Мустопой переименовали в Петровку и заселили русскими крестьянами из Курской и Орловской губерний. Выходцы из тех или иных уездов селились поближе к своим землякам, так возникли улицы села — Рыльская, Фатеж, Короча, Тимская, названные по тем уездам, из которых приезжали первые поселенцы. В конце XIX — начале XX в. в село приехали семьи из украинских губерний — Харьковской, Черниговской, Полтавской. К 1915 г. в селе уже было 3478 жителей, 530 дворов. Переселения в Петровку продолжались и после установления Советской власти. В послевоенные годы в Петровку, как и во многие другие села Южной Украины, в порядке планового государственного переселения приехали украинцы из Волынской и Ровенской областей¹⁰.

В 3 км от Петровки расположено украинское село Павловка. По рассказам старожилов, Павловка заселялась одновременно с Петровкой, первоначально это было одно поселение, называемое Петропавловкой, с церковью, расположенной в Петровке. Позднее была построена церковь в Павловке, и село получило самоуправление. В Павловке преобладали украинские переселенцы из Харьковской, Черниговской, Полтавской губерний. Одна из улиц села называлась Орловской потому, что здесь селились уроженцы Орловской губернии¹¹.

Село Верхние Серагозы Нижнесерагозского района Херсонской области заселялось в начале XIX в. выходцами из Курской, Орловской, Воронежской, Тамбовской губерний¹². В соседнем селе Нижние Серагозы, где преобладало украинское население, было несколько улиц, заселенных русскими переселенцами, поэтому село делилось на «хохлатчину» и «кацапщину»¹³.

В первой половине XVIII в. переселенцами из Курской, Воронежской и Харьковской губерний основано село Новокрасное Арбузинского района Николаевской области, расположенное на левом берегу р. Корабельной, притока Южного Буга. По преданиям, село было названо в память села Красного в Курской губернии, откуда пришли первые поселенцы. Одна из улиц села называлась Дьяконово, потому что жители ее были уроженцами курского села Дьяконово. Центральную часть села именовали Слободкой, окраину — Дворянщиной. На другом конце около кладбища строили хаты переселенцы из Полтавской и Харьковской губерний, это место называли «хохлатчиной»¹⁴. На правом берегу Корабельной напротив Новокрасного еще в начале XVIII в. было основано небольшое украинское помещичье село Катериновка.

Недалеко от Новокрасного расположено русское село Сергеевка, основанное

в самом конце XVIII в. переселенцами из Воронежской, Курской, Тамбовской и Тульской губерний. По местным преданиям первый поселенец здесь был Сергеев¹⁵.

Чрезвычайно сложным было формирование населения в местечке Дмитровка Александрийского уезда Херсонской губернии, хорошо описанное в 1889 г. местным краеведом Г. И. Сорокиным¹⁶. Местечко Дмитровка в исторических источниках упоминается с первой четверти XVIII в. В разное время туда приезжали украинцы, русские, евреи и молдаване. Во второй половине XVIII в. Дмитровка была военным поселением. В 1820-х годах население Дмитровки пополнилось за счет переселенцев из сел Лагери, Богдановка, Красный Кут. Еще ранее, в 1772 г., в Дмитровке возникла улица Бессарабия, заселенная бессарабскими старообрядцами. В результате неоднократных переселений в Дмитровке образовалось население, пришедшее из разных районов, и даже в конце XIX в. очень немногие семьи могли сказать, что предки их — местные жители, поселившиеся здесь в XVIII в. В 1887 г. в Дмитровке числилось 7641 человек.

Большинство русских сел на юге Украины возникло на казенных землях. Вместе с тем есть несколько сел, основанных помещиками. Село Мордвиновка (Мелитопольский район Запорожской области) поселено в 1820 г. крепостными графа Мордвинова из Пензенской губернии. Земли, на которых теперь расположено село Михайловка Скадовского района Херсонской области, в начале XIX в. заселялись крепостными крестьянами из Лукояновского уезда Нижегородской губернии. В 1835 г. в селе было всего 20 дворов и 256 жителей, которые сидели на барщине. В конце XIX в. население пополнилось переселенцами из Воронежской и отчасти Полтавской губерний. В начале XX в. в селе уже было около 300 дворов. Как свидетель-

ствуют старожилы, вплоть до 60-х годов XX в. в селе было мало украинцев. Лишь в послевоенные годы в порядке планового государственного переселения сюда прибыли семьи из Волынской и Львовской областей¹⁷.

Село Балабановка Жовтневского района Николаевской области, расположенное на берегу Бутского залива, основано в начале XIX в. князем Волконским, переселившим сюда крепостных из Нижегородской, Саратовской, Калужской губерний. Позднее в село приезжали вольные выходцы из Орловской и Тамбовской губерний, а также из ближайших районов Украины¹⁸.

Интересна история села Демидова Березовского района Одесской области. В 1822 г. тайный советник Н. Демидов купил деревню Павловку, населенную украинцами, в которой было 24 двора с 63 душами мужского пола. Демидов переименовал Павловку в Демидово и занялся перестройкой села и заселением из своих вотчин, расположенных в Косимовском уезде Рязанской губернии. Демидово было разбито на три улицы: Малороссийскую, Рязанскую, Московскую. На Рязанской улице были построены каменные дома, в которых расселяли семьи, прибывшие с Рязанины (всего, по архивным данным, были переселены 422 души мужского пола). У себя на родине рязанцы работали преимущественно плотниками, а после переселения их заставили заниматься хлебопашеством. Первоначально, пока переселенцы не обзавелись своим собственным хозяйством, им выдавалось по паре волов, корова, плуг, необходимое пропитание. На Малороссийской улице были поселены местные украинцы села Павловки¹⁹. Позднее, особенно после отмены крепостного права, население села пополнилось за счет переселенцев из Курской, Саратовской, Калужской губерний, небольшое число жителей приехало из Тамбовской губернии. В 1916 г. в селе насчитывалось 339 дворов и 1624 чел.²⁰

Рядом с Демидовым расположено украинское село Яковлевка, заселявшееся переселенцами из села Нечаевки Херсонской губернии. С ростом дворовой застройки Демидово и Яковлевка сомкнулись, их разделяла лишь искусственная межа, на которой обычно устраивались базары. И только в 1958 г. Яковлевка административно была включена в состав Демидова²¹.

В Березовском районе существует крупное русское село Апатольевка, основанное в 1822 г. Демидовым и названное так в честь его сына Анатолия. Село заселялось крепостными из Рязанской и Тамбовской губерний²².

Таким образом, как показывают материалы, русские села, основанные выходцами из тех или иных, преимущественно южнорусских губерний, постоянно пополнялись переселенцами из самых разных и притом не только русских, но и украинских губерний.

Значительные изменения в составе населения произошли в советское время. За годы Советской власти Причерноморье стало не только крупнейшим передовым высокотехнологизированным сельскохозяйственным районом, но и одним из важнейших индустриальных центров на юге страны. Мощное развитие различных отраслей промышленности, неуклонное укрепление сельского хозяйства, повышение уровня материального благосостояния колхозников и рабочих совхозов привлекают сюда население из других районов страны. После Великой Отечественной войны происходило также и плановое государственное переселение на юг Украины жителей из более северных районов СССР и РСФСР, а в последнее время — из западных областей Украины.

Постоянные миграционные движения населения на территории Южной Украины, длительное совместное проживание, тесное хозяйственное общение привели уже в дореволюционные годы к всестороннему сближению разных на-

родов, к процессу, в котором В. И. Ленин видел величайший исторический прогресс. «Уже несколько десятилетий, — писал В. И. Ленин, — вполне определился процесс более быстрого экономического развития юга, т. е. Украины, привлекающий из Великороссии десятки и сотни тысяч крестьян и рабочих в капиталистические экономии, на рудники, в города, факт «ассимиляции» — в этих пределах — великорусского и украинского пролетариата несомненен. И этот факт безусловно прогрессивен»²³.

* * *

Соотношение украинского и русского населения на территории Южной Украины показывают данные статистики. Для того чтобы составить хотя бы приблизительное представление о численном соотношении русского и украинского населения в конце XIX в., приходится использовать данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г. о числе жителей, считавших родным языком русский или украинский²⁴.

По материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. среди сельского населения Таврической губернии украинский язык считали родным 50,8% населения, а русский — 22,6%, в Херсонской губернии — соответственно 68,19 и 11,34%. Если посмотреть по уездную статистику национального состава среди сельского населения, то окажется, что более всего лиц, считавших родным языком русский, проживало в следующих уездах Таврической губернии: в Мелитопольском 54,9% считали родным языком украинский и 32,8% — русский, в Днепровском — соответственно 73,6 и 19,9%, в Бердянском — 58,8 и 18,1%. В Херсонской губернии численность населения, считавшего русский язык родным, к сельскому населению во всех уездах колебалась от 7 до 13%; более всего лиц,

считавших родным языком русский, проживало в Херсонском (12,99%), Тираспольском (12,95%), Елисаветградском (12,13%) уездах²⁵.

По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. среди сельского населения Запорожской области было 76,02% украинцев и 18,17% русских, в Херсонской области — соответственно 86,83 и 10,93%, в Николаевской области — 89,74 и 7,60%, в Одесской области — 64,48 и 9,82%²⁶.

Так же, как и в прошлом, больше всего русских проживает в селах Мелитопольского (37,4%), Каменско-Днепровского (54,1%) и Акимовского (34,2%) районов Запорожской области, входивших прежде в Мелитопольский и частично в Бердянский уезды Таврической губернии. По численности русского населения выделяются также Гепический (31,5%) и Нижнесерагозский (21,4%) районы Херсонской области, а также Великомихайловский район Одесской области (24,6%). В остальных обследованных нами районах русские составляют от 11 до 17% сельского населения.

Для определения национального состава обследованных сел мы произвели подсчет на основании данных хозяйственных книг за 1967—1968 гг. и получили следующие цифры (см. табл. 1).

Как показали результаты наших обследований, соотношение русского и украинского населения в обследованных селах различно. Наиболее высокий процент русского населения наблюдается в бывшем старообрядческом селе Большое Плоское (98,7), на втором месте стоит бывшее молоканское село Астраханка (87,6). В трех селах — Родионовка, Петровка, Верхние Серагозы — русские составляют 86,7; 79,64 и 73,68%.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. соотношение русских и украинцев в этих селах было следующим: в Астраханке — 94,2 и 4,8%, в Родионовке — 81,2 и 14,2%, в Верхних Серагозах — 98,2 и 1,4%²⁷. Значитель-

Таблица 1

Национальный состав населения и семей в обследованных селах (1967—1968 гг.)

Село	Всего населения	В том числе, %			Всего семей	В том числе, %			
		русских	украинцев	других национальностей		русских	украинских	национально-смешанных (русско-украинские или украинско-русские)	национально-смешанных (другие национальностей)
1. Астраханка	2465	87,6	11,8	0,6	719	82,1	6,8	10,0	1,1
2. Родионовка	1991	86,7	12,8	0,5	594	78,9	7,6	12,6	0,9
3. Петровка	2043	79,64	18,50	1,86					
4. Павловка	1671	15,98	81,09	2,93					
5. Верхние Серагозы	2637	73,68	22,90	3,42					
6. Михайловка	1823	51,9	46,8	1,3					
7. Новокрасное	2695	69,5	29,7	0,8	1011	64,5	21,1	13,5	0,9
8. Демидово	1688	54,7	43,5	1,8	574	46,7	34,2	16,5	2,6
9. Большое Плоское	6200	98,7	1,2	0,1	1948	97,1	0,5	2,2	0,2

ное увеличение доли украинцев в Верхних Серагозах, а также в селе Астраханка по отношению к 1926 г. произошло, по-видимому, за счет приехавших в послевоенные годы переселенцев из западных и других районов Украины. Той же причиной объясняется, по-видимому, и высокий процент украинцев в настоящее время в селе Михайловка. Другие обстоятельства способствовали увеличению украинского населения в русских селах Новокрасное и Демидово: село Новокрасное было объединено с соседним украинским селом Катериновка, в котором тогда насчитывалось 309 украинцев; в состав села Демидово вошло украинское село Яковлевка, где до слияния проживало 772 (97,8%) украинца и только 17 (2,2%) русских. Неоднороден национальный состав и коренного украинского села Павловка: здесь проживает 1355 (81,09%) украинцев и 267 (15,98%) русских.

Современные жители русских сел, называющие себя украинцами, — это сравнительно поздние переселенцы из

украинских сел. Украинцы, поселившиеся в русских селах в XIX — начале XX в., в большинстве случаев смешались с доминирующим в этих селах русским населением, их потомки называют себя сейчас русскими, а об их украинском происхождении свидетельствуют главным образом украинские фамилии и особенности местного говора.

Приведем примеры. Как рассказывал нам И. С. Правдюк, 1906 г. рожд., из села Петровки Херсонской области, прадед его приехал в село из Полтавской губернии, а прабабка — из Курской. Еще дед говорил по-украински, а отец уже разговаривал больше по-русски и называл себя «русским»²⁶.

В русском селе Родионовка потомки украинских переселенцев, приехавших в XIX в. из Харьковской губернии, — Хлопко, Харченко, Бондаренко, Хотенко, Андрищенко — называют себя русскими. По рассказам старожилы, русские вступали в брак с украинцами, жившими в селе, считали их «за своих»

и ничем не выделяли из местного русского населения²⁹.

В селе Новокрасном, как указывалось выше, на конце «хохлатчины» поселились уроженцы Полтавской и Харьковской губерний — Петренко, Тимченко, Бондаренко, Дымчак и др. Оказавшись в меньшинстве среди русских, украинцы во втором и третьем поколении смешались с русскими, потомки их уже давно называют себя русскими. По-иному сложились взаимоотношения новокрасновцев с украинцами расположенного через речку украинского села Катериновки. Катериновка имела свое самоуправление, принадлежала помещику, экономические и бытовые связи жителей этих сел были менее тесными, чем связи в пределах одного села. Поэтому украинцы Катериновки хотя частично и смешивались с новокрасновцами, однако до настоящего времени сохранили свое самосознание, говор и некоторые особенности быта³⁰.

Сходные процессы наблюдаются в Демидове. Здесь потомки 24 семей украинцев, которые были поселены среди русских крепостных, выселенных из рязанских вотчин Демидова, с типично украинскими фамилиями — Колисниченко, Бондаренко, Осиенко, Григоренко, Ярошенко, Руденко, Журавицкий, Бабенко, Колосюк и др., — в настоящее время называют себя русскими. Вместе с тем украинцы непосредственно граничащего с Демидовым, но самостоятельного в прошлом села Яковлевка сохраняют свое самосознание, несмотря на то, что Яковлевка и Демидово постепенно территориально и административно слились в одно село. Сохранению национального самосознания жителей этих двух сел, помимо других причин, способствовало, по всей вероятности, и существование в них двух школ: восьмилетней с обучением на украинском языке в Яковлевке и средней русской школы в Демидове³¹.

Вполне естественно, что в украинских

селах наблюдаются обратные процессы ассимиляции русских численно превосходящими их украинцами. Переселенцы из Орловской губернии, поселившиеся в XIX в. в украинском селе Павловке и образовавшие целую улицу Орловскую, довольно быстро смешались с местным украинским населением, в значительной степени изменив свой говор и самосознание³².

Естественная ассимиляция инонациональных переселенцев доминирующей национальностью данного села, характерная для нашего времени, происходила, судя по литературным данным, и в прошлом. Так, например, в приречной части Голой Пристанн, как писал А. Афанасьев-Чужбинский, первоначально селились малороссы, в 1810 г. сюда пришло несколько десятков семей из Курской губернии. Долгое время русские поселенцы жили обособленно, не сливались с местным населением, но уже в 1860-е годы «почти исчезли племенные различия. Лет 20 еще назад великорусские женщины носили сарафаны, теперь же нет и этого и только у мужчин заметны косые ворота да напускается на штаны рубашка. В говоре чуть-чуть заметен великорусский элемент...»³³.

В настоящее время сохраняют свое национальное самосознание преимущественно сравнительно поздние переселенцы в инонациональные села. Так, например, супруги Бондарчук — украинцы приехали в 1950 г. в русское село Родионовку вместе с другими десятью семьями из Тернопольской области. Две дочери Бондарчук родились уже в Родионовке в 1957 и 1966 гг. Родители считают себя украинцами, говорят дома по-украински и предпочитают читать украинские книги. Их дети учились и учатся в русской школе и поэтому лучше владеют русским языком³⁴.

Другой пример: Ильины, мать и сын, приехали после войны из Ленинградской области в украинское село Павлов-

ку. Здесь Ильин женился на украинке, уроженке Хмельницкой области. Ильин и его мать считают себя русскими, говорят и дома, и на работе по-русски; дети Ильиных учатся в украинской школе и даже дома, так же как и их мать, предпочитают говорить по-украински.

Таким образом, процессы этнического сближения ярко проявляются в изменении национального самосознания у групп населения, оказавшихся в меньшинстве среди коренной и численно превосходящей их национальности того или иного села. На вопрос о причинах изменения в определении национальной принадлежности многие сельские жители подчеркивают, что для них не имеет существенного значения, как называть себя — украинцами или русскими. Некоторые местные жители, так же как и в обследованных ранее селах Восточной Украины²⁵, затрудняются ответить, к какой национальности они принадлежат, что объясняется активно происходящими в этих районах процессами этнического смешения населения.

В прошлом в обследованных селах, так же как и в остальных районах Украины, были распространены названия или прозвища *хохол*, *москаль*, *кацан*²⁶, превратившиеся со временем благодаря их широкому распространению и устойчивому бытованию в своеобразные этнонимы, потеряв характер обидного прозвища. Встречалось также самопазвание *перевёртень*, *сёржик* для лиц смешанного русско-украинского происхождения. Термин *перевёртень* бытовал в этих районах уже в начале XX в. Он встречался также и в других районах смешанного русско-украинского населения, например в Новооскольском уезде Курской губернии²⁷, в Старобельском уезде Харьковской губернии²⁸.

Перевертнями еще и сейчас называют себя некоторые старые жители в селах Балабановке и Верхние Серагозы. «Перевертни мы, не русские и не

украинцы», — так говорил нам С. П. Кураков из села Верхние Серагозы²⁹.

Основная же масса русских и украинцев, проживающих в отдельных русских или украинских селах, сохраняет свое национальное самосознание. На юге Украины, так же как и в других районах со смешанным составом населения, например, на востоке Украины, в Молдавии⁴⁰, значительное влияние на сохранение или изменение национального самосознания имеет фактор расселения. Если этническая группа расселена компактно, в отдельных селах, которые в прошлом представляли определенное хозяйственно-административное и идеологическое целое (общинные связи, взаимопомощь, религиозная принадлежность и др.), то, как правило, она сохраняет свое национальное самосознание.

В целом на определение национальной принадлежности в обследованных районах имеют влияние такие причины, как численность и компактность расселения этнической группы, этническая среда, ее окружающая, длительность проживания в инонациональной среде, число национально-смешанных семей, принятый в школе язык обучения.

Национальное самосознание является одним из главных признаков этноса. Заключительным итогом процесса ассимиляции небольших групп или отдельных представителей одного народа в среде другого народа принято считать перемену национального самосознания ассимилированным населением. Вместе с тем, как правильно подчеркивает Ю. В. Бромлей, «было бы неверно возводить этническое самосознание в ранг решающего свойства этноса ... как и любая форма сознания — оно явление вторичное, производное от объективных факторов»⁴¹. Действительно, как мы могли заметить, перемена в самосознании наступает не сама по себе, она зависит от многих факторов и непосредственно связана и отражает изменения

в других объективных свойствах конкретной этнической группы, и прежде всего изменения в языке.

* * *

Местные говоры на юге Украины формировались в условиях тесного общения украинцев и русских.

В русских селениях бытуют южно-великорусские говоры с весьма заметным украинским влиянием.

Взаимопроникновения украинских и русских говоров, по-видимому, начались вскоре после заселения Южной Украины. Авторы некоторых работ середины XIX—начала XX в. так характеризуют особенности говоров и народного быта населения Херсонской губернии. «Великороссияне и малороссияне,— писал, не без некоторой наивности, один из корреспондентов Русского географического общества Г. Чарыков в середине XIX в.,— переселяясь в Новороссийский край, так изменили свой язык через постоянное между собой сношение, что невозможно определить, кто больше принял чужих слов, потому что малороссияне стараются говорить по-великороссийски, а великороссияне — по-малороссийски, исказив оба языка до невероятности»⁴².

«По наблюдениям местных старожилов,— сообщал И. В. Бессараба в начале XX в.,— в течение последних 40 лет малороссийский язык в Херсонской губернии принимает в себя постоянный приток слов и оборотов великорусской речи и стерт свои особенности до такой степени, что сформировался в особый говор, резко отличающийся от соседних украинских говоров Полтавской и Киевской губерний. Подобные изменения претерпел и великорусский язык здешнего края. Такое смешение произошло вследствие постоянного общения этих двух племенных типов и их взаимодействия: здесь нередко на расстоянии нескольких верст можно встретить дерев-

ни, населенные то малороссами, то великороссами, не говоря о городах, посадах, местечках. Кроме того, оказывает влияние и литературный русский язык как орган школы, суда и администрации. Язык этот быстро распространился среди более интеллигентного класса не только малоросского, но даже инородческого, особенно в еврейских местечках Херсонской губернии. В глухих селах влияние русского языка слабее»⁴³.

Процессы естественной ассимиляции, происходившие среди ипонациональной группы отдельных сел, почти неизменно были связаны с изменением разговорной речи. Приезжавшие в русские села украинцы постепенно переходили на русский говор, причем смена разговорной речи быстрее происходила среди мужчин, более интенсивно общавшихся с односельчанами. Как и повсюду, родной говор дольше сохранялся в семейно-бытовой среде. Так, некоторые пожилые женщины из Павловки рассказывали, что прожили в этом селе более 40 лет, а по-украински говорить так и не научились⁴⁴.

Уже в дореволюционное время в обследованных селах развивается двуязычие. Украинские переселенцы в русских селах дома обычно говорили по-украински, а на улице, в общении с чужими людьми — по-русски.

Процессы взаимодействия и взаимообогащения русского и украинского говоров, а также развитие двуязычия значительно усилились за годы Советской власти. Этому способствовали расширившиеся контакты между русскими и украинцами, система школьного обучения, рост образования и культуры среди сельского населения и многое другое.

В результате длительного взаимодействия двух наречий сложился общий лексический пласт, который продолжает обогащаться за счет литературного языка. В разговорной речи русских укоренилось много украинских слов (*квітки, рушнік, сорбчка, цёбер, макітра* и др.).

Если при исследовании жилища в селах Восточной Украины мы отмечали, что в русских селах преобладает русская терминология⁴⁵, то в русских селах на юге Украины местные жители пользуются или одновременно и русской и украинской терминологией (*ма́тиця* и *свблок*, *потолбк* и *сте́ля*, *чердак* и *горіще*, *сундук* и *скрыня*), или преимущественно украинской терминологией (*очерёт*, *цёгла*, *лимпач*, *свблок*, *горіще*, *хйжка*, *місник*, *гру́ба*, *кананка* и др.).

Местные старожилы нам рассказывали, что жителей русских сел Украины из-за особенностей их говора в центральных районах РСФСР часто принимают за украинцев.

В настоящее время местные говоры подвергаются заметному влиянию русского и украинского литературных языков.

Процессы взаимодействия русского и украинского языков, как отмечают исследователи, характеризуются на Украине большой активностью, обусловленной широким распространением здесь различных форм и видов русско-украинского и украинско-русского контактов, практически охватывающих все слои населения⁴⁶. Во всех селах с преобладающим русским населением обучение в школах ведется на русском языке, но с обязательным изучением украинского языка. В украинских селах функционируют общеобразовательные школы с обучением на украинском языке и с обязательным изучением русского языка. В результате действующей языковой системы обучения молодежь и люди среднего возраста свободно владеют двумя литературными языками. Многие жители старшего поколения не только русских, но и украинских сел хуже понимают украинский литературный язык, чем русский, и предпочитают читать книги и газеты на русском языке. Это объясняется тем, что в дореволюционное время обучение во всех селах проводилось на

русском языке. Вместе с тем люди старшего возраста в русских селах обычно хорошо понимают местный украинский диалект, а также охотно слушают передачи на украинском языке по радио и телевидению.

Формуляры читателей, просмотренные нами в различных сельских библиотеках, показали, что в русских селах хотя и оказывают предпочтение литературе, издаваемой на русском языке, но читают и украинские книги, причем больше молодежь, чем люди старшего поколения.

Как показывают данные, в 1967 г. украинские книги, выданные в библиотеках русских сел, составили от 20 до 45% всех прочитанных книг. А в библиотеке русского села Большая Знаменка, где среди читателей было только 15 украинцев, на украинском языке выдано 58% всех книг. В то же время в библиотеке украинского села Павловка, где среди читателей было 453 украинца и только 49 русских, на украинском языке было выдано 42% всех книг, а на русском — 58%. Большое число украинских книг, выдаваемых читателям в ряде русских сел, объясняется в значительной степени тем, что в составе книжного фонда обследованных сельских библиотек украинские книги составляли $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ часть.

Обработанные нами статистические данные сельских библиотек показывают, что существенной разницы между русскими и украинскими селами в количестве книг, читаемых на русском или на украинском языках, нет.

То же самое можно сказать и о периодических изданиях, которые и в русских, и в украинских селах выписываются на двух языках, причем на украинском языке читают больше газет, чем журналов. Это объясняется тем, что во многих районах местные газеты печатаются на украинском языке.

Развитию культуры на двух языках в обследованных районах способствует

и широкая сеть средств массовой информации — кино, радио, телевидение⁴⁷.

По программе проведения Всесоюзной переписи населения 1970 г. вопрос о родном языке был дополнен важным вопросом о втором языке, которым свободно владеет опрошиваемое лицо.

Мы обработали данные переписи в этом плане по сельскому населению Запорожской, Херсонской, Николаевской и Одесской областей⁴⁸ (см. табл. 2). Оказывается, что преобладающее число лиц (от 93,62 до 96,93%) считают родным язык своей национальности. Из общего числа сельских жителей этих областей свободно владеют вторым языком: русским — от 23,42 до 34,97%, украинским — от 2,76 до 5,13%. Однако, анализируя данные о языке отдельно по национальностям, мы убеждаемся, что нельзя проследить существенной разницы между украинцами и русскими в определении ими как родного языка, так и второго языка, которым они свободно владеют. Процент лиц, назвавших родным язык не своей национальности, оказался несколько больше у русских (от 2,3 до 8), чем у украинцев (от 1,3 до 2,5). Среди украинцев лиц, хорошо знающих русский язык, оказалось от 27,7 до 38,12%, среди русских свободно владели украинским в качестве второго языка от 16,2 до 35,3%. Эти данные наглядно подтверждают широкое развитие двуязычия на обследованной территории.

Распространение двуязычия может не сопровождаться изменением национального самосознания. Вместе с тем язык и национальное самосознание между собой обычно тесно взаимосвязаны. При смене языка у украинцев, поселившихся среди русских, нередко наблюдается и изменение национального самосознания, так же как русские переселенцы в украинских селах, где обучение ведется на украинском языке, украинский язык знают лучше русского и это вместе с другими факторами

в известной мере постепенно оказывает влияние и на их национальную ориентацию. В селах со смешанным национальным составом населения ход этнических процессов в значительной степени определяется тем, на каком языке происходит в настоящий момент школьное обучение.

Развитие культуры на двух и более языках характерно и для других полиэтнических районов нашей страны. Оно свидетельствует о крепнущих и развивающихся интернациональных связях и взаимоотношениях между людьми разных национальностей за годы социалистического строительства. Использованию русскими украинского языка, а украинцами — русского языка способствует генетическое родство языков двух восточнославянских народов, общность их исторических судеб, а также давние традиции их культурно-бытового общения.

• • •

Сложные этнические процессы взаимодействия между двумя восточнославянскими народами отразились и в их традиционно-бытовой культуре. Здесь наряду с элементами, несущими этнодифференцирующие свойства, прослеживается много черт, общих как для русских, так и для украинцев.

Русские и украинцы — генетически родственные и с давних пор непосредственно контактирующие между собой народы. Давняя близость культур этих народов была обусловлена общностью их происхождения, определенной культурной конвергентностью, непосредственным и длительным этнокультурным взаимодействием и взаимовлиянием. Процессы унификации традиционно-бытовой культуры усиливаются во второй половине XIX — начале XX в. под воздействием социально-экономических преобразований. Развитие капитализма способствует нивелировке многих куль-

Таблица 2

Распределение населения южных областей УССР по национальностям и языку*

	Всего	В том числе считают родным языком				На общегосударственном уровне свободно владеют вторым языком народов СССР		
		язык своей национальности		язык не своей национальности		языком своей национальности	языком не своей национальности	
		русский	украинский	другие языки	русским		украинским	другими языками
Запорожская область Все сельское население	608 484	569 666 (93,62%)	6 223 (1,02%)	86 (0,02%)	6 915 (1,13%)	142 495 (23,42%)	31 055 (5,13%)	242 (0,04%)
В том числе:								
украинцы	462 460 (76,02%)	450 802 (97,48%)	11 641 (2,51%)	17 (0,01%)	4 712 (1,02%)	132 832 (28,72%)	26 148 (23,64%)	103 (0,02%)
русские	110 590 (18,17%)	106 070 (95,91%)	4 497 (4,07%)	23 (0,02%)	1 850 (1,67%)			97 (0,09%)
Николаевская область Все сельское население	542 798	522 065 (96,18%)	13 587 (2,50%)	69 (0,02%)	6 640 (1,22%)	189 833 (34,97%)	18 137 (3,34%)	1 060 (0,19%)
В том числе:								
украинцы	487 112 (89,74%)	478 864 (98,30%)	8 221 (1,69%)	27 (0,01%)	4 309 (0,88%)	185 710 (38,12%)	14 582 (35,32%)	890 (0,18%)
русские	41 280 (7,60%)	37 897 (91,80%)	3 377 (8,18%)	6 (0,02%)	1 744 (4,22%)			126 (0,31%)
Одесская область Все сельское население	1 054 625	1 022 265 (96,93%)	20 500 (1,94%)	2 414 (0,24%)	8 265 (0,78%)	353 847 (33,55%)	30 112 (2,76%)	17 867 (1,69%)
В том числе:								
украинцы	680 109 (64,48%)	670 611 (98,60%)	8 842 (1,30%)	656 (0,10%)	3 694 (0,54%)	188 559 (27,72%)	16 776 (16,2%)	12 498 (1,84%)
русские	403 579 (38,82%)	100 798 (24,73%)	2 430 (2,34%)	351 (0,35%)	1 263 (1,22%)			3 092 (2,98%)
Херсонская область Все сельское население	475 484	460 427 (96,83%)	7 952 (1,67%)	74 (0,02%)	5 149 (1,08%)	149 896 (31,52%)	19 475 (4,09%)	393 (0,08%)
В том числе:								
украинцы	412 881 (86,83%)	407 280 (98,64%)	5 581 (1,35%)	20 (0,01%)	2 907 (0,70%)	146 152 (35,30%)	17 340 (33,34%)	193 (0,05%)
русские	52 000 (10,93%)	48 135 (92,57%)	3 856 (7,41%)	9 (0,02%)	1 683 (3,23%)			165 (0,32%)

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. IV, табл. 8, с. 176, 182, 183, 188 (проценты вычислены нами).

турно-бытовых особенностей и появлению новых, общих для широкого круга народов черт культуры. На современном этапе общие закономерности развития социалистического общества стимулируют возникновение общесоветских форм культуры, свойственных всем народам Советского Союза.

Унификация затрагивает прежде всего те сферы культуры, формирование которых особенно зависит от действия производительных сил и окружающей среды. Поэтому, например, сельскохозяйственные орудия и многие элементы жилища относятся к менее устойчивым элементам культуры, чем одежда, обряды, семейные взаимоотношения, устно-поэтическое творчество, язык и др. Более длительная устойчивость национальной специфики в последних компонентах культуры объясняется не только тем, что их развитие в рассматриваемый исторический период (вторая половина XIX — начало XX в.) и на данной территории было сравнительно менее зависимым от окружающей среды и хозяйственной деятельности, но, видимо, и тем, что они (например, одежда, язык) являлись своего рода этническими символами, национальным престижем, особенно для группы населения, живших в инонациональном окружении. И, кроме того, сохранение этнических признаков в обрядах, семейных взаимоотношениях, внутреннем убранстве дома и других компонентах культуры объясняется, вероятно, и тем, что они были связаны с наиболее интимными сферами жизни.

В данной статье мы не имеем возможности охарактеризовать весь культурно-бытовой комплекс русских переселенцев на Украине, поэтому выборочно остановимся на отдельных элементах культуры, в которых наиболее ярко проявились общие свойства с культурой окружающих украинцев, а также на чертах быта, несущих этническую специфику.

Черты общности особенно заметно прослеживаются в сельскохозяйственных орудиях и жилищах — элементах культуры, сравнительно более зависимых, в рассматриваемый отрезок времени, от действия природных и социально-экономических факторов.

В конце XIX — начале XX в. основой экономической жизни русского и украинского сельского населения на юге Украины было земледелие. Его развитию способствовало наличие плодородных черноземных почв. Подсобными занятиями было разведение скота, а также промыслы и ремесла. Русские работали плотниками, каменщиками, кузнецами, портными, выжигали уголь, изготавливали саши и колеса, занимались торговлей и извозом. Юг Украины, по определению В. И. Ленина, был типичным районом торгового земледелия односторонне зернового направления с развитыми капиталистическими отношениями⁴⁹.

Благодаря выгодному географическому положению, расширению торгового земледелия, широким экономическим связям с центром России и европейскими странами, здесь уже во второй половине XIX в. наметилось более быстрое экономическое развитие сельского хозяйства, что, естественно, не могло не сказаться на бытовом укладе русских сел. Более высокий уровень экономического развития отмечался в бывших дубоворских и молокапских селах Мелитопольского уезда, в старообрядческих селах Большое Плоское и Большая Знаменка.

Большинство обследованных групп русского населения относилось в прошлом к категории государственных крестьян, поселенных на казенных землях, здесь отводились сельским обществам в общее владение участки, которыми пользовались по уравнительному переделу. В конце XIX в. размеры земельных наделов на юге Украины были несколько крупнее, чем в других ее рай-

онах, в среднем они колебались от 5 до 9 дес. Но если учесть, что земельные переделы здесь в связи с разложением земельной общины происходили сравнительно редко, то обеспеченность земель в условиях дробления семей была крайне низкой. Это способствовало классовому расслоению сельского населения, концентрации земли в руках наиболее состоятельных хозяев и обезземелению бедняцких хозяйств. На юге Украины особенно большие масштабы приобрели аренда и покупка земли в частную собственность. На долю богатых хозяйств здесь приходилось по 50—100 дес. и более, в их руках сосредоточивалась значительная часть рабочего и продуктивного скота и сельскохозяйственного инвентаря. Концентрация земель в руках кулацкой верхушки сопровождалась разорением бедных семей, вынужденных сдавать свою землю в аренду и работать по найму в богатых экономиях.

Несмотря на быстрое развитие капиталистических отношений, в большинстве обследованных селений техника сельского хозяйства и системы земледелия в конце XIX — начале XX в. были отсталыми, земледельцы носили экстенсивный характер.

В XIX в. в южных районах Украины господствующей была залежная система земледелия. Во второй половине XIX в. вместе с расширением посевных площадей получает распространение трехпольная система с характерными чередованиями: пар (толока), озимые, яровые; позднее в начале XX в. стали использовать и многопольные севообороты с травосеянием. Во многих местах применяли также систему пестрополья и разнополья без правильного чередования посевов.

Основными посевными культурами были озимая и яровая пшеница, имевшая товарное значение, рожь, ячмень, овес, просо, конопля. В начале века увеличиваются посевы пропашных — куку-

рузы, подсолнечника, сахарной свеклы. Почти в каждом крестьянском хозяйстве небольшие участки земли отводились под овощи и бахчи.

В XIX в. при господстве залежной системы земледелия в условиях тяжелых черноземных почв основным пахотным орудием в русских и украинских селах был плуг. Вместе с тем, по рассказам старожилов и свидетельству архивных источников, в некоторых русских селах — в Большой Знаменке, Михайловке, Балабаиовке, Большом Плоском, по традиции для перепашки земли употребляли соху, завезенную переселенцами из России. Г. Чарыков — писал из Херсонской губернии в 1849 г.: «Многие из великороссиян вопреки многолетнему опыту обрабатывают землю сохами, не убеждаясь горькими плодами своего упрямства. Они обыкновенно сеют яровой хлеб под сохи, но так как соха отворачивает тонкий пласт земли, то от этого вырастают сорные травы, которые заглушают хлеба. Озимый же хлеб, посеянный под соху, иногда удаётся хорошим. Малороссияне... соху... совсем... не употребляют»³⁰.

В южных районах русские переселенцы обычно пользовались сохой недолго, заменяя ее более производительным пахотным орудием — плугом. Как рассказывал В. Д. Седов 1900 г. рожд. из села Михайловка, его дедушка 1841 г. рожд. пахал сохой и ралом, а отец 1873 г. рожд. когда завел свое хозяйство, купил железные фабричные плуги³¹. На основании рассказов современных жителей, слышавших о сохе лишь от своих отцов и дедов, чрезвычайно трудно определить тип сохи, бытовавшей в этих районах. Кроме того, русские крестьяне на юге Украины нередко по традиции сохой называли однозубое рало, а иногда и деревянный плуг.

Для русских, так же как и для других народов этих районов, был характерен тяжелый деревянный двухколесный украинский плуг. В первой половине

XIX в. все части плуга, за исключением лемеха и чересла, были деревянными. С развитием капиталистических отношений громоздкий неудобный плуг подвергается модификации, постепенно деревянные его части заменяются железными, облегчается общий вес плуга, повышается его производительность. В конце XIX в. появляются и распространяются различные заводские усовершенствованные железные однолемешные и многолемешные плуги русских и зарубежных систем. Почти во всех обследованных селах, как и по всему югу Украины, широкое применение для весенней пахоты по стерне приобрел буккер (*плужница, орёлка, скоропашка*) — четырех-пятилемешный плуг с прикрепленным сверху ящиком — *севалкой*. Благодаря такому устройству буккером пахали и сеяли одновременно.

В русских селах Южной Украины для пахоты в конце XIX — начале XX в. чаще использовали лошадь. В этом случае некоторое значение имели и этнические традиции, поскольку обычай перевозки грузов и пахоты при помощи волов был более характерен для украинцев, и поэтому на территории Южной Украины чаще встречался в украинских, чем в русских селах. Так, например, в местечке Дмитровка, смешанном по национальному составу населения, в 80-е годы прошлого столетия украинцы работали на волах, а русские — на лошадях.

В некоторых русских селах — Новокрасное, Сергеевка, Большое Плоское — сохранились воспоминания о бытовании в XIX в. деревянного пахотного орудия — однозубого рала, характерного в прошлом веке для значительной территории Украины и Молдавии.

Для перепашки зяби, рыхления старопахотных земель, запахивания посевов во многих русских селах употреблялось многозубое рало, широко распространенное на Украине, в Молдавии, на юге России. Простейший вид многозу-

бого рала — трехзубое рало, характерное для украинцев, зафиксировано в XIX в. в селах Демидове, Михайловка, Новокрасное. В конце XIX в. в русских и украинских селах распространяется более усовершенствованное рало, имевшее деревянную (позднее железную) раму треугольной формы, в которую укреплялось от 5 до 12 железных лапчатых зубьев. Такое орудие называлось *драпак, сенатор, остропатор* (рис. 1Б). Перед первой империалистической войной кое-где появляются фабричные культиваторы, служившие для междурядной обработки земли. Драпаки и культиваторы чаще покупали крепкие зажиточные хозяева.

Распространенным типом бороны в обследованных районах была деревянная рамная борода прямоугольной формы, составленная из четырех-шести продольных брусков *бильцев*, соединенных двумя поперечными брусками, которые назывались украинским словом *глицы*. В бильцы забивалось по 6—8 деревянных зубьев (*клецы, клецы*), которые в конце XIX в. заменяются железными зубьями (рис. 1А). Железные фабричные бороны стали появляться в богатых крестьянских хозяйствах только в начале XX в.

Основными орудиями уборки зерновых у русских, так же как и у других народов этих районов, в конце XIX — начале XX в. были коса с *грабками* и жатвенные машины. При наличии больших посевных площадей на юге Украины серпом жали преимущественно рожь, солома которой предназначалась для покрытия крыши. Уже во второй половине XIX в. здесь широко распространяется уборка зерновых хлебов косой. Для того чтобы хлеб ложился ровными рядами, колосьями в одну сторону, использовали косы со специальными приспособлениями — грабками. Грабки состояли из деревянного бруска, прикрепленного посредством кольца перпендикулярно к лезвию, в

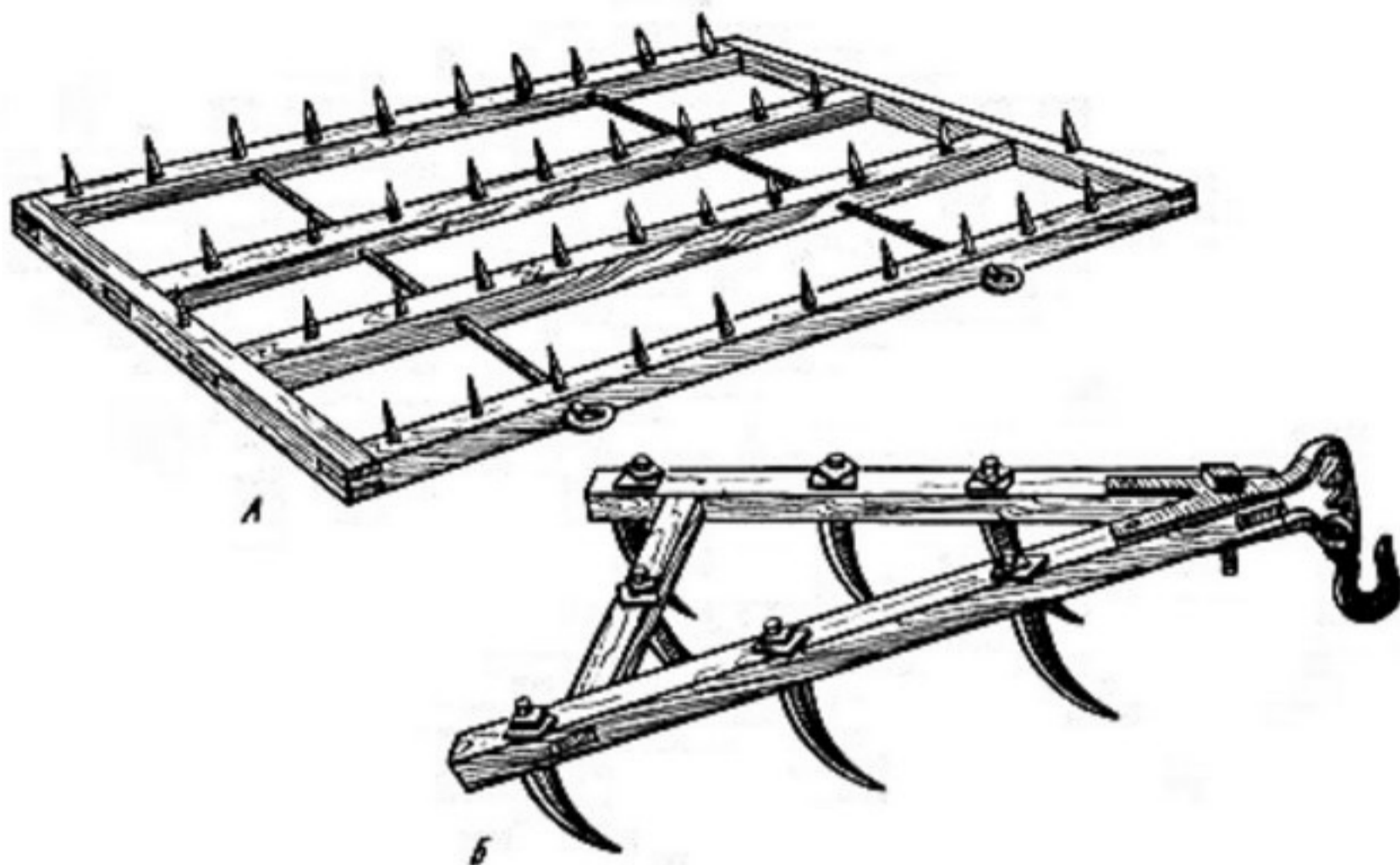

Рис. 1. Орудия рыхления почвы, начало XX в.
 А — борова, С. Верхние Сергеевы Херсонской области;
 Б — остропатор, С. Злынка Кировоградской области

брусков вставлялось от двух до пяти длинных деревянных зубьев (рис. 2).

В пореформенный период в процессе быстрой капитализации сельского хозяйства все большее значение приобретают жатвенные машины и особенно простейшие из них — лобогрейки, которые в 900-е годы становятся господствующими при уборке зерновых. Крестьяне, не имевшие средств для покупки лобогрейки, пользовались ею в кредит, арендовали у богатых односельчан; кроме того, для приобретения уборочных машин нередко объединялись два-три и более маломощных хозяина. Богатое молочно-зерновое село Астраханка славилось своим производством лобогреек, здесь лобогрейки были в каждом крестьянском хозяйстве. В 1914—1915 гг. в зажиточных хозяйствах появляются и другие более усовершенствованные уборочные машины — са-

москидки, сноповязалки, зерноочистительные машины.

При уборке серпом и косой хлеб вязали в снопы и укладывали в крестцы и копны. Крестцы обычно состояли из 15 снопов, положенных горизонтально — крест-накрест рядами по четыре снопа, колосьями во внутрь. Этот способ сушки хлеба был особенно характерен для южных районов России. При укладке снопов в полкопны (полукопки, копцы) составляли три ряда снопов, положенных крестообразно по два; в ряду было восемь снопов, один сноп клали на землю и одним снопом покрывали полукопну сверху. В крестцах обычно сушили более увлажненный хлеб, а сухие снопы складывали в полукопки. В селах Михайловка и Балабановка отсутствовала укладка снопов крестцами. С распространением машинной уборки пшеницу перестали вязать в снопы, ее сгребали в валки и после просушки складывали в скирды или стога. В некоторых селах хорошую рослую пшеницу продолжали вязать в снопы, плохой хлеб скашивали в валки.

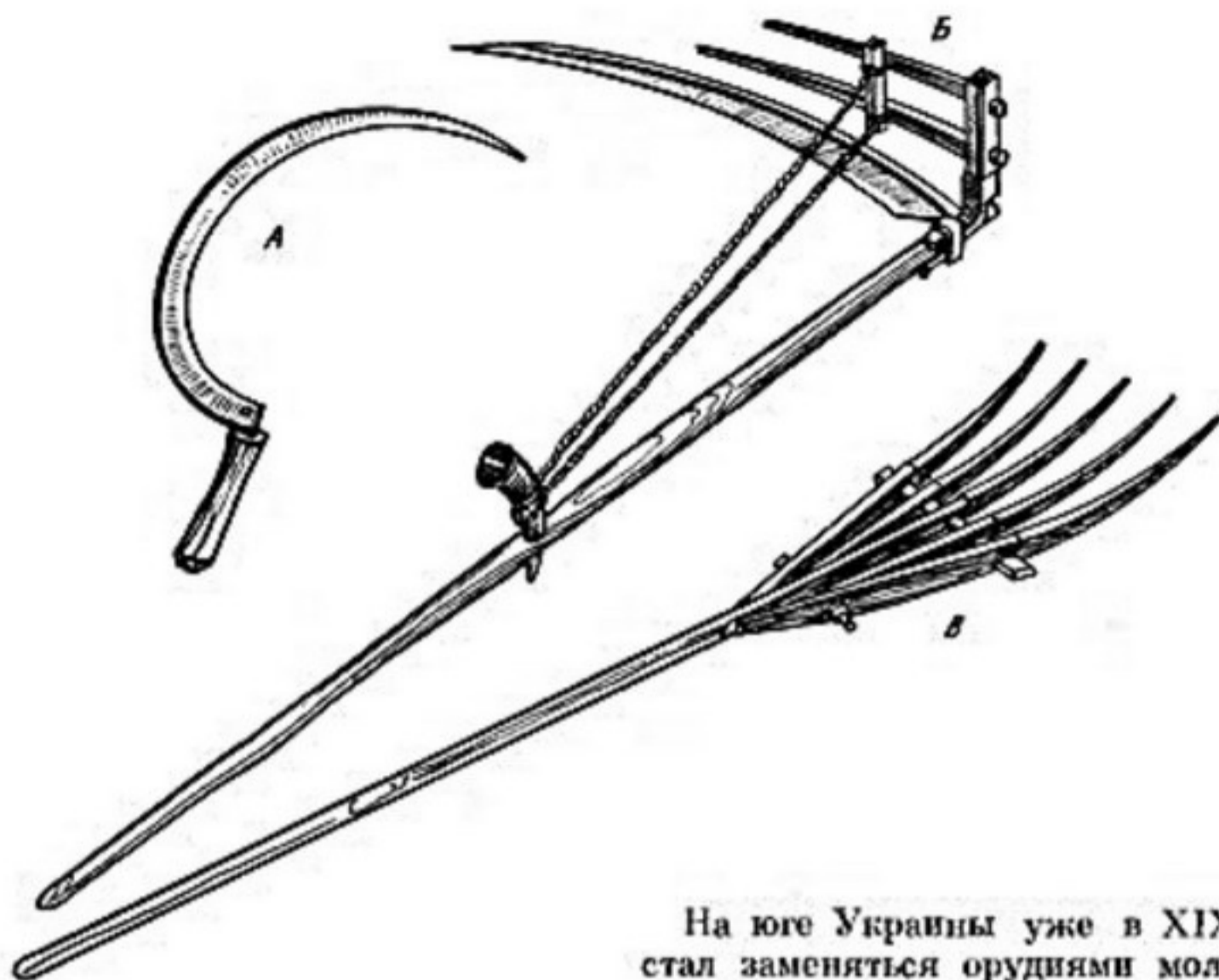

Рис. 2. Орудия уборки хлеба, конец XIX — начало XX в.

А — серп. С. Петровка Херсонской области; Б — жоса с грабками, С. Злынка Кировоградской области; В — вила для стогования сена, С. Большое Пляское Одесской области

Если крыши крыли ржаной соломой, сжатую рожь всегда вязали в снопы.

По способам и орудиям молотьбы обследованные группы русских также не отличались от окружавших их украинцев. Старинным ручным орудием молотьбы был цеп. Во всех русских селах применялась конструкция цета, характерная для украинцев: било (би́ч, би́ж) и ручка (цепи́льня, цепова́льня, держа́к) соединялись двумя ремнями петлями (капи́цы) с помощью третьей петли (у́вязь, привя́зка, свя́зка) (рис. 3А). Не встречались в обследованных селах способы крепления била и ручки, распространенные в русских губерниях.

На юге Украины уже в XIX в. цеп стал заменяться орудиями молотьбы с использованием тягловой силы. В Демидове и Сергеевке применялась молотьба копытами скота: лошадей или волов, запряженных в повозку или без нее, гоняли по разостланным на току снопам. В XIX в. широко распространяется более усовершенствованный способ молотьбы катком с применением тягловой силы, известный на Украине по данным исследователей с XVII в.²² (рис. 3Б). Русские применяли три катков, характерный для всей Украины и Молдавии, а также для некоторых южнорусских губерний. Каменные катки вытесывались из камня в форме многогранного цилиндра с 4—8 гранями или ребрами длиной до 1,5 м; на концах цилиндра вбивались железные втулки, скреплявшие каток с четырехугольной квадратной рамой, к середине рамы прикрепляли постромки или оглобли конной упряжи. В каменный каток впрягали одну или две лошади. Нередко лошадей сначала за-

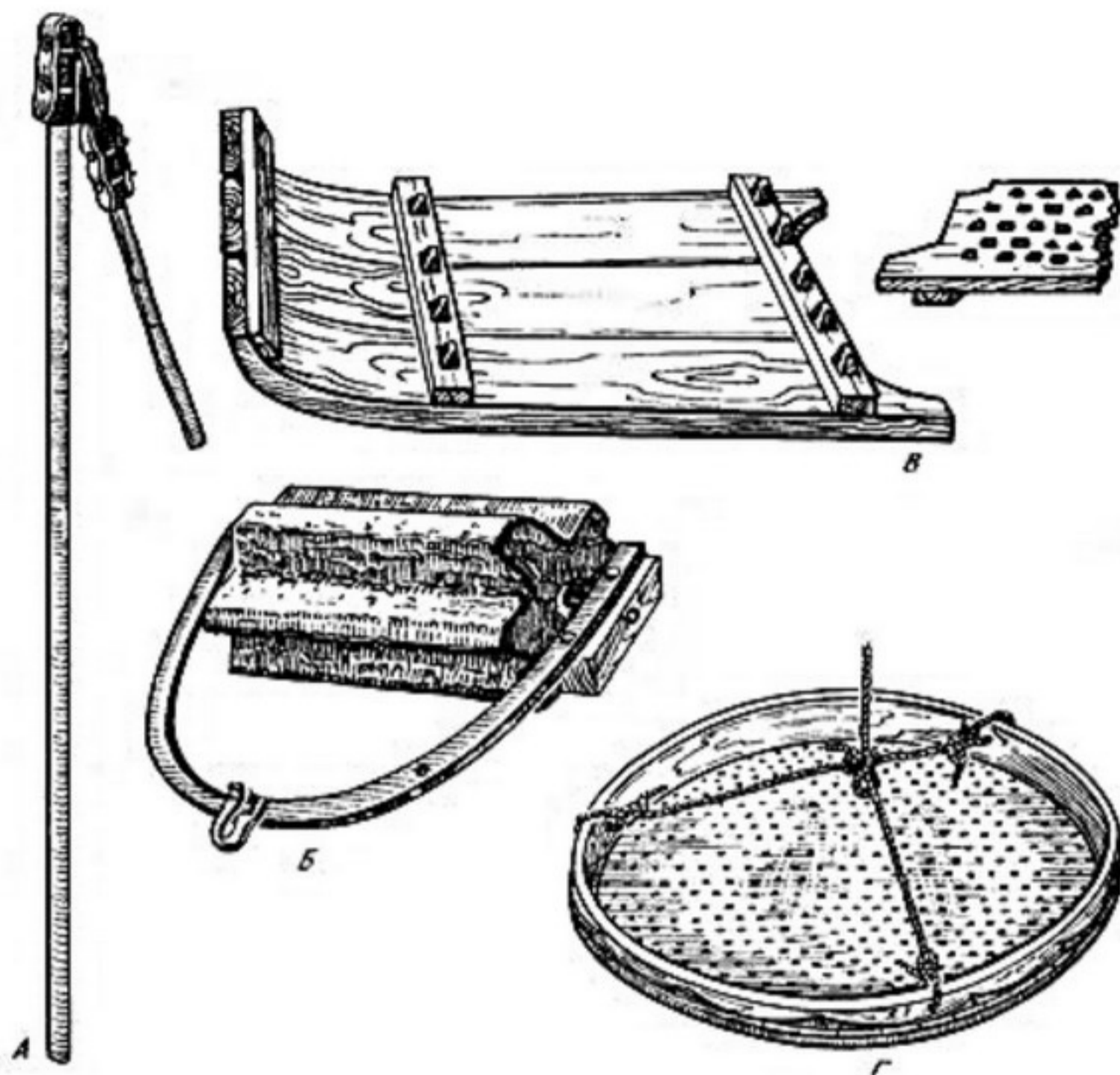

Рис. 3. Орудия молотбы и веяния, конец XIX — начало XX в.

А — цеп, С. Петровка Херсонской области; Б — каменный каток; В — доска-стерка; Г — решето для веяния и сортировки зерна. Б—Г — с. Березовка Одесской области, Березовский краеведческий музей.

прягали в повозку или передок плуга, которые в этом случае тоже служили для выбивания зерна из колосьев, а каток привязывали за повозкой. За катком лускали сбитую из нескольких досок большую *тёрку* с набитыми на ее нижней стороне кремневыми или железными зубцами, предназначенную для размельчения соломы (рис. 3В).

В русских селах, так же как и в других районах Украины, молотба производилась под открытым небом на специально приготовленном току (*то́к*, *гарма́н*).

Молотильных машин в крестьянских хозяйствах вследствие их дороговизны было меньше, чем уборочных. Даже в крупном районе торгового земледелия — Мелитопольском уезде Таврической губернии по данным статистики в 1912 г. было 4068 каменных катков, 241 конная молотилка и 51 паровая молотилка⁵³. И тем не менее во многих русских селах Южной Украины машинный способ обмолота хлебных злаков в начале 900-х годов стал преобла-

дающим. Это объясняется широким распространением обычая аренды молотилок у богатых односельчан и коллективного обмолота несколькими хозяйствами, практиковалась также и коллективная покупка молотилок в кредит.

Старинным и наиболее распространенным способом веяния у русских, так же как и у украинских крестьян, было веяние по ветру лопатой. Провеянное лопатой зерно дополнительно очищали при помощи большого круглого кожаного решета, подвешенного веревками на треноге; у русских на Украине, как и на юге России, оно называлось *грб-хотом* (рис. 3Г). Иногда зерно пропускали через два или три решета, имевшие отверстия разных размеров, и таким образом производили не только очистку, но и сортировку зерна. Более усовершенствованные орудия веяния — веялки сначала ручные, потом конные — распространяются с конца XIX в.

Таким образом, как показывают материалы, в традиционной технике земледелия, применявшейся русскими крестьянами на юге Украины, отмечается много общего с земледельческими орудиями украинцев.

За годы Советской власти в процессе социалистического строительства по мере подъема производительных сил колхозов и совхозов примитивные сельскохозяйственные орудия труда были заменены высокопроизводительной механизированной техникой. Лишь некоторые из традиционных орудий — борона, серп, коса — ограничено используются при работах на индивидуальных приусадебных участках.

* * *

В русских селах Южной Украины сформировались своеобразные особенности жилища, отличающие его от построек центральных районов России. Под влиянием сходных условий жизни, при непосредственном взаимодействии

культур в национально смешанных районах в жилище русских и украинцев складывались черты общности. Русские поселенцы, оказавшиеся в окружении численно преобладающего украинского населения, восприняли многие особенности, свойственные домостроительству южных районов Украины.

Жилые и хозяйственные постройки русские, так же как и украинцы, сооружали из местных строительных материалов. Наиболее распространенным в XIX — начале XX в. по всей Южной Украине было строительство глинобитных домов из больших вальков весом до 8—10 кг каждый, слепленных из смеси глины с мякиной и рубленой соломой, а также из необожженного кирпича — самана («лимшач» — в Астраханке, Большой Знаменке, Сергеевке, Большом Плоском, «цегла» — в Спасском, Родионовке; «колыб» — в Родионовке, Петровке, Верхних Серагозах, Михайловке).

В Большой Знаменке и Большом Плоском возводили турлучные (каркасные) жилища или хаты «на сохах». В селе Большое Плоское, расположенном на границе с Молдавией, в зоне господства глинобитного и саманного жилища, старообрядцы по старой русской традиции строили рубленые дома, амбары и высокие заборы из хорошего строевого леса, который они привозили с севера.

Значительно реже русские крестьяне строили дома из камня — песчаника, известняка, бута. Камень использовали только в тех селах, где были близкие выходы горных пород. Так, в бывшем помещичьем селе Демидово камень издавна был основным строительным материалом для жилых и хозяйственных построек, в Балабаповке камень комбинировали с саманом или глиняными вальками.

В начале XX в. с развитием торговых связей и местной промышленности начинают строить дома из обожженного кирпича в богатом молочанском

Рис. 4. Дома конца XIX — начала XX в.
 а — с. Большое Пляское Одесской области;
 б — с. Демидово Одесской области

селе Астраханка. В больших торговых селах состоятельные домохозяева иногда обкладывали («личковали») саманные дома обожженным кирпичом. Жители южных сел часто покупали кирпич и черепицу в соседних немецких колониях.

Стены дома снаружи и изнутри всегда обмазывали глиной и белили (рис. 4). Обмазка стен глиной и побелка являются особенностью, характерной

для украинцев, молдаван, южных славян и многих других народов. В исследуемых районах она, по-видимому, была заимствована русскими переселенцами от местного населения, поскольку в тех районах, откуда переселились русские, обмазка и побелка стен бытовали мало.

В большинстве русских сел, как и в соседних с ними украинских, а также южнорусских губерниях России, жилище строилось без фундамента и подклета, с земляным плотно утрамбованным полом, смазанным сверху толстым слоем глины, смешанной с соломой, который повсюду в русских селах называли «земь». Дощатые полы были распространены в конце XIX — начале XX в. преимущественно в богатых молоканских и старообрядческих селах.

Конструкции потолка и крыши в русском и украинском жилище были сходными. Несущую балку потолка русские чаще называли украинским термином *сволок*, но в старообрядческих селах и молоканской Астраханке до настоящего времени бытует русское слово *матица*. В конце XIX и особенно в начале XX в. на юге распространяется потолок без матицы, укрепленный на балках, положенных поперек дома на расстоянии 1,5 м друг от друга. В обследованных селах, так же как в других степных районах Украины, а также в некоторых южнорусских областях, на Кубани и Тереке, бытовал каркасный потолок, который забивали глиной. Дощатые потолки были преимущественно в богатых молоканских и старообрядческих домах.

По всему побережью Азовского и Черного морей в XIX в. среди беднейшего населения широко распространяется особый тип жилища, называемый *земляжкой*, в виде наземного, а иногда и углубленного в землю дома небольших размеров, не имевшего потолка, чердачного помещения и покрывавше-

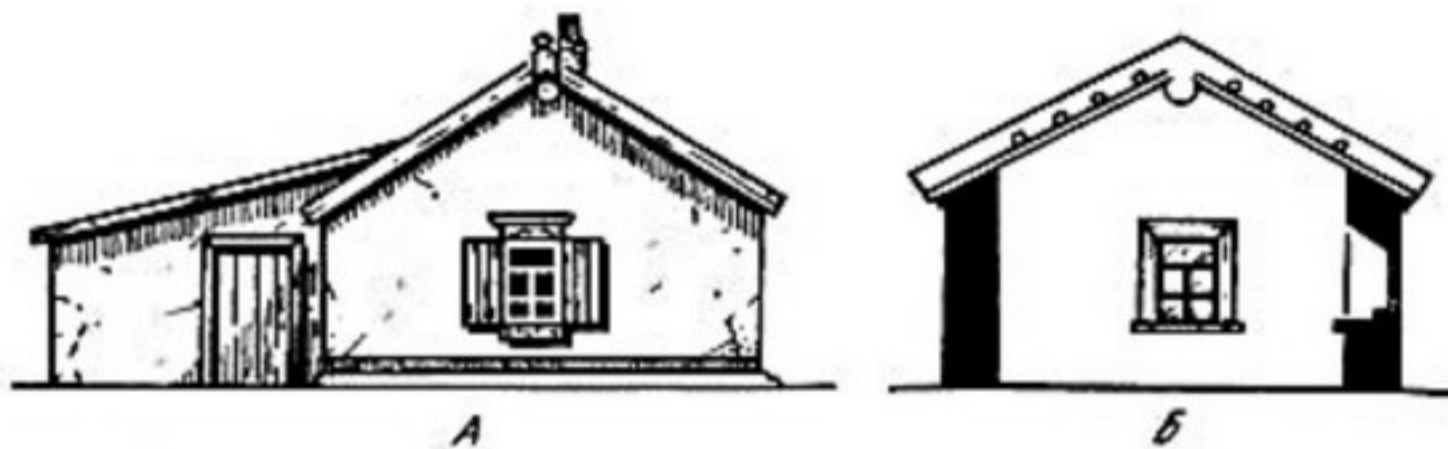

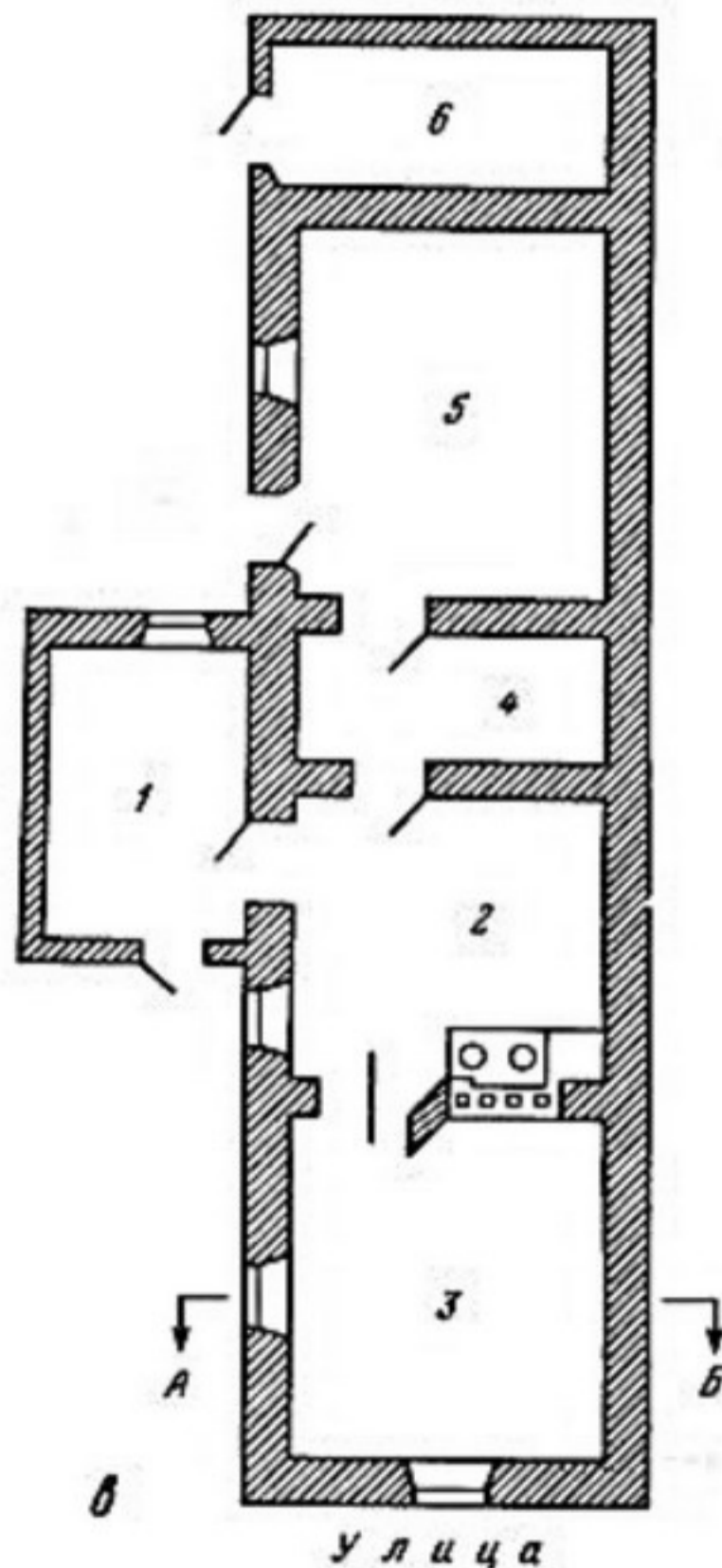
Рис. 5. Землянка начала XX в. С. Родионовка Запорожской области

А — фасад; Б — поперечный разрез; В — план:
1 — коридор, 2 — кухня, 3 — комната, 4 — кладовая, 5 — конюшня, 6 — курник

гося двускатной крышей с небольшим уклоном земляной кровли (рис. 5). «Землянки» бытовали не только у русских и украинцев, но и у других народов, населяющих Южную Украину.

Жилища русских сел в XIX в. покрывались четырехскатной крышей, бытовавшей на территории Украины, Молдавии и на юге России. Во второй половине XIX — начале XX в., а в отдельных случаях и ранее в южных районах Украины распространяется двускатная крыша. Двускатная форма крыши на юге Украины, по-видимому, имела древние традиции; курени запорожских казаков покрывались крышей на два ската, двускатные крыши имели и широко распространенные на юге землянки.

В середине XIX — начале XX в. основным кровельным материалом была солома. В селах, расположенных вблизи заболоченных речек и озер, крыши крыли камышом. Широкое развитие по всему югу Украины в конце XIX — начале XX в. приобретает черепичное производство, и поэтому покрытие крыш черепицей становится распространенным явлением у всех народов Причерноморья (см. рис. 4). Значительно реже даже в богатых торговых селах встречались железные крыши.

В изучаемых селах во второй половине XIX — начале XX в. наиболее характерными были трехкамерные постройки, состоявшие из двух жилых хат, разделенных сенями. Трехкамерные дома широко бытовали в это время по всей территории Южной Украины (рис. 6а)²⁴.

В связи с быстрым развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве, а также благодаря близкому соседству более благоустроенных поселений иностранных колонистов сравнительно рано намечается процесс улучшения жилищных условий за счет выделения добавочных жилых комнат. В богатых бывших молоканских и духоборских селениях в бассейне р. Молочной — Нововасильевке, Терпенье, Спасском, Астраханке и др. (Мелитопольский и Приазовский районы Запорожской области) зажиточные крестьяне строили большие дома в четыре-пять комнат (рис. 6г).

На остальной территории в русских, так же как и в украинских, селах современных Запорожской, Херсонской, Николаевской и Одесской областей планировка жилых домов, построенных в конце XIX — начале XX в., отличалась следующими особенностями: при входе в дом — сени, из них три двери ведут в две хаты и кухню (*хатенка, хатыня, чулан*), занимающую половину сеней. Иногда хатенка не отапливалась и служила кладовой или летней комнатой. На ее месте часто устраивается кухня: русская печь, расположенная в жилой хате, поворачивается устьем в кухню, выделенную в сенях, иногда весь корпус печи переносится в кухню, а в хату выходит только ее задняя стенка; сбоку печи в стене между хатой и кухней нередко прорубается дверь (рис. 6б, в).

Выделение кухни в сенях происходило, по-видимому, не ранее второй половины XIX в. В корреспонденциях, поступавших в Русское географическое общество в середине XIX в. из Херсон-

ской губернии, отмечались трехкамерные дома со сквозными сенями или с чуланом в сенях²⁵. Во многих южных селах процесс выделения кухонь в сенях относится только к самому концу XIX — началу XX в. (Большая Знаменка, Михайловка, Балабановка, Новокрасное, Сергеевка).

В Астраханке, Родионовке, Петровке в богатых крестьянских хозяйствах на усадьбе ставили два жилых дома: хату и землянку, последняя служила кухней, жильем для молодых пар или, наоборот, для стариков. Такое разделение жилых помещений по их функциональному использованию, как свидетельствуют исследования Л. В. Марковой, было характерно для болгар — колонистов в Бессарабии²⁶ и, кроме того, встречалось у молдаван, русских, украинцев.

Для традиционного жилища русских сел была характерна планировка внутреннего помещения хаты, называемая в литературе украинско-белорусской, западнорусской. Как и по всей Украине, а также в Белоруссии, в западных русских областях, на Кубани, русская печь ставилась палево, реже — направо от входа в заднем углу хаты, причем устье ее было повернуто к боковой длинной стене дома. По диагонали от печи расположен передний угол, называемый в большинстве сел *святым*, а Демидове — *передним* (рис. 6а). В переднем углу висели иконы и стоял обеденный стол. За боковой стеной печи устраивался деревянный настил для сна — *побл, пил, примбет*. Вдоль стен шли неподвижные лавки, а над окнами висели *полицы* для мелких вещей и хлеба. В углу у двери висели деревянный шкафчик *мисник* и полки для посуды.

Исследуемые районы Украины, так же как и западные русские области, относятся к зоне древнего бытования жилища с украинско-белорусской планировкой. По данным П. А. Рапцопорта, украинско-белорусская планировка прослеживается в жилище на террито-

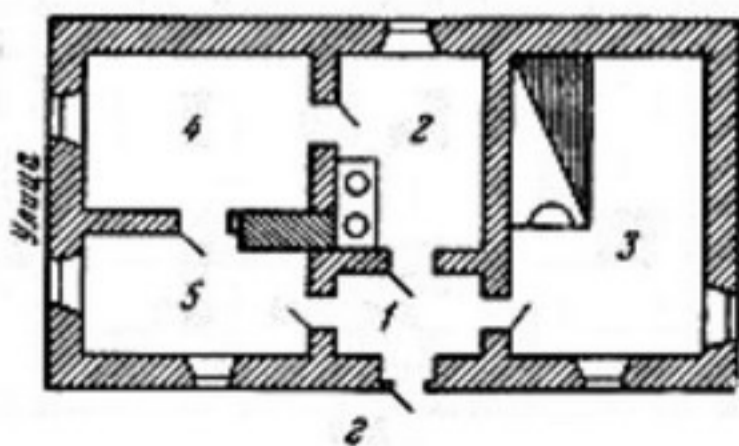
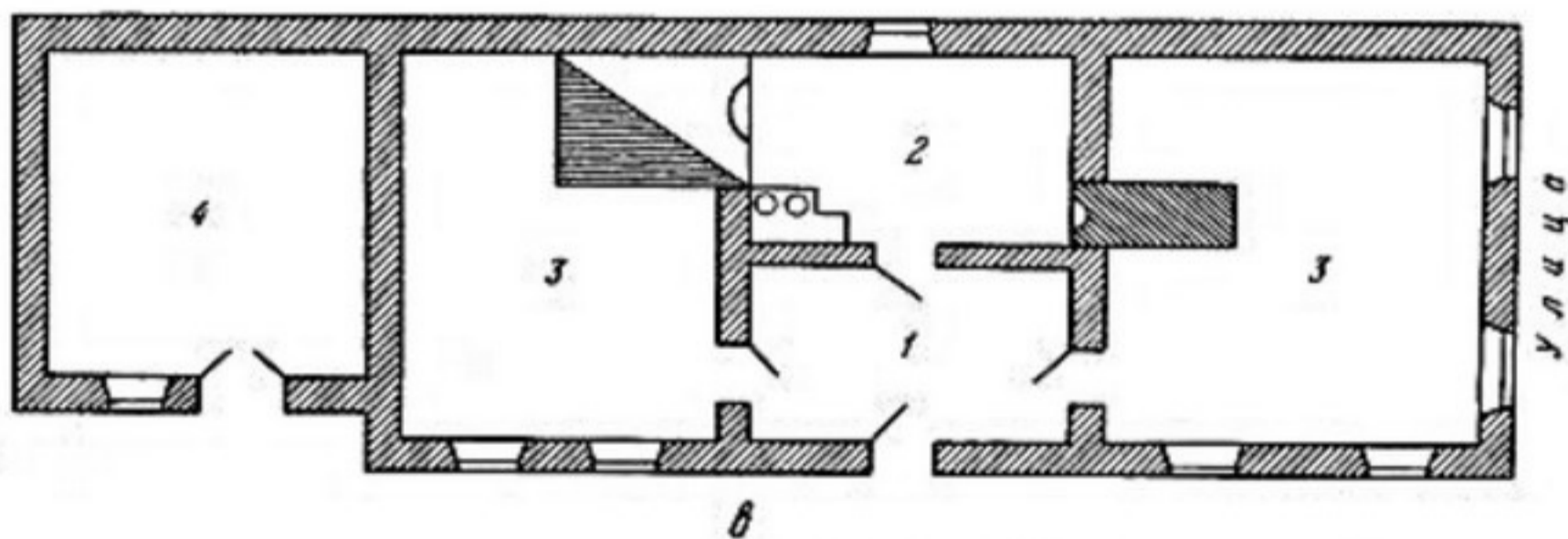
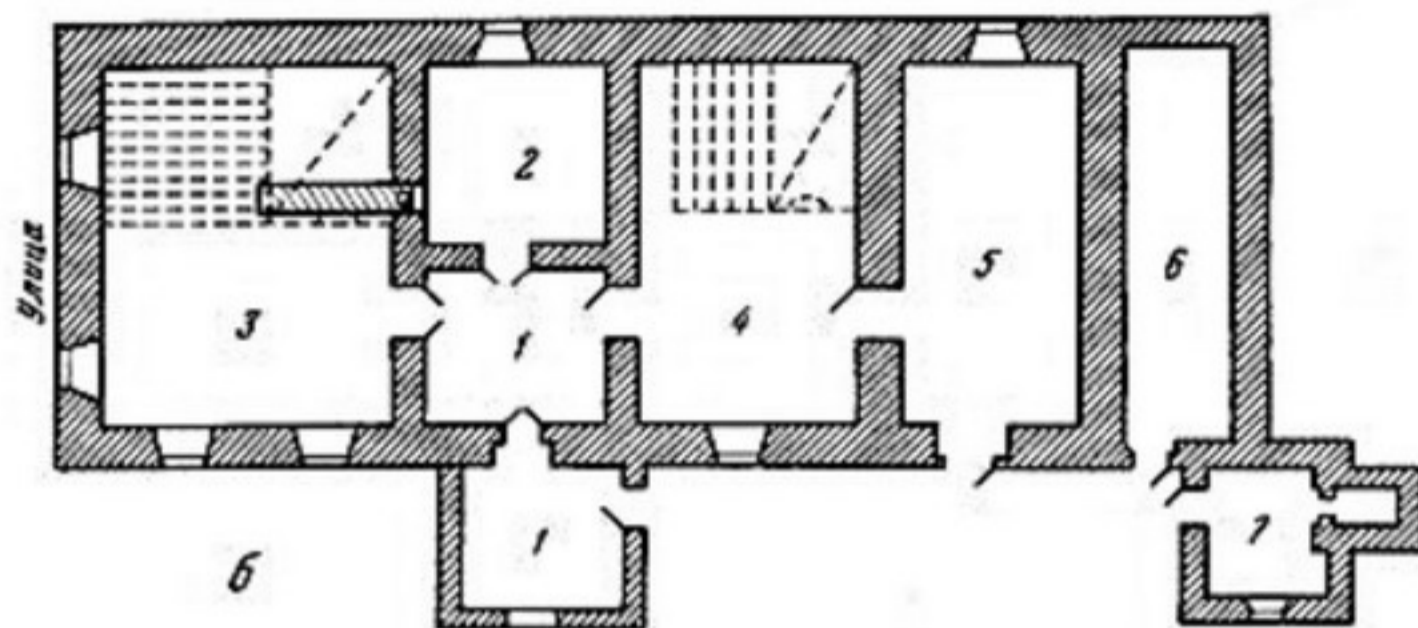
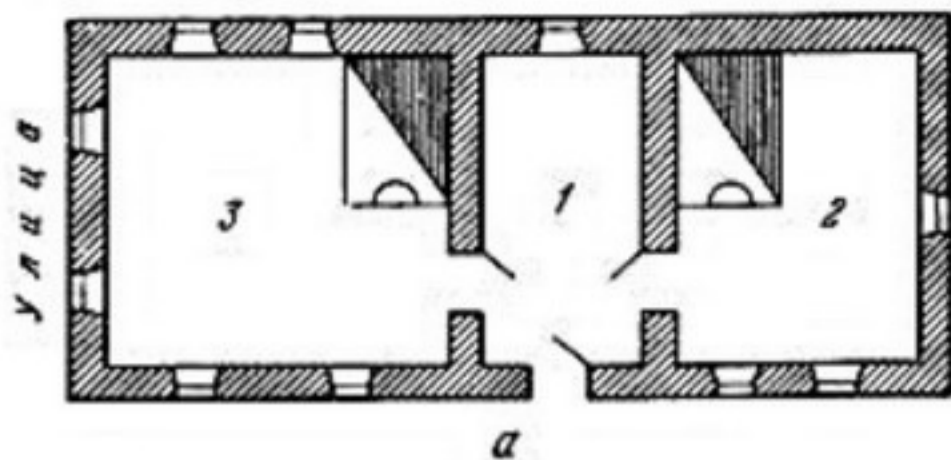

Рис. 6. Планировка жилища XIX — начала XX в.

а — трехкамерный дом. С. Демидово Одесской области: 1 — сени; 2 — задняя хата; 3 — передняя хата; б — трехкамерный дом с комнатой в сенях и с конюшней сзади. С. Петровка Херсонской области: 1 — сени, 2 — комната, 3 — большая хата, 4 — малая хата, 5 — конюшня, 6 — курятник, 7 — летняя кухня; в — трехкамерный дом с кухней в сенях. С. Новокрасное Николаевской области: 1 — сени, 2 — кухня, 3 — хата, 4 — конюшня; г — многокомнатный дом. С. Астраханка Запорожской области: 1 — сени, 2 — кухня-столовая, 3 — кухня, 4 — комната, 5 — горница

рии Украины примерно с XI—XII вв.³⁷ Данная планировка жилища в изучаемых русских селах сложилась, по-видимому, под влиянием украинской культуры, так как русские села на исследуемой территории возникали с конца XVIII по вторую половину XIX в., когда на родине русских переселенцев господствовали другие планы жилых помещений.

В конце XIX—начале XX в. вместе с развитием многокомнатности постепенно нарушается старая планировка хаты с характерным для нее традиционным интерьером, появляются новые вещи, свидетельствующие о распространении городского влияния.

В первой половине XIX в. преобладали русские печи, по своему типу переходные от беструбной курной печи к белой печи с трубой. Дым через *комин* — дымоприемник, возвышавшийся над устьем печи, выходил через отверстие (*кагла*), прорубленное в стене, выходящей в сени, в трубу (*кобжух*, *дымáрь вéрх*), сооруженную около стены, смежной с хатой. Такой тип отопления был распространен по всей территории Украины и встречался также в южнорусских губерниях. Под дымоходом нередко устраивали небольшую глинобитную или каменную печку-*кабичку*, которой пользовались в летнее время. Похожие по конструкции дымоходы, нависающие в виде колокола над очагом или устьем печи в отапливаемых сенях, были характерны также для греков, болгар, албанцев, живших на территории Южной Украины³⁸. В экономически развитых южных селах раньше, чем в других районах Украины, дымоходы в сенях стали заменять трубами, выведенными непосредственно через потолок хаты на улицу.

Помимо русской печи, часто ставили маленькую глинобитную печку-*грѹбу*, сделанную из глины или сырцового кирпича; ею нередко отапливали вторую хату. Сбоку русской печи часто

устанавливали лежанку. Плиты появляются лишь в предреволюционные годы, а широкое распространение приобретают в советское время.

В типах двора, в расположении дома и хозяйственных построек на усадьбе в русских и украинских селах было много общего. В большинстве русских сел дом ставили в углу усадьбы на некотором расстоянии от забора, окна дома стремились ориентировать на южную, солнечную сторону. Постановка дома за забором с преимущественной ориентацией окон домов на солнце, а не на улицу является характерной чертой украинского домостроительства. Наряду с этим в застройке ряда русских сел — Большой Знаменке, Демидове, Большом Плоском — отмечается и характерное для русских положение дома, при котором торцевая или продольная стена выходит непосредственно на улицу (рис. 4).

В русских селах был распространен так называемый открытый тип двора, характерный и для Украины, и для южных русских областей. Хозяйственные постройки располагались на территории двора свободно, не всегда примыкая друг к другу и к дому, отдельные постройки или группы построек могли объединяться общим перекрытием. В конце XIX—начале XX в. по всему югу Украины хозяйственные помещения — конюшню, сарай для скота и сельскохозяйственного инвентаря — пристраивали к дому в один ряд под одну крышу.

Для хранения зерна служил амбар, который иногда называли *комброй*, *клéткой*. В Петровке, Верхних Серагозах, Большой Знаменке, Злынке, Новокрасном, Большом Плоском строили рубленые, иногда дощатые амбары с приподнятым от земли полом. Перед дверью пристраивали площадку с навесом, поддерживаемым столбиками (*придéлок*, *колидбр*, *поддáшек*). У бедных и середняцких слоев населения для

хранения зерна служили более дешевые постройки из глины, самана и шлетня, которые называли *комброй*. Амбар иногда ставили отдельно от дома по другую сторону ворот, чаще его пристраивали непосредственно к задней стене дома (рис. 7).

В русских селах, основанных в прошлом старообрядцами и молоканами (в Астраханке, Спасском, Большом Плоском), наиболее стойко сохранявшими русские традиции, строили черные бани, типичные для Северной и Центральной России. Баня состояла из предбанника и собственно бани, где стояла печь-каменка, сверху которой часто вмазывали чугунный котел или ставили рядом деревянную бочку (рис. 8).

За двором на значительном расстоянии от дома устраивали открытое гумно или ток для молотбы хлеба, где ставили клуню, большой сарай, служивший для хранения снопового хлеба, мякисы, половы и обмолота хлеба в плохую погоду. Вместо клуни или дополнительно ставили сарай меньших размеров — *полбвник*, в нем хранили полову и корм для скота.

За годы Советской власти в сельском жилище русских, так же как и в жилище других народов Украины, произошли большие изменения. Преобразования в народном зодчестве, начавшиеся уже в первые годы Советской власти, усиливаются после коллективизации и в период развитого социализма.

В последнее время колхозы и особенно совхозы все чаще стали строить типовые двух-четырёхквартирные и многоквартирные дома, сооружаемые из стандартных заводских деталей с применением индустриальных методов строительства (села Большая Знаменка, Михайловка и др.). Однако преобладающим типом дома в русских селах остается многоквартирный дом в сочетании с дворовыми постройками и приусадебным участком.

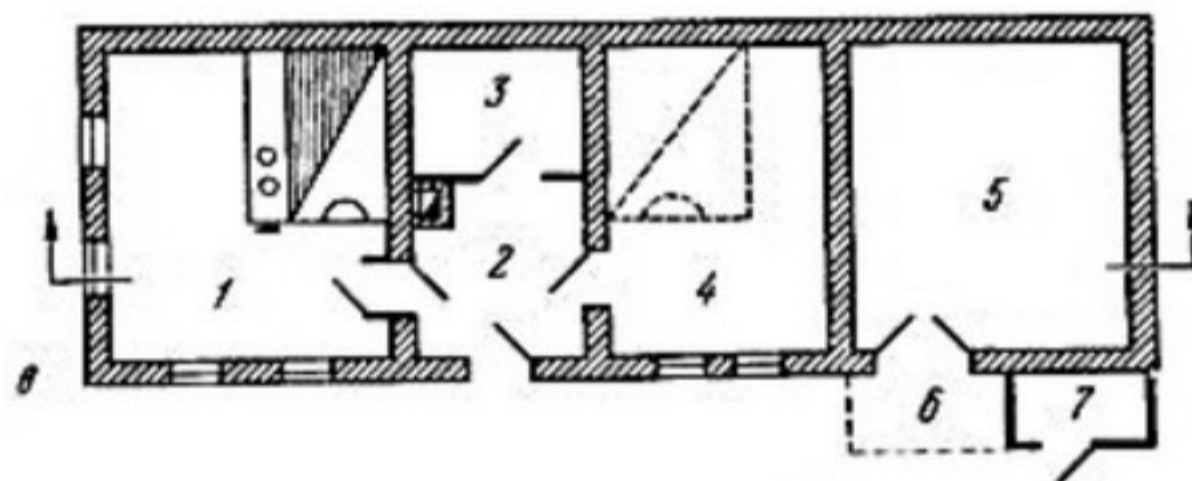
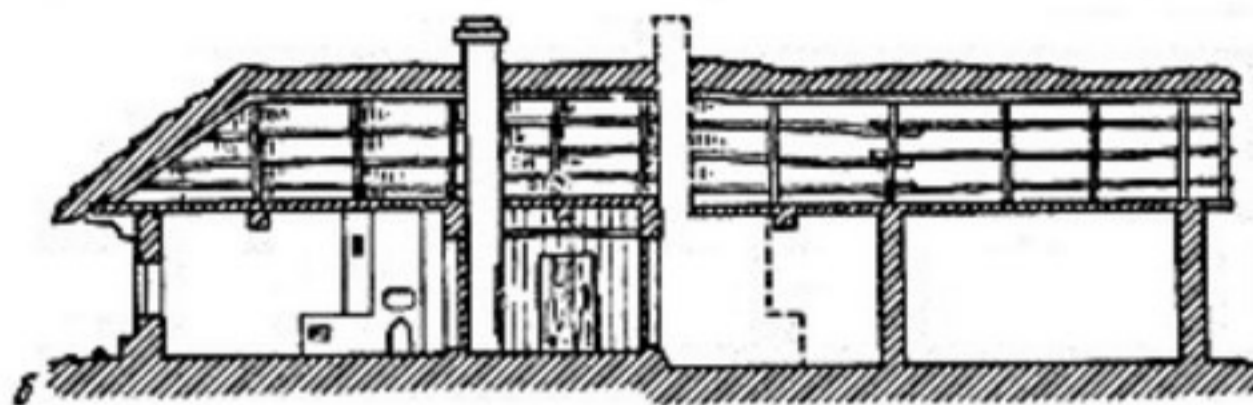
В современном индивидуальном жи-

лищом строительстве наблюдаются интересные сочетания новых методов со старыми традиционными навыками строительства, выработанными на основе многовекового практического народного опыта.

При постройке домов, как и прежде, используются местные строительные материалы. Широко распространено строительство саманных домов. Продолжают также строить глинобитные постройки и кое-где — турлучные.

Техника строительства была значительно усовершенствована с конца 1950-х годов: для придания постройке прочности стены обкладывают снаружи («личкуют») силикатным кирпичом, реже — камнем-ракушечником. В последние годы по всей территории Южной Украины, в том числе и в русских селах, широко распространилась наружная облицовка глинобитных и саманных домов раствором, составленным из цемента, в разных соединениях с известью, песком, каменной крошкой, шлаком и др. Поверхность стены часто делается бугристой, снаружи ее нередко окрашивают в разнообразные яркие тона. В русских селах Каменско-Днепропетровского района Запорожской области стены глинобитных домов облицовывают цементной плиткой с рельефным узором. Если в прошлом сравнительно редко строили дома из камня, то теперь во многих русских селах Южной Украины, где сравнительно легко и дешево можно купить строительный камень, застройщики возводят стены из бутового камня, опоки, мергали, ракушечника. Снаружи каменные стены штукатурят известью, цементным раствором, в Петровке и Родиновке обкладывают силикатным кирпичом (рис. 9).

Большое внимание теперь уделяется внешней отделке дома: стены многих кирпичных домов украшаются рельефными геометрическими узорами в виде колонок, треугольников, ромбов, выкладываемых из фасонного кирпича. Ошту-

катуренные известью или цементным раствором стены обрабатываются лепными узорными деталями, сделанными из цемента или алебаstra. Плоскость фундамента, а также пилястров часто отделяется руставкой под крупные камни. Деревянные детали — наличники окон, фронтоны двускатной крыши, крыльцо, веранду — по традиции иногда украшают несложными резными узорами (рис. 10). Стены дома или его архитектурные детали нередко окрашивают в разнообразные яркие тона. Вместе с тем по-прежнему распространенной остается характерная для Украины побелка стен мелом, белой глиной или штукатурка известью. Местные народные традиции

стойко держатся и в обычае внутренней обмазки стен глиной.

В стиле и характере архитектурных украшений современных русских домов в обелодованных районах прослеживаются сходные черты с декоративным оформлением построек в украинских, а также в молдавских, греческих, болгарских селах, что объясняется общими путями развития современного жилища у всех народов Украины.

Современные дома возводятся на бетонированном фундаменте, во всех постройках имеются дощатые полы.

Наиболее распространенным современным кровельным покрытием являются шифер, черепица, железо. Камы-

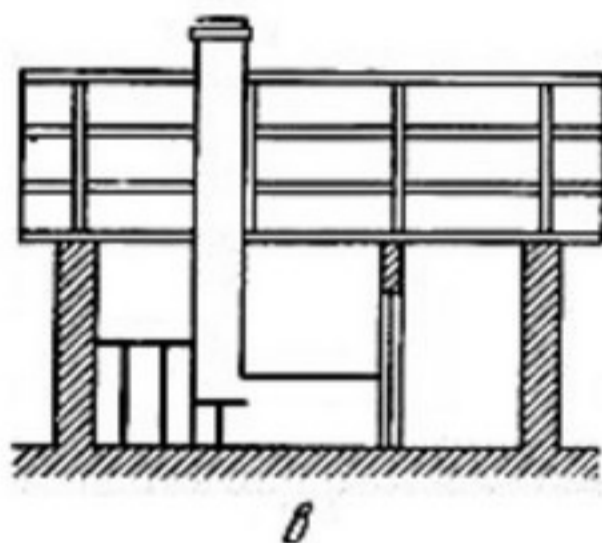
Рис. 7. Трехкамерный дом с пристроенным к нему амбаром. Вторая половина XIX в. С. Большое Плоское Одесской области

а — вид дома со двора, б — поперечный разрез, в — план: 1 — передняя хата, 2 — сени, 3 — чулан, 4 — задняя хата, 5 — амбар, 6 — крылечко, 7 — пореб

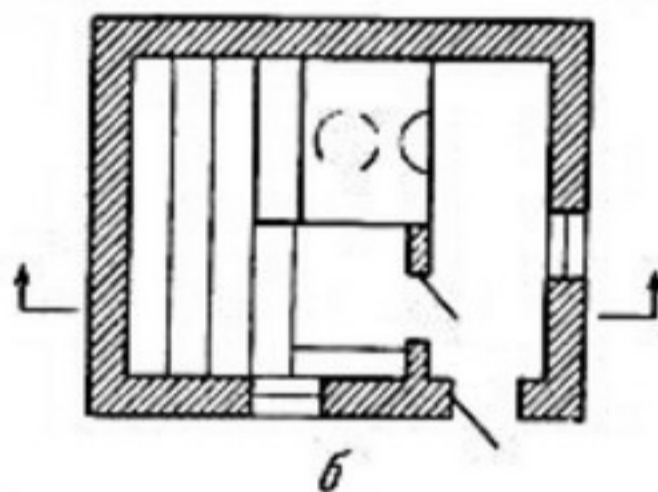
←

Рис. 8а — внешний вид бани, С. Большое Плоское Одесской области; б, в — план и разрез бани, С. Сергеевка Николаевской области

в

б

шювые крыши встречаются сравнительно редко и преимущественно на старых домах. В послевоенные годы появляется и широко распространяется в последнее время четырехскатная форма крыши с усеченным фронтоном около косяка, которая заметно вытесняет двускатную крышу (рис. 9).

Происходят значительные изменения и укрупнения во внутреннем плане дома за счет увеличения его размеров, числа комнат, благоустройства жилых помещений. Вместе с тем стойко сохраняется и традиция трехкамерной планировки дома. Еще в 30—40-е и даже 50-е годы много строилось трехраздельных домов с кухней, выделенной в сенях. В последние годы развивается вполне рациональная планировка многокомнатного дома, состоящего из 4—

6 комнат: в центре устроен теплый коридор типа городской передней, который иногда сохраняет прежнее название *сеницы*, из него ведут двери в разные комнаты, их число и назначение могут быть различными (рис. 11). В основе этого плана во многих современных домах прослеживается прототип традиционного трехраздельного дома, каждая из частей его разделена на несколько комнат. Подобные многокомнатные дома в последние годы получили широкое распространение в русских и украинских селах всей Южной Украины, а также в ее западных и частично в восточных районах и в Молдавии²⁹.

Еще до Великой Отечественной войны во всех домах ставили русскую печь, которую дополняли плитой и грубой. В настоящее время их чаще заменяют

голландкой и плитой со встроенным духовым шкафом. Вместе с тем русскую печь уменьшенного размера устраивают в летней кухне, которую во многих южных селах сооружают капитально и используют в зимнее время. Кроме того, русская печь еще нередко сохраняется в старых неперестроенных домах. Для приготовления пищи в летнее время широко используется также глинобитная подовая печь небольших размеров, поставленная во дворе под навесом. В последнее время в русских селах, как и повсюду, появились газовые плиты, работающие на газовых баллонах. Широко распространено водяное отопление местного типа.

По-прежнему при каждом индивидуальном доме колхозника и рабочего совхоза имеется приусадебный участок, где расположен двор с хозяйственными постройками и огород. Преобладает, как и прежде, открытый тип двора, но размеры его стали значительно меньше (рис. 12).

В расположении жилых домов по отношению к улице сохраняется традиционный обычай ставить дом в углу усадьбы на некотором расстоянии от забора. Сейчас дома располагают узкой торцевой стеной к улице, обращая к ней окна, на определенном расстоянии от красной черты улицы и от соседних домов. Сельские застройщики стремятся повернуть главный фасад в сторону улицы и в то же время сохранить наиболее выгодную ориентацию жилых помещений по странам света⁶⁶. Положение дома на усадьбе теперь строго

Рис. 9. Дома, характерные для современного жилищного строительства

а, б — стены дома облицованы кирпичом, С. Родионовка Запорожской области; в — стены дома оштукатурены цементным раствором, С. Демидово Одесской области; г — стены дома оштукатурены цементным раствором, С. Большое Плоское Одесской области; д — стены дома облицованы узорчатой цементной плиткой. С. Большая Знаменка Запорожской области

регламентируется районными или сельскими строительными организациями.

Русские традиции по-прежнему проявляются в строительстве индивидуальных бань. В настоящее время бани появились в тех селах, где прежде они были неизвестны или встречались редко (села Родионовка, Верхние Серагозы, Петровка, Новокрасное, Сергеевка). Больше стало строиться бань также и в некоторых украинских селах, расположенных в ближайшем соседстве с русскими.

Таким образом, современное сельское жилище развивается на основе сложного синтеза: путем создания новых прогрессивных приемов, сложившихся на базе современной строительной индустрии, и использования рациональных навыков местного жилищного строительства. Традиции более всего проявляются в использовании местных строительных материалов, технических приемах возведения стен турлучных, саманных, глинобитных построек, в обмазке и побелке домов, в способах устройства потолка и крыши, во внутренней планировке жилого дома и др.

* * *

Этническая специфика народа в условиях инновационального окружения более стойко сохранялась в одежде, обрядах, в семейно-брачных отношениях.

В некоторых русских селах, обследованных нами в восточных районах Украины, до начала XX в. сохранялся полный комплекс традиционного женского костюма. В русских селах Новоайдарского района Ворошиловградской обл. почти в каждой семье старинный женский костюм передавался из поколения в поколение. Здесь в настоящее время на свадьбу и некоторые праздники женщины надевают рубаху с прямыми полками и кумачовыми нашивками на плечах и рукавах, глухой косоклиный сарафан на лямках из черной *волосе́ни* с нарядным обкладом из ситца,

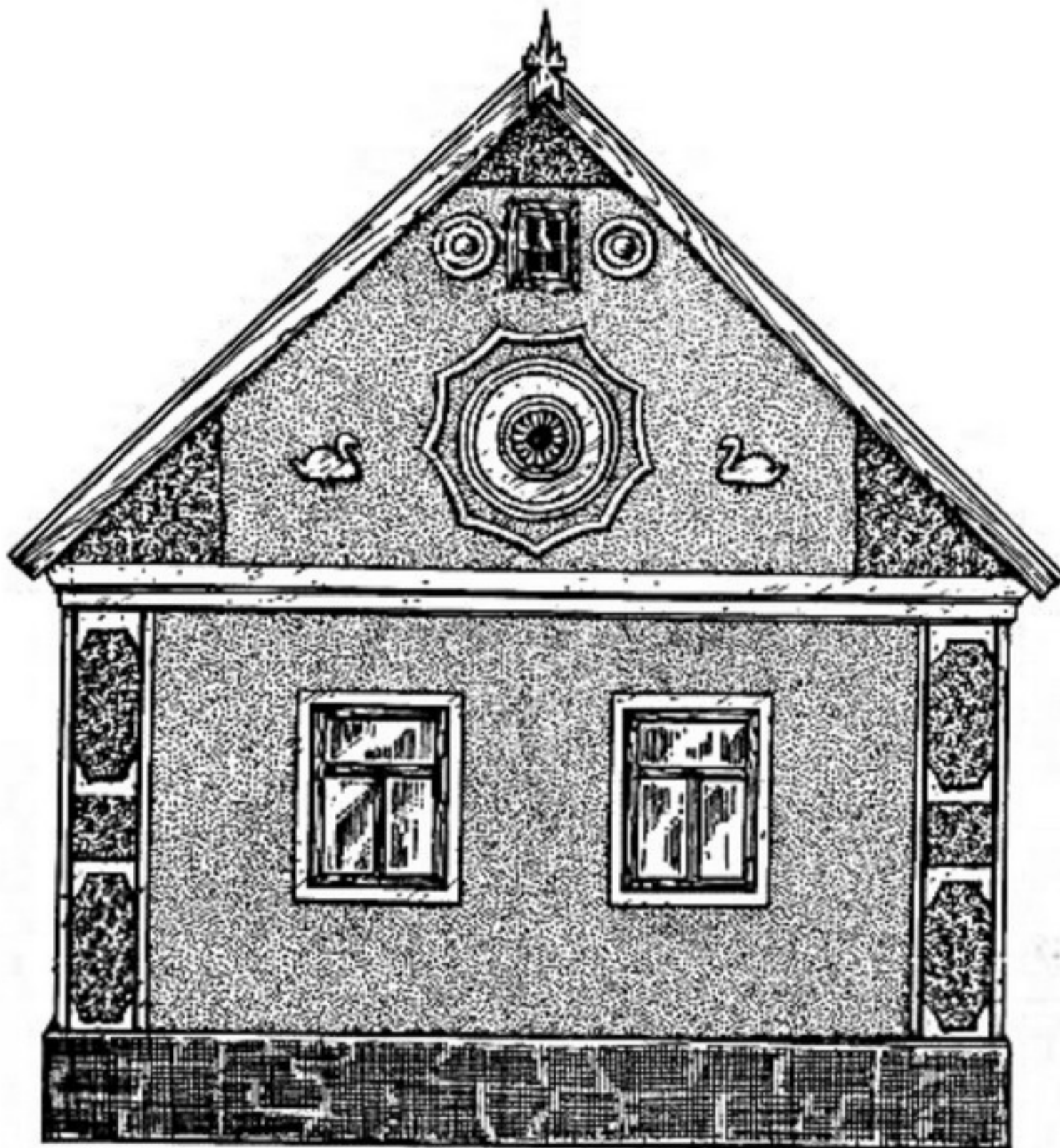

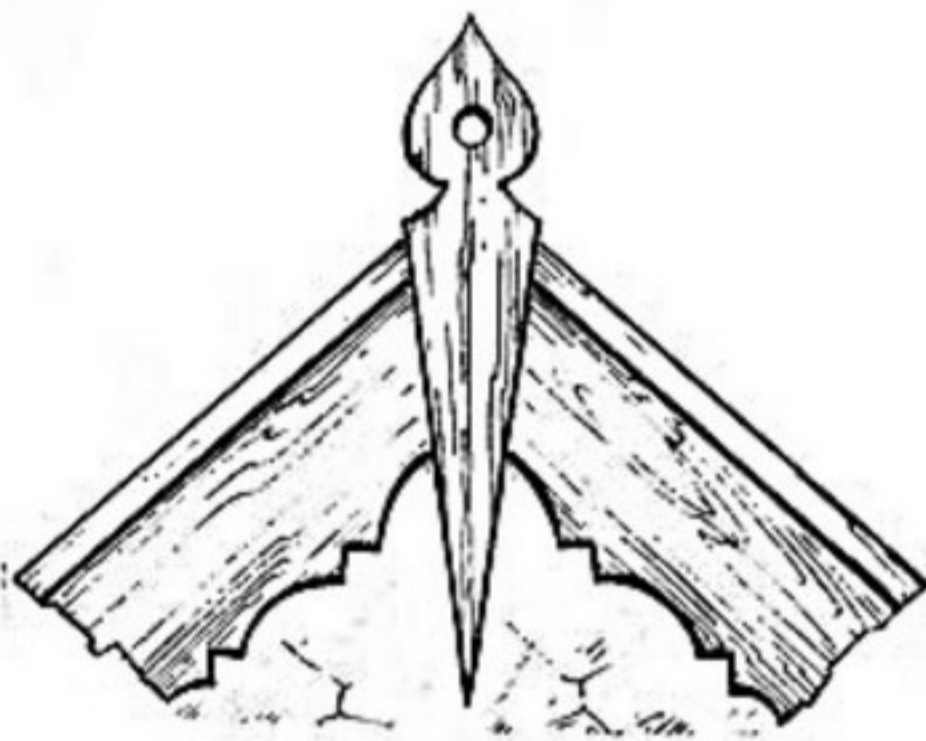
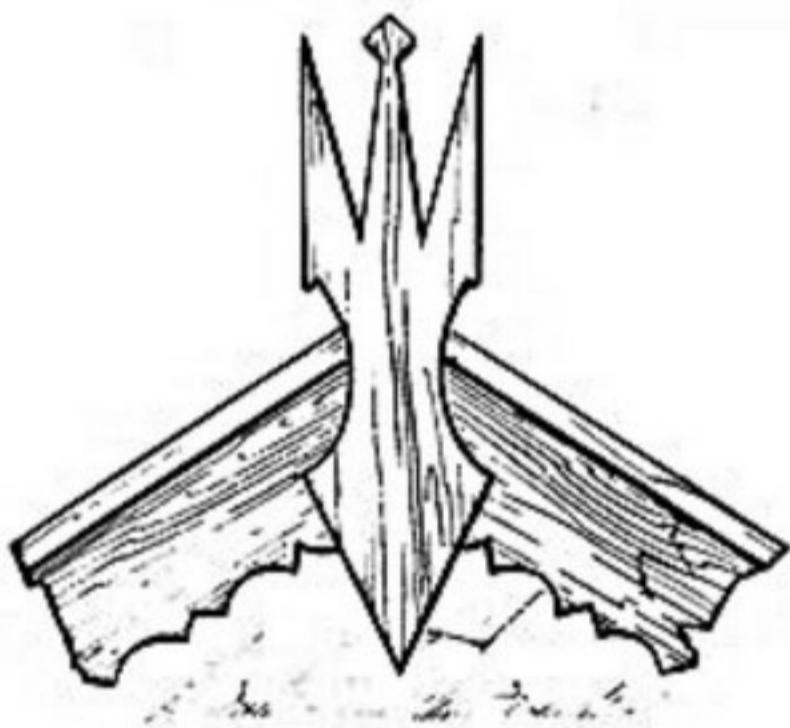
Рис. 10. Украшения фасада дома, конька крыши, С. Демидово Одесской области

шелка, лент и парчи, душегрейку — короткую безрукавку на лямках с крупными фалдами на спине, стеганую с твердой основой кичку, расшитые бисером позатыльник и кокошник.

На юге Украины, в районах сравнительно раннего развития торгового земледелия, в условиях значительного городского влияния уже во второй по-

ловине XIX в. самобытная русская и украинская одежда быстро заменялась новыми, общими для всех здешних этнических групп формами, развивавшимися под влиянием города.

Процессы нивелировки традиционной одежды происходили по-разному в отдельных селах и зависели как от хозяйственно-экономического положения того или иного села, развития в нем торговых отношений, связей с городом, так и от компактности расселения этнических групп.

Еще в середине — второй половине XIX в. исследователи крестьянского быта отмечали сохранение самобытных черт в одежде русских и украинцев, но уже и в то время некоторые из них указывали на происходивший постепенный процесс ее нивелировки. Г. Чарыков, писавший в середине XIX в. об особенностях быта жителей Херсонского уезда, сообщает, что русские женщины здесь носят китайчатые или лабойчатые сарафаны, но чаще юбки, а также кички, сороки и платки; в украинских

же селах вместо юбки талию обертывают куском шерстяной ткани или плахтой, а на голову надевают очипок, закрываемый платком или обвиваемый длинной белой тканью вроде *серпанки*⁶¹. А. Афанасьев-Чужбинский писал в 1863 г., что в селе Знаменка сохраняются обычаи «великорусские»: женщины одеваются в ситцевые платья и сарафаны, подшоясываются на груди и покрывают головы цветными платочками. Мужчины носят кафтаны и поярковые шляпы, «и взрослые не бреют

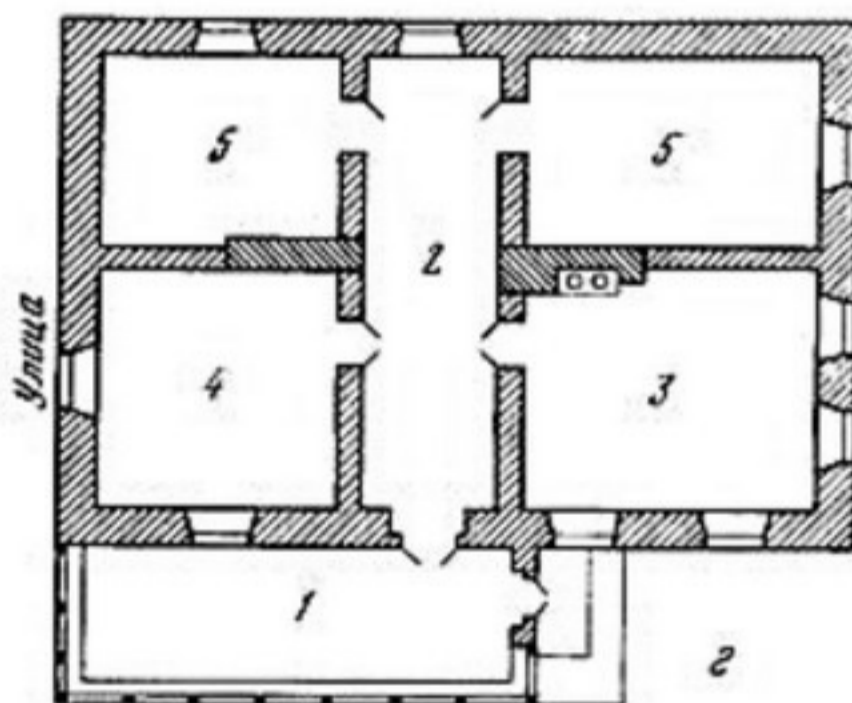
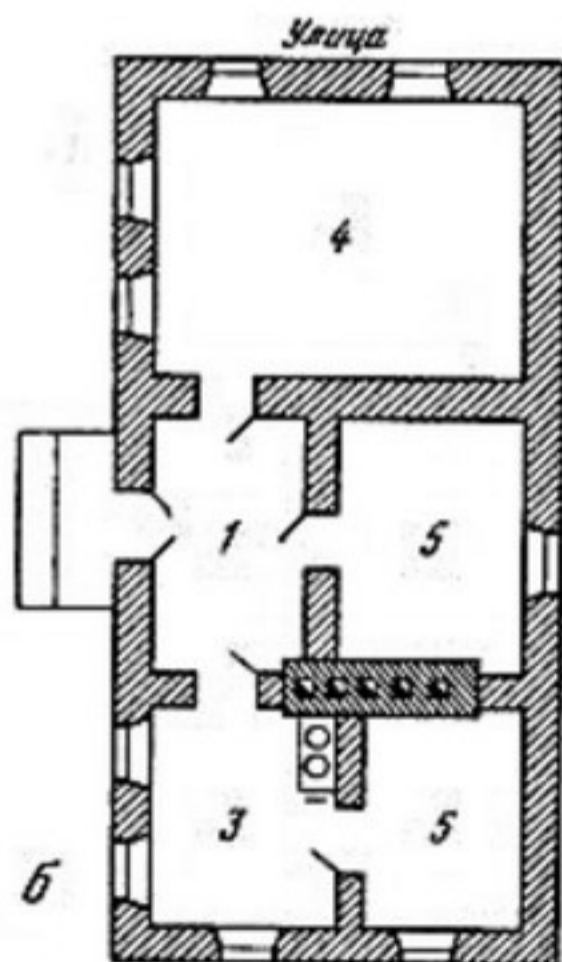
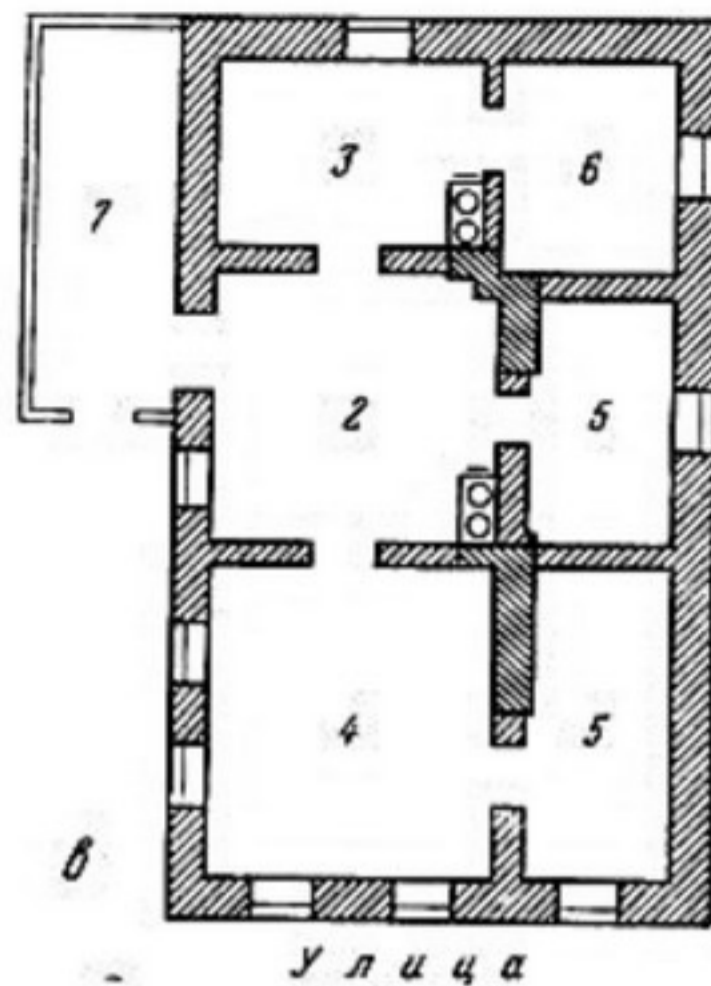
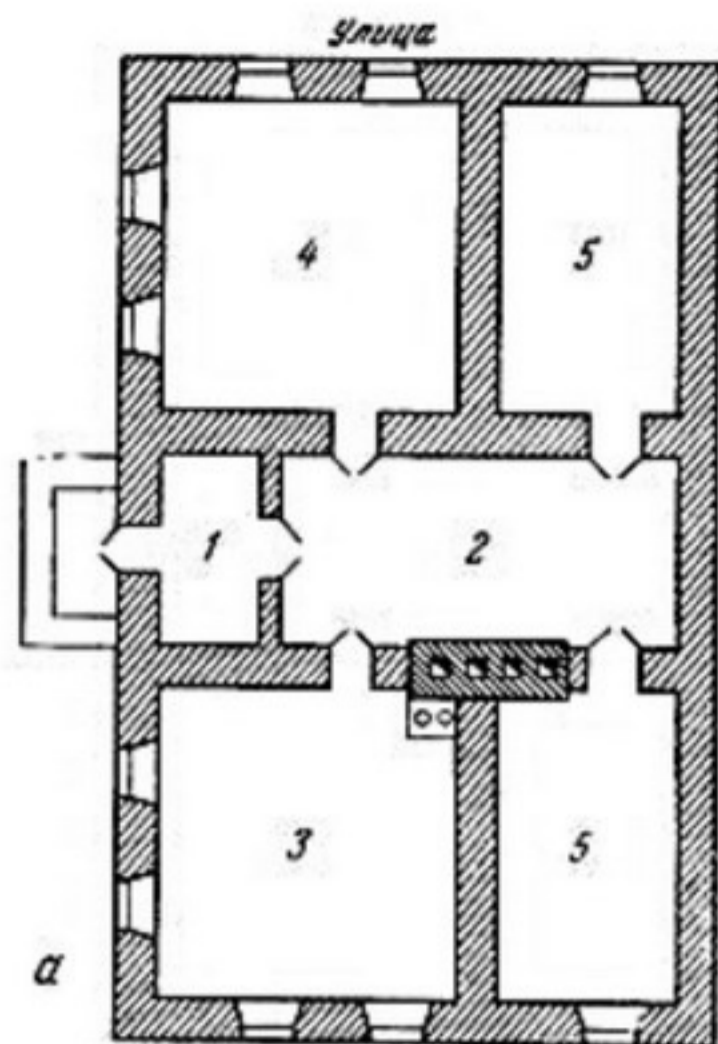

Рис. 11. Планировка современных домов, построенных в 1960-е годы

а, б — с. Михайловка Херсонской области; в — с. Радиновка Херсонской области; г — с. Петровка Запорожской области; 1 — коридор, 2 — прихожая, 3 — кухня, 4 — зал, 5 — спальня, 6 — детская, 7 — веранда

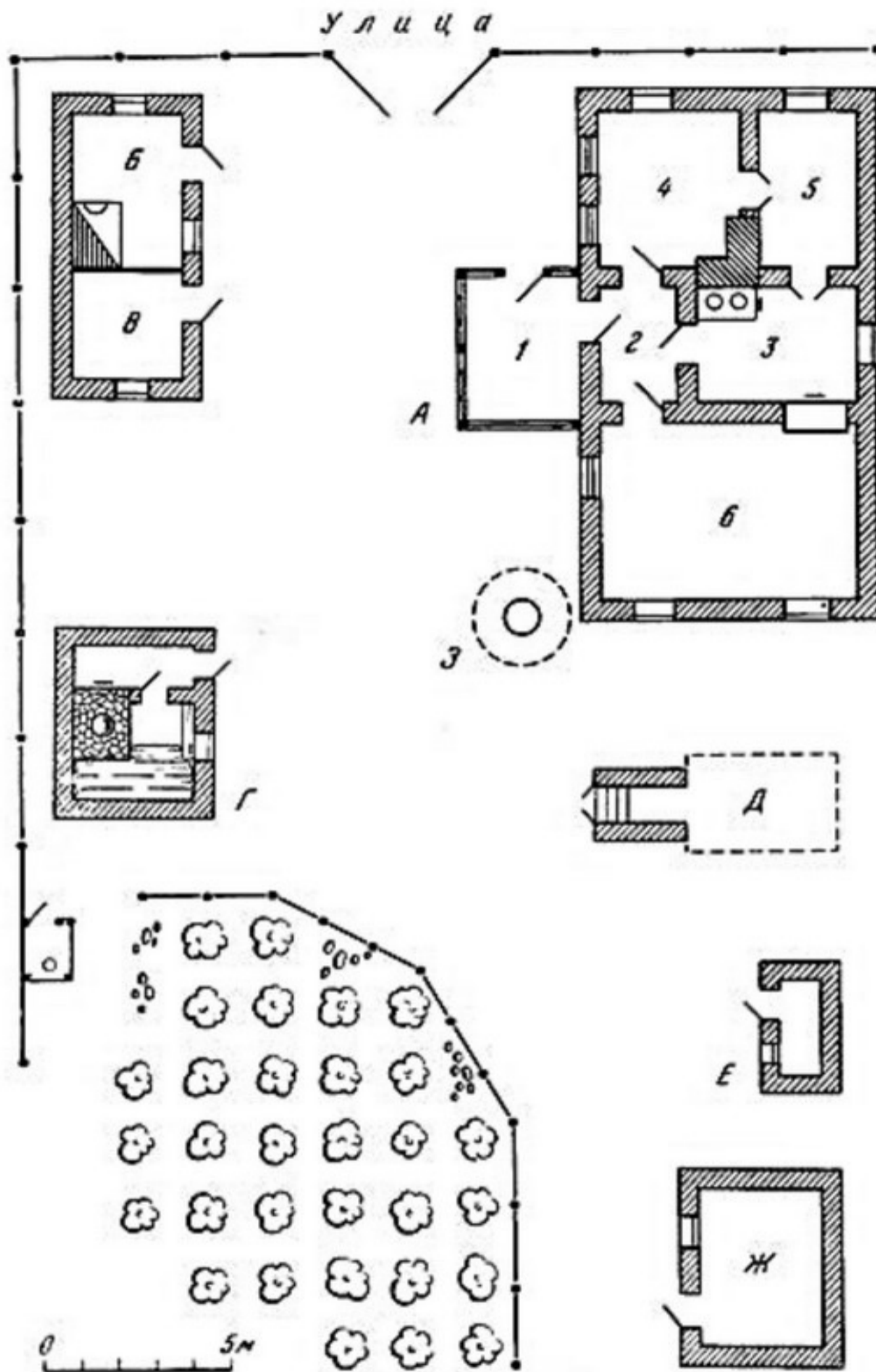

Рис. 12. План двора В. И. Кисилева С. Сергеевка Николаевской области, 60-е годы XX в. А — жилой дом; 1 — веранда, 2 — коридор, 3 —

кухня, 4 — эл., 5 — спальня, 6 — комната; Б — летняя кухня; В — кладовая; Г — баня. Д — погреб; Е — курятник; Ж — сарай, З — «бассейн» для хранения воды.

бороды, что у старообрядцев необходимо». В другом месте этот автор указывал, что в приречной части Голой Пристани, где жители представляют «смесь малоруссов с курскими выходцами», «великорусские» женщины перестали носить сарафаны еще лет 20 назад⁶².

В. А. Бабенко, исследовавший на рубеже XIX—начале XX в. этнографические особенности населения Екатеринославской губернии (территория, пограничная с исследуемыми нами районами), писал, что, по его наблюдениям, традиционный украинский костюм бытует преимущественно в районах, примыкающих к Полтавской губернии, в других же уездах он подвергся значительной модификации. Такие традиционные элементы украинского костюма, как запаски, плахты, корсеты, суконные халаты в виде свитки, полотняные головные уборы у женщин, широкие белые штаны *на очкуре* у мужчин, сохранялись в это время больше в сундуках, чем служили повседневной одеждой. В русских же селах женщины продолжали еще носить традиционную одежду: домотканые рубахи с кумачовыми вставками на плечах и рукавах, серые поневы, черные шерстяные сарафаны, украшенные парчой, гарусом и металлическими блестками, плисовые со складочками на спине кофты и сложные, богато украшенные бисером головные уборы, состоявшие из *кйчки*, *позатыльника* и *кокошника*. Мужчины ходили в туникообразных рубахах-*коворотках* и в узких *портáх* со вставленными в *калби* клиньями⁶³.

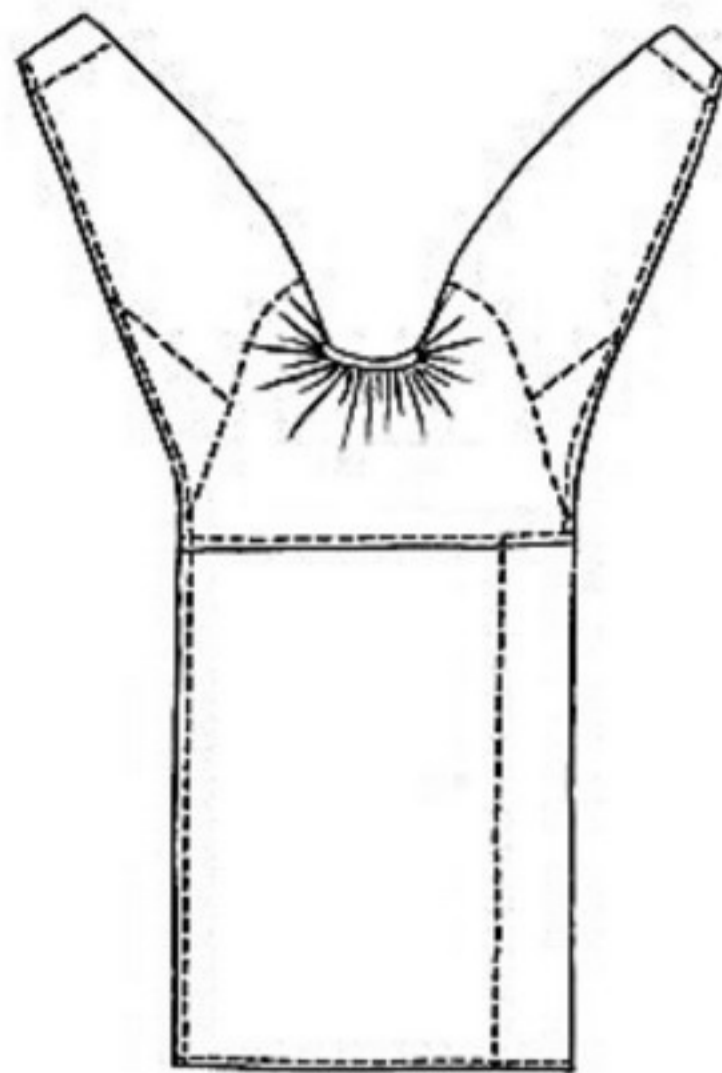
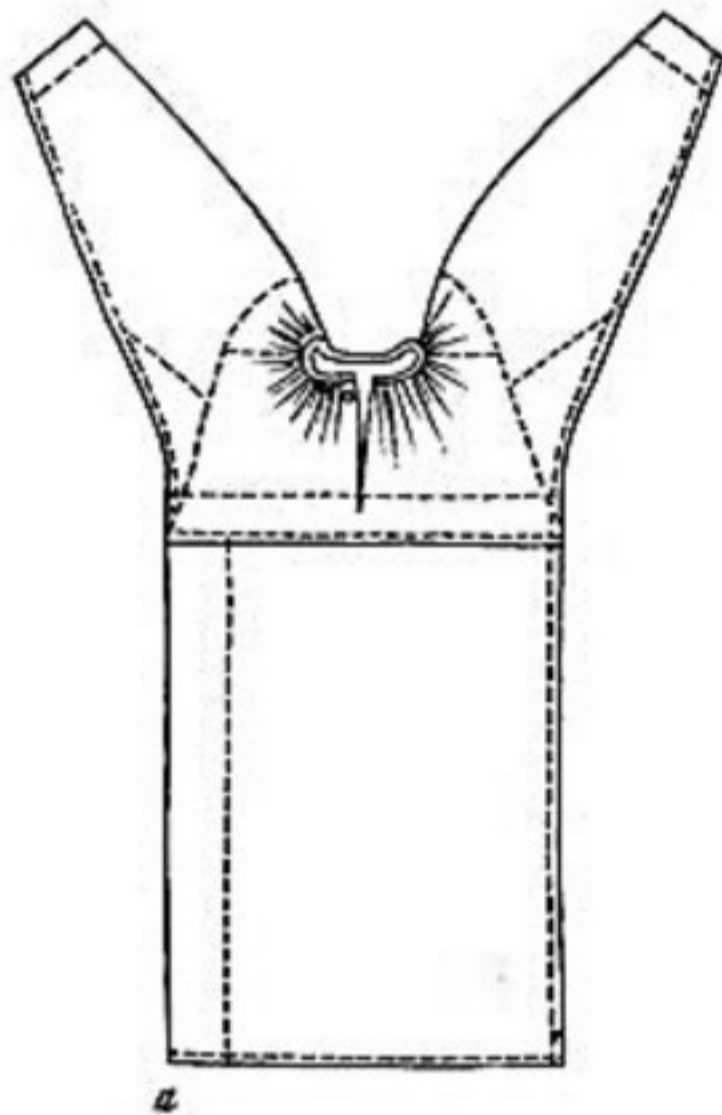
Интересные примеры взаимовлияния русских и украинских черт в традиционной одежде населения Южной Украины приводятся в книге В. И. Наулко⁶⁴.

Если в середине XIX в., а в некоторых районах еще и на рубеже XX в. исследователи отмечали национальное своеобразие как русской, так и украинской местной одежды, то в конце XIX —

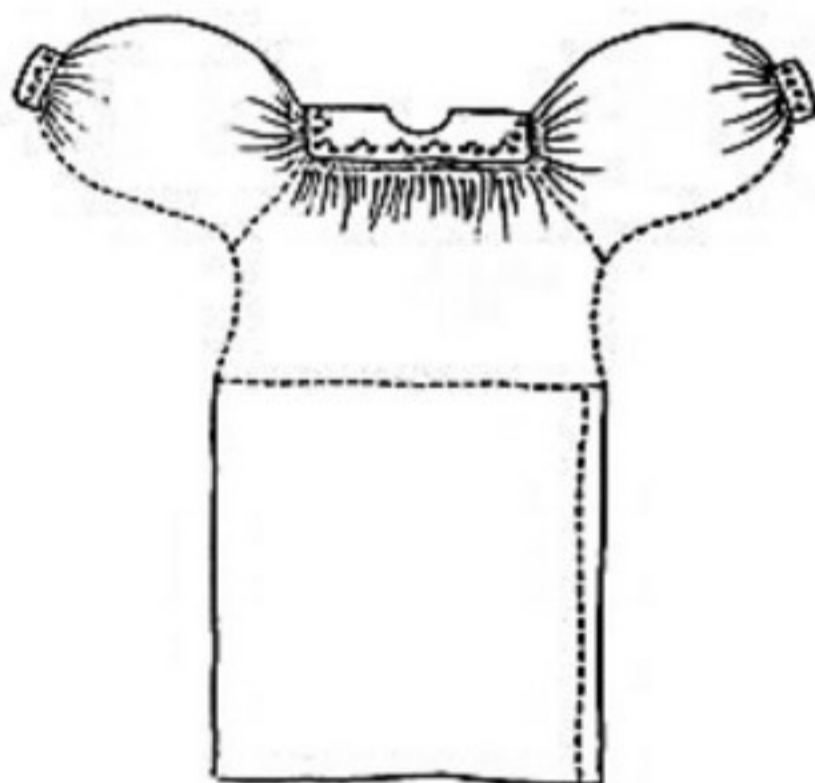
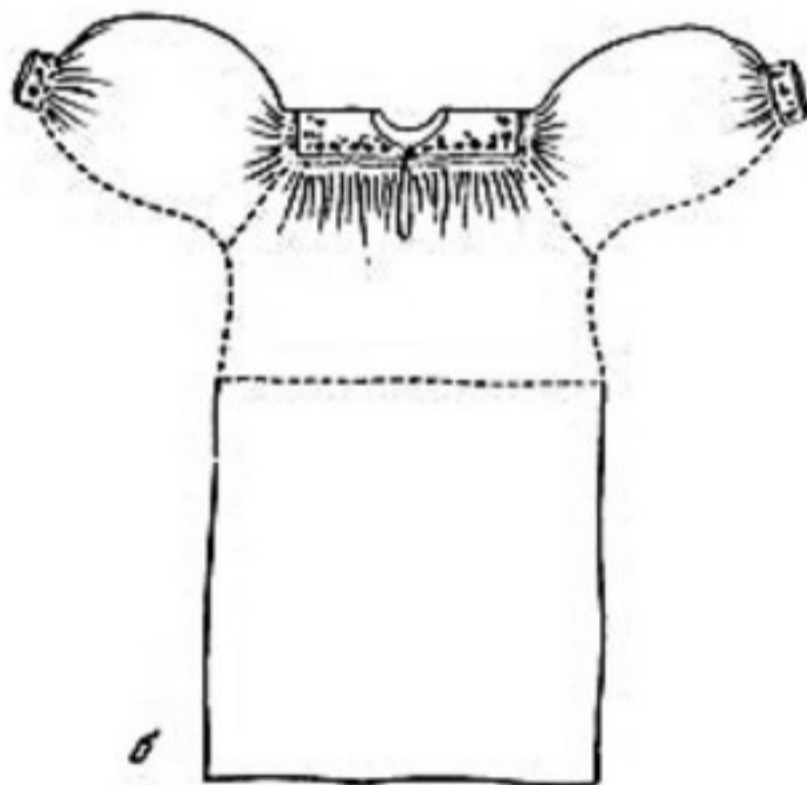
начале XX в. самобытных традиционных черт в одежде сохранялось все меньше и меньше. Проследим основные особенности одежды в русских селах, отметив черты сходства и различий в русской и украинской одежде в конце XIX — начале XX в.

В одних русских селах (Астраханка, Родионовка, Михайловка, Большое Плоское), особенно там, где население занималось кустарно-ремесленным производством и торговлей, уже в конце XIX в. преимущественно носили одежду, сшитую из покупных фабричных тканей. В других селах (Большая Знаменка, Петровка, Верхние Серагозы, Новокрасное, Сергеевка, Демидово), где русские женщины значительную часть времени зимой уделяли прядению и ткачеству, даже в начале XX в. часть одежды — нижнюю половину женской рубахи, нижние юбки, мужские рубахи и *испóдние* штаны — шили из конопляного холста. Во многих местах домотканые рубахи, штаны и юбки носили только дома или надевали на работы в поле, преобладающей одеждой в это время почти повсюду становится одежда, сшитая из фабричных тканей.

Этнические особенности ярче проявлялись и дольше сохранялись в женской одежде. В XIX в. во всех русских селах бытовал комплекс одежды с сарафаном. Во второй половине XIX в. он постепенно вытесняется новым комплексом одежды с юбкой, развившимся под влиянием городской культуры. Основу старинного костюма составляла рубаха с прямыми поликами, пришитыми по утку, с прямым разрезом ворота, собранным в сборку на узкую полоску ткани, заменявшую воротник (рис. 13а). В русских селах преобладали рубахи с широкими рукавами, собранными в сборку у запястья, такие рукава были широко распространены на Украине. В XIX в. нередко шились и рубахи со скошенными рукавами, суживающимися у кисти, с клиньями и ластовицами, характерные для

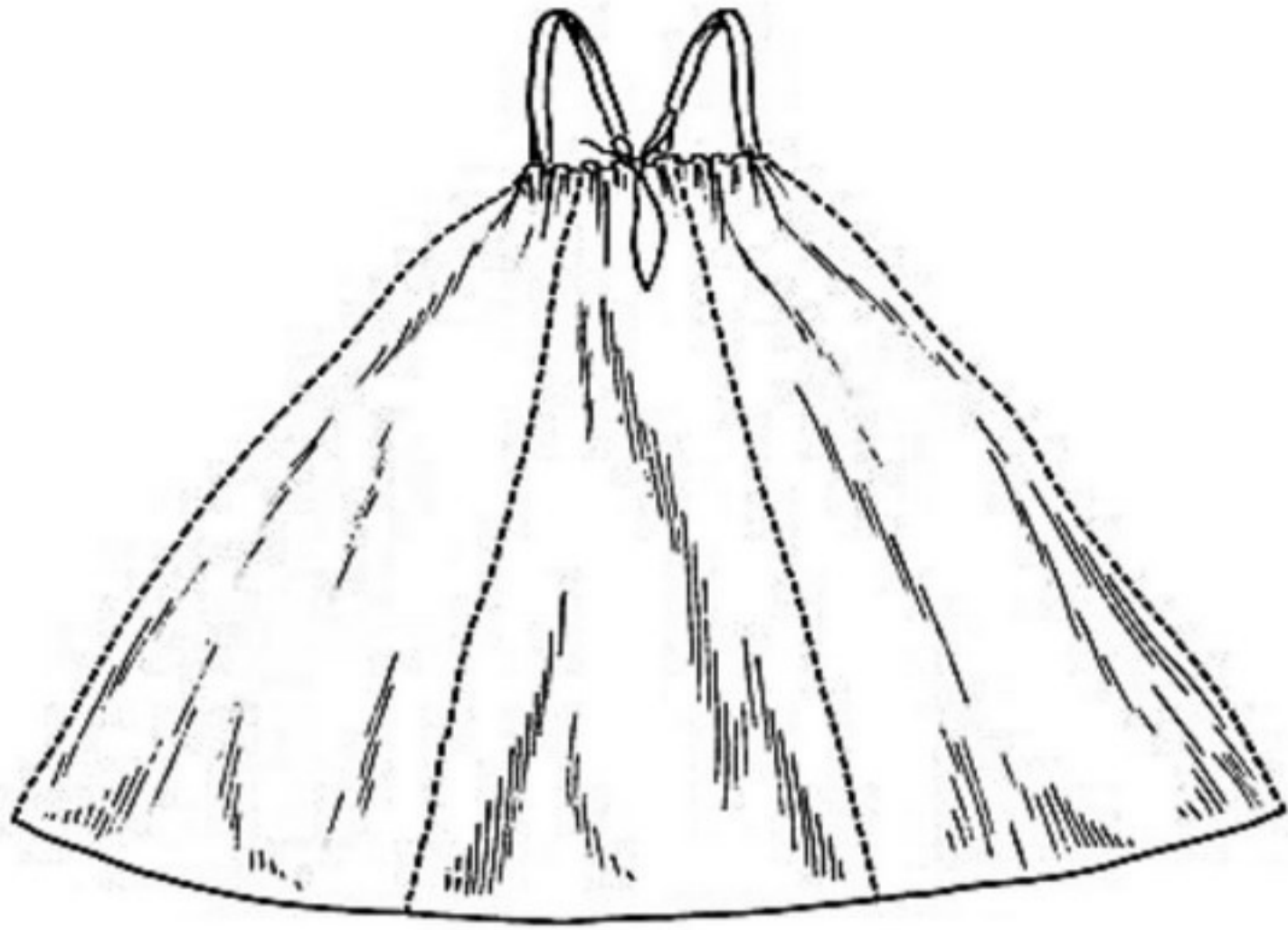
a

b

Рис. 13. Женские рубахи конца XIX — начала XX в.

a — рубаха с прямыми полками, пришитыми по утку (спереди и сзади), С. Большое Пляское Одесской области; *b* — рубаха на кокетке (спереди и сзади), С. Новокрасное Николаевской области

a

Рис. 14. Типы сарафанов

а — сарафан, скроенный из прямых полотнищ на лямках (спереди и сзади). Конец XIX в. С. Сергеевка Одесской области; б — сарафан с лямком (спереди и сзади). Начало XX в. С. Вознесенки Одесской области

русских. Рубаха состояла из двух частей: верхней, сшитой из лучшего материала, и нижней, которую еще и в начале XX в. шили из грубого холста. В большинстве русских сел бытовали названия частей рубахи, характерные для юга России: *ста́н*, *ста́нушка*, *ста́нок* — для верхней части и *подста́ва*, *подставка* — для нижней части рубахи. В селах Большая Знаменка и Большое Плоское, наоборот, *станушкой*, так же как и на севере России, пазывали нижнюю часть рубахи, а *чехликом* — верхнюю. Рукава и прореху иногда вышивали, но, по мнению старожилов, богато расшитые рубахи были более распространены в ближайших украинских селах. В конце XIX в., а более в начале XX в. у русских и украинцев старинная рубаха с прямыми поликами заменяется более поздним покроем — рубахой на кокетке (*та́лейке*) (рис. 136б).

В XIX в. рубаха служила повседневной основной одеждой, ее надевали дома, на улицу и даже в церковь с сарафаном или юбкой. Девушки до свадьбы часто ходили в одних рубахах, подпоясанных пояском. В конце XIX — начале XX в., а в некоторых селах и раньше рубаха все больше становится или только домашней, или нижней нательной одеждой, на которую надевали кофту и юбку. Кофты шились и прямого покроя, и приталенные со множеством втачных и декоративных швов, складочек, сборок, с баской или фалдами из ситца, сатина, атласа, шелка и шерсти.

Поверх рубахи в русских селах надевали сарафан или юбку. По рассказам многих старых жительниц, родившихся в 80—90-х годах XIX в., их матери и бабушки носили сарафаны, а сами они уже ходили в юбках. В некоторых селах, особенно с высоким уровнем социально-экономического развития, — в Астраханке, Родионовке, Спасском, Михайловке — сарафанов не помнят, здесь уже во второй половине XIX в. в качестве основной поясной одежды служила юбка.

В обследованных селах был распространен прямой сарафан на узких лямках, сшитый из нескольких прямых полотнищ, присборенных на обшивке (рис. 14а). В селах Новокрасное, Большая Знаменка, Петровка бытовал видоизмененный тип прямого сарафана: переднее широкое полотнище здесь также собиралось на узкой обшивке, а боковые и задние полотнища и лямки пришивались к более широкой обшивке (*талейке, грудинке*) в виде широкого пояса или лифа (до 8—10 см). В старообрядческих селах сарафан пазывали *шубкой* — термин, бытовавший в среднерусских и южно-русских губерниях. Шубкой называли прямые сарафаны также и русские старообрядцы в Бессарабии⁶³, в costume которых было много общего с одеждой старообрядцев, живших на юге Украины.

Распространенный в обследованных селах тип прямого лямочного сарафана был характерен для центральных губерний России и поэтому назывался *московской модой*, во второй половине XIX в. он заменил собой поневу во многих районах южнорусских губерний. Можно предположить, что, с одной стороны, прямой сарафан мог быть занесен на Украину русскими старообрядцами из среднерусских губерний, поскольку основные переселения старообрядцев на западные границы России и за ее пределы происходили в конце XVII — в XVIII в., т. е. в то время, когда на юге России преобладала понева. С другой стороны, распространение прямого сарафана, возможно, было связано и с переселениями однодворцев из южнорусских губерний, в среде которых сарафан был достаточно хорошо известен, а также и с более поздней колонизацией русских крестьян в XIX в., когда на юге сарафан уже вытеснил поневу.

Русские на юге Украины носили и сарафаны более позднего покроя с лифом, сборчатая юбка пришивалась на талии к лифу с выкройными проймами. Сара-

фан с лифом в конце XIX — начале XX в. был распространен у украинцев и других народов Южной Украины (а также в Бессарабии) (рис. 14б).

В конце XIX — начале XX в. основной поясной одеждой у русских, так же как и у украинцев, становится юбка. Она шилась из фабричных тканей и кроилась из нескольких (от 4 до 9) прямых полотнищ, присборенных сверху на узкой обшивке (рис. 15). Под верхнюю иногда одевали две-три нижние юбки. В XIX в. у русских встречались юбки и из домотканого полотна. Старинный тип юбки, сшитый из домотканой полосатой шерстяной ткани и распространенный в северо-западных районах России и у некоторых групп однодворцев, носили в конце XIX в. в ближайших к русским украинским селам Нижние Серагозы и Водяное. В 10-х годах XX в. в селе распространяется городская мода на расклешенные юбки, сшитые из нескольких скошенных полотнищ.

Поверх прямого сарафана надевали длинный передник, повязываемый выше груди, старообрядцы его называли *запоном* — термин, характерный для населения южных районов России. Праздничные запоны шились из хороших тканей, по подолу их отделявали лентами, тесьмой, кружевами, оборками. Поверх юбки носили более короткий *фартук*, повязываемый на талии. Под фартуком (или запоном) на особом поясе прикрепляли карман для ключей, семечек, конфет и пр. — деталь, особенно характерная для женского костюма южнорусских областей.

Головным убором служил платок и надеваемая под него мягкая ситцевая овальная шапочка типа русского повойника, сборника и украинского очипка. В Демидове она называлась *повойником*, в Новокрасном, Большой Знаменке, Верхних Серагозах — украинским термином *очипок*, в Большом Плоском — *кйчкой* (рис. 16). Устойчивое сохране-

ние термина *кичка*, а также воспоминания старожилов о встречавшейся здесь *сорбке* свидетельствуют, по-видимому, о бытовании в прошлом у старообрядцев сложного кичкообразного головного убора (в состав которого входили и кичка и сорока), являвшегося общерусским головным убором⁶⁸.

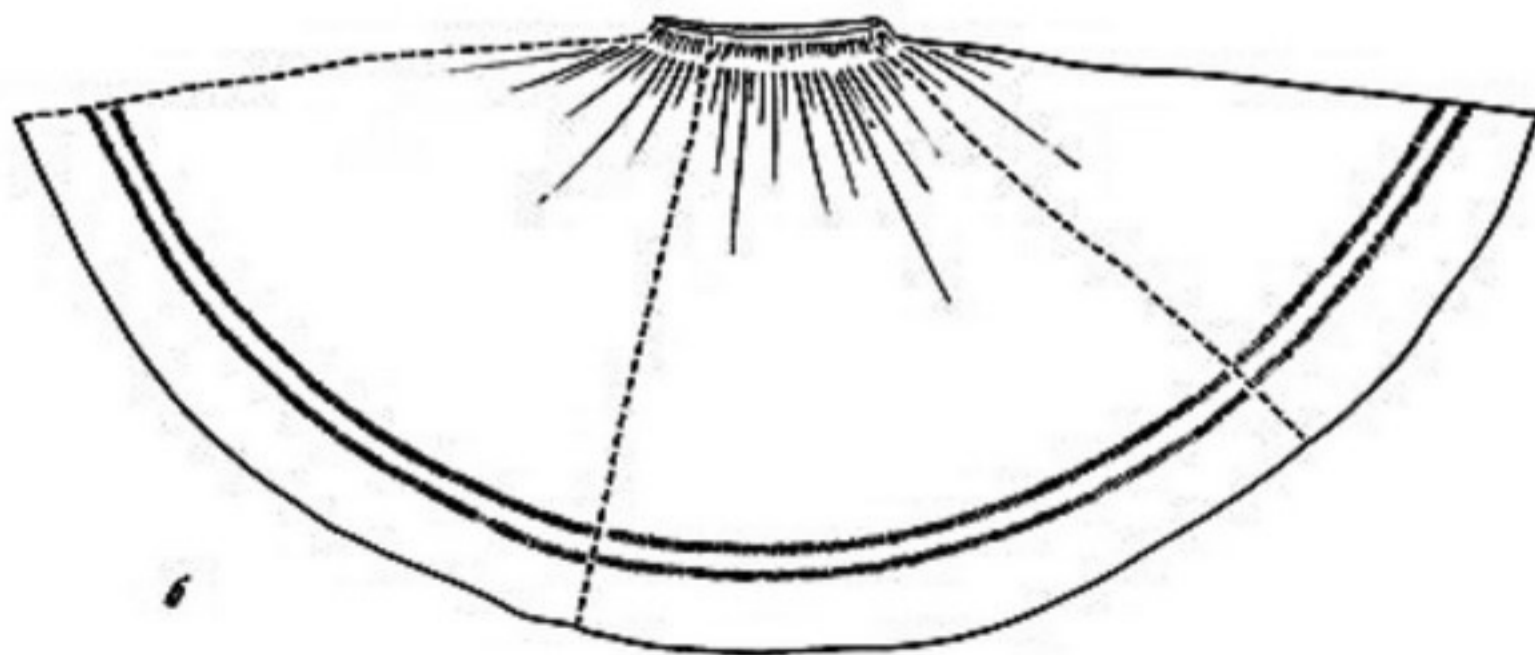
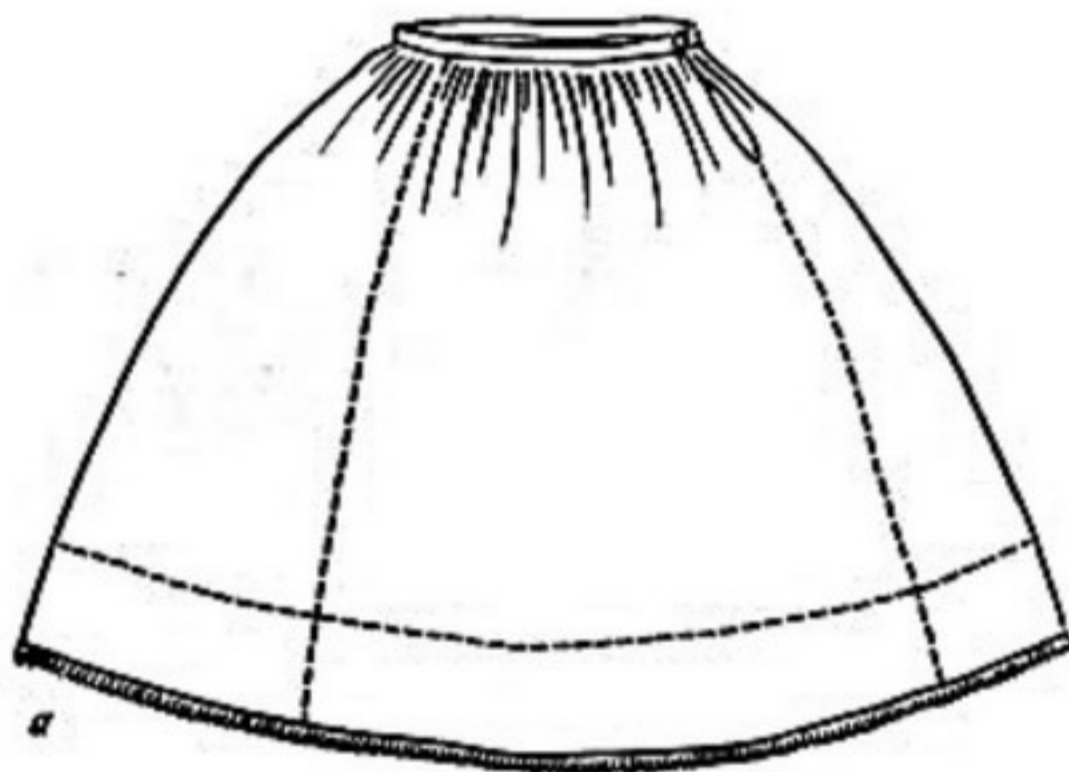
Во многих русских, так же как и в украинских, селах, где в конце XIX в.

женщины стремились подражать городской моде (в Астраханке, Родионовке, Спасском, Петровке), *повойник* (или *очипок*) заменяется сшитым на городской манер *капором* или просто *платком*, повязываемым под подбородком. В праздник повсюду носили шерстяные и шелковые яркие платки или шали с кистями и лишь в Астраханке вместо платка голову покрывали по-городскому *шарфом* или вязаной *косынкой*.

Женский праздничный костюм в русских селах отличался чрезвычайной яркостью, нарядностью: сарафаны, юбки,

Рис. 15. Юбки. Начало XX в.

а — с. Новокрасное Николаевской области;
б — с. Большое Пляское Одесской области

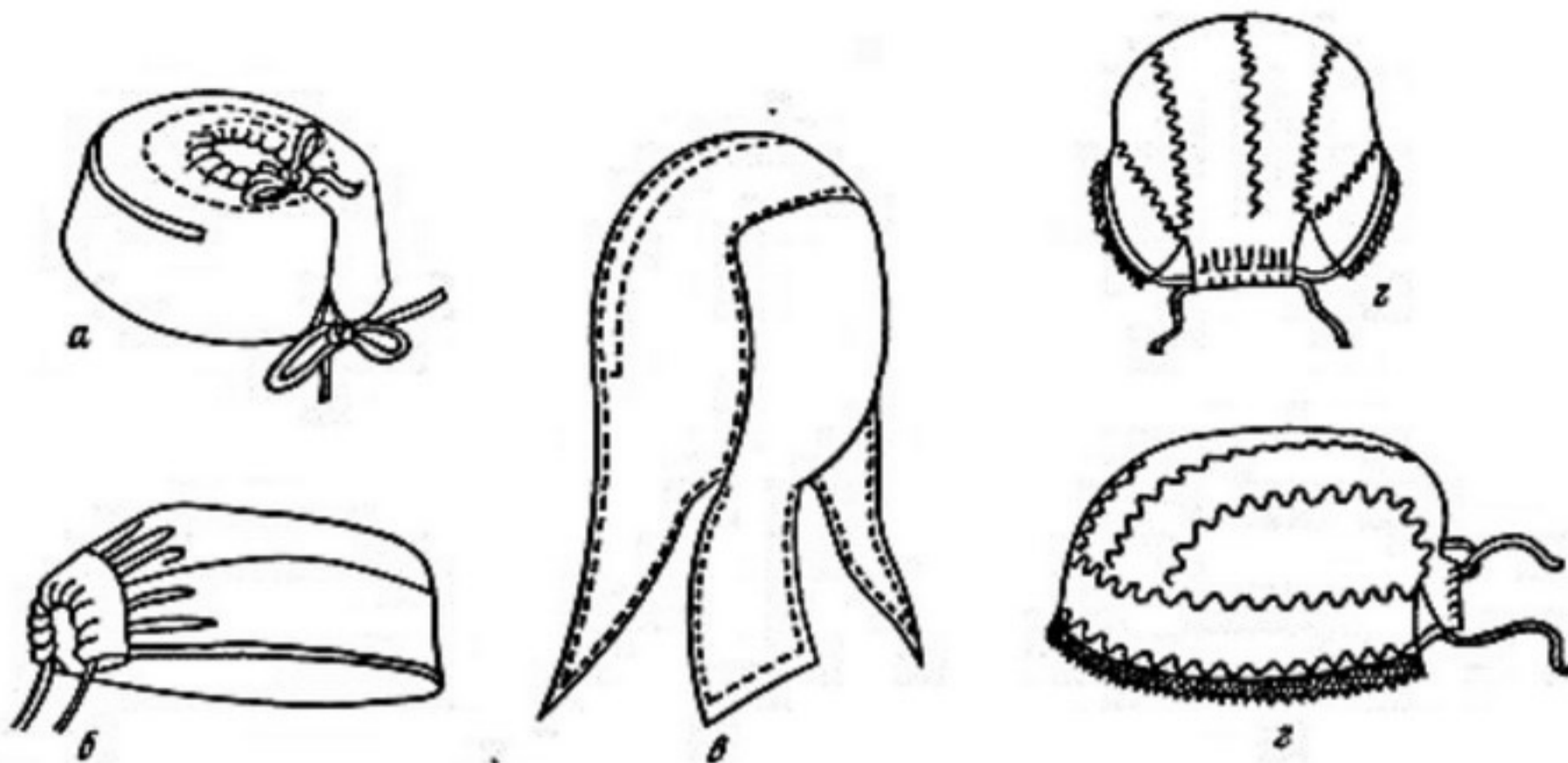

Рис. 16. Женские головные уборы конца XIX — начала XX в.

а, б — жичка. С. Большое Платное Одесской области; в — сорока. С. Большое Платное; г — очипок. С. Большая Знаменка Запорожской области (вид сзади и сбоку)

запоны, кофты шили из шерстяной материи, шелка, ситца ярких расцветок, их украшали по подолу полосками яркой ткани, тесьмой, лентами, а на груди — оборками, стеклярусом, кружевами. Красивые яркие платки, серьги, бусы («монисты», «кораллы») из янтаря, жемчуга, бисера и стекла дополняли яркую тональность костюма. По общему колориту этот костюм больше напоминал женскую одежду южнорусских губерний.

В мужской одежде сохранялись и традиционные черты русского костюма, и особенности, общие с украинской одеждой. Традиционный мужской костюм уже со второй половины XIX в. подвергся значительным изменениям под влиянием городской моды⁶⁷.

В конце XIX — начале XX в. мужчины носили преимущественно характерную для русских туникообразную руба-

ху-косоворотку со стоячим воротником, с разрезом ворота, расположенным на левой стороне груди (рис. 17). В Большом Платном, Новокрасном и Астраханке под рукава вшивали красные ластовки. Вместе с тем нередко встречались и рубахи украинского типа с разрезом ворота, расположенным посередине груди, и с отложным воротником. Старинные туникообразные рубахи часто заменялись рубахами, сшитыми из двух или четырех полотнищ ткани, со швом на плечах. Будничные рубахи шились из простых тканей, праздничные — из сатина, атласа, шелка, кашемира ярких расцветок с вышивкой на груди — *манішке*, на подоле и рукавах. Рубаху носили «по-русски», т. е. поверх штанов, и подпоясывали узкими плетеными, вязаными и позднее — ременными поясами. В соседних украинских селах (в Катериновке, Яковлевке, Водяном и др.) были распространены рубахи украинского покроя с разрезом ворота посередине груди, их обычно заправляли в штаны. Вместе с тем под влиянием русских соседей здесь тоже встречались и рубахи-косоворотки, которые носили поверх штанов. С конца XIX в. и в рус-

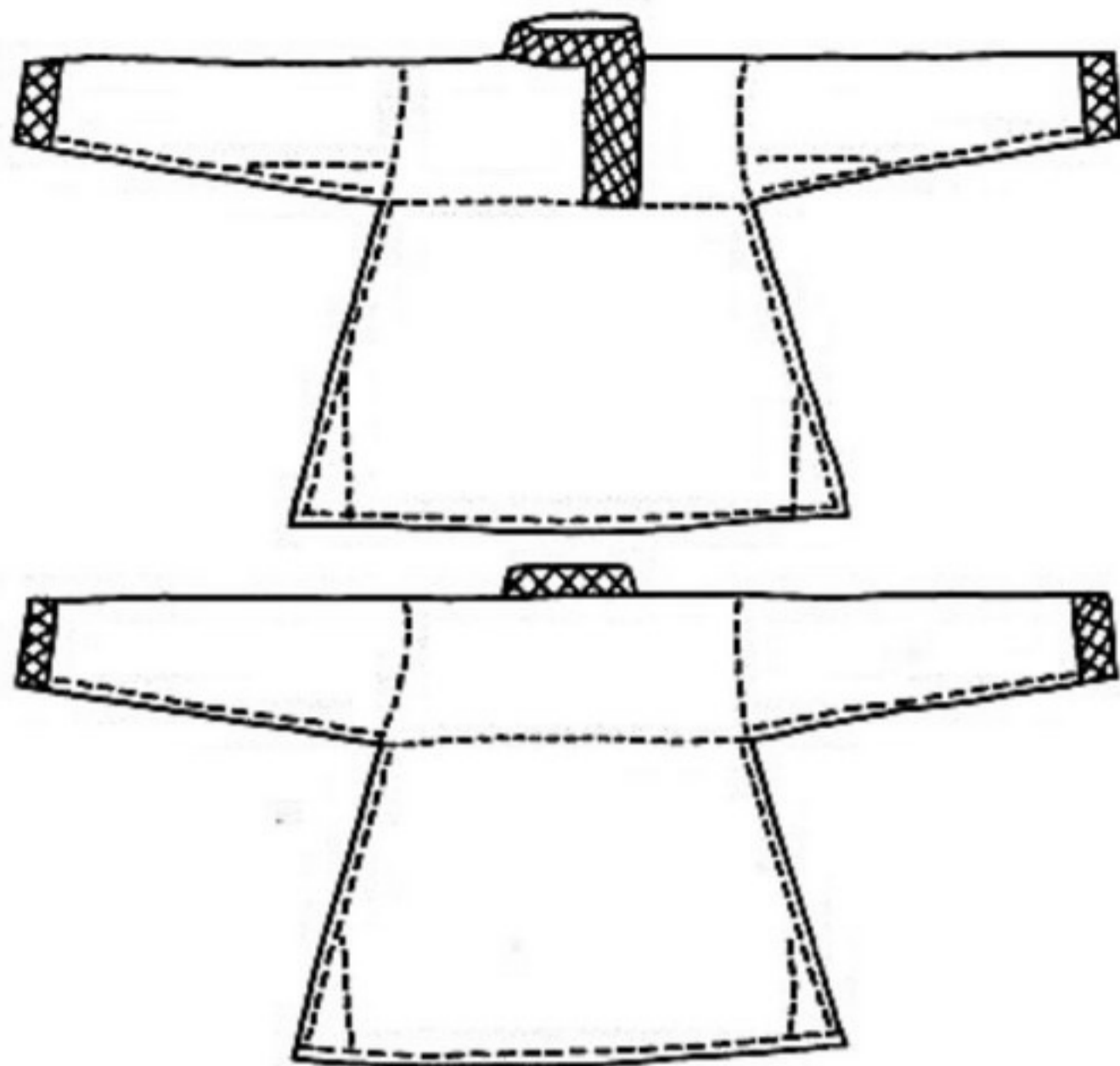

Рис. 17. Мужская туникообразная рубаха-косоворотка [спереди и сзади]. Конец XIX в. С. Злынка Кировоградской области

ских и в украинских селах носили штаны городского покроя и брюки.

Мужские головные уборы русских — высокие, конической, реже цилиндрической формы зимние шапки из смушек, шапки-ушанки, плетеная соломенная шляпа *бриль*, картузы и фуражки — не отличались от головных уборов украинцев.

Много общего было у русских с окружающими их украинцами и в обуви. Мужчины и женщины в зависимости от времени года носили сапоги, валенки, калоши. Рабочей обувью мужчины часто служили распространенные среди украинцев и других народов Украины по-

стоны, сшитые из одного куска кожи, собранного на вздержке (рис. 18). По рассказам старожил, многие переселенцы приезжали в традиционной русской обуви — лаптях, но скоро от них отказывались под влиянием изменившихся жизненных условий⁶⁸. Распространенной женской обувью были ботинки или полусапожки с резинками и ушками или со шнуровкой спереди (рис. 18), а также туфли; открытые туфли на небольшом каблучке нередко называли типично украинским термином *черевьки*.

В XIX в. русские шили верхнюю одежду из сукон, овчин, холста, которые они или изготавливали сами, или покупали в соседних украинских селах. Широко была распространена одежда старинного халатообразного покроя: сукон-

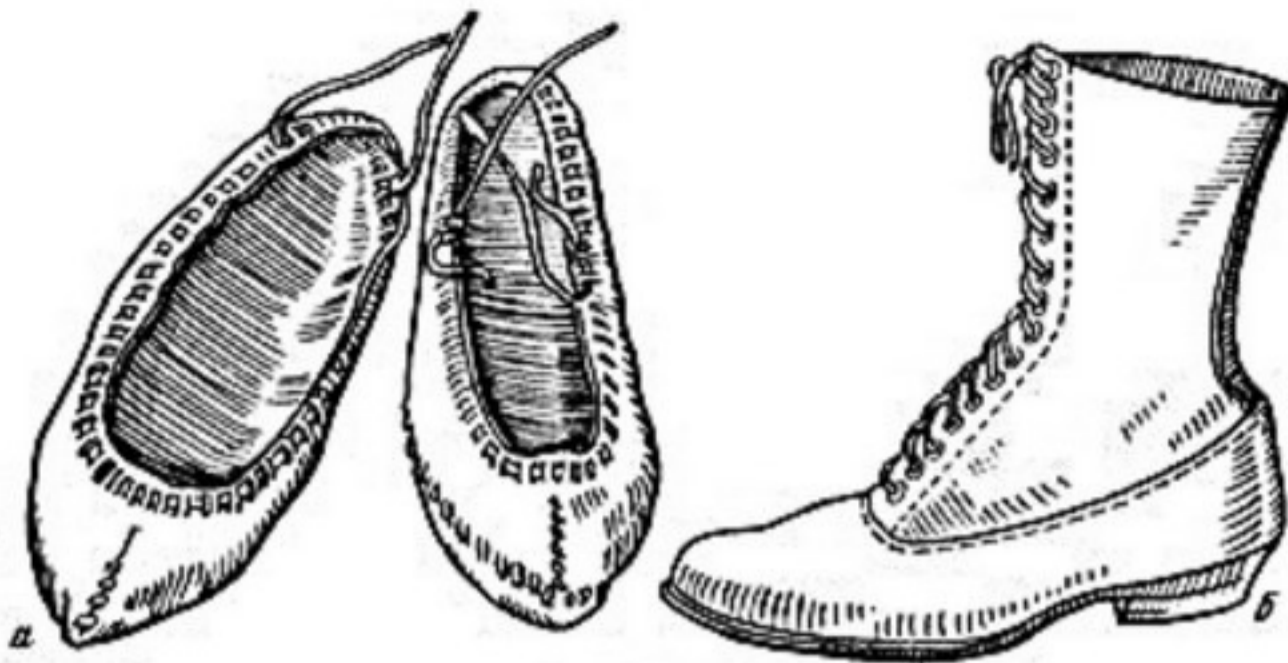

Рис. 18. Обувь конца XIX — начала XX в. С. Сергеевка Одесской области

а — мужские постолы, б — женский ботинок

ные прямоспинные со вставленными на боках клиньями *світы*, *кафтаны*, *куцїнки*, летние и зимние *халаты* из шерсти или холста (у старообрядцев), *шубы*, *полушубки* (рис. 19). Поверх шубы в непогоду надевали овчинный тулуп или суконный *сиряк* с большим воротником или капюшоном, который также называли *чекмэнем* (Новокрасное) или *бўркой* (Михайловка, Демидово, Новокрасное). Помимо прямоспинной, расклешенной книзу шубы во многих русских селах мужчины носили характерный для русских полушубок, отрезной в талии и со сборами. Церковной одеждой старообрядцев служила *сибірка*, которую шили в талию с отрезной спинкой и юбкой со сборами (рис. 19в). Похожего покроя, но более нарядными из сукна или сатина на вате во всех русских селах шили *чумārки*, широко распространенные по всему югу Украины (рис. 20).

В конце XIX — начале XX в. и в русских, и в украинских селах наряду с прежними входят в моду новые формы верхней одежды прямого и приталенного покроя, которые обычно шили из фабричных тканей. Это сшитые в талию со

вставными клиньями по бокам, образующими фалды, *жерасы*, *визітки*, *баски*, *казачкї*, прямоспинные длинные и короткие *бурнїсы* на вате (рис. 19г), похожие на них *пальтиськи*, нередко подхваченные в талии, со складочками *сїки* и *сїчки*, короткие и более длинные, прямые и расклешенные кофты на вате (*распїшка*, *дежўрка*, *куфїйка*), различного покроя пальто и пиджаки.

Таким образом, в традиционной одежде русских переселенцев на юге Украины прослеживались как общерусские черты (комплекс женской одежды с сарафаном, сложный головной убор, покрой мужской рубахи и штанов, способы ношения мужской рубахи, верхняя одежда и др.), так и особенности, более характерные в прошлом либо для южно-русских (отдельные виды женской одежды, ее общий колорит и украшения, терминология отдельных частей одежды), либо для среднерусских губерний (покрой сарафана и женской рубахи, название частей рубахи в некоторых русских селах). В отдельных деталях одежды (верхняя одежда, обувь, мужские головные уборы, более поздние формы женской одежды: сарафан с лифом, комплекс одежды с юбкой, головные уборы), как и в других элементах культуры, имеются черты сходства с одеждой соседних украинцев.

Ликвидация за годы Советской власти антагонистических классовых и социальных противоречий способствовали стиранию локальных и социальных особенностей в одежде. Новые социально-экономические условия жизни привели к выработке однотипных черт в одежде русских и украинцев. В настоящее время как в русских, так и в украинских селах, особенно у людей молодого и среднего возраста, преобладают современные формы городского костюма.

* * *

Этнодифференцирующие признаки прослеживались в прошлом также в семейном быте русских и украинцев. У русских и украинцев, родственных и непосредственно контактирующих друг с другом народов, живших и в прошлом примерно в одних и тех же социально-экономических условиях, было много общего в семейно-брачных отношениях. В то же время во второй половине XIX — начале XX в. черты сходства семейно-брачных отношений у обследованных групп населения не исключали наличия этнической специфики, проявлявшейся наиболее отчетливо в структуре семьи, в отдельных семейных обычаях и обрядах.

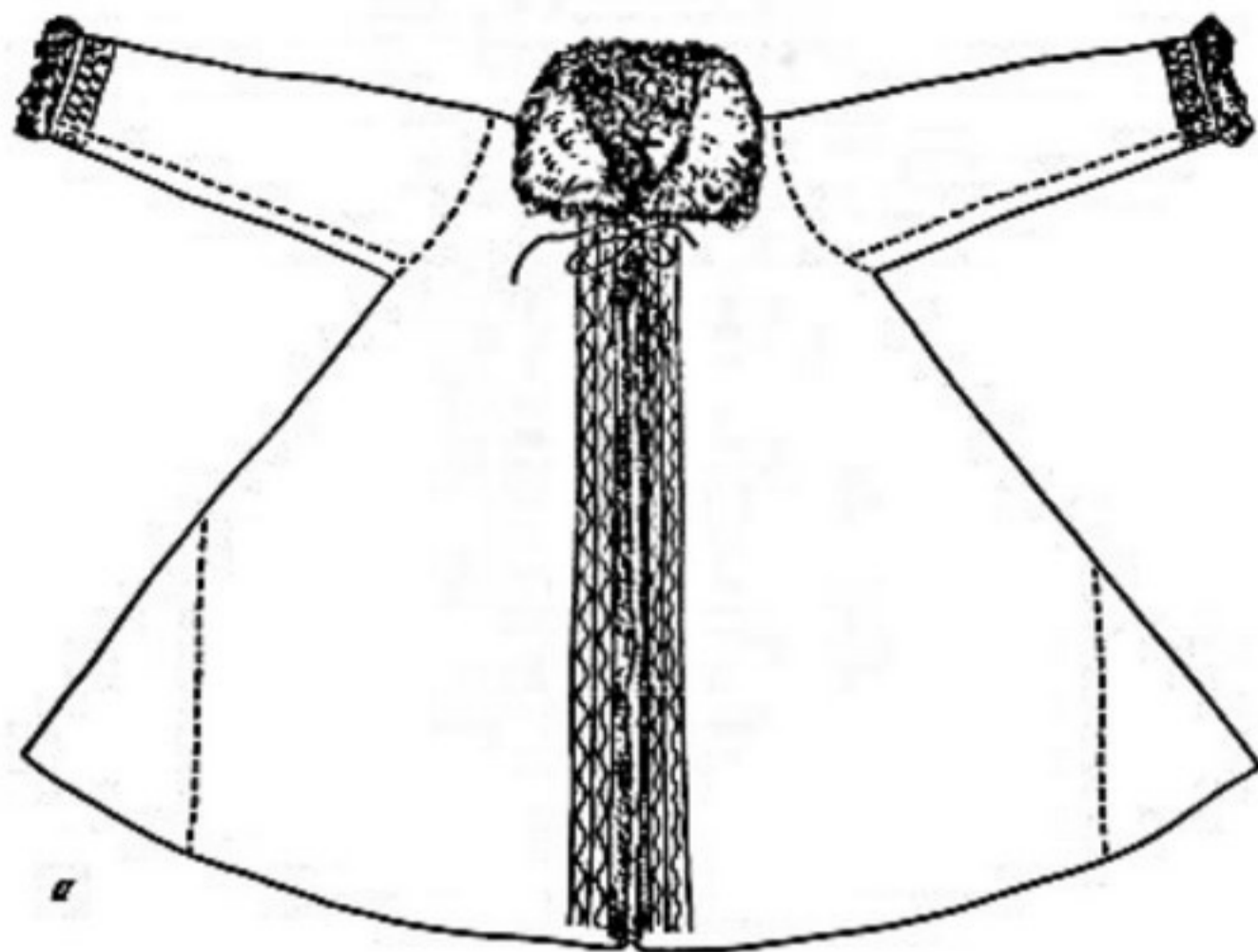
Для русских переселенцев Южной Украины было характерно более длительное существование так называемой большой семьи, в то время как у украинцев господствующей формой семьи в XIX в. была семья малая. Еще в конце XIX в. во многих обследованных русских селах бытовали большие семьи, состоявшие из родителей, нескольких семейных сыновей и неженатых детей, владевших общим имуществом и хозяйством. Реже встречались семьи, в которых вместе жило несколько семейных братьев и их женатые и неженатые дети; помимо родственников по прямой нисходящей линии, эти семьи включали родственников по боковой линии. Большие

семьи состояли из трех-четырех поколений, численность их порой доходила до 30 человек и более. Как рассказывал нам Н. С. Стариков, 1868 г. рожд., в селе Большая Знаменка в конце XIX в. много было семей, в которых вместе жили по три-четыре женатых брата⁶⁹. По сообщению М. Т. Поздникова, еще в начале XX в. в селе Родионовка насчитывалось 30 семей, в которых под одной крышей жило 20 человек и более, и такие семьи подолгу не делились. Массовые разделы семей здесь произошли уже при Советской власти⁷⁰. Существование больших семей в последних годах XIX — начала XX в. численностью до 20 — 28 человек старожилы отмечают также в русских селах Петровка, Верхние Серагозы, Астраханка, Злынка, Большое Плоское⁷¹.

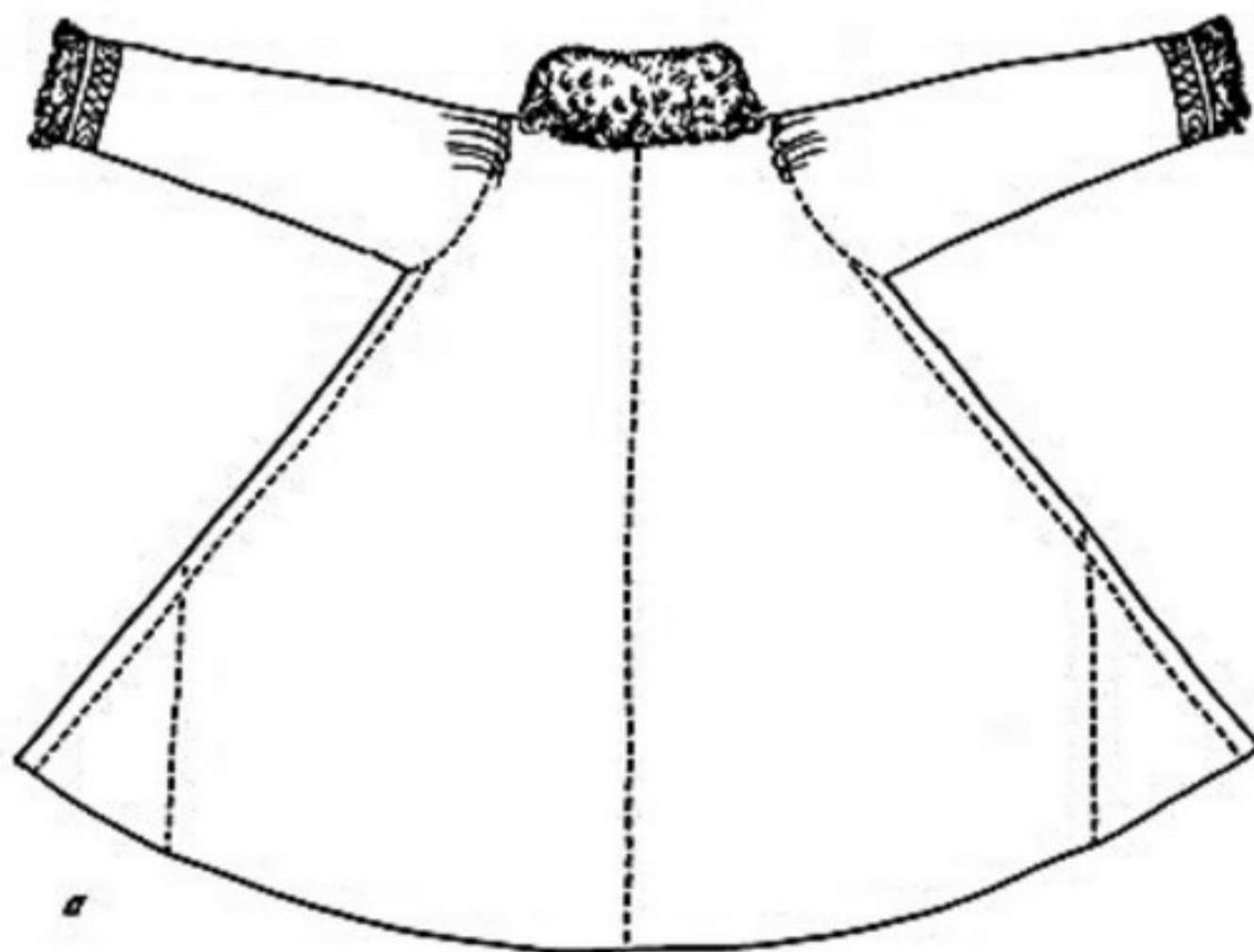
Русская большая семья на Украине нередко сохраняла присущий ей уклад с деспотической властью главы семьи, которым почти всегда был старший в доме мужчина. Хотя имущество считалось общесемейной собственностью, глава семьи часто фактически был полновластным распорядителем всего семейного хозяйства, мог при семейном разделе одному сыну выделить большую часть имущества, чем другому.

По наблюдениям Г. И. Сорокина, русские жили большими семьями — 20 человек и более. В конце 80-х годов XIX в. русские начали отделять сыновей, но случалось это сравнительно редко. «Семья, например, Петровых в настоящее время состоит из глубокого старика и старухи, у которых сын около 60 лет с женою, у них 4 сына женатых, один неженатый и дочь 13 лет, у всех сыновей 13 душ детей, итого в семье 27 душ»⁷².

В украинской же семье, подчеркивает Г. И. Сорокин, если есть один женатый сын, а другого собираются женить, то скоро после женитьбы второго стремятся выделить старшего сына, которому заранее готовится усадьба, а иногда и строится дом. Два женатых сына никогда не

а

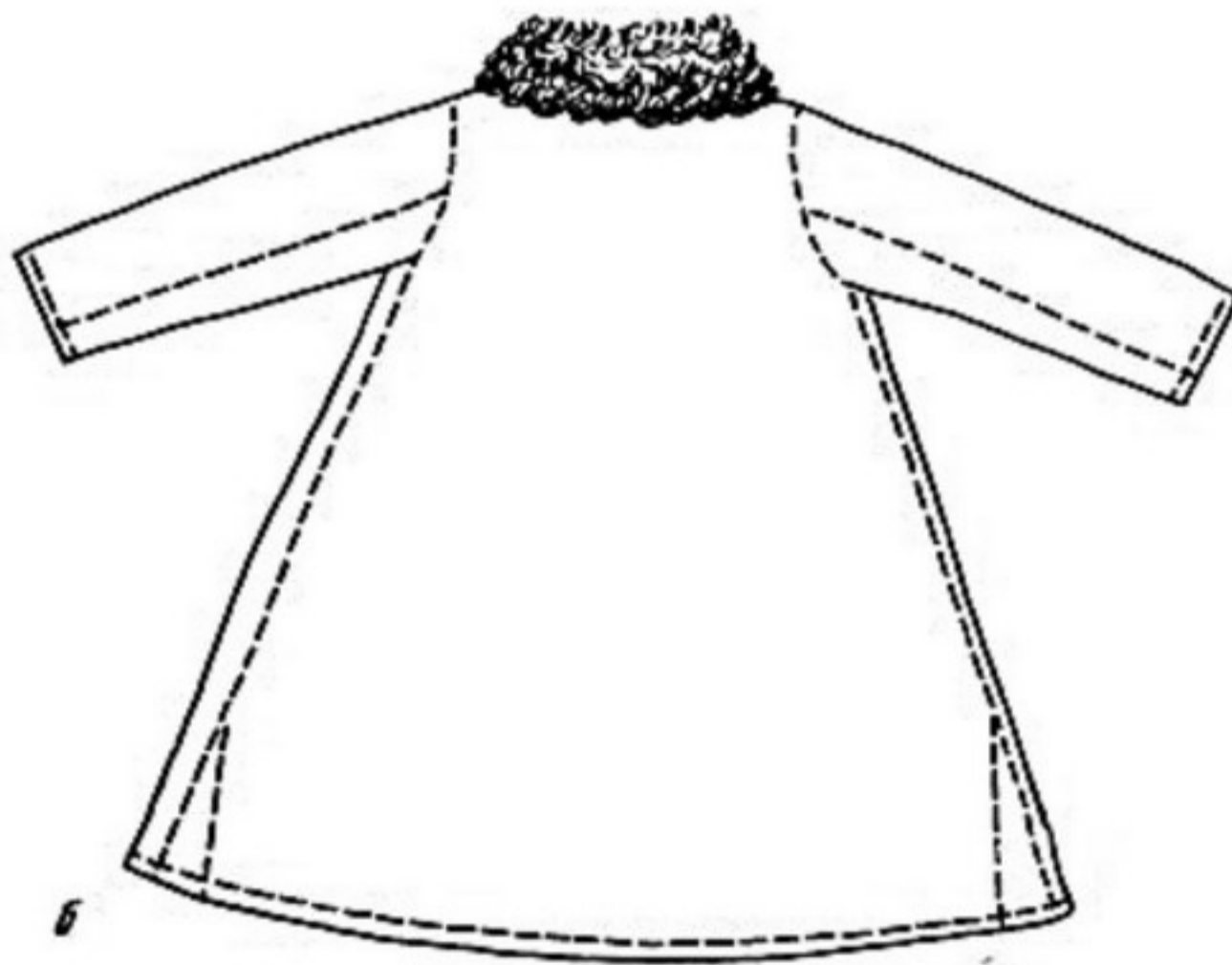
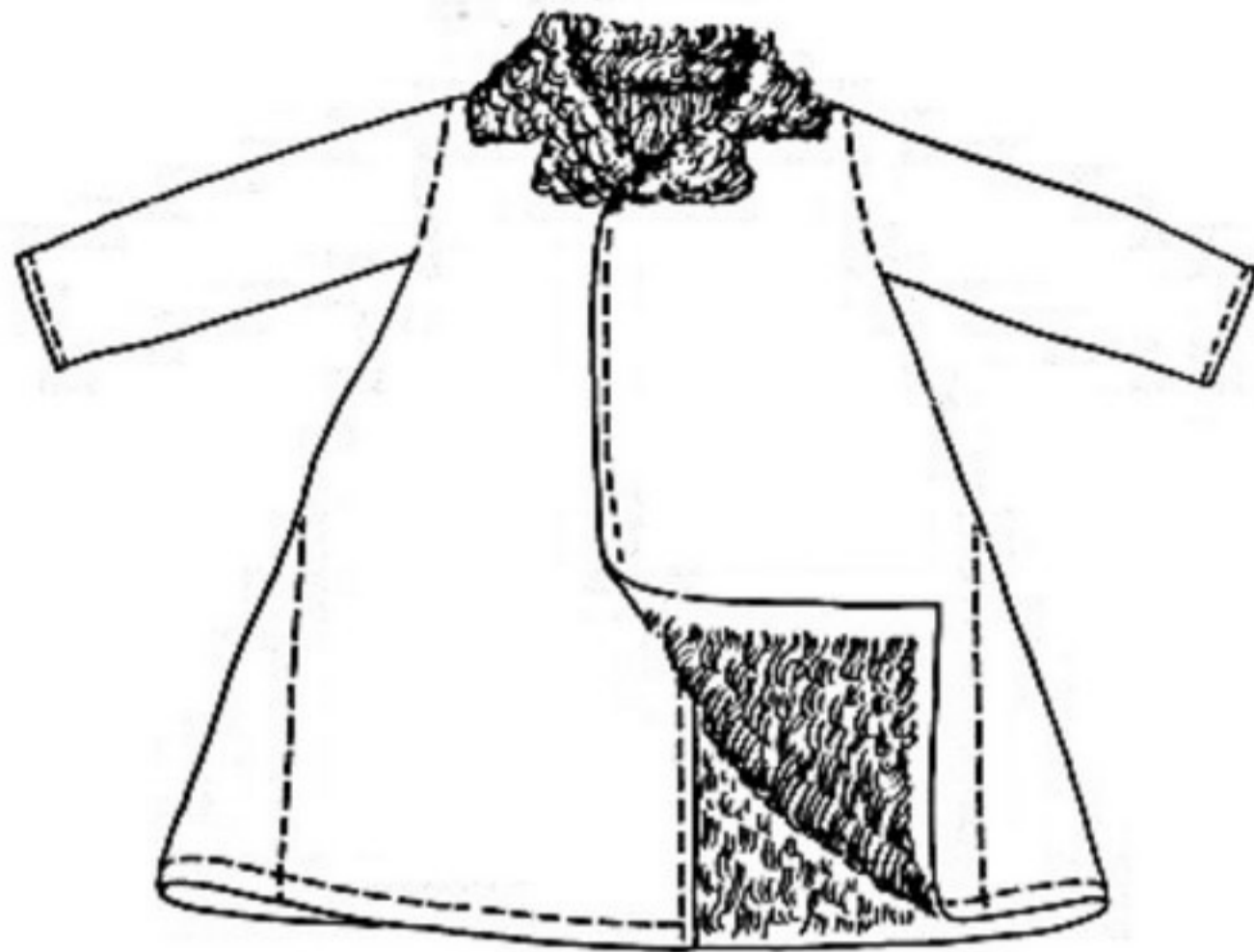

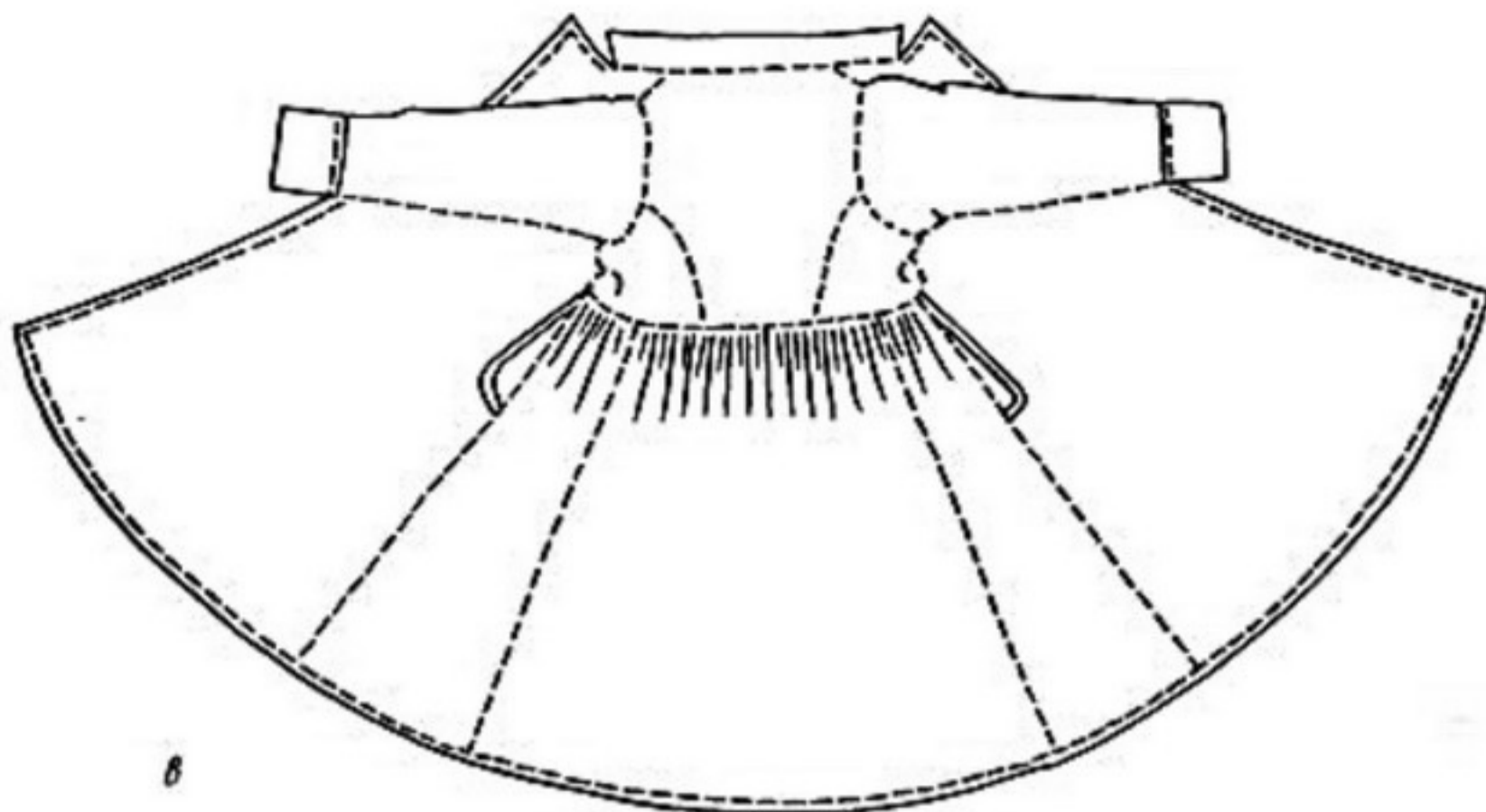
б

Рис. 19. Верхняя одежда конца XIX — начала XX в.

а — женская шуба (спереди и сзади), С. Большое Пляское Одесской области; б — мужской кожан

(спереди и сзади), С. Демидово Одесской области; в — «сибирка», мужская церковная одежда старообрядцев, С. Большое Пляское Одесской области; г — бурнус (сзади и спереди), С. Вознесенка Одесской области

8

Рис. 19 (продолжение)

живут больше года вместе. Все имущество семьи делится по числу сыновей на равные части, отделившемуся обычно приходится небольшая доля, поэтому хозяйство молодого хозяина всегда скудное. Русские же, живя большими семьями, ведут сравнительно большое хозяйство и потому гораздо зажиточнее. Лучшему экономическому положению русских способствовало и занятие промыслами — угольным, санным, плотницким.

Женщина в русской семье работала паравне с мужчиной: поила и кормила лошадей, осенью молотила на току и даже нередко косила, что в украинской семье встречалось реже. Невестки в русской семье находились в полном подчинении стариков и «всегда более покорны их воле, чем невестки у украинцев». Если в семье русских вместе живут три-четыре семейных брата и нет отца, то матери только внешне принадлежит семейная власть, на деле же хозяйством ведает старший брат, который ведет все расходы и хранит деньги. Когда в семье

нет сыновей, а только дочери, то украинцы берут зятя «в приемы». Русские берут в дом зятя сравнительно реже⁷³.

Развивающиеся капиталистические отношения подтачивали большесемейные традиции. В конце XIX и особенно в начале XX в. учащаются разлады большесемейных коллективов. Многие жители села Новокрасное, родившиеся в 1890—1900 гг., рассказывали, что о существовании большой семьи они слышали лишь из рассказов родителей, а «на их памяти» уже редко жили вместе два-три семейных брата⁷⁴.

Внутренняя структура русской патриархальной большой семьи обуславливала и взгляды на брак. Браки заключались преимущественно по выбору родителей, которые в основном руководствовались экономическими соображениями. В конце XIX — начале XX в. при заключении брака чаще стала учитываться взаимная склонность молодых людей. Русские стремились рано, еще до военной службы, женить сына, чтобы иметь в доме даровую работницу (обычный брачный возраст для мужчин — 18—19 лет, для женщин — 16—18 лет). Украинцы нередко женили сыновей

2

Рис. 19. (окончание)

после их прихода с военной службы. Невесту обычно выбирали в своем же селе. Браки между молодыми людьми,

жившими в разных селах, встречались сравнительно редко.

В южных районах Украины, характеризующихся сложным этническим составом населения, уже в прошлом нередко

Рис. 20. П. П. Подолян в старинной шубе, С. Большое Плоское Одесской области

складывались дружественные отношения между представителями различных национальных групп, заключались и браки между русскими и украинцами. Однако этот процесс протекал неодинаково в отдельных районах и в разные исторические периоды. Так, из описания Г. И. Сорокиша мы узнаем, что в местечке Дмитровка вплоть до 1880-х годов в течение 150 лет жили рядом друг с другом, но на отдельных улицах, совершенно не смешиваясь, русские и украинцы. Принадлежа к одному «обществу», по-

секая одну церковь, русские и украинцы этого села не имели друг на друга почти никакого влияния. За время 28-летней службы отца Сорокиша священником в Дмитровке было только три случая, когда русские (вдовцы) женились на украинках, причем только одна из них восприняла русские обычаи, остальные две не изменили ни своему костюму, ни языку. За это же время только один украинец женился на русской и то, видимо, потому, что несколько лет служил у будущего тестя в работниках. Очень редко украинцы и русские между собой становились кумовьями, однако в последние три-четыре года, за-

мечает Г. И. Сорокин, новые усадебные места для отделяющихся семейств стали давать без различия национальной принадлежности. Русские стали селиться попеременно с украинцами, и связь между ними возросла⁷⁵.

Совершенно иное положение описывает другой автор в 1860-х годах в селе Ново-Покровском, расположенном в северо-восточном углу Херсонского уезда, вдалеке от городов и вообще от внешних влияний. Здесь вместе с украинцами жили русские старообрядцы, «которые издавна предпочитали браки на малороссиянках, потому что находили в них хороших заботливых хозяек, и раскол от этого... ослабел». В селении Плоском, возле Тирасполя, отчужденность старообрядцев сохранялась⁷⁶.

Собранные нами полевые материалы также подтвердили замкнутость жизни, поддерживаемую религиозными ограничениями, в старообрядческом селе Большое Плоское. Обособленно от жителей окружающих сел жили русские и в молдавских селах Астраханке и Ново-Васильевке. Заключение межнациональных браков здесь препятствовали религиозные запреты⁷⁷.

В большей же части обследованных нами сел в конце XIX — начале XX в., по рассказам информаторов, браки между русскими и украинцами были довольно распространены⁷⁸.

В селах со смешанным этническим составом межнациональные браки вместе с другими факторами служили предпосылкой естественной ассимиляции малочисленной группы населения доминирующей коренной национальностью данного села.

Сравнительно реже заключались браки между русскими и украинцами, жившими в разных селах. И все же браки между жителями ближайших русских и украинских сел заключались на юге Украины чаще, чем в ее восточных, тоже смешанных в этническом отношении районах, что объяснялось прежде

всего более интенсивными процессами капиталистического развития в южных селах.

Социально-экономические изменения, происшедшие в стране после победы Октябрьской революции, и законодательные акты Советского правительства обусловили преобразования, совершившиеся в структуре, численности, в быту семьи.

Уже в первые годы организации колхозов были созданы условия для коренных изменений в домашнем укладе и внутренних взаимоотношений в семье. Вместе с преобразованием общественных отношений, развитием колхозного производства и отмиранием частнособственнического хозяйства было достигнуто действительное равноправие всех слоев населения, окончательно уничтожены как экономические, так и социальные причины сохранения больших семей.

Для современного сельского населения как украинских, так и русских сел характерна малая семья, которая чаще всего состоит из двух поколений — родителей и их детей. Взрослые семейные дети стремятся выделиться из родительской семьи. В последнее время молодые семьи нередко отделяются от родителей даже в том случае, если в семье нет других детей. Несмотря на эту общую тенденцию, значительный процент составляют также семьи, состоящие из трех поколений, когда молодая супружеская пара проживает совместно с родителями (или одним из них).

Победа социализма в нашей стране имела своим следствием коренные изменения экономической основы семьи и всей совокупности семейно-брачных отношений. Все это способствовало постепенному стиранию прежних особенностей семейного строя и формированию общих социалистических черт современной советской семьи, типичных для сельских жителей всех районов Южной Украины. В структуре и бытовом укладе семьи в русских и украинских селах

теперь не удастся обнаружить тех локальных особенностей, связанных с национальным происхождением их жителей, которые были им свойственны в прошлом.

Коренные изменения произошли за годы Советской власти во взглядах на брак. Браки в обследованных селах, как и повсюду в стране, давно уже заключаются по взаимной симпатии молодых людей. При заключении брака теперь не играют роли вопросы национальной принадлежности.

Результатом расширения сферы общения молодежи был рост национально-смешанных браков, что является одним из факторов межэтнической интеграции и естественной ассимиляции населения в районах смешанного расселения⁷⁹. Возникновению сравнительно большого числа межнациональных браков в обследованных сельских Советах способствовало и смешанное расселение русских и украинцев, поскольку не только в границах района, на территории одного сельского Совета (а также колхоза или совхоза), как правило, расположены и русские, и украинские села.

Важный, во многих случаях этноизолирующий фактор — язык в обследованных районах не являлся препятствием для заключения русско-украинских браков, что объясняется, во-первых, широким развитием здесь двуязычия, а во-вторых, родственной близостью восточнославянских языков.

В период экспедиционных обследований мы подсчитали по данным загсов национально-смешанные браки, заключенные за последние 20 лет в нескольких сельских Советах⁸⁰.

В составе Демидовского сельсовета до 1958 г. было два села — русское Демидово и украинское Голуново. С 1958 г. в Совет вошло еще два украинских села — Яковлевка и Лукашевка. За 11 лет, с 1947 по 1957 г., в Демидовском сельском Совете, где числилось 975 русских и 167 украинцев, было зак-

лючено 36% национально-смешанных браков; за последующие 11 лет, с 1958 по 1968 г., в Совете, где стало примерно поровну русских и украинцев, межнациональные браки составили 42%.

В Астраханский сельский Совет входят русское село Астраханка и три села Борисовка, Свободное, Аранка со смешанным украинско-русским населением. Большинство населения Совета русские, украинцы составляют около 30%. За 23 года, с 1945 по 1967 г., в Совете было заключено 28% межнациональных браков.

Большой процент национально-смешанных браков, однако, не ведет (как можно было ожидать) к сокращению преобладающей в селе национальности. Это объясняется, во-первых, тем, что дети, родившиеся в семьях смешанных по национальному составу, чаще выбирают национальность того из родителей, который принадлежит к группе, доминирующей в данном селе. Во-вторых, число заключенных в Совете межнациональных браков обычно больше числа национально-смешанных семей, проживающих в том или ином селе. Это происходит потому, что многие вновь образованные семьи после заключения брака уезжают из родного села, и, наоборот, другие, уже сложившиеся семьи приезжают в эти села. По данным хозяйственных книг национально-смешанные семьи по отношению к общему числу семей составляли в Астраханке, Новокрасном, Родионовке и Демидове от 11,01 до 14,8% (см. табл. 1). Небольшой процент национально-смешанных семей (2,2%) в селе Большое Плоское объясняется традициями обособленности и замкнутости быта, сохранившимися отчасти и в настоящее время.

* * *

Интересные материалы для исследуемой темы дает изучение традиционного свадебного обряда.

В свадьбе русских переселенцев сохранились общерусские древние обычаи и обряды, преобладали же черты южно-русской свадебной обрядности и довольно четко прослеживалось влияние украинского свадебного обряда.

Общность свадебного обряда украинцев и южных русских не исключала многообразия локальных вариантов в деталях обряда, которые возникали в результате того, что русское население приезжало из различных районов России, а также в связи с тем, что степень заимствований из украинской свадебной обрядности была неодинаковой в отдельных селах и в разные исторические периоды. Как свидетельствуют описания краеведов и напш полевые материалы, в XIX в. во многих русских селах хорошо сохранились старинные русские свадебные обычаи, в начале же XX в. значительно увеличилось число элементов, заимствованных из украинского свадебного обряда.

Отметим лишь важнейшие моменты свадебного обряда у русских переселенцев на Украине, сложившиеся к концу XIX в.

Так же как и повсюду у восточных славян, свадебный обряд здесь разделялся на три последовательных цикла: предсвадебный, свадебный, послесвадебный.

Предсвадебный цикл начинался со сватовства. В обычае сватовства у русских и украинцев было много общего. Ходили сватать обычно близкие родственники жениха. В случае получения согласия вскоре после сватовства в доме невесты совершался *запѳй* или *сговѳр*, особенно характерный для русских. Жених, его родители и близкие родственники с вином и закусками шли в дом невесты, где собирались и родственники со стороны невесты. Во время запѳя назначали время венчания и свадьбы, оговаривались условия заключения брака, материальные издержки на свадьбу со стороны жениха и не-

сты, количество приданого. По заключении сговора «били по рукам» и гуляли всю ночь.

Во многих русских селах была распространена так называемая *кладка* (*покладное* в Дмитровке, *на стѳл* в Астраханке) — предсвадебный взнос родни жениха на свадебные расходы и на наряды невесты. Обычай кладки был повсеместно распространен в России и сравнительно редко встречался на Украине. Размер покладного в Дмитровке колебался от 10—15 до 50 руб. На эти деньги невеста покупала для себя часть приданого и подарки для своих же родственников, в том числе и подарок жениху — красную рубаху, а жених был обязан купить невесте сапоги и тулуп. На свадьбе у невесты пили и ели угощение жениха, иногда жених должен был поставить в доме невесты до 10 и более ведер водки (не считая той, которая вышивается в доме жениха). После «проноя» каждый большой праздник до дня свадьбы отец жениха должен был приглашать родителей и ближайших родственников невесты к себе и угощать их, кроме того, во время большого базара отец жениха угощал свата водкой⁸¹.

В селе Большая Знаменка, так же как и во многих украинских селах, через несколько дней после запѳя у невесты устраивались *заручины*, на которые приезжал жених со сватами и молодыми родственниками. Жених привозил конфеты, орехи, пряники и угощал невесту и ее подружек. Заручины в украинских селах часто соответствовали запѳю у русских. В украинских селах всех гостей на заручинах или *сватанье* угощали родственники невесты, женихова же родня угощала обедом несколько позднее в доме жениха, куда часто отправлялись гулять все старшие гости из дома невесты.

В селах Петровка, Верхние Серагозы, Новокрасное устраивался осмотр дома и хозяйства жениха — *двороглядь*—

ды, *оглядины* — родственниками невесты, обычай, распространенный во многих районах России и на Украине.

В старину после просвата ня девушка освобождала от домашних работ, к ней собирались ее ближайшиe подружки шить приданое. В Астраханке этот обычай сохранялся и в начале XX в. Здесь мать жениха приходила в гости к невесте и дарила ей материал на платье. В этом платье невеста гуляла на второй день свадьбы.

От заоя до свадьбы жених несколько раз приезжал к невесте с гостинцами, они катались на лошадях вместе с подружками невесты, а затем угощались в доме невесты.

В большинстве русских и украинских сел большое значение придавалось изготовлению обрядового печеня — *каравая* — круглого большого хлеба, украшенного фигурками из теста, ветками, лентами, искусственными цветами и др., *лежня* — большого продолговатого хлеба также с разного рода украшениями, *шишек* — булочек, по форме напоминающих сосновые шишки. Изготовление каравая и лежня сопровождалось обрядовыми архаическими действиями и песнями. Каравайный ритуал был характерен как для украинской, так и для южнорусской свадьбы⁶². У молокан, так же как во многих районах севера России, он не играл заметной роли.

Накануне свадьбы, чаще в субботу, невеста вместе со старшей дружкой приглашали на свадьбу своих родственников, а жених в сопровождении дружки созывал гостей со своей стороны. В украинских селах при приглашении вручались шишки, в русских селах приглашение гостей с шишками нам известно лишь в селе Сергеевка. Подобный ритуал приглашения на свадьбу сложился в русских селах Украины, по-видимому, под влиянием украинской свадебной обрядности, поскольку у русских гостей на свадьбу обычно созывал кто-либо из близких родственников.

Вечером накануне свадьбы в доме невесты собирались ее подружки на *девишник, вечерину, вечер*. В дом жениха сходились его товарищи, которые вместе с женихом позднее шли к невесте. Эти вечера олицетворяли прощание с волей, молодостью, товарищами, они сопровождались многочисленными песнями и обрядами.

В отдельных русских селах наблюдались определенные различия в обрядовых действиях на предсвадебных вечерах. Так, в Дмитровке сохранились отголоски обрядового мытья невесты в бане, особенно характерного для свадьбы северных областей России. Здесь в субботу вечером девушки вели невесту в соседний дом (поскольку бань в этой местности не было) и пели:

Разтопился, банюшка,
Разтопился, каменка.
Разсышся бел жемчуг
По столу дубовому,
По серебряному блюдечку⁶³.

Крестная мать угощала девушек водкой, а невеста лежала на разостланном и вывернутом мехом вверх кожухе и причитала. Когда возвращались в родной дом, невеста продолжала плакать, а ее подружки рассаживались за столом, грызли орехи и семечки и пели песни. В это же время родные жениха собирались у жениха, угощались, а затем, прихватив угощение и водку, отправлялись в дом невесты. Встреча жениховых родственников в доме невесты сопровождалась многочисленными и строго установленными театрализованными действиями.

В Астраханке вечеринки в субботу происходили и в доме жениха, и в доме невесты. Невеста заблаговременно готовила жениху подарок — рубаху, штаны, чулки, платочек. Дружка с двумя товарищами приезжал на вечеринку к невесте выкупать рубаху жениха. Девушки прятали подарок, требовали выкуп, пели песни. Выкупив подарок, дружка в

свою очередь дарил невесте от жениха ботинки (в которых невеста венчалась). Затем дружка приглашал родителей невесты и их родственников на вечеринку к жениху, где устраивалось обильное угощение столов на десять. Невеста оставалась дома со своими подружками.

В Верхних Серагозах у невесты вечеринка называлась *девичником*, а у жениха — *караваном*. Молодежь гуляла на девичнике, а постарше собирались в дом жениха на караван²⁴.

Кульминационным моментом свадебных обрядов была собственно свадьба, происходившая обычно в воскресенье. Почти во всех русских селах, за исключением Дмитровки, венчание молодых совершалось в воскресенье. Русские села различались порядком следования действий в свадебный день и местом, отводимым венчанию.

В селах Демидово, Большое Плоское, Большая Знаменка, Верхние Серагозы, так же как и во многих районах центральных губерний России, акт венчания был неразрывно соединен с народными свадебными обрядами. Здесь рано утром в доме невесты собирались ее подружки, они убирали невесту к венцу, пели обрядовые песни, отец с матерью благословляли невесту и сажали ее вместе с подружками за стол.

В доме жениха в это время торжественно готовился к отъезду свадебный поезд, родители благословляли жениха. За невестой ехали на тройках или парах коней с бубенцами и колокольчиками, украшенных лентами и платками. Перед въездом во двор невесты поезд задерживали парни палками и ружьями, дружка откупался от них деньгами и водкой.

В доме невесты дружка выкупал место для жениха около невесты у ее младшего брата. Невеста прощалась с родственниками, причитала перед каждым. Жениха сажали рядом с невестой за стол. Затем жених и невеста стано-

вились на колени на вывернутую мехом вверх шубу, отец с матерью благословляли их. Отъезд жениха и невесты к венцу сопровождался действиями, имевшими в старину магическое значение (обсыпание молодых овсом, конфетами, орехами, стрельба из ружья и т. д.). Все эти обряды в доме невесты — выкуп ворот, места за столом и косы невесты, благословение молодых, торжественный отъезд молодых — были известны всем восточным славянам, а поэтому в обследованных районах встречались и в русских, и в украинских селах.

После венчания молодые ехали в дом жениха. В Дмитровке венчание происходило за несколько дней до свадьбы, поэтому от невесты поезд направлялся прямо в дом жениха. У молочан венчание совершалось в доме невесты. Здесь свадьба носила более религиозный и строгий характер, меньше было песен, отсутствовали магические обрядовые и театрализованные действия. После венчания в доме невесты устраивался большой обед, затем все родственники жениха и невесты ехали на тачанках в дом жениха.

В Петровке и Новокрасном, где больше чувствовалось влияние украинской свадебной обрядности, перед венчанием жених заезжал за невестой, иногда невеста и жених отправлялись в церковь, не заезжая друг к другу. После венча невеста обедала в доме жениха, а потом уезжала (или уходила) к своим родителям, туда же вслед за ней и отправлялся торжественный свадебный поезд жениха и только тогда в доме невесты разыгрывались все те обрядовые действия (выкуп ворот и косы невесты, прощание невесты со своей родней и др.), которые в других русских селах обычно совершались до венчания. В это же время у невесты, а иногда и в доме жениха, происходил обряд *повивания* или *покрывания*. Невесте расплетали косу, заплетали волосы на две косы, подбирали их в *сборник* (*очипок, кичку*), а

сверху повязывали платок или шарф. Во время повивания свашки держали над молодыми шелковый шарф или кисею, а девушки пели печальные песни. В других русских селах, там, где после венчания молодые ехали в дом жениха, как и во многих районах России, невесту повивали в доме жениха.

В какой бы последовательности ни совершались свадебные действия, свадьба в воскресенье повсюду заканчивалась в доме жениха. Родители торжественно встречали молодых с хлебом и солью, благословляли и обсыпали их хмелем, овсом или житом, а затем усаживали за стол и поздравляли. В старое время молодых тут же отводили на приготовленную в отдельной комнате брачную постель, а в конце ужина выводили на одаривание. Позднее, примерно в начале XX в., молодые уходили в свою спальню после завершения праздника. В обследованных русских селах почти не сохранилось воспоминаний об обрядах установления девственности невесты, тогда как в ближайших украинских селах на доме вывешивали красный флаг (или ставили бутылку красного виша) — обычай, характерный в прошлом для многих районов Украины⁸⁵.

К молодому на пир собирались также и родственники новобрачной. В это же время часто привозили приданое невесты, которое обычно выкупали у ее родственников еще во время прибытия туда поезда жениха. Свадебное пиршество сопровождалось песнями, плясками, величаниями гостей, дружки, свахи.

Во время свадебного пира происходило одаривание молодых, которое сопровождалось раздачей каравая. В традиционном ритуале одаривания при многих общих особенностях существовали локальные варианты. В большинстве русских сел одаривание происходило в воскресенье во время торжественного свадебного обеда. Сторона новобрачной

преподносила подарки своей новой родне.

Молодая одаривала также своих крестных, а нередко и ближайших родственников. В селах Большая Знаменка и Петровка молодая одаривала родственников молодого, а молодой дарил родственникам новобрачной, в Новокрасном новобрачный одаривал своих родственников, а молодуха — своих. В Демидове невеста подарков вообще не делала, что было более характерным для свадебного обряда ближайших украинских сел. Все родственники, гулявшие на свадьбе, одаривали молодых. В Большой Знаменке в доме жениха дарила только невестина родня, а женихова родня отдаривала молодых в понедельник в доме молодой. В Демидове и Астраханке одаривание молодых происходило в понедельник в доме молодого.

С понедельника начинались после-свадебные празднества, которые в некоторых селах продолжались целую неделю. Бесшабашное веселье, песни, пляски, ряженые, разнообразные обрядовые и игровые действия, исполнявшиеся в русских селах, имели много общего с украинской свадебной обрядностью. В Большой Знаменке молодой муж со сватами наутро после свадьбы шел к родителям своей жены, преподносил им живую курицу в красных лентах и благодарил за хорошую дочь. Затем все родственники молодого шли к родителям его жены, там они дарили новобрачных и угощались. Большое празднество в доме родителей молодой в первый день после свадьбы устраивалось также в Демидове, Петровке, Сергеевке и других русских селах. В Дмитровке на второй день родственников молодой жены приглашали в дом ее мужа на *отвбды*. В течение нескольких дней гуляба устраивалась то в доме молодого, то в доме молодой, то у их близких родственников. На второй или третий день у всех гостей, присутствовавших на свадьбе, собирали или «во-

ровали» кур, варили их в доме новобрачных, ходили ряженые.

За годы Советской власти свадебный обряд подвергся большим изменениям, вызванным новыми условиями жизни. Развитие общественного производства, рост материального благосостояния населения, повышение культурного уровня, изменение потребностей, вкусов сельских жителей определяют новые формы и содержание свадебного ритуала.

В настоящее время в организации свадьбы обычно активное участие принимают администрация и общественные организации колхозов и совхозов. Для лучших производителей колхозы и совхозы часто устраивают за счет общественного хозяйства комсомольские свадьбы. Такие свадьбы обычно происходят в клубе, в праздничной торжественной обстановке. После окончания праздника в клубе свадебное гулянье обычно продолжается в домах жениха и невесты. Новым и чрезвычайно важным моментом свадебного ритуала теперь стала торжественная регистрация брака в сельсовете или клубе. Эти особенности, распространенные в обследованных селах, характерны и для современного свадебного обряда украинцев. Как известно, в последние два десятилетия по инициативе партийных, советских и общественных организаций на Украине проведена большая работа по разработке и внедрению в быт нового ритуала советской свадебной обрядности⁸⁶.

Новые черты в современной сельской свадьбе, которые постепенно становятся традиционными, причудливо переплетаются со старыми обычаями и обрядами. Коренным образом изменились взгляды на брак и на саму свадьбу, но в самой форме проведения свадьбы, пожалуй, более чем в какой бы то ни было другой стороне современного сельского быта, сохраняются традиционные особенности. Народный свадебный обряд, разумеется, подвергся значительной транс-

формации, некоторые обряды отпали или редуцировались. Как и в других районах расселения русских, почти не исполняются такие обряды предсвадебного цикла, как запой, заручины, обычай выплаты родителями жениха денег родственникам невесты (на стол, поклажное), обычай осмотра дома и хозяйства жениха, обряд мытья невесты в бане, традиционное шитье невестой и подружками приданого и др. Исчезли моменты, обусловленные в прошлом подчиненным положением женщины в семье и в обществе, например оплакивание невестой и ее подружками девичьей воли, особое поведение просватанной девушки и др. Сохраняющиеся традиционные свадебные обычаи переосмысливаются, утрачивают свое прежнее значение и содержание, одни из них все более приобретают развлекательный игровой характер, другие продолжают бытовать исключительно формально, лишь в силу инертности традиции.

Почти повсюду сохраняется обычай сватовства и официального сговора между родителями жениха и невесты, последний, однако, сводится, обыкновенно, лишь к решению вопросов по организации свадьбы и связанных с ней материальных расходов. Как и прежде, жених и невеста приглашают на свадьбу своих родственников, но теперь нередко с вручением пригласительных открыток. Накануне свадьбы в доме жениха и невесты устраиваются молодежные вечеринки, в характере устройства которых нередко прослеживаются традиционные элементы. По-прежнему большое значение придается изготовлению обрядового печенья (каравая, лежня, гильца, шишек) и старинным обычаям, связанным с ним: каравай украшает свадебный стол, караваем одевают всех гостей во время одаривания, с караваем встречают молодых.

В воскресенье назначается свадьба, ей, как и раньше, придается большое значение. В этот день исполняются основ-

ные традиционные обычаи, сохраняется последовательность их исполнения: одевание невесты, торжественный свадебный поезд жениха и «преграды», чинимые ему на пути, выкуп ворот в доме невесты и места около невесты, выкуп приданого, благословение родителями молодых, встреча молодых в доме жениха, свадебный пир, одаривание молодых.

На второй и третий день свадьбы исполняются многочисленные традиционные развлекательные игровые моменты, молодожены посещают родителей молодой, гости гуляют и в доме молодого, и в доме молодой, режут кур, ходят ряжеными. Свадьба сопровождается старинными и новыми советскими песнями, шутками, плясками. Преобладают русские песни, но нередко можно услышать и украинские песни.

Значительно модифицированный современный свадебный обряд стал более унифицированным и однотипным, однако в отдельных русских селах при исполнении некоторых свадебных обычаев по-прежнему сохраняются локальные варианты.

* * *

Итак, этнографическое обследование русских и украинцев на юге Украины выявляет сложные процессы взаимодействия между расселенными здесь группами этих народов.

Русские группы населения на юге Украины, сформировавшиеся в течение XVIII—XIX вв., развивались в определенных исторических, социально-экономических, этнических и естественно-географических условиях, во многом отличных от условий жизни их предков на основной территории России.

Процесс адаптации русских в новых условиях происходил в постоянном контакте с местным украинским населением и осложнялся новыми миграционными волнами из различных рус-

ских, преимущественно южных, а также из украинских губерний.

Заселение русских сел переселенцами из разных районов, иноэтническое окружение, изменение в местах нового поселения условий жизни — все это приводило к формированию своеобразных особенностей культуры и быта, отразилось на развитии основных определителей этноса.

Важным показателем существования этнической общности является национальное самосознание. Как показало обследование, основная масса русских, проживающих на Украине компактно в отдельных селах, сохраняет свое национальное самосознание. Русские же семьи, поселившиеся в украинских селах, уже в третьем или четвертом поколении ассимилируются, они воспринимают украинский язык, меняется и их самосознание. Точно так же украинцы, составляющие меньшинство в русских селах, ассимилируются русскими. В районах смешанного национального расселения значительное влияние на сохранение или изменение национального самосознания имеет фактор расселения. Стойкое сохранение национального самосознания у компактно живущих групп русского населения на Украине — убедительный пример того, что национальное самосознание может длительное время сохраняться при территориальном и хозяйственно-культурном отрыве отдельных групп народа от основного этнического ядра.

В обследованных русских селениях бытуют южнорусские говоры с заметным украинским влиянием, которые в настоящее время подвергаются сильному воздействию русского и отчасти украинского литературных языков. В результате действующей в школах языковой системы обучения молодежь и люди среднего возраста свободно владеют двумя литературными языками. Данные статистики свидетельствуют о широком развитии на территории

Южной Украины этнолингвистических процессов, в частности двуязычия.

Этнографическое обследование русских на юге Украины выявляет сложные напластования в их культуре, обусловленные своеобразием этнического состава, специфическими условиями жизни в инонациональном окружении и непосредственным взаимодействием культур в районах смешанного расселения народов.

В традиционно-бытовой культуре групп русского населения наряду с элементами, несущими этническую специфику, прослеживается много общих черт с украинцами. Этническая специфика наиболее четко выявлялась в структуре семьи, в свадебном обряде, в устно-поэтическом творчестве, а также в одежде. Во второй половине XIX — начале XX в. в русских селах носили русский традиционный комплекс женской и мужской одежды, здесь преобладали большие семьи с типично патриархальным укладом, характерным для центральных районов России, исполнялись русские народные песни. В свадебном обряде наряду с действиями, общими для всех восточных славян, выполнялись обряды, особенно характерные для русских. Русские традиции более ярко проявлялись в обычаях проноса, сговора, кладки, в обычае имитации мытья невесты в бане, в последовательности свадебных действий в первой половине воскресенья, в характере одаривания и др.

Значительно слабее специфические национальные традиции сказывались в жилище (в распространении срубного строительства, в постановке дома на усадьбе с окнами на улицу, в сохранении и способах сооружения таких хозяйственных построек, как баня и амбар) и в сельскохозяйственной технике (в частичном сохранении сохи в качестве пахотного орудия, в использовании лошади как основной тягловой и рабочей силы, в бытовании лубяного

лукошка для посева зерновых, в укладке снопов крестцами и др.).

Традиционная культура в русских селах характеризовалась как общерусскими особенностями, так и чертами, специфическими для южной и средней полосы России.

С другой стороны, обнаруживается большая культурно-бытовая общность между обследованными группами русских и украинцев. Формирование общих черт в культуре объясняется: сходными историческими, социально-экономическими и природными условиями жизни всех народов, населяющих Южную Украину; непосредственным взаимодействием их культур в районах смешанного расселения. Возникновению сходных черт в культуре русских и украинцев на данной территории способствовали и наличие общности в традиционной культуре русских и украинцев вообще и, в частности, то, что большинство русских поселенцев на Украине были выходцами из южнорусских областей. Как известно, в быту жителей лесостепной и степной Украины и южнорусских районов было много общих черт, сложившихся в результате длительных исторических контактов населения, и под влиянием сходных условий жизни, обусловивших давнюю близость культур народов этих районов.

Коднотипным формам культуры, одновременно характерным для русских и для украинцев, относятся сельскохозяйственные орудия обработки и рыхления почвы, уборки урожая, молоты и веяния, способы сева, многие приемы строительной техники жилища, форма и покрытие крыши, конструкция печи, план жилого дома, тип двора, покрой традиционной женской рубахи, верхней одежды, обуви, мужских головных уборов, многие элементы семейного быта, свадебных обрядов и др.

Многие из этих черт культуры сформировались еще в феодальную эпоху

в результате сложного взаимодействия причин. Как уже указывалось выше, унификация затрагивала прежде всего менее устойчивые элементы культуры, развитие которых непосредственно зависит от действия производительных сил и окружающей среды.

Вместе с тем многие особенности быта русских переселенцев, общие с украинцами, возникли сравнительно поздно, уже после переселения русских на юг Украины, и отражают непосредственное влияние украинской традиционной-бытовой культуры. Это проявилось, например, в жилище (распространение невысоких хат, обмазанных глиной и побеленных снаружи, полжелезные матицы, внутренний план хаты, постройка дома за забором с ориентацией окон на солнце и др.), в сельскохозяйственной технике (распространение двухколесного тяжелого плуга, однозубого и многозубого рала, устройство цепа), а также в некоторых элементах одежды, свадебных обрядов и других культурно-бытовых особенностях.

Более стойкое сохранение в жилище и некоторых других чертах быта украинских этнографических особенностей объясняется историческими причинами, и прежде всего численным преобладанием украинцев.

В отдельных элементах культуры русских групп, особенно в жилище, сельскохозяйственных орудиях (например, примитивное жилище типа землянки, наличие двух домов во дворе, навесной дымоход в сенях, многие детали строительной техники, основные орудия пахоты, уборки, молотбы, веяния и др.), прослеживаются черты сходства с культурой других народов, населяющих территорию Южной Украины (болгар, молдаван, греков, албанцев).

Во второй половине XIX — начале XX в. юг Украины — один из районов наиболее интенсивного развития капи-

талистических отношений в сельском хозяйстве. Широкие экономические связи южных районов с центром России и европейскими странами, расширение торгового земледелия и как следствие этого быстрое экономическое развитие сельского хозяйства — все это способствовало классовому расслоению населения и активизации процесса замены самобытной русской и украинской культуры новыми, общими для всех народов формами, развивающимися под влиянием города. Процессы пивелировки традиционной культуры прежде всего происходили в быту богатой прослойки сельского населения, они проявлялись также по-разному в отдельных селах и зависели от хозяйственно-экономического положения селения, связей с городом, развития торговых отношений.

За годы Советской власти в ходе осуществления социальных и экономических преобразований, вместе с общим подъемом материального благосостояния и культурного уровня, в процессе подлинной культурной революции происходит дальнейшее развитие и расцвет национальной культуры, формируются новые прогрессивные особенности в материальном быте и духовной жизни населения. Они выражаются, в частности, в улучшении жилищно-бытовых условий сельского населения, в массовом строительстве добротных многокомнатных домов, усовершенствовании строительной техники, в появлении типовых сборных домов, из стандартных заводских деталей, в распространении современных форм городской одежды, в повышении калорийности питания, окончательном утверждении малой семьи, которую характеризуют равноправные взаимоотношения всех ее членов, в повышении культурного уровня семьи и во многом другом.

Все эти новые черты и особенности в равной степени распространены и в русских, и в украинских селах, и ими

в первую очередь определяется образ жизни сельского населения сегодня. В период коммунистического строительства наблюдается активный процесс бытового и культурного сближения народов, постепенно исчезают прежние локальные особенности быта.

Развитие социалистического быта и усиление общих, интернациональных черт культуры не исключают сохранения прогрессивных национальных традиций. В настоящее время, так же как и в прошлом, процесс сближения различных групп восточнославянского населения развивается неравномерно в отдельных областях культуры. Сохраняющиеся, например, традиционные особенности в жилище, пище, в некоторых элементах свадебного обряда в одинаковой мере прослеживаются и в русских, и в украинских селах. Наиболее же четко преобладание той или иной этнической специфики у русских или украинских поселенцев в обследованных районах Украины продолжает проявляться в говорах, их лексике и ономастике, в народно-поэтическом творчестве, отдельных элементах свадебного обряда и почти незаметно в жилище, одежде, в семейном быту и других элементах культуры.

Сближению культуры украинского и русского населения способствует общность происхождения этих народов, близость их языка и культуры, а также отсутствие даже в дореволюционное время антагонизма между русскими и украинцами.

Распространение новых, общесоветских форм культуры оказывает определенное влияние на изменение национального самосознания. Так, имевшие место в прошлом различия в русском и украинском традиционных женских костюмах, локальные особенности русских и украинских говоров отчасти оказывали влияние на заключение национально-смешанных браков. Вместе с исчезновением локальных культурно-бытовых особенностей отпадает и частично существовавшее в прошлом в этих районах противопоставление русских и украинских групп населения и особенностей их культуры.

Интенсивное развитие процессов этнического сближения рядом живущих и прежде всего родственных по языку и традициям народностей и наций характерно для многих разнонациональных районов Советского Союза и обусловлено социально-экономическими условиями развития советского общества.

¹ *Сорокин Г. И.* Местечко Дмитровка: Опыт историко-статистического и этнографического описания. Херсон, 1889; *Он же.* Свадьбы и свадебные песни у малороссов и великороссов м. Дмитровка Александрійского у. (Херсонской губернии).— Киевская старина, 1890, сентябрь, год 9-й, т. XXX.

² *Науко В. И.* Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975.

³ Современное официальное название этого села Великая Знаменка.

⁴ Современное официальное название этого села Великопольское.

⁵ *Скальковский А. А.* Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I. Одесса, 1850, с. 212—214.

⁶ *Дружинина Е. И.* Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970, с. 99.

⁷ *Багалец Д. И.* Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры.— Киевская старина, 1889, год 8-й, т. XXV, с. 475.

⁸ *Коцневский А. С.* Участие крестьян-сектантов в заселении и хозяйственном освоении Южной Украины: Вторая половина XVIII—первая половина XIX в.— В кн.: Тезисы докладов и сообщений XI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1969, с. 97—98.

⁹ *Арина А. Е., Котов Г. Г., Лосева К. В.* Социально-экономические изменения в деревне: Мелитопольский район. 1885—1938 гг. М., 1939, с. 9.

¹⁰ *Багалец Д. И.* Колонизация..., с. 475.

¹¹ Архив Института этнографии АН СССР. Материалы отряда по этнографическому изучению русского сельского населения

- (далее — АИЭ МОЭИРСН), 1968, л. 142, 166.
- ¹¹ АИЭ МОЭИРСН, л. 166, 168.
- ¹² Сборник статистических сведений Таврической губернии. М., 1887, с. 3—4.
- ¹³ АИЭ МОЭИРСН, 1968, л. 185.
- ¹⁴ Архив Института этнографии АН СССР. Материалы Южного отряда Комплексной экспедиции (далее — АИЭ МЮОКЭ), 1969, л. 71, 72.
- ¹⁵ АИЭ МЮОКЭ, л. 110, 123.
- ¹⁶ Сорокин Г. И. Местечко Дмитровка..., с. 3—5.
- ¹⁷ АИЭ МОЭИРСН, 1968, л. 204, 211.
- ¹⁸ АИЭ МЮОКЭ, 1969, л. 225.
- ¹⁹ Нами использованы материалы об истории села Демидова из рукописи местного жителя заслуженного учителя УССР М. Т. Кузьмина, писавшего историю с. Демидова с использованием материалов ЦГАДА (ф. 1267, оп. 11, д. 164; оп. 3, д. 410).
- ²⁰ АИЭ МЮОКЭ, 1969, л. 148, 198.
- ²¹ Там же, л. 171, 198.
- ²² Історія міст і сіл Української РСР. Одеська область. Київ, 1969, с. 279.
- ²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 128.
- ²⁴ Поскольку в переписи населения 1897 г. отсутствовал вопрос о национальности, здесь приводятся данные переписи о родном языке. В большинстве случаев в сельской местности данные о языке в то время совпадали с данными о национальности.
- ²⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. ХLI. Таврическая губерния. СПб., 1904, с. VI, VII; т. ХLVII. Херсонская губерния, с. 90.
- ²⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. IV, Национальный состав населения СССР. М., 1973, табл. 8, с. 176, 182, 183, 188.
- ²⁷ Архив АН СССР. Ленинград, ф. 135, оп. 3, л. 597.
- ²⁸ АИЭ МОЭИРСН, 1968, л. 138.
- ²⁹ Там же, л. 107.
- ³⁰ АИЭ МЮОКЭ, 1969, л. 45, 90, 102.
- ³¹ Там же, л. 130, 148, 168, 171, 196, 199.
- ³² АИЭ МОЭИРСН, 1968, л. 157, 166, 168.
- ³³ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию: Очерки Днепра, ч. 1, СПб., 1863, с. 419.
- ³⁴ АИЭ МОЭИРСН, 1968, л. 1.
- ³⁵ См.: Чижикова Л. И. Об этнических процессах в восточных районах Украины.— Сов. этнография, 1968, № 1, с. 22—25.
- ³⁶ Путешественник XIX в. А. Афанасьев-Чужбинский так объяснял происхождение этих названий: «В Малороссии еще и доньше сохранился обычай подбрасывать чуб, оставляя клочок волос, называющийся «оселедцем», и поэтому великороссы называли украинца хохлом, за что в отыщепие получила название «кацапа»... Малороссы бреют бороды, а человека с бородою кому-то пришлось назвать цапом (козел), отсюда «кацап» (Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию, с. 6, 7).
- ³⁷ Зеленый Д. К. Великорусские голоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913, с. 141.
- ³⁸ Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: Очерки по этнографии края, т. I. Харьков, 1893, с. 64.
- ³⁹ АИЭ МОЭИРСН, 1968, л. 201.
- ⁴⁰ Чижикова Л. И. Этнографические особенности русского населения Молдавии.— Сов. этнография, 1973, № 3, с. 30, 31.
- ⁴¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 110.
- ⁴² Чарыков Г. Этнографические сведения о жителях, населяющих часть Херсонского уезда. 1849.— Архив географ. об-ва, разр. 45, оп. 1, д. 1.
- ⁴³ Бессараба И. В. Материалы для этнографии Херсонской губернии. Пг., 1916.
- ⁴⁴ АИЭ МОЭИРСН, 1968, л. 157.
- ⁴⁵ Чижикова Л. И. Об этнических процессах в восточных районах Украины, с. 28.
- ⁴⁶ Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977, с. 54.
- ⁴⁷ О процессах естественного сложения на Украине украинско-русского и русско-украинского двуязычия в сферах общественной и бытовой жизни: Русский язык как средство межнационального общения, с. 60—62, 84 и др.
- ⁴⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. IV, табл. 8, с. 176, 182, 183, 188.
- ⁴⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 253.
- ⁵⁰ Чарыков Г. Этнографические сведения...
- ⁵¹ АИЭ МОЭИРСН, 1968, № 205.
- ⁵² Горленко В. Ф., Бойко Г. Д., Куницкий О. С. Народна землеробська техніка українців, Київ, 1971, с. 96.
- ⁵³ Арина А. Е. и др. Социально-экономические изменения в деревне..., с. 46.
- ⁵⁴ Самойлович В. П. Народное архитектурное творчество. Киев, 1977, с. 14.
- ⁵⁵ АГО, разр. 45, оп. 1, д. 1 и 6.
- ⁵⁶ Маркова Л. В. Поселения и жилища болгарских переселенцев в Бессарабии.— Краткие сообщения Ин-та этнографии, 1955, вып. 24, с. 11.
- ⁵⁷ Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. Л., 1975, с. 137—141.
- ⁵⁸ Будина О. Р. О некоторых особенностях развития жилища греков Приазовья.— В кн.: Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1971 г. М., 1972, т. II, с. 190—200;

- Маркова Л. В.* Поселения и жилища болгарских переселенцев в Бессарабии, с. 7; *Куфтин Б. А.* Жилища крымских татар в связи с историей заселения полуострова. М., 1925, с. 29.
- ⁵⁹ *Самойлович В. П.* Народное архитектурное творчество, с. 23—24; Сельское жилище. Киев, 1976, с. 75—81.
- ⁶⁰ Сельское жилище, с. 28—29.
- ⁶¹ *Чарыков Г.* Этнографические сведения...
- ⁶² *Афанасьев-Чужбинский А.* Поездка в Южную Россию, с. 419.
- ⁶³ *Бабенко В. А.* Этнографический очерк народного быта Екатеринославского края. Екатеринослав, 1905, с. 44—57.
- ⁶⁴ *Наулко В. И.* Развитие межэтнических связей на Украине, с. 225—227.
- ⁶⁵ *Чижикова Л. И.* Этнографические особенности русского населения Молдавии, с. 37.
- ⁶⁶ *Лебедева Н. И., Маслова Г. С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. — В кн.: Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 229.
- ⁶⁷ См.: *Миронов В.* Міський костюм на Україні (кінець XIX — початок XX ст.). — Народна творчість та етнографія, 1971, № 5, с. 22—27.
- ⁶⁸ АИЭ МОЭИРСН, 1968, л. 159.
- ⁶⁹ АИЭ МОЭИРСН, 1968, л. 68.
- ⁷⁰ АИЭ МОЭИРСН, л. 113.
- ⁷¹ Там же, 1968, л. 171, 193; АИЭ МЮОКЭ, л. 35, 171, 193, 204, 210, 221.
- ⁷² *Сорокин Г. И.* Местечко Дмитровка, с. 10.
- ⁷³ *Сорокин Г. И.* Местечко Дмитровка, с. 8—12.
- ⁷⁴ АИЭ МЮОКЭ, 1969, л. 53, 82.
- ⁷⁵ *Сорокин Г. И.* Местечко Дмитровка, с. 5—6; *Он же.* Свадьба и свадебные песни у малороссов и великороссов м. Дмитровки..., с. 193—194.
- ⁷⁶ *Шмидт А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Херсонская губерния, ч. 1. СПб., 1863, с. 530.
- ⁷⁷ АИЭ МОЭИРСН, 1968, л. 77.
- ⁷⁸ Там же, л. 166; АИЭ МЮОКЭ, 1969, л. 90, 149.
- ⁷⁹ См.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1975, с. 430, 458—480.
- ⁸⁰ Подсчет браков с учетом национальности супругов, вступающих в брак, в сельской местности менее результативен, чем в городе, по той причине, что в районных загсах данные о браках суммируются по сельским Советам, а не по отдельным селам. За последние 20 лет состав сельских Советов часто менялся. Кроме того, как уже отмечалось, в один Совет входят и русские, и украинские села.
- ⁸¹ *Сорокин Г. И.* Местечко Дмитровка, с. 11.
- ⁸² *Здоровега И.* Нариси народної весільної обрядовості на Україні, Київ, 1974, с. 79.
- ⁸³ *Сорокин Г. И.* Свадьбы и свадебные песни у малороссов и великороссов..., с. 225.
- ⁸⁴ АИЭ МОЭИРСН, 1968, л. 33, 39, 194.
- ⁸⁵ Весілля, Кн. 1. Київ, 1970, с. 141, 437 и др.
- ⁸⁶ См.: Свята та обряди Радниської України. Київ, 1971, с. 205—232.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РАЙОНА ПРИАЗОВЬЯ

На юге Украины есть один район, где с конца XVIII в. и по сей день живет несколько этнических общностей, различных по происхождению и языку. Наблюдения над процессами бытового, хозяйственного и культурного развития, которые протекали в этой многоэтнической среде на протяжении двухсот лет, представляют большой научный и практический интерес.

Речь идет о районе Восточного Приазовья — бывшем Мариупольском уезде Екатеринославской губернии (в границах конца XIX в.) — современных районах Донецкой области УССР: Великоновоселковском, Волновахском, Старобещевском, Володарском, Першотравненском и Приморском, а также о городском районе г. Жданова.

Заселение Приазовья было одним из звеньев в мероприятиях русского правительства по освоению южных степных пространств, присоединенных к России в течение XVIII в.

В целях ослабления Крымского ханства, находившегося в вассальной зависимости от Османской империи, русское правительство предприняло меры по выводу из Крыма (в конце 1770-х годов) в пределы Российской империи христианского населения — греков, армян, грузин и волохов¹ (всего более 30 тыс. человек)². Армяне-григоряне заселили г. Нахичевань и его окрестности, а также поселились в Екатеринославе (позднейший Новомосковск). Грекам были предоставлены земли на

северном побережье Азовского моря между реками Волчьей, Мокрые Ялы и Кальмиус. Экономическим и административным центром греческого населения стал г. Мариуполь³.

Греки, жившие в Крыму, говорили на двух языках: одна группа пользовалась крымскотатарским языком, а другая — одним из диалектов новогреческого, или иначе — крымскорумейским языком. В пределах крымскорумейского насчитывалось 5 языковых групп, взаимопонимание между которыми было очень слабым. Самоназвание бывших крымских греков *румеюс* (ед. число), *румей* (мн. число). Жителей г. Мариуполя, говоривших на крымскотатарском языке, сельчане именовали *базарьотами* (т. е. «жителями базара», города). Крымскотатарский диалект они называли *базарьотку глоса*. В свою очередь татароязычные греки именовали тех, кто говорил на крымскорумейском языке, *татами*⁴.

При заселении Мариупольщины гречоязычные и татароязычные греки селились раздельно. Основывая новое поселение, эмигранты называли его по имени родного села. Иногда жители нескольких крымских сел собирались вместе, и новое село принимало название того места, которому принадлежало большинство из этой группы. По этой же причине многие из приазовских сел имеют по два и более названия (иногда кварталы того или иного приазовского села носят имена родных по-

селений)⁵. Наименования некоторых сел крымских греков не появились на карте Приазовья: выходцы из них или примкнули к более крупным группам переселенцев, или же во время трудного переселенческого пути вернулись обратно в Крым⁶. Вот почему соответствие между населенными пунктами в Крыму и в Приазовье устанавливается с трудом.

Крымскорумейский и крымскотатарский языки оставались бесписьменными, поэтому при известном расхождении местных говоров возникали фонетические варианты топонимов. В официальных документах имел место перевод некоторых названий с татарского языка на русский.

Все указанное послужило причиной того, что в различных источниках — документах, печатных изданиях и на картах — можно встретить много разночтений в обозначении населенных пунктов Мариупольщины.

Ниже дается список сел, основанных греками-переселенцами. Первым указывается наиболее принятое местное название, затем его варианты и, наконец, современное наименование. Названия перечисляются в алфавитном порядке.

Румейскоязычные села:

Бугас (Бугасу, Волиоваха), совр. Максимовка.

Каракуба (Большая Каракуба, Старая Каракуба, Аргин), совр. Раздольное.

Константинополь (Фуна, Демерджи).

Сартана, теперь называется Приморское, один из пригородов г. Жданова.

Стыла (Стила, Стиля).

Урауф (Маджарь), совр. Приморское.

Чердаклы (Чердахлы), совр. Кремневка.

Чермалык (Чурмалих, Черманли), совр. Заможное.

Малая Янисоль (Малый Янисоль, Ени-Сала, Янысала, Харахла), совр. Куйбышево.

Ялта (Ялита).

Число румейскоязычных сел позже пополнилось Новой Каракубой (отселок Старой или Большой Каракубы), которая ныне называется Красная Поляна.

В 1829 г. греки — переселенцы из Турции основали село Анадоль (Анадолка, Анатолю).

Татароязычные села:

Бешево (Бешуй, Старо Бешево).

Богатырь.

Камарь (Камар, Камара, Комар).

Карань, совр. Гранитное.

Старый Керменчик (Ески-Кермен), совр. Старомлишовка.

Старый Крым (Ески-Хырым), ныне часть г. Жданова.

Ласпа (Ласпи, Старая Ласпа, Староласпа).

Мангуш, совр. Першотравненское.

Улаклы (Улла-Хыллы, Жипдеець, Демрек, Жемрек).

Одно село — Большая Янисоль (Большая Енисоль, Езенбаш, ныне Великая Новоселка) было заселено представителями обеих языковых групп.

Село Игнатовка (Игнатьевка, Старая Игнатьевка, Староигнатовка) было заселено потомками крымских грузин, говоривших по-татарски. Первоначально здесь же поселились и волохи (в Крыму они жили в г. Гёзлеве и Бахчисарае, в с. Абдала), но спустя некоторое время, между 1780 и 1782 гг., они основали в 10 км к северу новое село, назвав его Новой Игнатовкой (Новоигнатьевкой)⁷.

От Старого Керменчика отошли два отселка: Новый Керменчик и Малый Керменчик.

Итого 25 населенных пунктов, первоначальные жители которых — греческие переселенцы. Из них половина населена румейскоязычными людьми (двенадцать с половиной сел) и столько же — татароязычными.

Город Мариуполь (первоначально Мариуполь, ныне Жданов) заселили по большей части татароязычные греки⁸.

Был организован самоуправляющийся греческий округ.

Первоначально греки, как и другие «иностранные колонисты», получали по 30 дес. земли на ревизскую душу, сверх того на всех греческих переселенцев было отведено 12 тыс. дес. для выгона и 6 тыс. дес. для рыбной ловли. Поселенные в Приазовье греки были освобождены от государственных налогов на 10 лет, получили и другие привилегии, в частности освобождение от военной службы (эта последняя привилегия действовала 100 лет).

Однако освоить пожалованные им обширные площади переселенцы не могли. Сказывались тяжелые условия жизни в открытой степи, низкие технические возможности и нехватка рабочих рук. Естественный прирост был ничтожен, население греческих колоний почти не увеличивалось. Избыточные земли позже были изъяты у греков и переданы другим переселенцам, среди которых преобладали государственные крестьяне из различных губерний (Полтавской, Харьковской, Черниговской, Курской и Смоленской)⁹. С начала XIX в. поселения русских помещичьих крестьян (на жалованных помещикам от правительства землях или скупаемых ими) сосредоточились на северо-западе уезда. Кроме того, значительное число русских крестьян из центральных губерний оседало поодиночке в различных населенных пунктах, особенно в последние десятилетия XIX в. В 1829 г. в юго-западной части Мариупольского уезда были поселены казаки, возвратившиеся из Турции и образовавшие так наз. «Землю войска Азовского». Она была упразднена в 1857 г., часть казаков переселилась на Кубань, а оставшиеся были причислены к казенным крестьянам и получили по 9 дес. на ревизскую душу¹⁰.

На юго-западе Мариупольского уезда с греческими селами соседствовали болгарские, основанные в течение XIX в. Всего сюда из Буджака переселилось до 30 тыс. болгар¹¹.

В самом конце XVIII в. и в первой половине XIX в. на Мариупольщине были основаны земледельческие колонии немцев и евреев. Немцы были выходцами из Западной Пруссии, Польши и Чехии. В 1823 г. в Мариупольском уезде было 17 немецких колоний¹². Некоторые из них носили собственные имена, большинству же были присвоены просто порядковые номера; под этими номерами они запомнились местному населению¹³. В начале XX в. среди немцев Мариупольщины были по преимуществу лютеране и католики¹⁴. По левому берегу Кальмиуса также расположились немецкие колонии, с которыми были связаны греческие села восточной части Мариупольского уезда. К «немцам» пародная молва причисляла и мендонитов, расселенных в западной части уезда¹⁵. В последней четверти XIX в., когда всеобщая воинская повинность была распространена и на «иностранных колонистов», они выехали в Америку.

Еврейские колонисты переселились из тех областей Белоруссии, которые вошли в состав России в 1792 и 1795 гг. В середине XIX в. во всей Екатеринославской губернии насчитывалось 6 еврейских земледельческих колоний, а к концу этого столетия — 17¹⁶.

В самом Мариуполе еврейская община существовала примерно с 1820 г. Первые еврейские переселенцы были преимущественно ремесленниками. С 1859 г., когда в городе разрешено было селиться лицам негреческой национальности, число горожан-евреев значительно увеличилось, в 1890-х годах они насчитывали свыше 650 человек. В 1864 г. была построена синагога, в 1890-х годах открыто училище¹⁷.

Таким образом, в течение XIX в. в Приазовье, как и во всей Новороссии, сформировалось население, сложное как по этническому составу, так и в социальном отношении¹⁸.

В 1892 г. в Мариупольском уезде насчитывалось 130 сел, из которых 24

были населены греками. Первопоселенцы этого края — греки к тому времени составляли 34% всего населения, русские и украинцы — 50, немцы — 13, евреи — 3%¹⁹.

Согласно переписи 1897 г., которая фиксировала родной язык населения, в Мариупольском уезде, преобладали украинцы (154 594 человека), русских насчитывалось 37 388. Мариупольский уезд являлся одним из тех четырех уездов Екатеринославской губернии (наряду с Бахмутским, Екатеринославским и Славяносербским), где доля русского населения была достаточно высокой, причем было велико численное преобладание мужчин над женщинами²⁰. Греческий язык признали родным 48 290 человек, татарский — 25 472 человека (сюда входят, несомненно, татароязычные греки, следовательно, общее число превышало 63 700 человек). На немецком языке говорили 19 104 человека, на еврейском — 10 291, по-турецки — 5317²¹.

Данные по вероисповеданию жителей Мариупольского уезда дополняют сведения о языке: иудеев — 10 672 (что несколько превышает число людей, признавших еврейский язык родным), лютеран — 11 720 (остальные 6 тыс. с лишним человек с немецким родным языком могли быть католиками и мейнпитанами), старообрядцев — 7790 (ими могли быть русские), остальные (222 600 человек) — православные (в это число вошли все греки, а также православные турки²²).

Этнические группы, жившие в Приазовье, вступали между собой в связи самого различного характера, главным образом хозяйственные.

Направление хозяйственной деятельности каждой из этнических групп определялось национальными традициями. Греки в первый период после переселения были по преимуществу овцеводами. Освоение под пашню целины, требовавшее применения гро-

моздких пахотных орудий (они были самодельными), большого количества тяглового скота и приложения многих рабочих рук, шло медленно²³. Хлебопашество (зернового направления) стало их основным занятием примерно во второй половине XIX в.

Преобладание овцеводства в хозяйстве определило организацию сельскохозяйственной территории у греков: соотношение выгонов и пашен, тип поселения и характер крестьянской усадьбы. В облике многих сел до сих пор проглядывают характерные особенности скотоводческого поселения, расположенного в пересеченной местности, изобилующей некрутыми холмами и балками. Тип таких поселений первоначально был разбросанным, жилые дома стояли на обширных усадьбах со многими службами. Особенно характерно такое поселение на востоке Мариупольщины (села Стыла, Ласпа, Анадоль, Бугас, Чердаклы, Карань, Старая Игнатовка и др.). Крестьянская усадьба была лишена зелени — ни садов, ни палисадников; на просторном дворе находились загоны для скота, конюшни, обязательно сарай для половы, в глубине усадьбы располагался ток.

Скотоводческое направление хозяйства определило и некоторые бытовые навыки: преобладание мясной и молочной пищи по сравнению с хлебной и растительной, традицию ношения шуб, кожных шапок из овчины, постолов из сыромятной кожи, преобладание шерстяной домоткачины для изготовления одежды, постельных принадлежностей к предметам убранства дома.

В это время среди греческих крестьян господствовали определенные воззрения, определенное отношение к специализации хозяйства. Установилось несколько презрительное, высокомерное отношение к ремеслу как к занятию второго сорта. Почитаемым в сельском обществе человеком был чабан. Главный чабан «судаман» (в других районах

Новороссии в том же значении «атаман», ср. «атаман») пользовался высоким авторитетом в общественных делах, все старались заполучить его в качестве свата, так как знали, что с его мнением люди считаются²⁴.

Дополнительные заработки греки искали также в пастушеской деятельности. Некоторые мужчины отправлялись в Область войска Донского, где в середине XIX в. организовывались экономии капиталистического типа с использованием наемной силы (там преобладало мясное направление овцеводства, меринских овец разводили мало, хотя Ростову и принадлежало ведущее место по экспорту шерсти)²⁵. Кое-кто двигался дальше, на Северный Кавказ и Кубань. За несколько лет работы наемными пастухами греки зарабатывали некоторую сумму денег и небольшое стадо овец, достаточное, чтобы у себя на Мариупольщине завести самостоятельное хозяйство²⁶.

Основой хозяйства немецких колонистов были хлебопашество (они первыми на Мариупольщине стали сеять озимую пшеницу, которая успешно шла на экспорт, с применением севооборота и черных паров), в качестве дополнительных занятий — овцеводство (в меньших, чем у греков, размерах), свиноводство, разведение домашней птицы²⁷. Немцы жили изолированно от других этнических групп Мариупольщины. Очень редко вступали в браки с людьми другой национальности, в среде молодежи даже близко расположенных друг к другу инонациональных сел не возникало дружеского общения. Вместе с тем происходил обмен хозяйственными навыками²⁸.

Болгары занимались хлебопашеством зернового направления²⁹. Кроме того, они были опытными огородниками и снабжали жителей города и сел овощами. Греки, как правило, сами огородничеством не занимались, изредка и лишь для разведения овощей на продажу на-

нимали болгар³⁰. Болгары с греками и представителями других этнических групп не сближались.

Евреи частично занимались хлебопашеством, частично в качестве ремесленников обслуживали бытовые нужды городского и сельского населения (в частности, в качестве портных). Некоторые евреи селились в греческих селах и в большей степени, чем немцы, общались с жителями этих сел (браки, разумеется, были исключительно редки и сопровождалась изменением вероисповедания).

Жители местных украинских сел были по преимуществу земледельцами.

Кроме постоянно живших на территории русских, много русских ремесленников и сельскохозяйственных рабочих прибывало в этот район из центральных областей России, обычно артелями на летний сезон (главным образом из Курской и Орловской губерний)³¹. Многие из них оставались в греческих селах на долгий срок, работали плотниками, мельниками, кузнецами. Некоторые из этих русских ремесленников оседали здесь навсегда, особенно беглые крестьяне, иногда (но далеко не всегда) становились членами сельского общества. Среди самих греков ремесленников почти не было, если не считать мастеров по шитью одежды из овчины — специфического занятия, связанного с традициями скотоводства. Поэтому греческое сельское общество всегда было заинтересовано в ремесленниках, да и батраков брали охотно и беглых, как правило, не выдавали³².

На протяжении первых ста лет заселения и хозяйственного освоения Приазовья сохранялась значительная бытовая изоляция этнических групп. Причиной тому была разбросанность поселений на обширной территории, слабые торговые связи между ними (индивидуальное крестьянское хозяйство в значительной степени обеспечивало нужды семьи), а также языковой и психо-

логический барьер, в том числе и конфессиональные различия. В известной мере эта изоляция поддерживалась искусственно правительственными чиновниками³³. Сказывалось и неравенство прав, которыми были наделены разные этнические группы: привилегированное положение греков, меннонитов. Много в этом отношении зависело от националистически настроенной социальной верхушки, препятствовавшей проникновению в греческую среду русского языка³⁴.

Межэтнические браки были крайне редки³⁵.

Устоявшийся быт был в известной мере нарушен двумя событиями в жизни Российской империи: реформами 1861 г. и столыпинской реформой 1906 г.

С 1859 г. Мариуполь был подчинен гражданскому управлению Екатеринославской губернии; в городе разрешили селиться людям негреческой национальности³⁶. В 1869 г. был упразднен так называемый «греческий суд» — выборный орган, где всеми делами заправляли купцы и кулаки — представители социальной верхушки. В 1874 г. на греков распространился закон о всеобщей воинской повинности.

В пореформенный период хозяйственная жизнь Мариупольщины оживилась. Мариуполь наряду с Бердянском, Керчью и другими азовскими портами еще в первой половине XIX в. стал важным торговым пунктом, один из крупнейших портов по экспорту пшеницы³⁷. Его торговый оборот увеличился после того, как в 1882 г. к городу была подведена железная дорога, по ней подвозили уголь Донецкого бассейна для отправки морем в порты Азовского и Черного морей. В 1890 г. в городе были основаны металлургические и металлообрабатывающие заводы, предприятия пищевой, строительной промышленности и др.

Все эти перемены не могли не повлиять на хозяйственный и семейный быт сельского населения. На деньги, вы-

рученные от продажи зерна, крестьяне приобретали товары фабричного производства, матерью для шитья одежды, предметы домашнего обихода и т. п. В хозяйстве греков появился фабричный сельскохозяйственный инвентарь³⁸. От немецких колонистов, общение с которыми стало более интенсивным, греки перенимали более совершенные методы земледелия (постепенно переходили от яровых хлебов к озимым, усвоили методы севооборота и черных паров), навыки разведения свиней и домашней птицы, замечательными транспортными средствами, в меньшей степени — сельскохозяйственные машины³⁹.

Постепенно расширялся кругозор местного населения. Этому в известной мере способствовал все увеличивавшийся приток русских переселенцев, среди которых было немало беглых по политическим мотивам (участников крестьянских бунтов и т. п.). Основной же фигурой русского переселенца был сельскохозяйственный рабочий или ремесленник, искавший временный или постоянный заработок в бурно развивающихся южных губерниях⁴⁰. «Уже несколько десятилетий, — писал В. И. Ленин в 1913 г., — вполне определился процесс быстрого экономического развития юга, то есть Украины, привлекающей из Великороссии десятки и сотни тысяч крестьян и рабочих в капиталистические экономии, на рудники, в города»⁴¹.

К концу XIX в. наметилось симптоматическое изменение отношения общественного мнения к профессии ремесленников и другим несельскохозяйственным занятиям. Греки стали перенимать от русских и украинцев кое-какие ремесла, например строительное дело. Кузнечное мастерство было освоено ими прежде всего, так как оно было непосредственно связано с сельским хозяйством⁴². Изменилось отношение к профессии пастуха: теперь, когда основной доход шел от продажи зерна, все силы греческой крестьянской семьи были направлены на

землепашество, в пастухи стали наниматься прежде всего бедняки, которые не могли прокормиться от земли. Это не значит, что фигура удамана (главного чабана) и его общественный авторитет исчезли, отнюдь нет, но в отдельных селах появился новый тип пастуха — бедняка, горемыки⁴².

Введенная реформой 1906 г. хуторская система усилила уже ясно наметившееся экономическое расслоение среди сельского населения⁴³.

Социальное расслоение шло одновременно в двух основных направлениях: между отдельными селами и между группами крестьянства внутри сельского общества. При расслоении первого направления возникали различия, порой существенные, между селами с различной этнической принадлежностью. Греки, наделенные большими земельными площадями, пользовавшиеся многими привилегиями, были в массе зажиточными крестьянами. Немецкие колонии, также поставленные при их основании в выгодные условия, были, как правило, крепкими хозяйствами. Еврейские земледельческие колонии значительно отставали от немецких и греческих⁴⁴.

Украинцы и русские — бывшие государственные и бывшие помещичьи крестьяне — находились в наименее благоприятных условиях, особенно последние. Менее обеспеченные землей, чем первопоселенцы, они зачастую вынуждены были батрачить у зажиточных греков и немцев, живя у них на усадьбах и хуторах. Обычно работника нанимали на летний сезон: с весны до Покрова, но зачастую оставляли его и на зиму с тем, чтобы он кормил скот. Иногда работник жил у работодателя несколько лет⁴⁵. Например, в с. Константинополь зажиточные греки нанимали работников по большей части из соседнего украинского села Андреевки, иногда и из других сел⁴⁶.

Украинские женщины в гораздо большей степени, чем греческие, вкладыва-

ли труд в экономическое обеспечение семьи. Многие из них искали приработков на стороне. Женская прислуга в богатых греческих и немецких домах была целиком из местных украинок, частично из приехавших русских. В противоположность им греческие девушки даже из очень бедных семейств в услужение не нанимались⁴⁷. Не случайно они казались посторонним наблюдателям «замкнутыми» и «необщительными»⁴⁸.

В начале XX в. в среднем на двор приходилось пахотной земли: у немцев — 35,2 дес., у греков — 28,2 дес., у потомков азовских казаков — 19,4 дес., у евреев — 18,6 дес., у бывших государственных крестьян — 9,6 дес.⁴⁹ Столь же неравномерным было обеспечение хозяйств инвентарем и рабочим скотом⁵⁰.

Каждая из рассматриваемых этнических групп не была, разумеется, социально однородной. Села, населенные людьми одной национальности, имели различные экономические возможности.

С середины XIX в., когда кончились возможности свободной заимки земли, возникло одновременное существование двух видов землевладения: частное — свободно отчуждаемое и общинное — выгон, неудобная земля и резервная. Размер частного владения зависел от того надела, который приходился на одного мужчину («мужская душа»); земельная норма не была стабильной в разных селах, зависела от обеспеченности удобной землей всего села в целом. Часть удобной общественной земли была свободна от посевов и использовалась под пастбища. Она же служила резервом для наделения землей поворожденных «мужских душ». Частота переделов также не была определенной для всех сел, к ним прибегали в зависимости от сложившейся конкретной ситуации. Когда резерв исчерпывался, прекращались дополнительные наделы.

Села имели различный размер угодий. От этого зачастую зависело благосостояние его жителей и общий экономический

уровень. Это же обстоятельство приводило к конфликтным ситуациям.

Село Византия (выселок Сартапы) имело резервный общественный участок около самого села за балкой, другим концом он примыкал к угодьям села Македоновки. Происходили споры, даже драки за эту землю между маленькой Византией (40 дворов) и Македоновкой (200 дворов)⁵².

Весьма различным было экономическое и культурное развитие сел, расположенных близко к торговым центрам, и глубинных, сохранивших традиции скотоводческого хозяйства. Отсюда и различная степень освоения русского языка и городской культуры. Зажиточные крестьяне из сел, связанных с городом и торговлей, таких, как грекоязычная Ялта или татароязычный Мангуш, отправляли своих детей на учебу в Ростов или Екатеринослав. Это молодое поколение усваивало русскую городскую культуру, приносило в родные села новые бытовые навыки. Богатым торговым селом была Карань, расположенная вблизи железнодорожной станции; здесь всегда было много пришедшего люда, собравшегося в поисках заработка. В Старой Каракубе, лежащей несколько севернее Карани, издавна жили русские ремесленники. В селах, мало связанных с городом, таких, как Чардаклы, дольше сохранялись традиции скотоводческого хозяйства и специфика местного быта⁵³. Довольно обособленно жили татароязычные села Игнатовка, Лесна, грекоязычное село Анадоль.

Так складывалось экономическое, культурное и правовое неравенство между различными этническими группами, населявшими Мариупольщину, и между разными селами одной национальной группы.

Но гораздо существеннее для понимания общего направления процессов капитализации сельского хозяйства расхождение второго направления — внутри каждой из этнических групп.

В. И. Ленин, анализируя в 1893 г. крестьянское хозяйство в южных губерниях Украины, особо останавливал внимание на этом обстоятельстве. Он выделил среди крестьянства три группы: зажиточную, среднюю и бедную. Две последние, по его наблюдениям, испытывали «громадное стеснение в земле... благодаря коммерческому расширению запашек зажиточных крестьян»⁵⁴. Наши примеры из жизни Мариупольских сел на рубеже веков говорят о том же самом.

Для ведения хозяйства средней семье требовалось две пары лошадей. Тот, кто имел одну пару, вынужден был вступать в «супригу» с соседом, родственником и т. д. Не все хозяева имели нужный набор сельскохозяйственных орудий. В этом случае опять возникали отношения суприги, аренды инвентаря за отработку и т. д. Слабосильные хозяйства, не имевшие достаточно рабочих рук, тягловой силы, инвентаря, засеивали только часть принадлежавшей им пахотной земли, остальное отдавали в аренду, сами же пробавлялись батрачеством⁵⁵. Например, в с. Богатырь зажиточные хозяйства нанимали батраков из соседнего украинского села Андреевки и из бедных греческих семейств — своих же односельчан⁵⁶. После крестьянской реформы возникла возможность отчуждения частновладельческой земли, так называемой «вечной», и богатые крестьяне покупали ее у своих маломощных соседей.

Появилась прослойка зажиточных сельчан, которые не только вели крупное хозяйство с применением наемной рабочей силы, но и занимались предпринимательской деятельностью. Богач из с. Богатырь Савва Петрович Федоров, гуртовщик, торговец скотом, владел большим хутором близ Богатыря и землей на стороне (по воспоминаниям информатора, — в Саратовской губернии). Балжи владел заводом сельскохозяйственных машин в с. Новая Каракуба,

снабжал своими изделиями сельский округ⁵⁷.

В с. Урзуф местный кулак владел мельницей, магазином, жил в доме под железной крышей. Для обработки своего обширного земельного надела он нанимал батраков, которые обрабатывали землю его инвентарем и на его тягле. Сам он непосредственно в хозяйстве не работал, «даже в поле не выезжал», как вспоминают местные старожилы. К нему нанимались бедные односельчане.

Среднее хозяйство в с. Урзуф того времени владело, кроме земельного участка, 2 лошадьми, 2 коровами, 7 овцами, садом с фруктовыми деревьями и тутовником⁵⁸.

В с. Сартана богач Тануш владел паровой мельницей, механизированным маслобойным заводом, большим магазином, значительным земельным участком. Рабочим своих предприятий отпускал товары в кредит со скидкой в 1—0,5 коп., записывая кредит в специальные документы («заборные книжки»), обчитывал покупателей. Тех, кто осмеливался жаловаться, выгонял без выплаты жалованья. Боясь безработицы, рабочие терпели.

В 1910-х годах в Сартане было много малоземельных, они уходили на заработки на заводы Мариуполя и на шахты. В 1910 г. из Сартаны выехало в Сибирь несколько малоземельных семей. Например, семья крестьянина Церахто владела 15 дес. земли, из них пригодных для обработки было 10 дес. Для семьи, где подрастали двое сыновей, этот надел считался недостаточным. Семья выехала в Сибирь на свободные земли⁵⁹.

В богатом большом селе Старый Керменчик в пореформенную эпоху часть населения вынуждена была уходить на заработки в Мариуполь и на строительство железной дороги⁶⁰.

В украинском селе Андреевке после столыпинской реформы на ревизскую душу приходилось по 3 дес. пахотной

земли (если в семье был один мужчина и пять и более женщины, давали еще один надел в 3 дес.). Кулаки же, которые получали возможность скупать землю, имели по 15—20 дес. Два священника местной церкви владели по 40 дес. каждый. Крупные хозяева освоили севооборот и сеяли озимую пшеницу, в то время как бедняки, вынужденные «спрягаться» по два-три хозяйства, ограничивались лишь яровым хлебом⁶¹.

Среди приехавших русских ремесленников, осевших в греческих селах, также не было социальной однородности. Бывший сезонник-строитель Николай Кожин, поселившийся в Богатыре в начале XX в., взял в свои руки все подряды на строительные работы в этом селе. Земли он не имел, так как не стал членом сельского общества, а сыновей своих обучил профессии строителей. Еще зимой он принимал заказы от сельчан, брал денежный задаток, а весной, когда на Мариупольщину прибывали отходники, организовывал из них несколько артелей и руководил их работой на нескольких строительствах одновременно. Он сам расплачивался с сезонниками, кормить же рабочих должен был застройщик. Сыновья Кожина женились на местных гречанках, осели здесь прочно и продолжали заниматься плотницким делом⁶².

Социальное расслоение происходило и среди болгарских колонистов⁶³.

В среде колонистов-меннонитов А. Клаус еще в конце 1860-х годов⁶⁴ подметил существенные имущественные и социальные различия. Наиболее зажиточных, владевших усадьбами и наделами пахотной земли он называл «хозяевами», менее обеспеченную группу — «малоусадьбниками», а к третьей отнес безземельных, которые не имели доли в общинных землях колоний; они или покупали землю на стороне, или арендовали ее у местных помещиков, иногда же были вынуждены искать средства к существованию, занимаясь

ремеслами, торговлей; были среди них и батраки, «проживающие и работающие у хозяев по найму»⁶⁵. В пяти колониях, составивших Мариупольскую меншонитскую волость, к группе «хозяев» А. Клаус отнес 149 семейств, ко второй группе — 126 (из них 38 семейств жили на арендованных у помещиков землях), к безземельным — 92, 122 мужчины из этих семей (в возрасте от 16 до 60 лет) работали по найму ремесленниками и батраками⁶⁶.

Выявив социально-экономические различия в хозяйстве трех социальных групп местного населения, В. И. Ленин пришел к выводу: «зажиточное крестьянство, у которого средства производства значительно выше среднего и труд в силу этого отличается большей продуктивностью, является главным, преобладающим над остальными группами, производителем сельскохозяйственных продуктов во всем этом районе; по характеру своему хозяйство этой группы — коммерческое, основанное в весьма значительной степени на эксплуатации наемного труда»⁶⁷. Во всех трех группах были крестьяне различных национальностей. Внутри каждой имущественной группы социальные связи в определенных жизненных ситуациях оказывались крепче, чем между представителями одной этнической группы. По этому поводу В. И. Ленин заметил: «русский зажиточный крестьянин ближе к немцу-колонисту, чем к своему бедному соотечественнику»⁶⁸.

Батраки, сезонные рабочие, поденщики, подсобные рабочие в лавках, подмастерья в кузницах, домашняя прислуга — все эти люди, не имевшие достаточно земли и продававшие свою рабочую силу, будучи представителями различных национальностей — евреями, греками, немцами, русскими, украинцами⁶⁹, — были больше сплочены между собой, чем с работодателями, хотя бы они и принадлежали к той же национальной группе, что и наемные рабо-

чие⁷⁰. Батраки и батрачки, принадлежавшие к разным национальностям, чаще вступали в браки между собой, чем представители других социальных групп.

Таким образом, в формировании хозяйственного комплекса многонационального района, где несколько десятков сел, заселенных людьми разных национальностей, тяготели к одному городу — Мариуполю как торгово-административному центру⁷¹, взаимодействовали два основных фактора: этнические традиции и конкретное положение этого района в общей социально-экономической истории страны.

Одним из показателей капиталистического развития юга России являлся рост торгового обмена между городом и деревней на городских рынках и между селами на ярмарках.

О начальных стадиях такого обмена писал А. А. Скальковский в середине XIX в.⁷² К концу XIX в. торговый обмен несравнимо увеличился. Если до 1800 г. в Мариуполе ярмарка собиралась один раз в год — 1 октября, то в конце XIX в. организовались четыре ярмарки в год: 23 апреля в день св. Георгия, 22 июля — в день Марии-Магдалины, 1 октября — в день Покрова Богородицы, 6 декабря — в день св. Николая. Наиболее многолюдными были ярмарки 23 апреля и 1 октября⁷³. «На них приезжают из разных ближайших городов, селений и других мест купцы, мещане, поселяне и прочего звания люди и производят торг — красками, железными, простыми бакалейными и прочими товарами, а остальные пригоняют разного рода скот, привозят для постройки из Бахчисарайского и других уездов сосновый и дубовый лес, шерсть, разного рода яровой и озимый хлеб и все вообще съестные продукты...»⁷⁴

Каждое крестьянское хозяйство вынуждено было создавать часть продукции специально для рынка, иначе оно не могло существовать. С рынком были

связаны все села без исключения, лишь с некоторой разницей в интенсивности этих связей. Например, греческое село Бугас не имело ближних рынков, жизнь его была довольно замкнутой. В селе не было русских ремесленников (помнят только одного сапожника). Почти никто не знал русского языка (даже в 1920-х годах дети, начиная учиться в школе, должны были осваивать язык заново). Однако торговые связи села были достаточно активны: хлеб продавали в Мариуполь. По балкам были разбиты огороды, где выращивали овощи — помидоры, капусту специально для продажи в г. Юзовке. Бугас одно из немногих — если не единственное — греческих сел, жители которого взялись за овощеводство в торговых целях: покупали рассаду и получали необходимую консультацию на одном хуторе близ Юзовки. Скот в 1920-х годах продавали в Волновахе, сало возили в Юзовку. Местные нужды удовлетворяли магазины сельских торговцев, которые помимо того, что владели землей и сами занимались земледелием и огородничеством, держали лавки, где торговали всем необходимым: материей, москательными товарами, упряжью и другими шорными товарами, кондитерскими изделиями и т. п.⁷⁵

На северо-западе греческого ареала группа греческих и украинских сел была тесно связана между собой оживленными экономическими связями.

В греческом селе Богатырь ярмарка собиралась раз в год «на Спаса».

В украинском селе Алексеевке ярмарка собиралась три раза в год: на троицу, в день Петра и Павла и в день Покрова. Покровская ярмарка была самая большая, она длилась 9 дней. В первый день разворачивалась оптовая торговля скотом, в остальные дни продавали и покупали всевозможные товары сельскохозяйственного, ремесленного и промышленного производства. Хлебом на ярмарках не торговали, его возили или на

станцию Удачная, или в Мариуполь, где его можно было продать по более дорогой цене; хлеб обычно доставляли на сыпные пункты, на которых накапливались большие запасы зерна для экспортной торговли⁷⁶.

Болгары привозили на алексеевскую ярмарку овощи. Издалека, с Кавказа, везли сладости. Местные торговцы (в начале XX в. в Алексеевке их было четверо) строили специально к ярмарке помещения для продажи всевозможных товаров, нужных в крестьянском обиходе, а из Екатеринослава приезжал кунец и разворачивал торговлю готовой одеждой, обувью, другими разнообразными товарами. На ярмарку съезжалось много народу из северо-западных сел Мариупольщины, представители всех многочисленных этнических групп. Хотя мало кто из греков знал русский язык в совершенстве, а украинцы и русские, за небольшим исключением, греческим языком не владели, хотя крымскотатарский и крымскотатарский имели незначительное взаимное проникновение, да и румыны из разных сел с трудом могли между собой договориться, здесь, в ярмарочном многолюдье, возникало необходимое взаимопонимание: бывалые люди из каждой этнической группы осваивали нужную для этого случая лексику соседствующих языков⁷⁷.

На востоке греческого ареала крупным торговым центром было татароязычное село Карань. При своем основании это было типичное поселение овцеводов, расположенное в холмистой местности, малоудобной для земледелия. Столыпинская реформа, последовавший за ней резкий крен всей хозяйственной деятельности в сторону товаризации, особые выгоды, которые открывала продажа зерна, изменили жизнь этого села, как и многих других.

При перераспределении обрабатываемой земли сельские богачи получили участки поближе к селу; они скупали или арендовали земли маломощных

сельчан. Самый богатый из местных жителей завел паровую мельницу, организовал собственную торговлю зерном, для чего основал ссыпной пункт на станции Карань.

Необходимые для крестьян промышленные товары доставляли местные торговцы-евреи, которые постоянно жили в Карани. Более бедные из евреев занимались портняжным делом. Бытовые нужды населения обеспечивали инонациональные ремесленники, постоянно жившие в селе (только «постовалы» — валяльщики войлока и валенок приезжали на зимний сезон).

Ярмарки собирались дважды в год: на престольный праздник Константина и Елены (21 мая ст. ст.), она длилась 7—10 дней и собирала множество окрестного люда, сходявшегося и для торговых сделок, и для веселья; вторая ярмарка, поменьше, была осенью, в день св. Луки.

Развитию Карани способствовали два обстоятельства: во-первых, это село было центром волости, во-вторых, это главное, — близость железной дороги. Железнодорожная станция Карань стала своеобразной биржей труда: весной прибывшие партиями и в одиночку отходники — ремесленники и сельскохозяйственные рабочие — ждали здесь нанимателей. Греки из ближайших мест, немцы из колоний, расположенных в Мариупольском уезде, и из-за Кальмуса приезжали нанимать работников.

С немцами у жителей Карани были торговые связи, например они закупали в немецких колониях Марненталь, Остгейм и Принфельд картофель, иногда зерно (семенное или же для помола, если своего не хватало до весны), случалось и батрачить в этих хозяйствах.

Бедняки из Карани, главным образом молодежь, ходили батрачить в соседнее село Чермалык, жители которого говорили на крымскотатарском языке. В свою очередь молодежь Чермалыка

искала работу в Карани. Так возникали языковые связи, знакомства, которые иногда заканчивались браками между жителями этих разноязычных сел. Язык, таким образом, не являлся препятствием для бытового общения. Значительно более редкие, почти единичные браки между татароязычными греками и русскими следует объяснить не языковым, а психологическим барьером⁷⁸.

Хозяйственные и бытовые межнациональные связи сопровождались характерным языковым общением. В греческих селах преобладали языки греческих колонистов — крымскотатарский и крымскотатарский. Их осваивали инонациональные работники. Особенно это относится к русской жепской прислуге. Из этих женщин были первые русские жены в греческих семьях (начиная с 20—30-х годов XX в.)⁷⁹. Языком межгруппового общения служил татарский. По свидетельству многих авторов, все без исключения греки, вышедшие из Крыма, владели татарским языком⁸⁰. Однако на Мариупольщине функция средства общения между разноязычными группами постепенно перешла к русскому языку⁸¹. С конца XIX в. русскому языку обучали в начальных сельских школах; правда, эти четырехлетние школы кончали далеко не все мальчики, девочки же в лучшем случае учились по 2—3 года⁸², однако бытовая необходимость закрепляла эти знания. Прежде всего знание языка требовалось для торговых сделок в городе и на ярмарках и для других практических нужд. Поэтому его лучше знали мужчины, чем женщины⁸³, и в первую очередь жители тех сел, которые были систематически связаны с городом⁸⁴.

Лексика греческих колонистов обогащалась за счет включения русских и украинских слов. Интересно, что украинские заимствования коснулись главным образом бытовой сферы, а русские — общественной жизни⁸⁵.

Таким образом, роль татарского языка как средства общения свелась на нет. В 1950-х годах даже старики в румейскоязычных семьях его уже не понимали⁸⁶. По свидетельству наших информаторов, с 1930-х годов на русском языке разговаривали не только жители румейскоязычных сел с татароязычными, но и люди из разных румейскоязычных сел, говоры которых оказывались трудными для взаимного понимания⁸⁷.

На русском языке в конце XIX — начале XX в. разговаривали с немцами и приезжими евреями. Евреи, жившие в греческих селах, знали язык основного населения, их дети учились вместе с греческими в школах на русском языке. Немецкий и еврейский языки оставались достоянием только этих этнических групп.

* * *

На формировании комплекса бытовой культуры каждой из этнических групп, населявших северное побережье Азовского моря, не мог не отразиться сложный этнический состав населения и особенности межэтнического общения.

Как мы убедились, этнические группы Приазовья были связаны между собой прежде всего хозяйственными, деловыми отношениями. Эти связи были не очень интенсивны на протяжении первого столетия заселения и освоения Мариупольщины. Реформы, отменившие крепостное право и давшие новый толчок к углублению капиталистических отношений, разрушали бытовую изоляцию. В дальнейшем хозяйственная жизнь края становилась все более активной и втягивала в сферу производства и обмена сначала села, расположенные вблизи городских центров, потом и более отдаленные.

В материальной культуре населения Приазовья прослеживаются две тенденции: 1) черты, специфичные только для одной какой-либо этнической группы, которые можно отнести к катего-

рии этнодифференцирующих признаков; 2) черты, общие для двух, трех или всех этнических групп, живущих на одной территории.

Разные стороны материальной культуры народа проявляют различную степень устойчивости традиционных форм. Быстрее всего теряют старинную специфику и становятся общими и для населения целого региона те из них, которые непосредственно связаны с окружающей средой и с хозяйственной деятельностью, в значительной степени от этой среды зависящей. Более всего это относится к орудиям труда. В сельскохозяйственных орудиях этнических групп, живущих на Мариупольщине, трудно вычленить элементы, характерные только для одной из этих групп. Уместно вспомнить, что от традиционного для крымского быта скотоводства и садоводства греки перешли к новому для них виду хозяйствования — земледелию зернового направления. Для них естественным было заимствование некоторых навыков хозяйства у более опытных в земледелии соседей. В изучаемый период (т. е. с середины XIX в.) сельскохозяйственная техника не была для греков, немцев, болгар, евреев и украинцев этнодифференцирующим признаком. Тем более этого нельзя сказать о последних десятилетиях XIX в., когда в хозяйстве колонистов и бывших государственных и помещичьих крестьян появились фабричные машины⁸⁸.

В других областях материального быта сильнее действует этническая традиция.

Техника домостроительства, система отопления жилого дома, связь жилых и хозяйственных построек и некоторые другие элементы народной архитектуры, сохраняя в какой-то мере, особенно на первых порах, этническую специфику, в целом приобрели черты, сближающие жилища живущих рядом представителей разных народностей. Локальные варианты жилища складываются в основном по

географическому принципу. Те элементы строительства и эксплуатации жилого дома, которые связаны с интимной жизнью семьи, крепче сохраняли этнические особенности, это сказывалось, например, во внутреннем убранстве жилого дома и в бытовом использовании его помещений. Греческие крестьяне, например, могли позаимствовать у соседей-немцев принцип возведения под одной крышей жилого дома и хозяйственных помещений, сообщающихся через внутренние двери, что в условиях ветреной и снежной зимы было рационально, но жилые комнаты они обставляли и украшали в соответствии со своими вкусами, выработанными эстетическими воззрениями предыдущих поколений.

Этническая традиция удерживалась довольно долго в одежде, в украшении костюма, в способах ношения отдельных его элементов. Национальная специфика в одежде на протяжении всего XIX и в начале XX в. была этнодифференцирующим признаком для украинского, русского, греческого, болгарского и немецкого населения Приазовья. Этого нельзя сказать в отношении евреев города и села.

Но уже в конце XIX, а особенно в первые десятилетия XX в. шло активное приобщение сельских жителей к городским формам быта. Костюм селянина утрачивал функцию этнической метки и становился признаком социального и экономического положения его владельца. Зажиточные греки, немцы и русские приобретали фабричную материю для шитья одежды, пользовались услугами портных-профессионалов, покупали го-

товую обувь и верхнюю одежду. В то же самое время их бедные соотечественники носили одежду из домотканнины, овчины и сыромятной кожи, и именно в такой одежде сохранялись элементы, традиционные для каждой этнической группы.

Перелом совершился в начале 1920-х годов, когда на местах утвердилась Советская власть и в корне изменились социальные отношения. Примерно в 1930-х годах этнодифференцирующая роль одежды ослабела и в дальнейшем почти сошла на нет.

Среди элементов материального быта менее изменчивы предметы домашнего обихода, сопровождающие повседневную жизнь семьи: интерьер жилой комнаты, в котором сохраняется привычное распределение мест для сна и отдыха; устойчивая привычка, сохраняющаяся среди греков и потомков «задунайских колонистов», есть за низеньким круглым столиком, устанавливая его на софе или на полу; украшение жилых помещений коврами и всевозможными декоративными рукоделиями, к которым греческие и украинские женщины хранят большое пристрастие, причем ныне более желательными считаются покупные ковры фабричного производства или изготовленные местными мастерицами.

Набор основных этнодифференцирующих признаков никогда не остается неизменным на протяжении этнической и социальной истории народа. В наше время среди жителей Приазовья в этом отношении большую роль, чем материальная культура, играют семейные обряды, общественные праздники, языковые взаимоотношения и фольклор.

¹ «В Крыму находилось в то время много христиан, произведения труда которых составляли главные статьи доходов хана. В руках христиан находилась промышленность, скотоводство и земледелие всей горной части Крыма. С выселением их вся культура ослаблялась и доходы хана огра-

ничивались. Под предлогом опасности, которой подвергались христиане при всякого рода возмущениях татар, русское правительство успело вывести из Крыма в Россию до 30 000 человек греков и армян. Хану в первое время заплачены все убытки, а влиятельным лицам назначены по-

дарки, и спокойствие в Крыму слова волпорено» (*Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России, т. I. СПб., 1885, с. V; см. там же документы, относящиеся к переселению греков: указы Екатерины II, переписка гр. Потемкина и гр. Румянцева-Задунайского с различными должностными лицами, рапорты генерал-поручика Суворова, непосредственно руководившего выводом греков, и т. п.— т. II (документы 1778 г.). СПб., 1885; т. III (документы 1779—1780 гг.). СПб., 1887 г.).

- ² Подсчеты численности переселенцев, основанные на различных документах и преданиях, дают самые различные результаты: от 16,5 тыс. (очевидно, имелись в виду души мужского пола) до 31 тыс. человек (см.: Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892, с. 24).
- ³ *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1958, с. 68; *Она же.* Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970, с. 118—119; *Чернышова Т. Н.* Новогреческий говор сел Приморского (Урауфа) и Ялты Первомайского района Сталинской области. Киев, 1958, с. 27—34; Мариуполь и его окрестности, с. 18—43; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. XXIII, № 17246.
- ⁴ *Баскаков Н. А.* Тюркские языки. М., 1960, с. 154—156; *Белецкий А. А.* Греческие диалекты на юго-востоке Украины.— В кн.: Балканская филология. Л., 1970, с. 5—15; *Чернышова Т. Н.* Указ. соч., с. 5—8, 11—22, 39—78; *Сергиевский М. В.* Мариупольские греческие говоры.— Изв. АН СССР, отд. общ. наук, 1934, № 7, с. 533—587; *Соколов И. И.* О языке греков Мариупольского и Сталинского округов.— Язык и литература, 1930, т. IV, с. 49—67; *Он же.* Мариупольские греки.— Труды Ин-та славяноведения АН СССР, 1932, № 1, с. 304, 307—312, 315—317; *Широков О. С.* Развитие системы глухого консонантизма в новогреческих и албанских диалектах. Минск, 1967, с. 10, 192, 242, 316—322.
- ⁵ Примеры см. в работе: *Браун Ф.* Мариупольские греки.— В кн.: Живая старина. СПб., 1890, вып. 2, с. 82—83.
- ⁶ По некоторым сведениям, в сельской местности обосновались выходцы из 50 или 55 крымских селений. *Серафимов С.* Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря. Екатеринослав, 1901, с. 17; *Лашков Ф.* Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 г.— В кн.: Записки Одесского общества любителей истории и древностей, 1886, т. XIV, с. 136—141 (там же см. полный перечень всех населенных пунктов, из которых вышли эмигранты). По другим сведе-

ниям, этих населенных пунктов было больше: в ведомости Суворова, которому был поручен вывод христианского населения из Крыма, их указано 68, однако среди них нет нескольких названий, существующих на Мариупольщине. Об этом подробнее см.: *Браун Ф.* Мариупольские греки..., с. 83. Советский исследователь В. М. Кабузан называет еще большее число — 174 населенных пункта (*Кабузан В. М.* Заселение Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII в.— Сов. этнография, 1969, № 6, с. 38).

- ⁷ *Шишмарев В. Ф.* Романоязычные поселения на юге России. Л., 1975, с. 71—72.
- ⁸ В Мариуполе жили в основном выходцы из 7 городов Крыма: Бахчисарай, Кафа (совр. Феодосия), Гёзлева или Коалов (совр. Евпатория), Карасубазар, Балаклава, Старый Крым, Белбека.— *Чернышова Т. Н.* Новогреческий говор..., с. 4; см. также: *Серафимов С.* Крымские христиане..., с. 17; Мариуполь и его окрестности, с. 72—73. Ныне во всех перечисленных населенных пунктах и в г. Жданове, кроме греков, живут украинцы, русские, представители других национальностей. Все греки без исключения владеют русским языком.
- ⁹ *Дружинина Е. И.* Южная Украина, с. 118; *Земцов М. Е.* Краткий обзор экономического положения Мариупольского уезда.— В кн.: Сборник статей Екатеринославского научного общества. Экономический отдел. Екатеринослав, 1905, с. 3—4.
- ¹⁰ *Земцов М. Е.* Краткий обзор..., с. 3.
- ¹¹ *Державин И. С.* Болгарские колонии в России.— В кн.: За народни умотворения и народопис, кн. XXIX. София, 1914, с. 10 и сл.; *Он же.* Болгарские колонии на юге России. (Б. г. и б. м.), с. 1—10; *Он же.* У болгар Таврической губернии — Этнографическое обозрение, 1904, кн. XLVII, № 4, с. 52—68; *Он же.* Болгарские колонии Новороссийского края. Симферополь, 1908, с. 36—71; *Клаус А.* Наши колонии. СПб., 1869, с. 363—364.
- ¹² *Дружинина Е. И.* Южная Украина, с. 140.
- ¹³ Архив Института этнографии АН СССР. Материалы Приазовского отряда Восточнославянской экспедиции (далее — АИЭ МПОВЭ), 1969, полевая тетрадь Ю. В. Ивановой, л. 17 об.
- ¹⁴ *Земцов М. Е.* Краткий обзор..., с. 3; см. также: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. XIII. СПб., 1904, с. X (далее — Перепись 1897 г.).
- ¹⁵ Общее обозрение Екатеринославской губернии.— Архив Географического общества СССР (далее АГО), разр. 13, оп. 1, № 1, л. 78, 79.

- ¹⁶ Скальковский А. А. Географическая и этнографическая терминология Поворосийского края. СПб., 1868, с. 29; Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. XIV. СПб., 1910, с. 215; Боровай С. Я. Еврейская земледельческая колонизация в старой России. М., 1928.
- ¹⁷ Мариуполь и его окрестности, с. 83, 151—154, 290—291.
- ¹⁸ О формировании многонационального состава населения интересующего нас района кроме указанных работ Е. И. Дружининой см.: Шуляко В. І. Географічне розміщення народів в УРСР: Додаток до «Карты сучасного етнічного складу населення Української РСР». Київ, 1966, с. 13—26; Он же. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975, с. 83—156.
- ¹⁹ Мариуполь и его окрестности, с. 41—42.
- ²⁰ Перепись 1897 г., вып. 7. СПб., 1905, с. 14; Перепись 1897 г., т. XIII, с. VIII.
- ²¹ Перепись 1897 г., вып. 7, с. 14. Перепись не отметила молдавского языка: «волохи», будучи очень малочисленной группой, растворились среди греков (см.: Шишмарев В. Ф. Романские поселения..., с. 80).
- ²² Там же, вып. 6, с. 10. По сведениям Брауна, турками на Мариупольщине называли потомков нескольких мусульманских семейств, выехавших из Крыма вместе с православными и принявших христианство, уже живя в Приазовье (Браун Ф. Мариупольские греки..., с. 85—84).
- ²³ В сведениях статистического отделения третьего департамента государственных имуществ за 1845 г. подчеркиваются неблагоприятные для земледелия условия на Мариупольщине, сообщается, что овцеводство «составляет важную отрасль промышленности здешних хозяев как по причине приволья, предоставляемого для овцеводства степями, так и по удобству сбыта шерсти». Там же указывается на разведение табака греками Мариупольского округа. (АГО разд. 13, оп. 1, № 1, л. 14, 23, 24).
- ²⁴ Сведения любезно предоставлены автору краеведом Ф. Н. Церахто.
- ²⁵ Золотов В. А. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX в. Ростов-на-Дону, 1963, с. 48, 105, 170.
- ²⁶ АИЭ МПОВЭ, 1970 л. 43; 1971, л. 13.
- ²⁷ Клаус А. Наши колонии, с. 151—152; Мариуполь и его окрестности, с. 310; Державин И. С. Болгарские колонии в России, с. 64; Гавриил. Переселение греков из Крыма в Азовскую губернию.— В кн.: Записки Одесского общества любителей истории и древностей, 1844, т. 1, с. 204; АИЭ МПОВЭ, 1969, л. 125.
- ²⁸ АИЭ МПОВЭ, 1970, л. 31 об., 45.
- ²⁹ Демоль И. Сельское хозяйство в Новоросийском крае.— Журнал министерства государственных имуществ, 1845, № 6, с. 223.
- ³⁰ Скальковский А. Опыт статистического описания Поворосийского края. Одесса, 1850, т. II, с. 21 и сл.; АИЭ МПОВЭ, 1969, л. 123 об.; 1970, л. 31; 1971, л. 110.
- ³¹ В 1830—1840-х годах из Курской губернии ежегодно около 17 тыс. оброчных государственных крестьян уходили на летние заработки в южные губернии Украины и в Донскую область (Золотов В. А. Внешняя торговля Южной России..., с. 48). Этот вид найма В. И. Ленин называл «земледельческим отходом» и видел в нем один из элементов развития капитализма (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 232).
- ³² АИЭ МПОВЭ, 1970, л. 11; 1971, л. 15.
- ³³ Дружинина Е. И. Южная Украина, с. 110.
- ³⁴ «Консервативное и невежественное местное купечество и кулачество, державшее в своих руках власть над греческим округом, всячески сопротивлялось введению образования. Боялись, что просвещение подорвет их могущество. Яростные националисты, они долго и упорно сопротивлялись введению преподавания русского языка в училище (в Мариуполе.— Ю. И.)... Национализм подогревался страхом конкуренции более образованной и технически оснащенной русской буржуазии» (Чернышова Т. И. Новогреческий говор..., с. 4). Об этом же рассказывали и наши информаторы (записано в Старом Керменчике, совр. Старомиловка).
- ³⁵ Браун Ф. Мариупольские греки..., с. 86. Сведения Брауна относятся к концу XIX в. АИЭ МПОВЭ, 1970, л. 17 (сведения на начало XX в.), 156; 1971, л. 122—123, 136—137.
- ³⁶ В городскую черту были включены предместья города, в частности рыбацкая слобода, населенная украинцами и частично русскими (греки рыбным промыслом почти не занимались). См.: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Екатеринослав, 1880, с. 319—323.
- ³⁷ «Эти города стали конечными пунктами многих дорог, по которым из самых глубоких районов доставлялись хлеб, шерсть, льняное семя, сало, масло и другие продукты сельского хозяйства. На товарных биржах этих городов можно было встретить степного помещика и сельского богача, торгового казака, купца-скупщика и крупного иностранного негоцианта» (Золотов В. А. Внешняя торговля Южной России..., с. 116). Об экспорте пшеницы см. также: Демоль И. Указ. соч., с. 219—227.
- ³⁸ См. подробнее: Иванова Ю. В. Хозяйственный быт греков Приазовья.— В кн.: Итоги

- полевых работ Ин-та этнографии в 1970 г. М., 1971, с. 132—139.
- ³⁹ АИЭ МПОВЭ, 1970, л. 4, 45; 1971, л. 55.
- ⁴⁰ Там же, 1969, л. 19, 25; 1970, л. 11, 32, 124.
- ⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 128.
- ⁴² АИЭ МПОВЭ, 1969, л. 24, 36—38; 1971, л. 229.
- ⁴³ Там же, 1969, л. 19; 1971, л. 109.
- ⁴⁴ Там же, 1970, л. 66.
- ⁴⁵ «Земледелие у евреев находится далеко не в блестящем состоянии, что весьма понятно, так как этот народ в течение десятков столетий занимался исключительно торговыми операциями и ремеслами» (Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. XIV, с. 215; см. также: Земцов М. Е. Краткий обзор..., с. 7; АИЭ МПОВЭ, 1970, л. 31; 1971, л. 18).
- ⁴⁶ Там же, 1969, л. 90; 1970, л. 3, 5; 1971, л. 99, 112—113, 121.
- ⁴⁷ Там же, 1971, л. 57.
- ⁴⁸ Там же, 1970, л. 3, 83.
- ⁴⁹ Россия. Полное географическое описание..., т. XIV, с. 212.
- ⁵⁰ Материалы для оценки земель Екатеринославской губернии, т. IV, ч. 1. Екатеринослав, 1904, с. 2 и 81 (цит. по: Земцов М. Е. Краткий обзор..., с. 8).
- ⁵¹ Земцов М. Е. Краткий обзор..., с. 10—18.
- ⁵² Сведения Ф. Н. Церахто.
- ⁵³ АИЭ МПОВЭ, 1970, л. 164—166, 169; 1971, л. 229.
- ⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 58.
- ⁵⁵ АИЭ МПОВЭ, 1971, л. 76—77, 397.
- ⁵⁶ Там же, 1971.
- ⁵⁷ Там же, 1971, л. 3.
- ⁵⁸ Там же, 1969, л. 129.
- ⁵⁹ Сведения сообщены Ф. Н. Церахто.
- ⁶⁰ АИЭ МПОВЭ, 1970, л. 71.
- ⁶¹ Там же, 1971, л. 95.
- ⁶² Там же, л. 21.
- ⁶³ Державин И. С. Болгарские колонии в России, с. 60, 63—64.
- ⁶⁴ Как сообщалось выше, меннониты в последний четверти XIX в. покинули Мариупольский уезд.
- ⁶⁵ Клаус А. Наши колонии, с. 153.
- ⁶⁶ Там же, с. 154, 156.
- ⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 61.
- ⁶⁸ Там же, с. 58.
- ⁶⁹ АИЭ МПОВЭ, 1969, л. 19; 1970, л. 5, 31, 62.
- ⁷⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 58.
- ⁷¹ Некоторые села северной части Мариупольщины были связаны также и с Юзовкой (совр. Донец).
- ⁷² «Не говоря затем о бесчисленных мелких торгах и базарах, а вникая в сущность больших периодических съездов и ярманок (sic!), нельзя не убедиться в существенной пользе от некоторых из них. Таковы

- ярманки в Ростове-на-Дону, Таганроге, Мариуполе, Бердянске, очевидно, служащие для сближения немецких, татарских, ногайских колоний и вообще сельских жителей с главными точками заграничного сбыта Азовского бассейна и привлечения туда огромной массы русских произведений, сельских и фабричных, для внутренней и заграничной торговли» (Сколькоковский А. А. Ярманки или сухопутные рынки Новороссийского края.— Журнал министерства внутренних дел, 1855, апрель, с. 147—148).
- ⁷³ Мариуполь и его окрестности, с. 72, 308.
- ⁷⁴ Там же, с. 78.
- ⁷⁵ АИЭ МПОВЭ, 1971, л. 269, 273.
- ⁷⁶ «Товарная сельскохозяйственная продукция Новоросси, Приазовья и Дона шла главным образом на внешний рынок, мипуя ярмарки»,— пишет по отношению к первой половине XIX в. В. А. Золотов (указ. соч., с. 165). Такое же положение сохранилось и в последующее столетие.
- ⁷⁷ АИЭ МПОВЭ, 1971, л. 110—111.
- ⁷⁸ АИЭ МПОВЭ, 1971, л. 192—193, 318—331.
- ⁷⁹ Там же, 1969, л. 41; 1970, л. 3, 17, 68, 83; 1971, л. 99.
- ⁸⁰ Бертъе-Делатард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. Одесса, 1914, с. 7, 10; Браун Ф. Мариупольские греки, с. 85; Гавриил. Переселение..., с. 203.
- ⁸¹ АИЭ МПОВЭ, 1971, л. 189.
- ⁸² В 1868/69 учебном году по всему Мариупольскому уезду насчитывалось 14 школ, где учились 694 мальчика и 49 девочек, в 1875 г. было 58 школ (благодаря расширению территории уезда), в которых учились 2923 мальчика и 371 девочка. Система обучения в этих школах находилась на очень низком уровне, в каждой школе работал всего один учитель (Борец И. Очерк деятельности земских учреждений Екатеринославской губернии по народному образованию.— В кн.: Сборник статей Екатеринославского научного общества. Местный отдел. Екатеринослав, 1905, с. 1—29). Согласно переписи 1897 г. Мариупольский уезд занимал первое место в Екатеринославской губернии по проценту грамотных (Перепись 1897 г., т. XIII, с. XII). По таковыми считали и тех, кто только умел расписываться по-русски (АИЭ МПОВЭ, 1969, л. 73). В первом десятилетии XX в. численность школ возросла, однако ученики обычно учились 2—3, редко 4 года и лишь единицы получали несколько лучшее образование (Там же, 1969 г., с. 100).
- ⁸³ Путешествовавший по Мариупольщине в 1890 г. Ф. Браун сообщал, что мужская мо-

лодежь между собой часто говорила по-русски и нела русские несли; старшие мужчины также знали русский язык; в отличие от них женщины по-русски почти совсем не знали (*Браун Ф. Мариупольские греки...*, с. 85). А вот свидетельство начала XX в.: «Теперь же почти все мужчины говорят по-русски благодаря воинской повинности и богослужению на русском языке» (*Россия. Полное географическое описание...*, с. 212).

⁸⁴ В отдаленных от города селах люди среднего и старшего поколения, особенно жен-

щины, не знали русского языка (*Земцов М. Е. Краткий обзор...*, с. 5). В начале XX в. А. Л. Бертье-Делагард называл русский язык «новым базарным языком», т. е. средством общения (указ. соч., с. 10).

⁸⁵ *Чернышова Т. Н. Новогреческий говор...*, с. 18.

⁸⁶ Там же, с. 19.

⁸⁷ Записано в селах Ялта и Урауф (АНЭ МПОВЭ, 1969, л. 132; 1971, л. 3).

⁸⁸ См. об этом подробнее: *Иванова Ю. В. Хозяйственный быт греков Приазовья*, с. 130—138.

РАЗВИТИЕ ЖИЛИЩА В ЭТНИЧЕСКИ СМЕШАННОЙ СРЕДЕ

(по материалам греков Донецкой области УССР)

Традиционные особенности народного зодчества формируются, как известно, под влиянием ряда факторов. Существенную роль при этом играют естественно-географическая среда, в которой развивается жилой и хозяйственный комплекс, хозяйственные занятия населения, их социальные отношения, особенности семейного быта и религиозные представления, культурное взаимодействие с соседними народами.

В районах с неоднородным в этническом отношении населением развитие народного жилища имеет особенности, во многом обусловленные характером культурно-бытовых процессов, происходящих в данной среде.

Рассматривая в настоящей статье жилище греков, которые с конца XVIII в. живут в пределах Южной Украины в соседстве с другими народами, мы делаем попытку проследить развитие их жилого комплекса на протяжении XIX—XX вв., выявляя при этом соотношение факторов, определяющих это развитие.

Работа основана на полевых материалах, собранных автором в течение экспедиций 1969—1971 гг., а также на архивных и литературных источниках. Наряду с данными по греческому жилищу для сравнения были привлечены материалы по жилищу населения Крыма (откуда греки переселились в нынешние места своего обитания), материалы по украинскому жилищу —

соседнему с греческим, а также по жилищу болгар, гагаузов, албанцев, живущих на Украине и частью в Молдавии, — в прошлом выходцев с Балканского полуострова. В основном это литературные данные. По жилищу албанцев и частично украинскому — полевые материалы автора.

В настоящее время в Донецкой области УССР имеется 24 села с преобладающим по численности греческим населением. Эти поселения расположены гнездами и соседствуют преимущественно с украинскими селами.

Греческое население Донецкой области сформировалось за счет выходцев с Крымского полуострова, предки которых длительное время жили главным образом в районах южного берега (от Ялты до Шелени) и Западного предгорья (Бахчисарайский район от Балаклавы до Чатырдага) ¹.

Освоение греками новых земель, начавшееся в последней четверти XVIII в., было сопряжено со многими трудностями.

Переселенцам предстояло соорудить жилища, приспособиться к иным естественно-географическим условиям, наладить хозяйство, усвоив при этом многие новые приемы и навыки. Все это требовало времени и неизбежно выливалось в поиски наиболее приемлемых для данного населения культурно-бытовых форм, в том числе в области жилого строительства.

ЖИЛОЙ ДОМ

СТРОИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ. ТЕХНИКА ВОЗВЕДЕНИЯ. КОНСТРУКЦИИ

Греческие крестьяне в Приазовье сооружали жилые дома, значительно различающиеся по строительному материалу и технике возведения. В какой-то мере это было связано, во всяком случае в первое время после переселения, с активным процессом обживания нового края. В целом же свидетельствовало об интенсивном развитии и взаимопроникновении как известных грекам, так и заимствованных у соседних народов традиционных форм жилого строительства. В немалой степени этому способствовали благоприятные социально-экономические условия, в которых оказались греческие переселенцы. Имея статус иностранных колонистов, они получили значительные наделы земли и ряд льгот от царского правительства, что нашло отражение в составе и застройке их усадеб, добротности построек.

В приазовских селениях греков в XIX в. были известны как углубленные в землю жилища, так и наземные дома со стенами из дерна, дерева, каркасные конструкции стен с различным заполнением, дома из глиняных вальков, из необожженного кирпича, из камня.

На протяжении XIX в. выявляется преобладание того или иного из указанных видов жилищ и строительных материалов. Причем постройки, основным материалом стен которых служила глина в различных видах (вальки, саман, обожженный кирпич), были наиболее распространены. Вместе с тем даже в середине XIX в., когда греки уже достаточно обосновались в новых краях, жилища их не представляло собой однотипных домов из глины, что было бы естественно в степных условиях, где этот материал наиболее доступен.

Одним из наиболее ранних жилых построек греков в Приазовье были жилища с земляными стенами, которые (неза-

висимо от того, были они углублены в землю или являлись наземными) называли «землянками». Жилища с земляными стенами конца XVIII в. не дошли до нас. О подобных постройках XIX в. нам сообщили наши информаторы. Старейший наш собеседник — житель села Малая Янисоль (ныне Куйбышево) Ф. Ю. Айнагоз 1876 г. рожд. сумел подробно описать постройку с земляными стенами, которую называл «землянкой»². В таком жилище жил дед нашего информатора, его отец и он сам в детском возрасте. Отец Ф. Ю. Айнагоза, будучи уже семейным человеком, выстроил дом из самана, однако землянка долгое время сохранилась на усадьбе Айнагозов. Из рассказов родных Ф. Ю. Айнагоз знает, что у его прадеда — переселенца из Крыма, была такая же землянка.

«Землянка» Айнагозов была наземной. Ее стены были сложены из вырезанных пластов дерна, каждый размером примерно 30×30 см, и поднимались на высоту около 2 м. В углубленных в землю постройках наземная часть стены сооружалась таким же образом и поднималась на 50—60 см. Углубление готовилось предварительно, для чего рыли котлован нужной формы глубиной около 1,5 м. Землянки всегда были прямоугольными в плане, иногда значительно вытянутыми. Землянка отца Ф. Ю. Айнагоза была длиной около 12 м. Короткие стены землянки завершались в виде треугольников, на которых держалась невысокая двускатная крыша.

Сведениями о домах с земляными стенами у греков до переселения в Приазовские степи мы не располагаем. В работе Б. А. Куфтина, посвященной жилищу татар в Крыму и вместе с тем включающей многостороннее рассмотрение жилища на этой территории, о подобных постройках не упоминается.

Специальной литературы о жилище греков на Крымском полуострове нет. Однако то, что греки при переселении в Приазовье строили землянки, а позже в трудных жизненных ситуациях прибегали к их строительству в качестве первого жилища³, свидетельствует о том, что жилища с земляными стенами являются прочным достоянием народного опыта греков в домостроительстве. Нужно сказать, что дома со стенами из дерна — широко распространенная форма примитивного жилища. Переселенцы разной этнической принадлежности сооружали такие жилища на юге Украины. Так, в селе Ново-Александровском Днепровского уезда Таврической губернии выходцы из Черниговщины в начале XIX в. жили в домах со стенами из дерна⁴. На Азовском побережье казаки в XIX в. также жили в подобных постройках⁵.

В XIX в. в греческих селениях строили дома, стены которых частично или целиком были деревянными. Стены возводили в каркасной либо срубной технике. В домах каркасной конструкции, которая была широко распространена на Украине, остов здания всегда был из дерева; заполнение же делали из переплетенных ветвей, камыша, глины и других материалов.

Постройки с плетневым заполнением каркаса, возможно, были самыми ранними из каркасных построек в греческих селах Приазовья и вместе с землянками являлись первыми жилищами переселенцев. В старых греческих песнях, рассказывающих о времени переселения, упоминаются плетневые постройки из вербы, в которых жили первые поселенцы⁶.

Основу плетневого дома составлял каркас из вертикальных столбов по углам, к которым крепились несколько рядов перекладин. Перекладины оплетались нарезанными ветвями. Плетение, по-видимому, большей частью было вертикальным. В случаях горизонталь-

ного плетения между столбами вбивали на одинаковом расстоянии вертикальные жерди и затем оплетали их. С паружной и внутренней стороны стены обмазывали глиной и белили. Единичные дома с плетневыми стенами постройки XIX в. нам приходилось встречать. Такой дом в селе Богатырь представлял собой вытянутый прямоугольник, обращенный узкой стороной к улице. Каркас его стен был сделан из деревянных столбов, врытых в землю, и горизонтальных перекладин, которые переплетались ветвями ивы. Снаружи и внутри стены были обмазаны глиной и побелены. Дом покрывала двускатная черепичная крыша стропильной конструкции⁷.

К домам каркасной конструкции относятся и так называемые «дранковые» дома, также известные в селе Богатырь (один такой дом сохранился)⁸. Для сооружения стен «дранкового» дома его каркас с внешней и внутренней стороны обивали дранью, расположенной наискось. Образовавшееся между рядами драни пространство заполняли глиной. Снаружи и внутри стены обмазывали глиной и белили.

Заполнением каркаса мог служить и очерет (род камыша). В этом случае к каркасу, состоящему из вертикальных столбов и прикрепленных к ним горизонтальных перекладин, привязывали с обеих сторон пучки камыша, а затем с обеих сторон несколько раз густо обмазывали глиной. Дома из очерета сооружали в селениях, где поблизости были камышовые заросли. Жители села Богатырь, например, срезали камыш у реки Волчьей⁹.

В Приазовье у греков наибольшее распространение из каркасных построек получили дома с плетневым заполнением каркаса. Это представляется вполне закономерным. В Крыму плетень, обмазанный глиной, часто служил для сооружения стен дома. В районах, где пахотились греческие селения, знали

Рис. 1. Каркасный дом с плетневым заполнением. Конец XIX — начало XX в. Село Богатырь Донецкой области

комбинированные стены из плетня и камня или сырцового кирпича, а в степном Крыму строили исключительно плетневые дома¹⁰. Б. А. Куфтин, рассматривая плетневый дом в Крыму, находит ему аналогии в традиционном жилище черкесов и в значительно более ранних постройках оседлых мезитийских племен и позже — сарматских, живших по восточным берегам Черного и Азовского морей¹¹. Плетневое жилище вообще было характерно для народов, живших в лесостепной и степной зонах. Каркасная техника строительства с заполнением плетнем из лозы или хвороста (а также камышом) и глиняной обмазкой была хорошо известна и славянским соседям греков. Знаменитая украинская мазанка, наряду с глинобитным, часто бывала каркасным сооружением с плетневым заполнением¹².

Срубные дома из деревянных плас-

тин не получили большого распространения у греков Приазовья, но были им известны в XIX в., о чем нам удалось собрать устный и вещественный материал.

Жилые постройки из дерева, и в особенности срубные, характерны для восточнославянских народов. Поэтому естественно обратиться к соседнему украинскому жилищу, пытаюсь найти в нем аналогии и истоки влияния. Действительно, наряду с постройками глиняными и плетневыми деревянные постройки занимали у украинцев существенное место. В северных районах Украины (в губерниях Черниговской, Волынской и др., более богатых лесом) срубная техника, требовавшая более крупного и качественного леса, имела широкое распространение. Южнее, в Киевской, Харьковской и Полтавской губерниях, преобладала закладная техника, при которой для стен можно было использовать мелкие деревья, срубные же дома имели только богатые крестьяне¹³.

К югу от зоны распространения деревянных построек у украинцев иногда

встречались деревянные дома, но бывало это редко и являлось свидетельством большой зажиточности. В частности, в Екатеринославской губернии, как сообщил В. А. Бабенко (который по заданию Екатеринославского комитета по устройству XIII археологического съезда обследовал в 1904—1905 гг. эту губернию), «деревянные тесаные хаты встречаются очень редко и то лишь старинные постройки»¹⁴. К сожалению, В. А. Бабенко не поясняет, что собой представляли «тесаные хаты» и какому населению они принадлежали.

Восточные славяне делали срубы, как правило, из круглых бревен либо (в местах с недостатком леса) из расколотых пополам бревен. Поздним явлением было использование для сруба брусьев — отесанных с четырех сторон бревен.

В Крыму же в Бахчисарайском районе, по сведениям Б. А. Куфтина, срубы делали из толстых досок¹⁵. Этот район — один из тех, где были расселены греки до переселения в Приазовье. И хотя там в распоряжении жителей был хороший строевой лес, а в Приазовских степях леса почти не было, все же можно допустить, что представление о хорошем, «настоящем» жилище у бывших жителей горного Бахчисарайского района сводилось к рубленому из досок дому, который они стремились воспроизвести, получив для этого экономическую возможность.

Мы не знаем, правда, кто являлся строителями деревянных домов в греческих селах. Если это были пришлые мастера, они могли пользоваться как привычной им техникой, так и указаниями нанимателя. Не исключено, правда, что строителями деревянных домов в греческих селах могли быть и сами греки. Во второй половине XIX — начале XX в. греки мало занимались ремеслами, в том числе и строительным делом. Строили дома в греческих селах главным образом русские, иногда укра-

инцы из близлежащих сел¹⁶. Но в середине XIX в. и ранее, когда, по всей видимости, строились деревянные дома, о которых идет речь, дело могло обстоять иначе. Ведь другие ранние постройки в Приазовье греки сооружали сами. Кроме того, единичные мастера всегда бывали в греческой среде, как показывают наши полевые материалы, и их оказалось бы вполне достаточно для постройки никогда не бывших многочисленными деревянных домов.

Поскольку в греческих селах до наших дней сохранились лишь единичные деревянные постройки, нам кажется целесообразным остановиться подробно на полевых материалах по данному вопросу. Старожилы помнят о деревянном строительстве главным образом в северо-западной группе греческих сел. К их числу относится и Старый Керменчик (ныне Старомлиновка), жители которого являются потомками выходцев из крымского села Керменчик Бахчисарайского района (где Б. А. Куфтин сделал одну из зарисовок деревянных домов)¹⁷. В Старом Керменчике нам удалось обнаружить остатки деревянного дома на усадьбе Сызмас. Время постройки дома точно неизвестно, судя по рассказам хозяев, это первая половина XIX в.¹⁸ В начале XX в. семья жила в доме с саманными стенами (который до сих пор является жилым), а старый деревянный дом использовался тогда как летняя кухня. Его стены были сделаны из досок и обмазаны глиной снаружи и внутри. Покрытием служил камыш. На памяти старшей хозяйки дом горел, после чего осталась одна торцевая стена с окном 30+35 см. К ней были пристроены саманные стены и крыша перекрыта черепицей. В таком виде постройка, уже совсем заброшенная, существует и теперь.

Деревянное зодчество было известно также в селах Богатырь и Камарь этой же группы селений. Там прежде были деревянные церкви. Среди существую-

Рис. 2. Срубный дом из досок с глиняной обмазкой. Село Богатырь Донецкой области

щих ныне построек было обнаружено по одному деревянному дому, которые продолжают быть жилыми¹⁹.

Дом в с. Богатырь, сделанный из старого материала, был срублен на памяти теперешних его владельцев из деревянных пластин около 7 см толщиной в угол с остатком. С внутренней и внешней стороны стены имели толстый слой обмазки (мазали три раза смесью из глины, песка и навоза) и были побелены белой глиной. С наружной стороны стены обмазывались поверх прибитой к ним драпки, с внутренней обмазка держалась на вбитых в стену в шахматном порядке деревянных колышек около 10 см длиной. Основанием дома служили положенные на углах камни, поверх которых установлен венец из дубовых балок, срубленных в угол. Завершала стены обвязка из толстых досок. Пространство между венцом и почвой было заполнено камнями и глиной²⁰.

Хорошо сохранившимся добротным сооружением был дом в селе Камарь, стены которого срублены из толстых деревянных пластин и обмазаны глиной с внутренней и наружной стороны. Ста-

рожили считают этот дом самым старым в селе, времени его постройки никто не помнит. Примечательной особенностью этого дома (свидетельствующей о давности его постройки) является открытая галерея. Галерея расположена вдоль длинной стороны дома, обращенной во двор. Поднятое над землей ее основание и ступени были сделаны из камня (теперь они залиты цементом). Галерея имеет общую с домом крышу, поддерживаемую деревянными столбами²¹.

Каменные стены в греческих домах строили в тех местах, где поблизости были разработки природного камня. Крестьяне обычно собственными силами ломали камень и затем на подводах свозили к месту постройки. Строительство из камня было наиболее характерно для северо-восточной группы греческих сел. В селах Стыла, Раздольное, Старая Ласпа и других можно и теперь часто встретить стены из камня (правда, преимущественно это хозяйственные строения). В селе Стыла сохранилось несколько жилых каменных домов, их постройка относится к 1910—1913 гг. и выполнена, как рассказывают, одним пришлым мастером. Камень в греческих селах широко употребляли также для сооружения фундаментов домов, для огораживания усадеб.

Рис. 3. Усадьба конца XIX в. Село Стыла Донецкой области

Однако ни один из материалов, как уже говорилось, не нашел такого большого распространения в греческом жилище, как глина, — это относится к жилищу всех народов степной полосы, для которых использование в домостроительстве глины и производных из нее материалов было чрезвычайно удобно и целесообразно²².

В ряде случаев глина употреблялась в комбинации с иными материалами: она неизменно находила применение, как мы видели, и в каркасных стенах с любым заполнением, и в рубленых домах из досок, и в каменных. Вместе с тем стены могли быть почти исключительно глиняными. Последние сооружались в различной технике: из вальков,

из сырцового кирпича, из обожженного кирпича или их сочетания.

Для сооружения домов с вальковыми стенами предварительно готовили массу для вальков: рыли яму, чтобы достигнуть слоя подпочвенной глины, затем глину разрыхляли, наливали в яму воду и месили, используя лошадей, которых заставляли топтаться по кругу. В глину при этом подсыпали рубленой соломы или половы. Когда масса приобретала нужную вязкость, из нее руками скатывали цилиндрической формы вальки. Из этих вальков, немедленно укладывая их в горизонтальные ряды, лепили стены.

Лепка стен производилась в несколько приемов, с таким расчетом, чтобы возведенная часть стены успела просохнуть и осесть.

Большое распространение в греческих селах имели стены из саманного, не-

обожженного кирпича, особенно в середине и второй половине XIX в.

Массу для саманного кирпича делали из смеси глины с соломой, которую приготавливали таким же способом, как и для вальков. По воспоминаниям некоторых крестьян преклонного возраста, прежде в глино-соломенную смесь добавляли овечью шерсть²³, что будто бы придавало особую прочность и теплоту стенам. Хорошо вымешанную массу набивали в деревянную форму, рассчитанную на несколько кирпичей, которые затем высушивали на солнце.

Саманный кирпич готовили заблаговременно, обычно на открытом месте подле воды. Жители села Большая Каракуба, например, выделывали саман на берегу р. Кальмиус. Там в яме у реки вымешивали глино-соломенную массу, формовали из нее кирпич и, высушив на пологом склоне, перевозили на лошадях к месту постройки. Обычно заготовку самана семья, строящая дом, производила собственными силами. Хозяин будущего дома готовил тесто для самана, сам делал либо брал у других деревянные формы. В формовке кирпича принимали участие все члены семьи, а иногда и помощники из родных и соседей. Бывало, что саман заказывали кому-либо из односельчан, подрабатывавших этим делом. Известно, что в селах Малая Янисоль, Старый Керменчик в начале XX в. брали по 3 руб. за тысячу саманных кирпичей (для дома требовалось от 5—6 до 10 тыс. штук кирпича)²⁴.

Кладку стены из сырцового кирпича осуществляли, как правило, наемные мастера. Это были русские, главным образом из Курской и Орловской губерний. Артелью в несколько человек они заранее (весной либо осенью) подрабатывали на строительство нескольких домов и летом выполняли работы. В договоре оговаривался объем работы (артель могла состоять из разных специалистов и выполняла все строительство дома —

«до замка» или отдельные работы — каменные, плотницкие), сроки ее выполнения, участие в работе хозяев и пр. Некоторые из таких мастеров оседали в греческих селах. Они продолжали заниматься своим делом, пользовались известностью в округе и обычно передавали навыки ремесла своим сыновьям. Во втором и третьем поколении они нередко вступали в браки с греками. Работали в греческих селах также украинцы из окрестных мест, большей частью плотники. Хотя и редко, но строители из греков также бывали; учились ремеслу они обычно у русских или украинских мастеров.

В последней четверти XIX в. в греческих селах начали использовать для строительства стен обожженный кирпич, а в конце XIX — начале XX в. он нашел там значительное распространение. Это связано с появлением широкой сети мелких кустарных мастерских, так называемых заводов, которые изготавливали обожженный кирпич и черепицу. Отдельные такие «заводы» были известны и в первой половине XIX в.²⁵, однако в конце XIX — начале XX в., помимо более крупных предприятий в Мариуполе, почти во всех обследованных греческих и украинских селах было по несколько мастерских, изготавливавших кирпич и черепицу.

Несмотря на распространение кирпичных предприятий и значительное использование кирпича в строительстве, дома со стенами, целиком сложенными из обожженного кирпича, встречались редко. Их сооружали (и то изредка) только самые богатые люди на селе — сами владельцы кирпичных предприятий, владельцы лавок, мельниц и пр. Обычно же стены делали комбинированными из саманного и обожженного кирпича: внутренняя часть стены состояла из самана, наружная — из обожженного кирпича. Дома с такими стенами считались, и на самом деле были, теплыми и прочными. Построенные в

Рис. 4. «Длинный» дом из сырцового кирпича. Конец XIX — начало XX в. Изг Приморское (б. Саргана) Донецкой области. Ждановский краеведческий музей

конце XIX — начале XX в. многие из них хорошо сохранились и служат до сих пор.

Под постройки из саманного и обожженного кирпича, как правило, подводился фундамент. Для этого в зависимости от грунта делали углубление на 50—70 см или более, его заполняли камнями и заливали цементирующим раствором. Некоторые дома ставили на цоколь из камня или кирпича.

В распространении тех или иных видов строительных материалов в селах с разным населением наблюдались существенные различия, что отражало социальное расслоение крестьянства этой зоны. Так, в украинских селах было больше, чем в греческих, вальковых построек, а саманные постройки наряду с каркасными были преобладающими. Кирпичные же постройки представляли редкость, тогда как в греческих селах в это время постройки, комбинированные из сырцового и обожженного кирпича, были бытующим явлением. Хорошим примером в этом отношении могут служить украинские села Андреевка и Алексеевка, расположенные близ грече-

ского села Богатырь. Во всех трех селах были кирпичные и черепичные производства, причем из окрестных сел даже приезжали в Андреевку за «минаевской» а в Алексеевку — за «погореловской» черепицей. В с. Богатырь, как и в других греческих селах, в конце XIX — начале XX в. многие дома были облицованы кирпичом и покрыты черепицей (некоторые сохранились до сих пор), а в селах Андреевка и Алексеевка было всего по 3—4 таких дома²⁶. Причина использования тех или иных строительных материалов в данном случае ясна: греческие поселенцы, пользовавшиеся статусом иностранных колонистов, были значительно состоятельнее украинских крестьян и поэтому имели возможность строить дома из более дорогих материалов.

Современные села Донецкой области независимо от этнической принадлежности их жителей не различаются по использованию строительного материала; в этом проявляется происшедшее в советское время выравнивание экономических возможностей сельских жителей. Для стен часто употребляют традиционный в данном регионе саманный кирпич, который снаружи облицовывают обожженным кирпичом либо шлакоблоком. Иногда внутреннюю часть стен делают из бывших в употреблении деревянных

материалов либо просто наносят толстый слой штукатурки. Стены новых домов возводят порой целиком из кирпича, нередко силикатного. В наши дни все жилые постройки делаются на фундаменте. Как правило, это бывает лепточный фундамент под несущие стены из известняка, шлакобетона и других материалов. Иногда дом ставят на цоколь из камня или обожженного кирпича. Материал, за исключением сырцового кирпича, который продолжают выделывать дома, покупают большей частью в городах. Мастера есть теперь в каждом селении; они возводят стены и выполняют плотницкие работы. Случается, что на постройку дома принимают мастера из города, например из Жданова или Донецка. Во всех случаях в строительстве дома принимают участие члены семьи, причем теперь они в большей мере, чем прежде, владеют строительными навыками. Порой они собственными силами выполняют многие строительные работы.

В наши дни для обмазки стен, а иногда и других работ при постройке дома, как и прежде, хозяева приглашают родных и соседей, которых собирается 15—20 и более человек. Совместная работа начинается завтраком и закапчивается обильным угощением за счет хозяина. Во дворе по этому случаю ставятся столы, «гуляют, как на свадьбе», по выражению местных жителей²⁷.

Устройство пола в жилище на протяжении всего XIX в. отличалось большой устойчивостью. Так же как украинцы и русские в южных районах расселения, греки в своих жилищах делали земляной пол. Насыпанная толстым слоем земля хорошо утрамбовывалась и обмазывалась глиной. Обмазка систематически возобновлялась; обычно это делалось раз в неделю или чаще.

Деревянный пол появляется в домах греков лишь в конце XIX в., значительное же распространение получает в XX в. и к середине столетия окончательно

Рис. 5. Дома из сырцового и обожженного кирпича конца XIX — начала XX в.

а — село Константинополь Донецкой области; б — пгт. Приморское (б. Саргана) Донецкой области. Ждановский краеведческий музей

но вытесняет земляной. В наше время постройки с земляным полом встречаются крайне редко.

Земляной пол являлся стойкой традиционной чертой греческого жилища, восходящей к более ранним временам. Его бытование, конечно, невозможно не связывать со сложностью приобретения леса. Однако в многокомнатных домах

Рис. 6. Внешний декор жилых построек в греческих селах. Конец XIX — начало XX в. Донецкая область

конца XIX — начала XX в., облицованных кирпичом и укрытых черепицей, принадлежавших зажиточным поселянам, которые в состоянии были бы приобрести лес для пола, часто сохранялся землей пол.

Потолок делали обычно дощатый, для него приобретали лес получше. Как утверждали наши информаторы, «греки любят деревянные потолки». На его балках вырезали даты рождения детей и других важных событий.

Более раннюю конструкцию потолка можно определить по выступающим наружу балкам, поверх которых настлались доски. В последние десятилетия доски потолка, как правило, подшивают к потолочным балкам. Нередко делают оштукатуренный потолок.

Лес для потолка, пола, деталей крыши приходилось покупать и привозить, иногда издалека. В конце XIX — начале XX в. на железнодорожных станциях существовали частновладельческие склады лесных материалов. Греческие крестьяне пользовались складами на станциях Кутейниково, Еленовка, Удачная, Благодатная, Хлебодаровка, Карань и др., которые находились в 30—40 верстах от их селений. Закупив лес, его грузили на подводы и везли в село. Поездка за лесом для строительства дома относилась к числу коллективных работ. Поселянин, строящий дом, приглашал родственников и соседей принять участие в этой работе. Помощники отправлялись за лесом на своих подводах. По прибытии домой лес сгружали, после чего хозяин устраивал угощение для всех участников работы.

Крыша на жилых домах в греческих селениях в XIX — XX вв. делалась двускатной и четырехскатной. В 1950-е годы распространяется вариант четырехскатной крыши с усеченным фронтоном

Рис. 7. Внешний декор жилых построек в греческих селах 50—60-х годов XX в. Донецкая область

сверху, так называемая крыша «доми-ком».

Жилища со стенами из дерна, о кото-рых говорилось выше, всегда имели двускатную крышу. На постройках из других материалов бывала как двускатная, так и четырехскатная крыша. Двускатная крыша была, по-видимому, более ранней формой в греческом жи-лище; в конце XIX — начале XX в. двускатную крышу наряду с четырех-скатной делали даже на домах из обож-женного кирпича. Так было, например, в с. Сартана, где в это время особенно распространились «длинные» дома, представляющие собой однорядную связь жилых и хозяйственных построек, часто под общей крышей. На домах из того же материала, в плане прибли-жающихся к квадрату, возводили всегда крышу на четыре ската. Двускатная крыша в данном случае являлась целе-сообразным строительным приемом, оправданным большой протяженностью постройки и тяжестью черепицы, кото-рой покрывали эти дома. Двускатная черепичная крыша на саманно-кирпич-ных постройках конца XIX — начала XX в. у греков Приазовья пришла на смену широко распространенным здесь в XIX в. четырехскатным крышам.

Двускатная крыша имела значитель-ное бытование на юге Украины²⁸. Грекам, кроме того, она была хорошо известна еще по Крыму. По материалам Б. А. Куфтина, во всех рассмотренных им районах Крымского полуострова бы-товала двускатная крыша. Она возво-дилась на стропилах, связанных со стенами дома поперечными балками. Продольная же балка-матица, харак-терная, как известно, для восточносла-вянского жилища, в жилище крымских татар отсутствовала. Б. А. Куфтин об-рацает внимание на то, что жилище

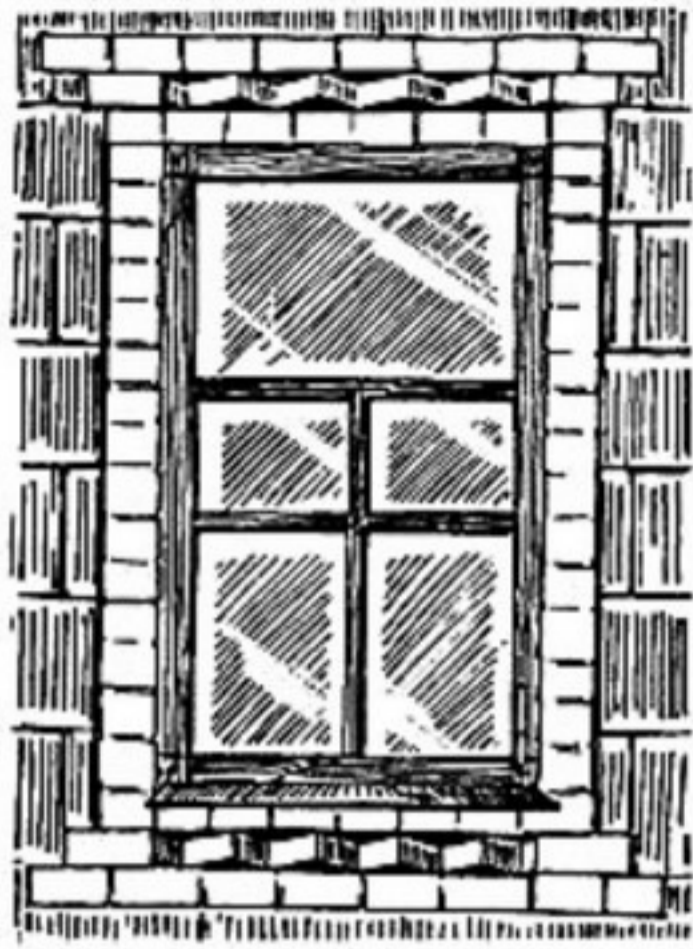

Рис. 8. Дома постройки 50—60-х годов XX в. Великоновоселковский и Старобешевский районы Донецкой области

гагаузов, столь близкое к жилищу крымских татар по другим элементам, отличается от последнего наличием матицы²⁹.

В жилище греков Приазовья стропильная конструкция такого же характера, как в Крыму, является общераспространенной. Стропила (макас) опираются на балки (керши,) лежащие поперек дома на продольных стенах. Продольных балок, так же как в Крыму, в Приазовье не делают. Стропила располагаются парами, и их число соответствует числу поперечных балок, с которыми они соединены. На стропилах покоятся как двускатные, так и четырехскатные крыши. В двускатных крышах стропила каждой стороны лежат в одной плоскости. В четырехскатных крайние стропильные пары устанавливаются наклонно, так, чтобы их концы встретились с концами предыдущей пары. В крышах «домиком», которые распространены в наши дни, крайние пары стропил не доходят до вершины предыдущей пары, а соединяются с нею ниже, в зависимости от того, какой ве-

личины предполагается оставить наверху фронтоп.

Двускатная низкая крыша в примитивных постройках из дерева, а также из глины опиралась на продолженные в виде треугольников торцевые стены; по своей функции эта конструкция сходна с самцовой.

Покрытие в крышах нестропильной конструкции сооружалось из жердей либо из камыша, уложенных на три несущие балки, засыпанные сверху сучьями, сеном, землей и золой. Дома с такой кровлей не сохранились до наших дней. Также почти не сохранились дома, укрытые соломой либо камышом. Вместе с тем солома и камыш были преобладающими кровельными материалами в XIX в. и бытовали в начале XX в. Поэтому воспоминания о соломенных и камышовых крышах, как и о способах их сооружения, живы в памяти старшего поколения крестьян.

Широкое бытование в греческих селах в XIX в. соломы и камыша в качестве кровельных материалов и сопутствующая им четырехскатная форма крыши являются, как видно, следствием влияния украинского жилища, для которого была характерна соломенная либо камышовая крыша на четыре ската. Недаром для сооружения на добротном доме крыши из этих материалов греки приглашали украинских мастеров из соседних селений. Считалось, что покрытая умелым мастером крыша может служить 25—30 лет³⁰.

Для покрытия крыши употребляли ржавую солому. Предназначенное для этой цели жито косили серпом или ручной косой и вымолачивали цепями. Знали способы покрытия крыши несвязанной соломой и снопиками. В первом случае солому расстилали на земле, смачивали водой и утаптывали ногами. Затем охапки соломы вилами подавали на крышу, а там укладывали рядами толщиной около 30 см. Уложенную солому аккуратно расчесывали, пока не

получалась ровная поверхность. Наверху солому загибали и заливали раствором желтой глины.

Более совершенным был способ укладки соломы снопиками. Снопки соломы смачивали в растворе желтой глины, после чего укладывали комлями вниз горизонтальными рядами и привязывали соломенным жгутом к обрешетке крыши. Каждый верхний ряд прикрывал колосья нижнего ряда. Ряды подбивали и разравнивали. В верхней части крыши концы снопов перевязывали, чтобы получился «гребень», либо засыпали мелкой соломой и заливали раствором глины. Иногда надевали деревянные «козлики».

Часто крышу покрывали камышом. Рожь, солома от которой шла на покрытие, в этих краях возделывали мало, заросли же камыша встречались повсюду по берегам рек. Каждую осень участок, где рос камыш, разбивали на делянки и распределяли между поселянами. Тем, кто строил новый дом, выделяли большую делянку. Камыш, как и рожь, срезали серпом, высушивали и связывали в снопы. Укрывали крышу небольшими снопиками, укладывая их рядами; обычно получалось три ряда снопов, которые привязывали к обрешетке и пригнетали жердью. Затем снопки подбивали специальной лопаткой, концы обрезали и подравнивали. Наверху камыш перевязывали, как в соломенной крыше.

В конце XIX — начале XX в. одновременно с распространением кирпича греческие крестьяне стали использовать черепицу в качестве кровельного материала. В особенности большое число черепичных кровель было сооружено в 1910—1912 гг., когда черепицей укрывали вновь строящиеся дома, а также перекрывали соломенные и камышовые крыши ранее возведенных построек.

Черепицу покупали на местных небольших заводах, а также в Мариуполе.

Черепица различалась по форме и

способу приготовления. Наибольшее потребление имела выпукло-вогнутая черепица, изготавливавшаяся преимущественно на местных заводах. Ее называли «татаркой». Из плоской черепицы самой лучшей считалась «марсель», которую привозили из Мариуполя. Плоской была также «мицаевская» и «погореловская» черепица, а также изготавливавшаяся немецкими колонистами черепица из цемента.

Черепица конца XIX — начала XX в. оказалась прочным кровельным материалом. Она до сих пор укрывает дома в греческих селах, перекочевывая подчас со старого дома на новый.

Для покрытия крыши в наше время в греческих, как и во всех селениях Южной Украины, используются шифер, листовое железо.

Сооружение окон и дверей в доме требовало специальных столярных и плотницких работ. В XIX в. в греческих домах окна делали косячатыми. Обвязка, состоящая из косяков и верхнего и нижнего бруса, вставлялась в оставленный при кладке стены проем. Рамы в XIX — начале XX в. обычно были одностворчатыми с тремя, четырьмя или шестью стеклами. Внутри, а иногда снаружи приделывали ставни. Они были необходимы в этой открытой и подверженной сильным ветрам местности, зимой для сохранения тепла в доме, летом — для предохранения от излишнего зноя. Ставни у греков, как и у немецких колонистов, а также у зажиточных украинцев, часто делали двустворчатыми²¹. В наши дни окна делают большего размера, часто двустворчатыми и с форточками.

Косяки дверей делали так же, как и оконные. Двери большей частью были одностворчатыми. В некоторых постройках, в частности в хозяйственных, наружные двери делали порой разделенными на две поперечные половины. Когда нижняя часть проема была затворена, верхняя могла служить источ-

ником света и доступа воздуха в помещение. Такая дверь была удобна, в частности, в хлеву: затворенная нижняя половина преграждала выход скоту. Двери указанной конструкции, по мнению старожилов, были заимствованы у немецких колонистов, в постройках которых они обычно присутствовали.

В греческих домах XIX в. перед входом устраивали открытую галерею (*халдырма, хандырма*). Галерея имела приподнятую над землей утрамбованную площадку, тянувшуюся вдоль всей стороны дома. Свес крыши, находящейся над нею, держался на деревянных столбах. Перед входом на площадку лежал камень либо делались ступени (если она была достаточно высока). У основания галерея иногда забиралась досками, которые прибивались к столбам, и такой же высоты делалась калитка.

Дома с «хандырмой» постройки XIX в. были хорошо известны еще в 20-30-х годах XX в., что видно по фотоматериалам Ждановского краеведческого музея и из рассказов наших информаторов. Единичные старые постройки с галереей нам удалось видеть в селах Старомлиновка, Карань, Богатырь, Раздольное³².

Хандырма была, как видно, принадлежностью наиболее распространенного в середине XIX в. дома из сырцового кирпича, состоящего из двух помещений. Аналогично такому дому можно найти в Крыму в жилище татар. По всей видимости, и среди греков до переселения из Крыма был распространен наряду с другими подобный дом.

Открытая галерея присуща и украинскому дому в ряде районов Украины. Дома с галереей в украинских селах существовали наряду с домами с призьбой. Галерея иногда тянулась не только с одной стороны, но опоясывала дом с двух или трех сторон³³.

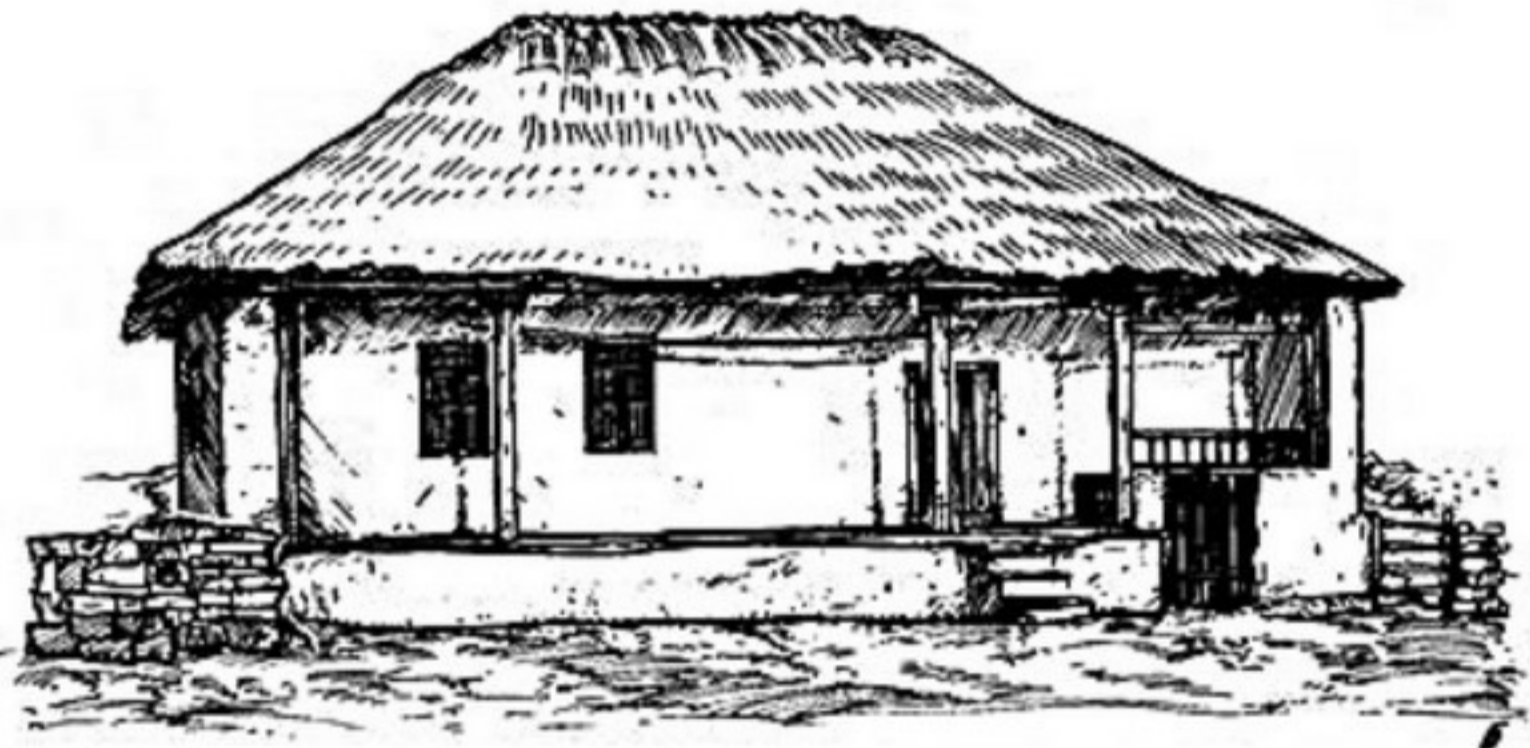
Открытая галерея встречается в жилище и многих других народов. В том числе она широко известна славянским

и неславянским народам на Балканах, западным славянам. Традиционное жилище греков на Балканах также имеет открытую галерею перед входом³⁴.

Для современного жилища Приазовья открытая галерея не свойственна, что объясняется, по-видимому, общей направленностью развития жилого дома в регионе.

Интересна в этой связи судьба открытой галереи у других выходцев с Балканского полуострова, живущих на Украине, — болгар, албанцев, гагаузов, в жилище которых она является традиционным элементом. Для районов Болгарии, откуда предки этих групп переселились в Бессарабию, а также в той части Албании, где жили до переселения в Болгарию албанцы, открытая галерея характерна³⁵. В Болградском районе Одесской области, где живут потомки переселившихся некогда болгар, албанцев и гагаузов, открытая галерея бытует до сих пор³⁶. Она имеет такую же форму, как и в греческом жилище. Однако, развиваясь вместе с остальными элементами жилища, галерея и здесь претерпела известные изменения. В частности, для ее сооружения стали использовать новые материалы. Площадка часто заливается цементом, а столбы, подпирающие свес крыши, делаются не из дерева, а из кирпича. Заметна также тенденция превращения галереи в закрытое помещение. Обращенная к улице сторона галереи иногда забирается стеной, в которой проделывается окно, имеющее скорее декоративную, чем практическую функцию. Остальная часть галереи пока остается открытой, но в дальнейшем может быть забрана стенами либо застеклена.

В селах Приазовья, куда переселилась из Бессарабии часть болгар, албанцев и гагаузов в 1860-е годы, дома с галереей строили, как видно, очель недолго. Лишь крестьяне старшего поколения еще помнят о домах с приподнятой площадкой перед входом и навесом. В начале XX в. перед входом

в дом вместо галерей уже делали закрытую прихожую — «коридор», который иногда комбинировали с галереей. «Коридор» встречается и теперь: подчас он преобразуется в веранду. В наши дни перед входом в дом нередко делают также крыльцо с навесом.

* * *

Для обогрева помещения и приготовления пищи в греческом жилище XIX в. служил комплекс из очага и хлебной печи, расположенный в середине дома у его разделительной поперечной стены. Крытая хлебная печь (*суба*) устьем была повернута в сени (*аят*), корпус же ее находился в жилой комнате. В сенях на полу сбоку от низкого устья хлебной печи стояла маленькая печка П-образной формы, сложенная из нескольких камней или кирпичей, обмазанных глиной. Наши информаторы называли ее *оджах*, *уджах* или *кабыця*. Она служила для приготовления пищи.

Над устьем печи и оджахом нависала колоколообразная труба, собирающая и выводящая дым из дома. Она делалась из шпелтя или досок, толсто обмазанных глиной, либо из камня, самана или обожженного кирпича. Эти материалы обычно комбинировались. Так, часть трубы, находящаяся в помещении, могла быть сделана из шпелтя, тогда как верхняя — из камня, нижняя — из самана, а верхняя — из камня или обожженного кирпича. Труба держалась на деревянных балках-кронштейнах, закрепленных в разделительной стене дома, которые опирались также на вертикальные деревянные столбы. Иногда в качестве опоры сооружали дополнительную

Рис. 9. Дома из сырцового кирпича с галереей конца XIX — начала XX в.

а — село Раздольное (б. Большая Коркуба); б — село Заможное (б. Чермалык); в — село Стыла Донецкой области. Ждановский краеведческий музей

стенку, перпендикулярную разделительной стене (она отгораживала оджак от входа в дом). Нижний край трубы находился от пола на расстоянии 150—180 см.

Труба была прямой и сужалась кверху. При рассказах о ее конструкции наши информаторы пользовались несколькими терминами. Чаще всего ее называли, так же как и печку для приготовления пищи, *оджах* или *уджах*, иногда *чурта*. В селе Карань мы встретились с названием *яшмах* (в Бахчисарайском районе Крыма словом *яшмах* обозначают выступающую в комнату деревянную перекладину рамы, поддерживающей свод очага такой же конструкции; в другом районе Крыма эта деталь называлась *даул-бас*²⁷).

Рассмотренный комплекс для обогрева жилища и приготовления пищи бытовал во всех видах греческого жилища XIX в. В описании типичного греческого дома, составленном в связи с организацией Русской этнографической выставки 1866 г. А. Антониновым, указывается подобная конструкция печи и очага²⁸. Об этом свидетельствуют и фотографические материалы Ждановского краеведческого музея²⁹, и наши полевые данные.

В наши дни эта конструкция, бытовавшая еще в 20—30-е годы, встречается чрезвычайно редко и, конечно, только в старых постройках. Нам удалось видеть очаг с печью в с. Старый Керменчик (ныне Старомлишовка) в доме А. К. Кочара (здесь этот комплекс имел традиционное устройство, но был в полуразрушенном состоянии в связи с перестройкой дома) и в с. Старая Ласпа в доме А. Г. Баенко. В последнем случае комплекс печи с очагом был в хорошем состоянии, им продолжали пользоваться, правда, он имел ряд особенностей, свидетельствующих о стремлении его модифицировать. Так, труба была шире обычного и опиралась на две стены помещения, в ко-

Рис. 10. Комплекс хлебной печи и оджаха. Село Риздольное (б. Большая Каракуба) Донецкой области. Рисунок с фото 1930-х годов. Ждановский краеведческий музей

тором находился очаг, занимая таким образом всю верхнюю часть этого помещения. Вдоль всей стены поднималось до уровня устья глинобитное возвышение. На нем, а не на земле, справа от устья еще несколько лет тому назад находился оджах, на котором готовили пиццу⁴⁰.

В Приазовье в жилище греков мы не обнаружили отдельно существующих очага и хлебной печи. Причем о существовании здесь очага с огнем, разводившемся прямо на полу, без дымохода, т. е. открытого очага, не осталось никаких воспоминаний. По-видимому, описанная комбинация печи с очагом была усвоена греками в Крыму⁴¹. Как видно,

греки, которые переселились в Приазовье из разных районов Крыма, а поэтому скорее всего жили в домах разного типа, на новом месте культивировали наиболее целесообразную, соответствующую новым условиям и общему ходу развития жилища отопительную систему. Во избежание заблуждений, которые могут возникнуть в этом вопросе в связи с публикацией материалов по греческому жилищу в книге В. И. Наулко, следует сказать, что автором этой работы допущены терминологические неточности: открытым очагом он неоднократно называет различные части комплекса очага и хлебной печи с прямым дымоходом, а отнюдь не собственно открытый очаг⁴².

Безусловно, в Приазовье указанная комбинация очага и печи нашла благоприятные условия для своего закрепления (в Крыму она не была столь общепринятой). Наличие маленькой печки для приготовления пиццы, сохранившей то же название *оджах*, что и огнище на полу в Крыму, говорит об этом. Сведений о таком приспособлении у татар на Крымском полуострове нет. Может быть, не случайно греки называют его не только тюркским словом *оджах*, но и украинским *кабыця*.

Дальнейшее развитие комплекса для обогрева и приготовления пиццы состояло в изменении дымохода, который из нависающей прямой трубы превратился в закрытый коленчатый, и в замене оджаха, на котором готовили пиццу, плитой. Положение печи и ее устья осталось прежним. Эти усовершенствования относятся к концу XIX — началу XX в. Вместе с указанными изменениями начинают также выносить печь из основного жилого помещения в подсобное (летняя кухня), иногда на усадьбу. Отопление жилища осуществлялось в этом случае посредством «груб», которые могли обогревать несколько комнат, а в кухне сочетались с плитой. В этом виде они продолжали традицию

единого комплекса для обогрева и приготовления пицци.

«Грубы» в сочетании с плитами обязательно сооружались в новых для на-

чала XX в. домах, по форме близких к квадрату. Они продолжают свою жизнь и в современном жилище греков.

ПЛАНИРОВКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО ПРОСТРАНСТВА ЖИЛОГО ДОМА

Простейшие жилища греков в Приазовье были двухкамерными. Из двух помещений состояли жилища из дерна, постройки из шетня, самана преимущественно первой половины XIX в. Позднее двухкамерные жилища также имели место. Все двухкамерные постройки состояли из сеней и жилой комнаты. Аят всегда был тешным помещением, в нем находился очаг и устье печи. Аят служил прихожей, кухней, здесь же хранилась некоторая домашняя утварь и орудия, съестные припасы. Жилая комната, куда вела дверь из сеней, обогревалась печью, корпус которой находился в комнате. Здесь сосредоточивалась вся жизнь семьи: совершали трапезу, спали, выполняли домашние работы, принимали гостей и пр.

Еще в XIX в., примерно в его середине, происходит усложнение планировки дома за счет присоединения к нему третьего помещения — парадной комнаты, расположенной по другую сторону сеней. Это новое помещение не отапливалось. Его нарядно убивали и использовали, как правило, для приема гостей и семейных праздников. Функции аята и жилой комнаты оставались прежними. Двухкамерные дома в середине XIX в., по всей видимости, еще широко бытовали. Трехраздельные же строили более состоятельные люди. В описании греческого дома, составленном для этнографической выставки, в качестве типичного фигурирует двухкамерная постройка, состоящая из сеней и жилой комнаты⁴³.

Во второй половине XIX в. трехкамерные постройки в греческих селах

получили большое распространение, а в самом конце столетия и начале следующего наблюдается их дальнейшее усложнение. Аят делится продольной (по отношению к копыту дома) перегородкой, отделяющей кухню от остальной части сеней. Таким образом, функции каждой половины становятся более определенными: первая выполняет роль прихожей, вторая — кухни. Кроме того, в соответствии с развитием отопительной системы, которая в это время характеризуется внедрением плит для приготовления пицци и груб для обогрева, а также порой и вынесением хлебной печи из дома, выделенная кухня становится более просторным и чистым помещением и иногда принимает на себя также функции столовой. Говорить о бытовании в это время кухни-столовой все же не приходится. Она была характерна только для богатых домов. Недаром в иллюстрациях к книге В. А. Бабенко в качестве греческого дома в Екатеринославской губернии приведен план четырехраздельного дома с кухней-столовой, отапливаемого грубами, а в тексте написал, что «греческая хата разделяется на сени, чистую комнату и жилую»⁴⁴.

Наряду с усложненной трехкамерной постройкой в греческих селах, как и в других селах Приазовья, появляется, как видно под влиянием города, многокомнатный дом, в плане приближающийся к квадрату. Такие дома строили только богатые поселане; стены облицовывали либо целиком возводили из кирпича, крышу покрывали черепицей. Очаг и хлебную печь в этих домах

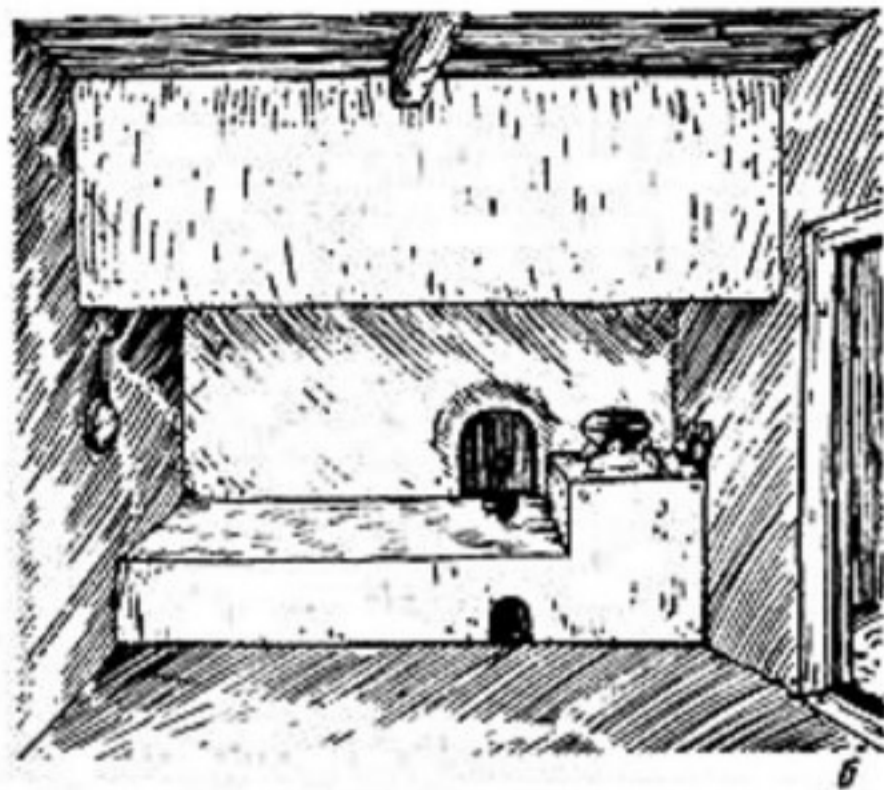
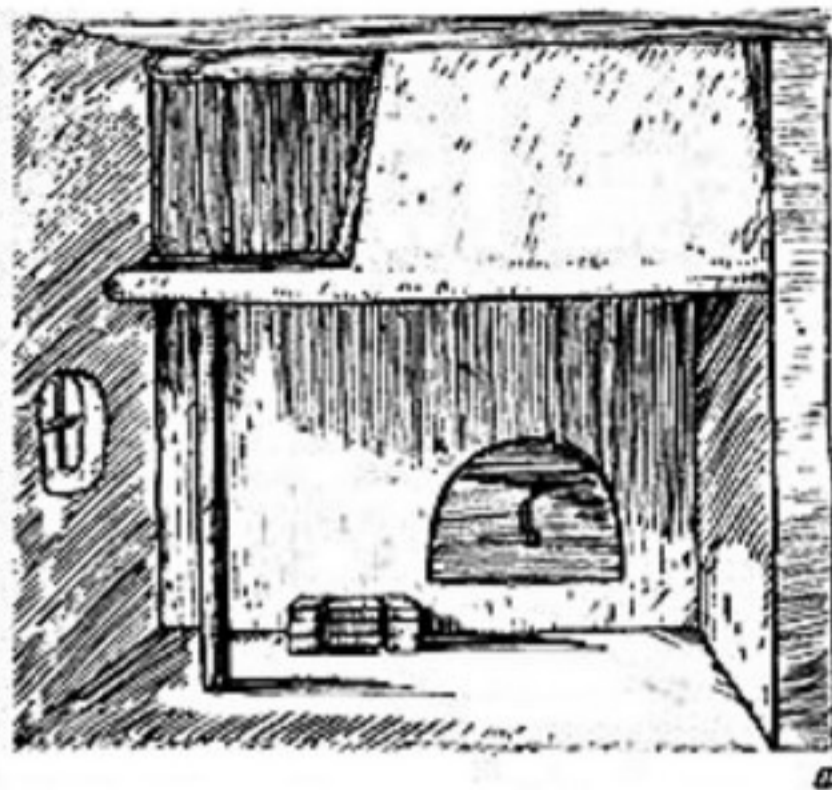

Рис. 11. Хлебная печь и оджах, сохранившиеся в современных домах

а — село Старомлиновка, частичная реконструкция; б — село Старая Ласпа; в — село Старая Ласпа Донецкой области

уже не сооружали: их заменили плитой и грубой. Вместе с тем срединное помещение у греков и здесь называлось *аят* и выполняло роль прихожей. Из него попадали в другие комнаты, которые имели сообщение между собой. Кроме того, в аят выходили топки груб, обогревающих комнаты.

Многокомнатные дома, строящиеся в наши дни, в том числе и по типовым проектам, продолжают традицию такого дома. Новые дома независимо от того, из каких материалов они сделаны, состоят из нескольких комнат, которые строго различаются по своим функциям. Это — прихожая, кухня-столовая, спальня, детская, зал. Как и дома начала XX в., эти дома в плане близки к квадрату. Продолжают сохраняться в греческих селах и дома с трехраздельной усложненной планировкой; как правило, они более ранней постройки. Двухраздельная планировка в основном жилом доме теперь не встречается, однако нередко летняя кухня, которая является подчас старым домом, имеет двухраздельную планировку, вполне соответствующую планировке жилого дома XIX в.

Особенности планировки греческого дома, во многом связанные с характе-

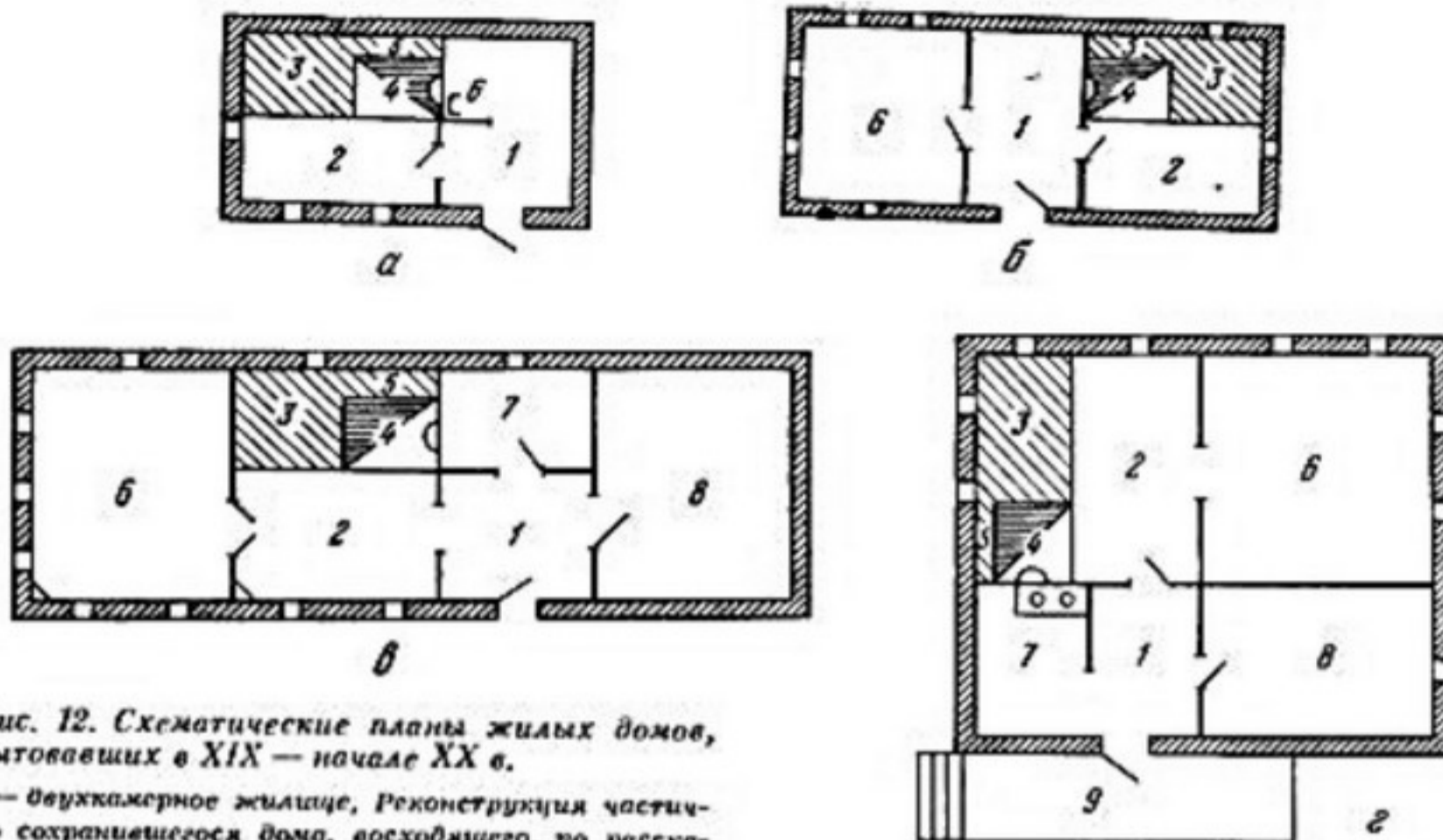

Рис. 12. Схематические планы жилых домов, бытовавших в XIX — начале XX в.

а — двухкамерное жилище, реконструкция частично сохранившегося дома, восходящего, по рассказам, ко времени переселения. Село Раздольное (б. Большая Каракуба) Донецкой области: 1 — теплые сени (аят); 2 — жилая комната; 3 — глинобитное возвышение для сна (курбат, софа); 4 — хлебная печь (суба); 5 — запечье (каха); 6 — обжак; б — трехкамерный дом с теплыми сенями посередине. Реконструкция. Село Куйбышево (б. Малая Янисоль) Донецкой области: 1—5 — то же; 6 — парадная комната (зал); в — трехкамер-

ный дом с разделенными сенями. Вторая половина XIX в. Село Заможное (б. Чермалык) Донецкой области: 1—5 — то же; 6 — зал; 7 — выделенная часть сеней, откуда топились печь; 8 — сарай; г — многокомнатный дом конца XIX в. Село Стыла Донецкой области: 1—6 — то же; 7 — обжак; 8 — спальня; 9 — прихожая (ком)

ром и местоположением отопительного комплекса, отличают его от соседнего украинского жилища. Как известно, для восточнославянского дома были характерны холодные сени. Печь находилась в жилой комнате и служила для обогрева помещения и приготовления пищи; она давно заменила собой открытое огнище. В XIX в. различия по характеру сеней (холодные или теплые) и системе обогрева жилища и приготовления пищи (печь или комплексе очага с печью), а также ее расположение в доме были ярко выражены и могли служить отличительными признаками украинского и греческого жилища.

В конце XIX — начале XX в. в украинском жилище происходят измене-

ния, существенные для характеристики его типа. Сени из холодного помещения превращаются в теплое, чему сопутствовало выделение кухни в сенях. При устройстве кухни в сенях, помимо перегородки, разделяющей сени на две части, в задней части, долженствующей служить кухней, ставилась плита, соединенная с печью, находящейся в хате. Кроме того, устье печи, которое во всех вариантах традиционной восточнославянской планировки находится в избе (хате), стало устраиваться в сенях. Все эти изменения, происходившие прежде всего в домах зажиточных хозяев, сглаживали особенности, характерные для разных типов жилища.

В конце XIX — начале XX в. наблюдаются усовершенствования и в рус-

ском жилище на Украине⁴⁵. Изменения подобного характера известны также и в западнославянских жилищах⁴⁶.

В жилище приазовских греков особенности планировки и отопительной системы принесены, как видно, из Крыма. В стенном типе дома крымских татар указанные особенности ярко выражены^{46а}. Это не означает простое заимствование греками типа дома крымских татар, потому что, во-первых, греки (хотя бы их часть) жили в Крыму в таких домах, во-вторых, жилище крымских татар, как и другие элементы их культуры, складывалось в результате длительного взаимодействия различных культур.

В жилище нескольких групп разных народов — выходцев с Балканского полуострова, живущих ныне на территории Украины (и частично Молдавии), обнаруживаются общие черты. Так, при сравнении жилища болгар, греков, гагаузов, албанцев⁴⁷ выявляются общие черты; наиболее существенные из них касаются планировки жилища и его отопительной системы. Традиционное жилище всех указанных групп народов на территории Украины представляло собой в основном двух- или трехкамерный дом с теплыми сенями. Отопительная система характеризовалась соединением очага и хлебной печи. Причем очаг располагался в сенях у разделительной стены, а печь, корпус которой находился в жилой комнате, устьем была обращена в сени. Над очагом и устьем печи в сенях был укреплен прямой дымоход.

Б. А. Куфтин, сравнивая в свое время жилище крымских татар (степной тип) и гагаузов Бессарабии, обнаружил общие черты⁴⁸. Это побудило его искать объяснений в жилище Балканского полуострова. Нам кажется, что общность, которая в результате дальнейшего изучения выявилась в жилище более широкого круга народов — болгар, греков, гагаузов, албанцев Украины и

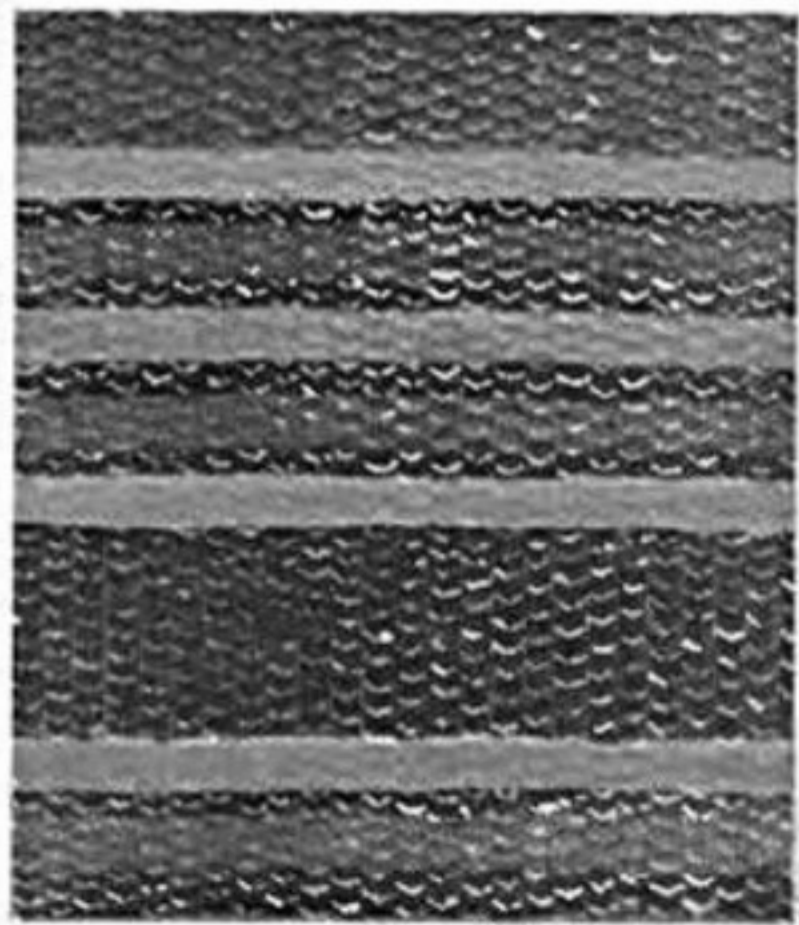
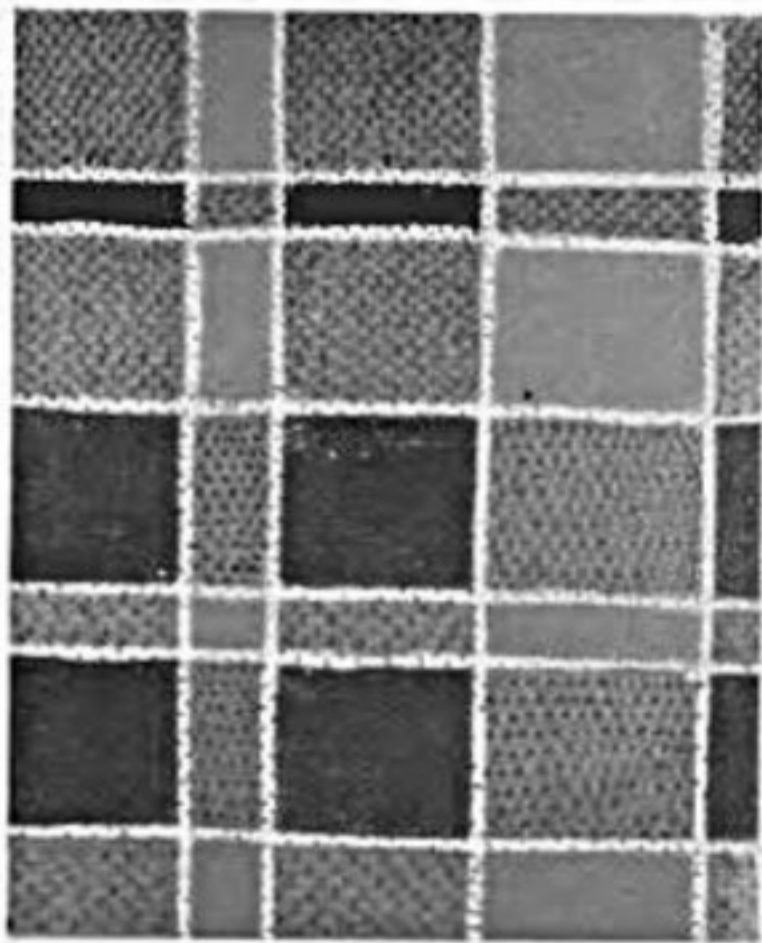
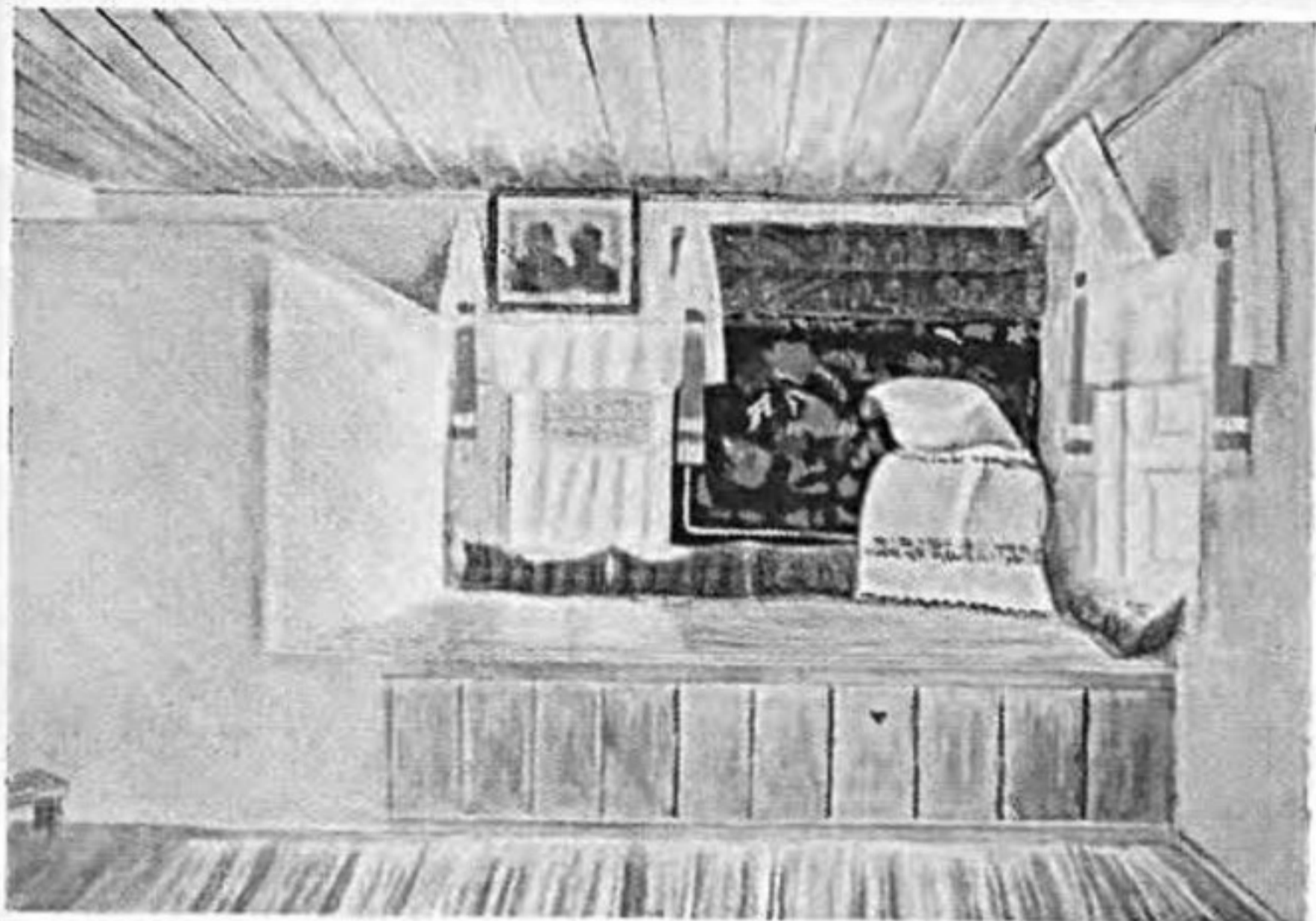
Молдавии, обосновывает сравнение, начатое Б. А. Куфтиным.

В греческом доме, как и в любом традиционном жилище, назначение отдельных его частей было строго определено. Лят служил прихожей и кухней. Здесь на очаге готовили пиццу, в печи пекли хлеб. Поблизости от очага хранилась необходимая хозяйственная утварь, продукты. У входа стояла вода в ведрах или глиняных сосудах. Часть аята с очагом, которая в дальнейшем отгораживалась от остальных сеней, служила местом хозяйственной деятельности женщины.

В жилой комнате (нам приводили несколько ее названий: *спит*, *микро спит*, *апэсу*, *пизус* — в румееязычных селах, *эвь*, *отурган уй*, *уй* — в татароязычных селах⁴⁹) к корпусу печи примыкали нары (*курват* — румейск., *софа* — татарск.), которые тянулись до узкой стены дома, занимая значительную часть помещения. Софа часто бывала дощатой, иногда глинобитной (в бедных домах) высотой от 40 до 60 см. Она была центральным местом домашней жизни семьи. Здесь совершали трапезу, спали, принимали гостей, если не было парадной комнаты. Сидя на софе, отдыхали либо занимались домашними работами. Над софой висела люлька с ребенком. В запечье (*коха* — румейск., *соба арасы* — татарск.) иногда спали, а также помещали роженицу во время родов.

Софу застилали толстым войлоком (*тийз* — татарск., *чендикло* — румейск.), специально для этой цели изготовлявшимся. Поверх стелили домотканую шерстяную матерью в черно-белую либо черно-красно-белую клетку (*айма*,

Рис. 13. а — интерьер жилой комнаты. 20-е годы XX в. Реконструкция. Село Раздольное [б. Большая Каракуба] Донецкой области. 1971 г.; б — фрагменты шерстяных тканей домашнего изготовления, служащих для убранства дома. Село Куйбышево [б. Малая Янисоль] Донецкой области. 1970 г.

яёф — румейск., яю, джаю — татарск.). У стены стояли длинные подушки (*кубан* — румейск., *ястых* — татарск.) также из домотканой шерстяной материи в мелкую клетку таких же цветов, набитые шерстью. На ночь их клали в изголовье, раскладывали на софе тюфяки (*строс* — румейск., *тешек* — татарск.), набитые шерстью. Укрывались стегаными шерстяными одеялами (*паплама* — румейск., *ерган* — татарск.). Тюфяки, одеяла, а также простыни из домотканой материи (*синдон* — румейск., *шаршаф* — татарск.), перьевые подушки, если они были (характерно, что последние не имеют собственного названия ни в румейском, ни в татарском языке, всюду пользуются словом «подушка»), складывали на софе у торцевой стены стопкой, которая накрывалась специальной простыней и носила название *стидедея* (*стиди* — румейск., *юк* — татарск.).

Во время семейной трапезы на софу расстилали подстилку из хлопчатобумажной ткани, чтобы не загрязнять шерстяное покрывало, и ставили низкий круглый стол (*трапез* — румейск., *софра*, *суфра* — татарск.), который в остальное время хранился в аяте. В доме обычно бывала не одна софра. Помимо той, что служила для повседневной трапезы, была большая, которую ставили во время прихода гостей, а также небольшая для раскатывания теста, выделки пекарных изделий.

По стенам стояли деревянные лавки с подлокотниками (*кунапель*). На них также лежали длинные узкие шерстяные подушки. Лавки использовались для сидения, иногда на них спали. В углу около двери была полка (*раф*) с

Рис. 9. Интерьер парадной комнаты жилого дома. Село Криничное Болградского района, 1969 г. (рис. к стр. 145)

Рис. 1. Современный гагаузский дом. Село Кирсово Комратского района, 1976 г. (рис. к стр. 151)

глухими дверцами; там хранили посуду. Рядом находился специальный шкафчик для хлеба и других припасов.

По диагонали от печи в углу висели иконы. Перед ними светилась лампада, стоял «угольник» (треугольный столик).

В жилой комнате мог стоять и высокий стол. Он располагался против софы в простенке между окнами. Над окнами бывали деревянные полки, на которых расставляли медную посуду, имеющую декоративное назначение.

Стены в греческом доме украшались самодельными тканями (*тохма*). Для этого служили прямоугольные полотнища с затканными либо вышитыми концами. В узорах характерно сочетание желтого и коричневого цветов, иногда пропускалась золотая нить. Однако часто встречались и другие, более разнообразные сочетания цветов, о чем можно судить по материалам фондов Ждановского краеведческого музея⁵⁰, а также наших полевых наблюдений. В частности, верхняя часть стены иногда украшалась полотнищами с узорами из красных и синих цветов. На одной из фотографий, хранящейся в фондах Ждановского музея, сделанной в 20-е годы, изображена софа, стена над которой украшена тканью, производящей впечатление единого длинного полотнища, затканного стилизованным растительным и зооморфным орнаментом. В 1971 г. во время работы в с. Раздольное нам удалось обнаружить у жительницы села Е. Н. Гицунь (1895 г. рожд.) несколько небольших прямоугольных полотнищ с аналогичными рисунками, но в разрозненном виде. Узоры, выполненные красным и синим, располагались на них по краям, занимая по трети полотнища с каждой стороны. Срединная часть (треть) полотнища оставалась незатканной. Когда Е. Н. Гицунь по нашей просьбе убрала комнату подобно тому, какой она была в начале XX в., оказалось, что полотнища вешают на веревку, натянутую вдоль всей стены,

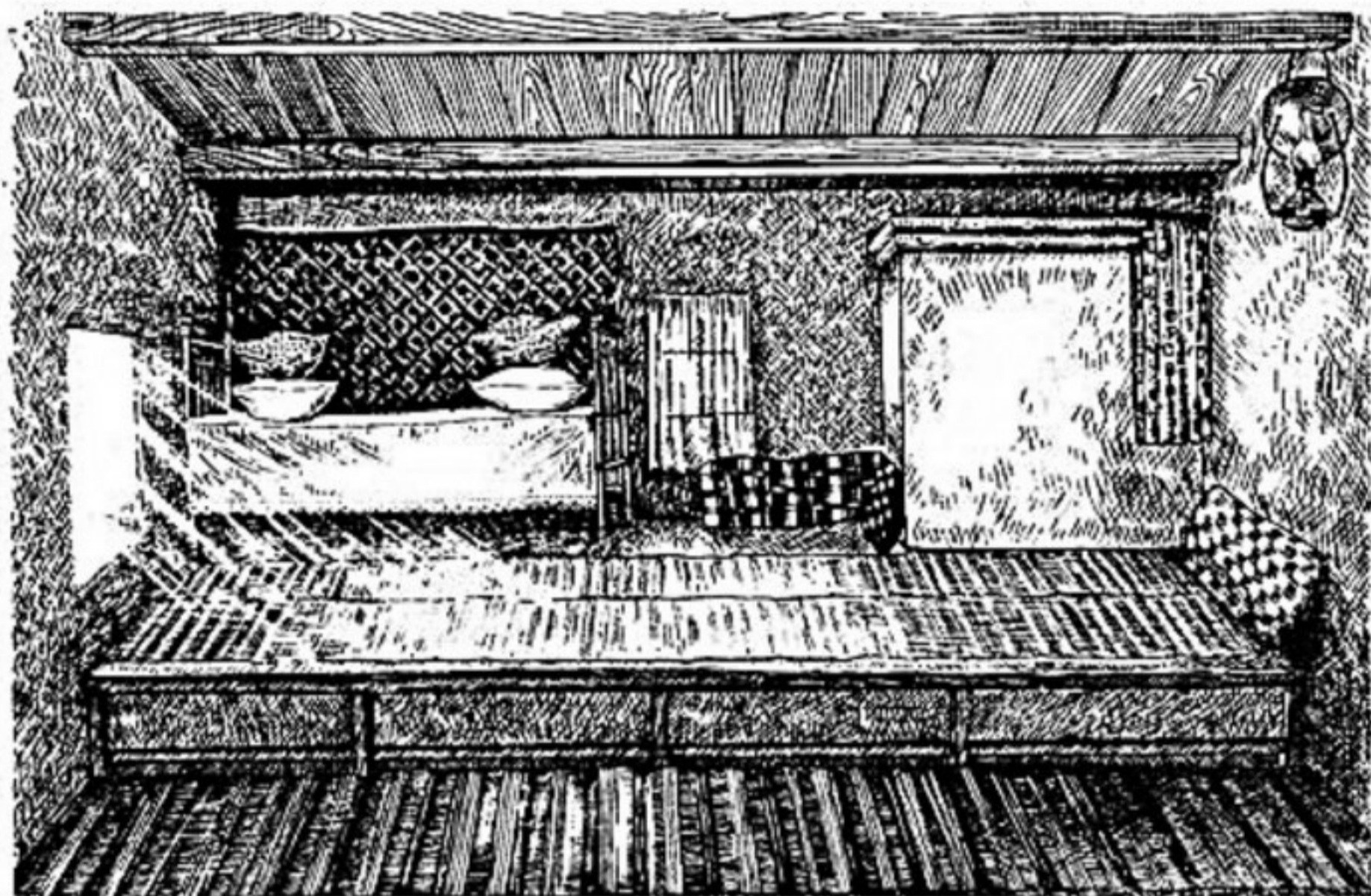

Рис. 14. Интерьер жилой комнаты с кроватью на софе. Село Старая Ласпа Донецкой области

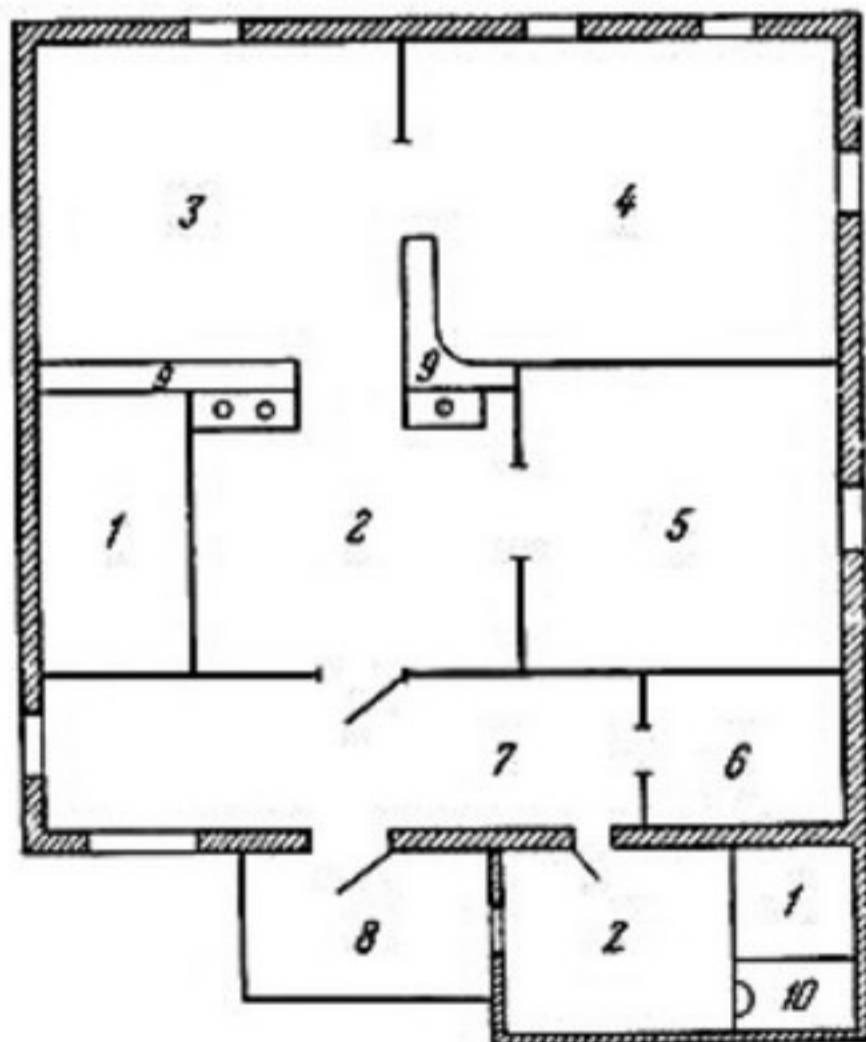

Рис. 15. Дом с софой постройки 1970 г. Село Богатырь Донецкой области. Схематичный план

1 — софа; 2 — кухня; 3 — спальня; 4 — зал; 5 — детская; 6 — кладовая; 7 — веранда; 8 — площадка перед входом; 9 — гроб; 10 — печь

одно за другим, без всякого интервала. Причем верхний край перекидывают таким образом, чтобы он закрыл неза тканную часть. Получается сплошная полоса узоров сине-красного цвета с чередующимися мотивами⁵¹.

Для украшения стен служила также развешиваемая под потолком вдоль всей комнаты полоса красной материи, вырезанная по нижнему краю зубьями. Такая декоративная полоса носила название *стенарь*, ее делали из покупной материи, она достигала 4 м и более. Зубья стенаря обвязывались кружевом из желтых нитей, к которым прикреплялись кисти или бахрома такого же цвета. На ткани иногда бывала вышивка, также вышолненная желтыми нитями. Несколько экземпляров таких настенных украшений имеется в фондах Ждановского краеведческого музея⁵². О том, что таким образом украшали стены в конце XIX—начале XX в., рассказывали нам в нескольких селах. В селе Кременевка в 1970 г. нам удалось увидеть стенарь в доме И. Г. Гуджен, висящий над софой. Он был аналогичен стенарям из фондов музея⁵³.

В парадной комнате, если она имелась в доме, развешивались по стенам самые нарядные ткани, помещалась наиболее ценная, с точки зрения хозяев, мебель. Здесь обычно стояли один или два высоких стола, деревянные лавки со спинками, сундук, несколько стульев. В парадную комнату ставили также комод, шкаф, кровать. На той же стене, что и в жилой комнате, в углу находились иконы. Парадная комната использовалась только в торжественных случаях. Это помещение в целом выполняло престижную функцию.

УСАДЬБА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Усадьба греческих крестьян в XIX в., когда их хозяйственная жизнь и быт после переселения достаточно устоялись, представляла собой, как и в любом крестьянском хозяйстве, опреде-

Любопытно, что кровать ставили иногда и на софу. На фотографии из фондов Ждановского краеведческого музея, сделанной в 1930 г. в с. Б. Каракуба (ныне Раздольное), изображена стоящая на софе никелированная кровать, застланная белым покрывалом с прошвой и кружевами, вся заставленная подушками разной величины⁵⁴. Постель явно не использовалась для сна, а несла представительную функцию. И надпись, сделанная в свое время на фотографии, косвенно свидетельствует об этом: «Кулацкое приданое — кровать на софе». В 1971 г. в с. Старая Ласца мы также видели помещенную на софу кровать⁵⁵, однако в этом случае кровать уже использовалась по назначению. Представление о назначении кровати в греческих селах за истекшее время и корне изменилось. Однако помещение кровати на софу указывает на силу традиционного представления об использовании софы как спального места.

Софа сохранялась в многокомнатных домах нетрадиционной планировки, которые появились в греческих селах в конце XIX—начале XX в. Более того, софу часто сооружают во вновь строящихся домах и в наши дни. Правда, софа теперь делается небольших размеров и не занимает прежнего традиционного места в доме. Люди преклонного, а нередко и среднего возраста говорят, что на софе удобно спать, удобно отдыхать, «на стуле не отдохнешь как следует». В новых домах, где живут семьи, состоящие только из молодых людей, мы также видели софу⁵⁶.

ленным образом организованные жилой дом и хозяйственные постройки с точным отведением места для всяких производственных работ. По характеру застройки двора и использованию его

частей это была характерная для юга Украины открытая усадьба, где свободное расположение построек сочеталось со связью некоторых из них. Греки, пользовавшиеся статусом колонистов и всеми вытекавшими отсюда льготами, были более зажиточны, чем украинские и русские крестьяне, что, естественно, сказывалось на добротности и числе построек на их усадьбах. Вместе с тем и среди греческого населения отмечалось значительное имущественное расслоение, что нашло отражение в жилом и хозяйственном комплексе греческих сел.

Усадьба обычно ограждалась от улицы и соседних дворов. В таких селах, как Стыла, Раздольное, Старая Ласна и др., где широко использовали камень в строительстве, ограждение возводили из камня, сложенного насухо. Часто стену вокруг усадьбы делали глинобитной, из смеси глины, соломы и навоза. Границей между соседними усадьбами служил иногда неглубокий ров, заменивший ограду. Встречались, как отмечал В. А. Бабенко, и вовсе неогороженные дворы, окопанные рвом; по видимому, это были усадьбы бедных крестьян³⁷. В конце XIX — начале XX в. зажиточные хозяева отделяли усадьбу от улицы забором из досок, а иногда и из обожженного кирпича.

Вход во двор закрывали одностворчатые ворота; богатые крестьяне порой делали и двустворчатые ворота. В XIX в. проем для входа и въезда во двор часто оставляли открытым.

В конце XIX — начале XX в. преобладало перпендикулярное положение дома по отношению к улице. Дом стоял у одной из границ усадебного участка, в некотором удалении от ограды и был направлен к улице торцевой стороной. Встречалась и такая застройка усадьбы, когда дом стоял поперек участка. Были также дома, которые выходили непосредственно на улицу либо, наоборот, стояли в глубине усадьбы. Во всех

случаях крестьяне стремились соблюсти традиционную ориентацию жилища «на солнце» (на юг), обращая к югу главный фасад дома со входом.

Прямоугольные жилые постройки в конце XIX — начале XX в. иногда сильно «вытягивались» за счет пристройки к ним некоторых хозяйственных помещений — конюшни, сарая, иногда загон для скота. Подобный ряд построек достигал порой 20—30 м и более. «Длинные» постройки свидетельствовали о зажиточности хозяев и в греческих селах были значительно распространены. Вместе с тем в это же время строят глаголеобразные жилые дома и дома, в плане приближающиеся к квадрату.

Хозяйственные постройки на усадьбах греков, подобно тому, как это было и в других южных селах Украины³⁸, частично были пристроены к жилому дому. Конюшня, пристроенная к дому, имела стены и крышу такие же, что и в жилом доме. Помимо широкого входа со двора, закрывающегося дверью, разрезанной по горизонтали на две половины, конюшня имела проход и со стороны дома.

Остальные хозяйственные строения располагались на усадьбе свободно, не связаны между собой. Иногда некоторые из них создавали второй ряд построек у противоположной границы усадьбы, параллельный первому.

Амбар для хранения зерна стоял обычно против дома. Он был поднят над землей камнями, лежащими по углам. Стены большей частью делали срубными из толстых досок, редко — из кирпича. Покрывали амбар черепицей. Перед входом могла быть небольшая галерея со свесом крыши, держащимся на столбиках. Амбары бывали не во всех хозяйствах. Там, где не было амбаров, зерно хранили на чердаке и в зерновых ямах. Способ хранения зерна в ямах был известен и другим соседним народам, в том числе украинцам³⁹.

Рис. 16. Молотьба хлеба на усадьбе в 1920-е годы. Ждановский краеведческий музей

Конструкции зерновых ям несколько различались между собой. В греческих селах ямы делали кувшинообразной формы. Их поверхность обжигали и обкладывали соломой. После того как в яму засыпали зерно, яму прикрывали соломой и сверху насыпали холмиком землю. Устраивали ямы на усадьбе, обычно в задней части.

Определенное место в глубине двора занимал открытый ток, на котором молотили хлеб катками. Неподалеку от тока находилась клуня, где хранили полосу. Клуня представляла собой высокую двускатную крышу, опирающуюся на низкие глинобитные стены. За током и клуней на усадьбе складывали скирды сена.

В советское время в результате внедрения новых форм ведения хозяйства на селе, вызванных коренными социальными преобразованиями, у колхозников отпала необходимость в выполнении на усадьбе целого ряда производственных процессов, прежде неотъемлемых от крестьянского двора, а теперь перенесенных в общественное хозяйство. За счет этого произошло высвобождение земли на усадьбе, изменилась ее застройка, некоторые хозяйственные по-

стройки оказались непужными или изменили свои функции. Так, на современной усадьбе нет необходимости иметь ток, клуню, амбар, конюшню. Хозяйственные постройки, предназначенные для имеющих в распоряжении сельской семьи животных и сельскохозяйственного инвентаря, стоят преимущественно не связано с жилым домом.

Нарушилась таким образом однорядная, а в некоторых случаях двухрядная застройка усадьбы, имевшая место в конце XIX — начале XX в. Исключение составляют старые дома, в которых бывшая конюшня, пристроенная к дому, продолжает использоваться, но уже в качестве сарая или хлева.

На современной усадьбе крестьяне сооружают и постройки, не характерные для прошлого. Так, в греческих селах, как и во всех селах юга Украины, нашла широкое бытование летняя кухня. На многих усадьбах имеется бассейн для воды, встречается гараж для автомобиля. Сельские жители теперь уделяют большое внимание озеленению усадьбы: высаживают фруктовые и другие деревья, разводят цветы, вьющиеся растения.

Особенности формирования усадебного комплекса в советское время являются общими для народов, населяющих южные районы Украины⁶⁰.

* * *

Жилище греков в рассматриваемый период непрерывно развивалось, о чем свидетельствует изменение его форм. Наблюдается исчезновение некоторых традиционных элементов, трансформация других, внедрение новых. Процесс формирования греческого жилища в Приазовье представляется нам весьма активным, что связано и с общим ходом социально-экономического развития, и с необходимостью приспособления жилища к новым условиям, и с постоянным культурным взаимодействием греков с другими народами этой зоны.

Рис. 17. Амбары. Рисунок с фото 30-х годов XX в. Иданиовский краеведческий музей

Изменения, происходившие в жилище греков, определялись взаимодействием факторов, влияющих на его формирование. Причем как соотношение факторов, так и роль каждого из них в разных конкретных ситуациях менялись. Например, строительство в греческих селах в середине XIX в. деревянных домов определялось следующими условиями: традиция строительства до переселения имела; благоприятные экономические обстоятельства, связанные со статусом иностранных колонистов, присутствовали. Главенствующая роль экономического фактора в поддержании традиции в данном случае несомненна, хотя благоприятные природные условия и местное влияние отсутствовали.

Другой пример. В конце XIX — начале XX в., как известно, распространяется применение обожженного кирпича в строительстве. Соотношение факторов, влияющих на внедрение кирпича в греческом народном строительстве, примерно следующее: 1) природные условия благоприятствуют (кирпич производится на месте из местного материала, как строительный материал удовлетворяет климатическим условиям); 2) традиция в некотором роде имеется (саманный кирпич); 3) приоб-

ретенне кирпича требует средств. Как видим, соотношение факторов иное, чем в предыдущем случае, однако главенствующим опять оказывается экономический фактор. В первом случае он способствовал удержанию на некоторое время старой традиции, во втором — поддерживает новую.

Элементы и формы греческого дома в рассматриваемый период обнаружили неодинаковую подвижность. В то время как строительные материалы для стен и кровли дома, форма крыши, некоторые другие детали были довольно разнообразны и сменялись, особенности планировки и интерьера, отопительное устройство, отличительные черты убранства дома относительно прочно держались на протяжении XIX в. и в начале XX в. Так, открытая галерея — традиционный элемент греческого жилища, несмотря даже на аналогию в украинском жилище, не удержалась в Приазовье. А софа — также традиционный элемент — сооружалась не только во всех жилых постройках XIX — начала XX в., но часто находит место (хотя и более скромное) во вновь строящихся в наши дни домах петрадиционной планировки. По-видимому, не случайно обнаружившие большую стойкость элементы жилища теснее, чем другие, связаны с семейно-бытовой сферой жизни народа. Для них этот фактор является определяющим в ряду других и, харак-

Рис. 18. Усадьба в селе Стыла Донецкой области

теризуясь более сложными и глубинными процессами, делает более стойкими и элементы жилища, им определяемые.

Подобным образом, по-видимому, можно объяснить относительную стойкость характерных черт декора (внешнего и внутреннего), которые связаны с эстетическими представлениями народа.

Сближение жилища по ряду элементов, в том числе и наиболее стойким, наблюдаемое у разных народов в регионах менее и более широких, можно

объяснить, очевидно, помимо все усиливающегося влияния социально-экономического фактора в системе других, также формирующимся и расширяющимся у людей общим представлением о назначении жилища, об удобствах, с ним связанных и т. д. Не останавливаясь подробно на этой специальной проблеме, заметим лишь, что, обнаруживаясь уже на уровне традиционного жилища (например, теплые сени в жилищах разных народов, принадлежащих к разным типам), такое сближение жилища в дальнейшем имеет тенденцию усиливаться благодаря все более объединяющему людей социальному и научно-техническому прогрессу.

¹ Расселение греков в Крыму можно предположить, сравнивая названия сел Мариупольского уезда и крымских. *Бертье-Делагард А. Л.* Исследование некоторых неподомешных попросов средневековья в Тавриде. — *Зап. Одесского об-ва истории и древностей*, 1915, т. 32, с. 234; *Куфтин Б. А.* Жилища крымских татар в связи с историей заселения полуострова. М., 1925, с. 41.

² Архив Института этнографии АН СССР. Материалы Приазовского отряда Восточнославянской экспедиции (далее — АИЭ МПОВЭ), 1970, тетр. 1, л. 1, 121—123; тетр. 2, л. 92—94.

³ В рукописи Ф. П. Церахто «Две эпохи», кн. 1 (хранится в архиве ее автора) рассказывается, что в 1910 г. семья Церахто из греческого села Сартана переселилась в Сибирь на пустующие земли. Первым жилищем переселенцев, которое было сооружено своими силами, была «землянка» — наземная постройка со стенами из дерна. Впоследствии у семьи Церахто появился срубный дом и даже баня, как у местных жителей.

⁴ *Дружинина Е. П.* Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970, с. 94—95.

⁵ Кубанские станции. Этнические и куль-

- турно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967, с. 115.
- ⁶ АИЭ МПОВЭ, 1971, тетр. 1, л. 7.
- ⁷ АИЭ МПОВЭ, 1971, тетр. 1, л. 28.
- ⁸ Там же, л. 32.
- ⁹ Там же, л. 8.
- ¹⁰ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар..., с. 20, 29, 42, 50.
- ¹¹ Там же, с. 26—27.
- ¹² Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. 7. Малороссия. СПб., 1903, с. 104; Русов М. А. Поселения и постройки крестьян Полтавской губернии. Харьков, 1902, с. 23; Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов: Поселения, жилища и хозяйственные строения.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. Труды ИЭ, 1956, т. 31, с. 84—87; Народы Европейской части СССР, 1. М., 1964, с. 646; Самойлович В. П. Народное архитектурное творчество. По материалам Украинской ССР. Киев, 1977, с. 97—98.
- ¹³ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки..., с. 71, 83; Самойлович В. П. Народное архитектурное творчество, с. 94—97.
- ¹⁴ Бабенко В. А. Этнографический очерк народного быта Екатеринославского края. Екатеринослав, 1905, с. 15—16.
- ¹⁵ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар..., с. 19—22.
- ¹⁶ Будина О. Р. О некоторых особенностях развития жилища греков Приазовья.— В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М., 1972, с. 196; Иванова Ю. В. Хозяйственный быт греков Приазовья.— В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М., 1971, с. 130—138.
- ¹⁷ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар... Приложения, табл. IV.
- ¹⁸ АИЭ МПОВЭ, 1970, тетр. 1, л. 64—70.
- ¹⁹ АИЭ МПОВЭ, тетр. 1, л. 2—3.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же, л. 77.
- ²² Бабенко В. А. Этнографический очерк..., с. 15—16; Русов М. А. Поселения и постройки..., с. 27; Самойлович В. П. Народное архитектурное творчество, с. 94, 98—100.
- ²³ Наулко В. П. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975, с. 166.
- ²⁴ АИЭ МПОВЭ, 1970, тетр. 1, л. 35; 1969, тетр. 1, л. 41.
- ²⁵ В Екатеринославской губернии в 1804 г. было три кирпичных заводов, а в 1824 г.—восемь кирпичных и три черепичных предприятия (Дружинина Е. И. Южная Украина, с. 293).
- ²⁶ АИЭ МПОВЭ, 1971, тетр. 1, л. 11.
- ²⁷ Будина О. Р. О некоторых обычаях при строительстве жилого дома.— В кн.: Новое в этнографии и антропологии. Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1973 г. М., 1975, с. 77.
- ²⁸ Самойлович В. П. Народное архитектурное творчество, с. 87—90.
- ²⁹ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар, с. 9, 22, 32, 33.
- ³⁰ АИЭ МПОВЭ, 1971, тетр. 1, л. 34.
- ³¹ Бабенко В. А. Этнографический очерк..., с. 19.
- ³² АИЭ МПОВЭ, 1971, тетр. 1, л. 23.
- ³³ Приходько Н. П. Некоторые вопросы истории жилища на Украине.— В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 269; Самойлович В. П. Народное архитектурное творчество, с. 55.
- ³⁴ Иванова Ю. В. Народное жилище Греции.— В кн.: Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968, с. 125.
- ³⁵ Будина О. Р. Народные жилища албанцев.— Там же, с. 110—116; Маркова Л. В. Типы сельского жилища Болгарии.— Там же, с. 24.
- ³⁶ Маркова Л. В. Типы болгарского жилища в Прутско-Днестровском междуречье.— В кн.: Этнография и искусство Молдавии. Кишинев, 1972; АИЭ МПОВЭ, 1969, рисунки.
- ³⁷ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар..., с. 19.
- ³⁸ Вот выдержка из этого описания: «...сени просторные. В них устроены из камня кабыця или очаг с тонкой в печь, закрытой заслонкой; на кабыце или таганах готовится пища в чугунных котлах для семейства... На стенках очага выведена из камня выше крыши широкая неуклюжая труба... Горница есть не что иное, как большая комната с трех окон. Печь без сводов, круглая, с тремя уступами, приделана к сеничной стене, откуда производится тонка» (Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XIII, вып. 1. Труды этнограф. отдела, кн. 3, вып. 1. М., 1874, с. 44—45).
- ³⁹ Ждановский краеведческий музей (далее — ЖКМ). Фототека, № 2312-II и др.
- ⁴⁰ Будина О. Р. О некоторых особенностях развития жилища греков Приазовья, с. 201—202.
- ⁴¹ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар, с. 33.
- ⁴² Наулко В. П. Развитие межэтнических связей на Украине, с. 167, 168, 173, 176 и др.
- ⁴³ Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1874, т. XIII, вып. 1, с. 44.
- ⁴⁴ Бабенко В. А. Этнографический очерк, с. 21—22.
- ⁴⁵ См. ст. Л. Н. Чижиковой в данном издании.

⁴⁶ Ганцкая О. А., Грацианская Н. П. Крестьянское жилище западных славян.— В кн.: Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968, с. 158—163.

⁴⁶ Вот описание степного крымского дома: «Низенькие одноэтажные домики под двухскатной черепитчатой крышей помещаются в глубине почти ничем не занятой пустынной усадьбы. Дома построены из обмазанного глиной плетня или воздушного кирпича и по плану чаще всего состоят из двух-трех комнат или из одной комнаты и сеней, обычно отапливаемых очагом... Дверь с высоким порогом ведет в комнату, которая является и сенями и кухней. У стены, отделяющей ее от другой комнаты, помещается обширный очаг с широкой трубой из плетня, обмазанного глиной. Труба покоится на четырехугольной раме, образованной из вделанных в стену двух горизонтальных жердей, на высоте около 1,2 метра от пола длиной каждая около 1 метра. Балка, лежащая параллельно от нее на концах жердей, образует нижний край трубы очага, называется здесь «даул-бас», т. е. глава тяги. В этой же комнате у стены недалеко от двери стоит хозяйственная утварь... Здесь же обычно располагаются сельскохозяйственные орудия — лопаты, мотыки и пр. Из кухни или сеней дверь, открывающаяся внутрь, ведет в комнату, служащую спальней или женской половиной... В спальне у стены, отделяющей ее от кухни, устраивается куполообразная печь, служащая для обогрева этой комнаты и для выпечки хлеба. Ее отверстия — устье и дымоход выходят в кухню в стенку очага» (Куфтин Б. А. Жилище крымских татар..., с. 29).

⁴⁷ См.: Маркова Л. В. Поселения и жилища болгар — переселенцев в Бессарабии.— КСИЭ, 1955, т. 24; Она же. Некоторые особенности развития культуры и быта бол-

гар юго-западных районов СССР.— В кн.: Доклады советской делегации на Первом конгрессе балканских исследований. М., 1966; Она же. Типы болгарского жилища в Днестровско-Прутском междуречье; Маруневич М. В. Народное жилище гагаузов Чадыр-Лунгского района Молдавской ССР (по материалам сел Байрчи, Гайдары, Беш-Гюз, Джолтай, Казаклия).— В кн.: Археология, этнография, искусствоведение Молдавии. Материалы и исследования. Кишинев, 1968; Она же. Некоторые особенности развития народного жилища гагаузов в XIX и начале XX в.— Сов. этнография, 1975, № 5; Будина О. Р. О некоторых особенностях...; Наулко В. П. Развитие...

⁴⁸ «Мы наблюдаем у них (гагаузов.— О. Б.) тот же характерный план с очагом в сенях (хаят) и чистую полонину с крытой хлебной печью, устьем выходящей через ступу в очаг» (Куфтин Б. А. Жилище крымских татар, с. 33).

⁴⁹ В греческих селах Приазовья различаются языки крымскорумейский (далее — румейск.) и крымскотатарский (далее — татарск.), поэтому в ряде случаев приводятся синонимы.

⁵⁰ ЖКМ, фототека, № 2308.

⁵¹ АИЭ МПОВЭ, 1971, тетр. 2, л. 27, рисунки.

⁵² ЖКМ, фонды № 9604, 9570, 9571.

⁵³ АИЭ МПОВЭ, 1970, рисунки.

⁵⁴ ЖКМ, фототека, № 3.

⁵⁵ АИЭ МПОВЭ, 1971, рисунки.

⁵⁶ Там же, тетр. 1, л. 5, 30, 36 и др.

⁵⁷ Бабенко В. А. Этнографический очерк..., с. 35.

⁵⁸ См.: Народы Европейской части СССР, 1, с. 645; Сельское жилище. Киев, 1976, с. 20, 23.

⁵⁹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки..., с. 314.

⁶⁰ См. указанные работы В. Н. Самойловича, В. П. Наулко.

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ
В УСТРОЙСТВЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ЖИЛИЩА БОЛГАР
ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ УССР**

Жилища и поселения развиваются в зависимости от разных факторов, среди которых особенно большую роль играют природная среда, направление хозяйства и уровень развития производительных сил, культурно-бытовые традиции населения. При миграции части этноса в другую страну на формирование жилища и поселений, кроме этнической традиции, сложившейся под влиянием всех этих факторов на родине переселенцев, воздействуют и соответствующие условия новой среды. В этих обстоятельствах традиция и инновация, являющиеся двумя неразрывно связанными сторонами этнического процесса, приобретают формы, в той или иной степени отличающиеся от тех, которые можно наблюдать на основной территории расселения данного народа. Постараемся с этой точки зрения проследить развитие жилища и поселений болгар, населяющих западные районы Одесской области УССР, от времени их переселения сюда из Болгарии до наших дней.

Рассмотрению материалов, непосредственно связанных с заданной темой, необходимо предпослать небольшое введение для ознакомления читателя с этнической ситуацией, в которой оказались болгарские переселенцы: об их экономическом положении, социальном составе, об окружающей их природе — словом, о факторах, влияющих на развитие жилища и поселений в данной конкретной области.

Западные районы Одесской области УССР, расположенные в южной части Пруто-Днестровского междуречья, и прилегающие к ним районы Молдавии — это область наиболее массового и компактного расселения болгар, проживающих в Советском Союзе. Этнографически болгары Пруто-Днестровья представляют собой одну группу, целостность которой не нарушают локальные различия, обусловленные процессом ее формирования, или особенности экономической и культурной жизни двух республик. Поэтому выделение болгарского поселения западных районов Одесской области в предлагаемой статье условно и объясняется тематикой данного сборника.

Не случайно, кстати, здесь не рассматриваются жилища и поселения болгар, живущих в той же Одесской области, но к северу от Одессы, которые составляют отдельную этнографическую группу болгарского населения СССР.

В Советском Союзе, согласно переписи населения 1970 г., живут более 351 тыс. болгар, из которых на территории Одесской области — 166,5 тыс. (по численности они здесь на третьем месте после украинцев и русских)¹. Подавляющая их часть проживает в интересующем нас районе. Здесь находятся крупные болгарские села, многие из них насчитывают более тысячи дворов и в среднем 3,5—4,5 тыс. жителей; немало этнически смешанных сел, в которых

болгары составляют значительный процент населения².

История болгарских поселений, расположенных на западе Одесской области, начинается в сущности с XIX в., хотя проникновение болгар в южную Бессарабию засвидетельствовано еще в середине XVII в.³ Однако мелкие группы и отдельные болгарские семьи (по преимуществу из буржуазных слоев) до 90-х годов XVIII в. оседали в основном в городах. (Некоторое количество потомков старых переселенцев сохранилось в г. Измаиле)⁴. Существующие ныне болгарские села основаны во время двух массовых переселений в XIX в.

Первая массовая миграция болгар в Бессарабию состоялась во время русской-турецкой войны 1806—1812 гг. Толчком к ней послужило обращение главнокомандующего русской армией М. И. Кутузова к христианскому населению Болгарии переходить на опустевшие плодородные земли южной Бессарабии — Буджака, оставляемые ногайскими татарами, подданными Османской империи. Переселенцам были обещаны льготы. Официально возможность переселения (ограниченная, однако, сроком в полтора года) была подтверждена Бухарестским мирным договором, заключенным между Россией и Портой в 1812 г.⁵

Призыв Кутузова нашел живой отклик более всего среди жителей северо-восточных и восточных областей Болгарии, на территории которых в основном до начала XIX в. развертывались военные действия. Большими группами на повозках, запряженных волами или буйволами, крестьяне трогались в долгий путь в надежде избавиться от репрессий османских властей за помощь, оказанную русским войскам, обрести в России свободную жизнь и материальный достаток. Кроме крестьян, в составе переселенцев находились и представители болгарской буржуазии (кушцы, богатые скотоводы-предприниматели, ростовщики)⁶.

В официальной документации отмечалось лишь вероисповедание переселенцев и место, откуда они прибыли (Бессарабию заселяли также выходцы из Западной Европы — немцы, швейцарцы, поляки). Болгары попали в рубрику «Задунайские переселенцы» вместе с гагаузами и албанцами, прибывшими из той же Болгарии⁷. В некоторых случаях чиновники указывали и язык, по которому да еще по названиям некоторых колоний можно до известной степени выделить болгар из массы балканских переселенцев, но численность их определить не удается⁸.

В 1827 г. в Буджаке было зарегистрировано более 38 тыс. «задунайских переселенцев»⁹. Большая их часть обосновалась на западе нынешней Одесской области. В числе образовавшихся здесь колоний назовем г. Болград с преимущественно болгарским населением, болгарские села Чешма-Варунта, или Чушмелий (ныне Криничное), Чийшия (Огородное), Таш-Бунар (Каменка), Шикирли-Китай или Шикирлик (Суворово), болгаро-гагаузские села Кубей (Червоноармейск), Табаки, албано-болгаро-гагаузское село Каракурт (Жовтневое) и др. Новые поселения сконцентрировались в западной части Буджака на месте или поблизости от заброшенных татарских аулов. Компактное расселение выходцев из Болгарии в этом районе послужило поводом, чтобы в обиходе прозвать его «Новой Болгарией»¹⁰.

Ко второму крупному переселению болгар побудила русско-турецкая война 1828—1829 гг. Миграционное движение в Россию началось с отступлением русских войск (которые продвинулись до Адрианополя) и охватило большую, чем прежде, территорию Болгарии. Основная часть беженцев происходила на этот раз из восточной части Стара Планины (так болгары называют Балканские горы), прилегающих к ней районов и с Фракийской низменности. Среди них была значительная часть выходцев из горо-

дов и ремесленных центров (Сливен, Ямбол, Котел и др.), причем не только из богатых, как в начале XIX в., но и из средних и бедных слоев. Сколько-нибудь значительных групп гагаузов среди этой части эмигрантов не отмечено. В Буджаке новые переселенцы заняли земли к востоку от более ранних пришельцев или подселились к ним. Из сел, основанных этой миграционной волной, в пределах исследуемой нами территории назовем Вайсал (Василевка), Голицу, Главан, Кулевчу (Колесное), Дюлмен, Девлетагач (Делены) и др.¹¹

В 1831 г. численность «задунайских переселенцев» в Буджаке достигла 77 тыс. В последующие годы из-за сильной засухи около 21 тыс. человек выселились обратно за Дунай, и в 1835 г. статистика зарегистрировала 57 тыс. колонистов, уже прочно осевших на новых землях¹². Позднее, приблизительно до середины XIX в., в Бессарабию прибывали уже сравнительно небольшие группы болгар, которые подсеялись в ранее основанные села.

Болгары стремились селиться земляческими группами, но при условии многократных миграционных движений это было трудно осуществимо. Села, основанные выходцами из одного села или хотя бы из одного района Болгарии, в Одесской области очень редки¹³. Это хорошо показали диалектологические исследования, проведенные советскими лингвистами в конце 40-х — начале 50-х годов XX в. Говоры гораздо устойчивее локальных особенностей бытовой культуры (хотя и они на территории Бессарабии претерпели определенную эволюцию, в частности испытывали взаимовлияние). По ним можно определить (если не сохранилось сведений о происхождении переселенцев) или же ими подтвердить (если эти сведения не вполне достоверны), откуда выселились предки их носителей. Диалектологи выделили на изучаемой нами территории четыре группы болгарских говоров,

принадлежащих к разным диалектам болгарского языка, распространенным в восточной Болгарии¹⁴. В ряде сел было засвидетельствовано по два говора, относящихся к разным группам и подгруппам. Так, в с. Василевка один говор принадлежит к одной из подгруппы балканских говоров, а другой — к группе фракийских. Примером сел с одним говором служат Криничное (говор с чертами шуменского диалекта) и Суворово (говор с чертами фракийского диалекта)¹⁵. В прошлом пестрота говоров у переселенцев была большей.

Смешение говоров и локальных культур продолжалось и при внутренних миграциях болгар уже после их поселения в России. В связи с получением задунайскими переселенцами в конце 1819 г. статуса колонистов (с соответствующими привилегиями) произошло перемещение болгар, осевших на землях молдавских помещиков, на казенные земли. Они подсеялись в уже существующие села (Табакп, Шикирлик, Таш-Бунар). Отметим также довольно значительное передвижение болгар из городов в села после распоряжения П. П. Изова выделять земли всем переселенцам, желавшим заниматься сельским хозяйством (1820 г.). Так болгарам, вначале устроившимся в городах, были основаны села Задунаевка, Бановка, Ново-Ивановка.

Наибольшие перемещения населения произошли в связи с отходом южной части Бессарабии к Молдавскому княжеству по условиям Парижского мирного договора (1856). Немало болгар перешло тогда на территорию Бессарабии, оставшуюся в пределах России, и многие из них затем переселились в Приазовье. Их дома и земли заняли болгары из других сел и из г. Болграда. Так, например, обновились почти замершее с. Таш-Бунар (Каменка)¹⁶.

Как видим, в силу ряда обстоятельств в составе сельского населения болгарских колоний оказалась довольно значи-

тельная примесь выходцев из городов и ремесленных центров, носителей урбанизированной культуры¹⁷. Таким образом, помимо смешения локальных культур и диалектов, на новых местах поселения у болгар произошло переплетение деревенских и городских традиций, что отразилось на дальнейшем развитии их быта, в частности жилища.

Наконец, в Бессарабии болгары попали в обстановку более интенсивных и более разнообразных, чем на их родине, межэтнических контактов. В этнически смешанных селах такие контакты были наиболее тесными и приводили к значительному сближению или же к формированию общих культурно-бытовых форм, в первую очередь в области материальной культуры¹⁸.

Особенности новых условий жизни не исчерпывались сложностью этнической ситуации. Новая экологическая среда для одних переселенцев (выходцев из северо-восточной Болгарии) была лишь отчасти сходной с той, которая окружала их в родных селах, для других же (горцев и жителей теплой Фракийской низменности, окруженной лесистыми горами) она была непривычной. В сухой буджакской степи было трудно находить материал для постройки традиционных для болгар каркасных домов с плетневым или дощатым заполнением, не говоря уже о домах из деревянных балок, характерных в то время для некоторых горных районов Болгарии. Не было в Бессарабии условий и для устройства многокомнатных землянок, какие бытовали на Дунайской равнине, вырытые в толстом сравнительно маловлажном лёссовом слое¹⁹. Таким образом, болгарским переселенцам пришлось известное время довольствоваться небольшими, примитивными по конструкции и внутреннему устройству жилищами — однакоммерными землянками (*землянка*), целиком или наполовину углубленными в землю, да плетневыми, с глиняной обмазкой,

хижинами (*бурдэй, бурдэ, бурдел*). Эти жилые формы указаны в «Статистическом описании», сделанном в связи с размежеванием земель в Буджаке в 20-е годы XIX в.²⁰

Наиболее раннее описание болгарской землянки в Бессарабии принадлежит А. Скальковскому, обследовавшему этот край в 40-е годы XIX в. Его подтверждают и дополняют в деталях данные наших полевых исследований (эта форма жилища мало эволюционировала). Стены землянок укреплялись столбами, врытыми на расстоянии 1,5 м; при сыпучей почве между столбами пропускались прутья. Над поверхностью земли, по Скальковскому, поднималась только земляная на камышовой подкладке крыша, в которой были прорезаны окна. Над крышей возвышалась плетневая конусообразная обмазанная глиной труба, выводящая дым из печи и очага. Выступающие над землей стены полуземлянок делались из плетня, обмазанного глиной²¹.

Сведения о конструкции «плетневых мазанок», которые русские чиновники сравнивали с «шалашами кочующих народов», в литературе XIX в. очень скупы²². Привлекая сравнительный археологический и этнографический материал из Пруто-Днестровья и Болгарии²³, можно реконструировать способ их постройки. Он очень прост. В землю вбивались колья, пространство между которыми заплеталось прутьями или тростником. Стены с двух сторон обмазывались глиной, смешанной с мякиной и навозом. Двускатная крыша подпиралась столбами с развилками (*сбахми*) и крылась камышом или соломой.

Описанные типы жилища обнаруживают сходство с примитивными постройками, бытовавшими как у коренного населения Пруто-Днестровского междуречья, так и в Болгарии. В новое время они чаще существуют в качестве подсобного жилья. В частности, землянки и колибы в Болгарии вплоть до коопера-

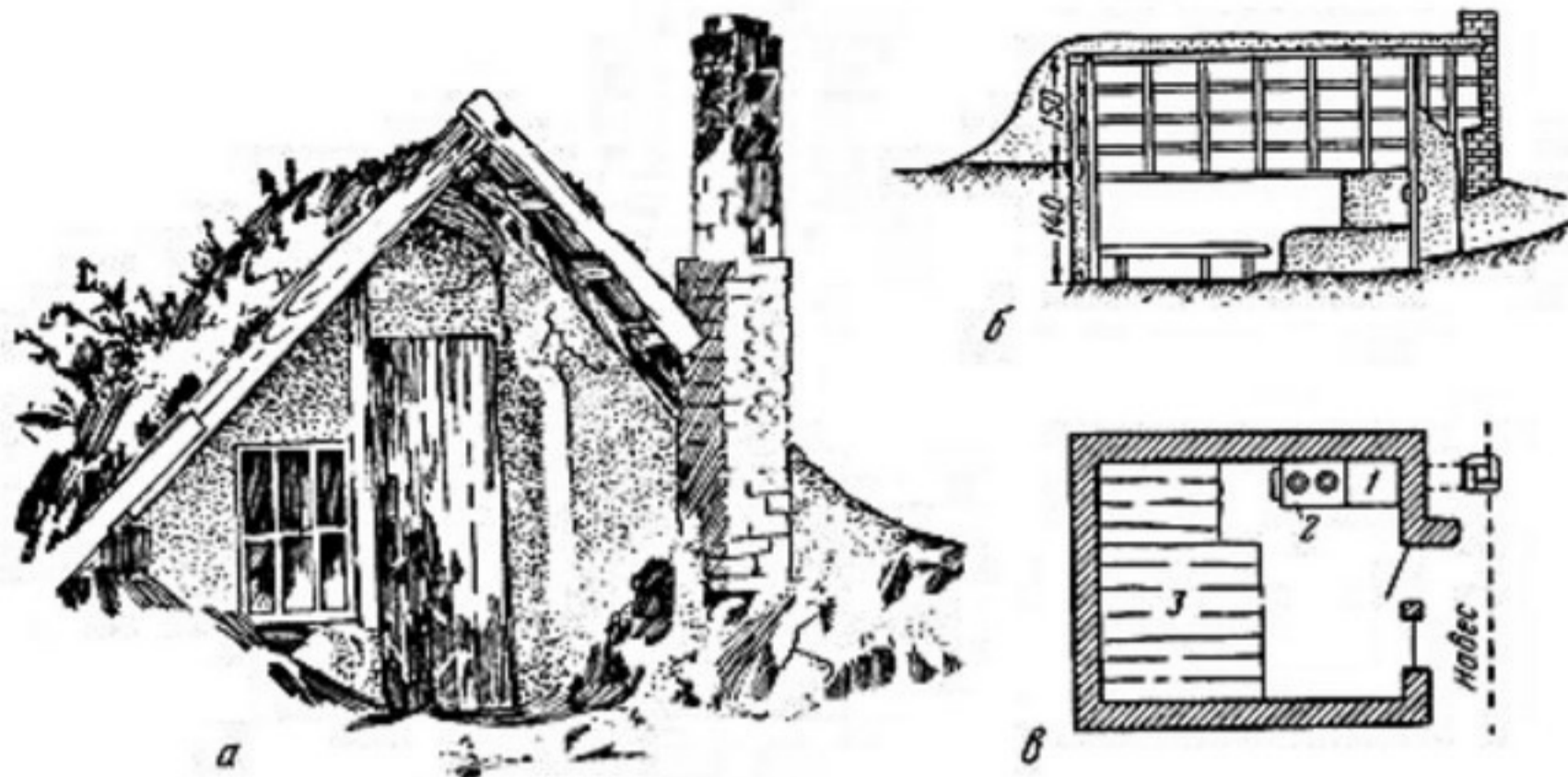

Рис. 1. Землянка огородного сторожа (конструкция подобна конструкции жилой землянки прошлого века). Село Криничное Болградского района

а — общий вид; б — разрез; в — план: 1 — печь (жимбеть), 2 — плита (котёл), 3 — деревянный настил для спанья (под)

ции сельского хозяйства составляли характерное дополнение к основному жилищу, служа приютом пастухов, на многие месяцы оторванных от дома, или жильем земледельцев на отдаленных участках полей, куда они на время работ выезжали обычно с семьями²⁴. Так что скорее всего примитивные жилища болгарских переселенцев контаминировали две традиции — местную и принесенную с Балкан.

Влияла ли локальная традиция, укоренившаяся в родных селах переселенцев, на выбор ими наземного или углубленного в землю жилища или, быть может, выходцы из южной Болгарии, привыкшие к плетневым хижинам, использовали землянки только в зимнюю стужу — сказать трудно. Очевидно одно, что все переселенцы смотрели на землянки и бурдеи как на временное жилье и никогда не называли их дома-

ми, так как были знакомы с более совершенной техникой строительства.

Дальнейшее улучшение жилищных условий во многом зависело от материального положения, от того, как скоро той или иной семье удавалось наладить свое хозяйство. В безлесной степи нельзя было обойтись без денежных расходов на постройку дома, как это было сплошь и рядом в Болгарии, где крестьяне пользовались общинными лесами или добывали дерево в «ничейных», с точки зрения обычного права, государственных владениях²⁵. Живя в южной Бессарабии, приходилось покупать лесоматериал на рынке, а он требовался по меньшей мере для сооружения каркаса стен, остова крыши, столбов галереи, для дверей и рам. Поэтому в первые два-три десятилетия XIX в., когда традиционный способ постройки домов еще преобладал, ими могла обзавестись лишь меньшая часть колонистов, причем, судя по описанию этих домов автора книги о южнороссийских колониях А. Клауса, не все из них отвечали представлениям болгар о порме жилья. «Дома переселенцев, — писал он, — по недостатку леса большей частью были или плетневые, или из дикого камня,

Рис. 2. Старинный двухраздельный дом с опоясывающей галереей, чамур. Середина XIX в. Село Черноармейск Болградского района

обмазанные глиною; но встречались уже постройки по установленному колониетскому фасаду, особенно в округах Измаильском и Кагуло-Прутском, сосредоточивших всю торгово-промышленную деятельность целого водворения»²⁶.

Последнее замечание Клауса требует пояснения. Уровень социального и имущественного расслоения у колонистов разной этнической принадлежности не был одинаков, что объяснялось их историческим прошлым, социальным положением после переселения в Россию и рядом других причин. В двух основных по численности этнических группах в составе «задунайских переселенцев» он был выше у болгар за счет присутствия в их среде значительно большей, чем у гагаузов, буржуазной прослойки²⁷. Это заключение, правда, основано на анализе косвенных данных, и вопрос требует специального исследования, но оно совпадает с мнением некоторых исследователей²⁸. У болгар более интенсивно, чем у гагаузов, пошло развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Таким образом, торговые села

с более благоустроенными домами в южных и юго-западных районах Буджака, о которых пишет А. Клаус, — это преимущественно болгарские колонии (немецкие и швейцарские находились главным образом на востоке области).

По сведениям В. М. Кабузана, извлеченным из архивных источников, в 1832 г. в селах задунайских переселенцев имелось 2129 домов и 3720 землянок²⁹, что в процентном отношении составляет приблизительно 36 и 64%. Надо, однако, иметь в виду, что землянками в ряде случаев назывались и наземные хижины с земляным покрытием.

В 50—60-х годах XIX в. А. Клаус отмечает прогресс в жилом строительстве болгар, большая часть домов которых, по его словам, уже каменные или глинобитные, но все же «по колониям находилось еще сотни три настоящих землянок»³⁰. Имущественное расслоение продолжало накладывать свой отпечаток на развитие жилища и тогда, когда болгары уже адаптировались к новой экологической среде, научившись использовать подручный строительный материал. Каменные дома получили у болгар — сельских жителей лишь локальное распространение в районе каменоломен к востоку от Болграда. Преобладали же дома из чамура — суглинистой

Рис. 3. Бурдеи

а — бурдей со входом с торца, сырцовый кирпич. Начало XX в. Село Колесное Саратовского района; б — бурдей со входом с длинной стороны, комбинация чамура с деревянным каркасом, 70-е годы XIX в. Село Кричиное Болградского района

почвы, размешанной с водой и с мелко нарезанной соломой³¹. Строительный материал можно было брать прямо рядом со строящимся домом. Техника возведения стен была доступна каждой семье: женщины руками формовали округлые вальки, мужчины выкладывали из них стены, равняя с боков по веревке-отвесу.

На строительство глинобитных домов уходило, однако, много времени. Стены их состояли из 4—5 слоев чамура, между выкладкой которых делали перерыв в одну-две недели, чтобы слой подсох. Осень, зиму и весну стены выветривались и высушивались. На следующее лето возводили крышу, сооружали галерею, вставляли оконные коробки и рамы, навешивали двери, стены изнутри и снаружи обмазывали глиной и белили. Обмазка повторялась впоследствии два раза в год, предохраняя стены от разрушения. Дома, за которыми регулярно следили, выглядели и через 100—130 лет такими же аккуратными, как и дома недавней постройки.

В 50—60-е годы XX в. еще встречались такие дома. В большинстве своем это солидные строения с массивными (до 60—70 см) стенами, воздвигнутыми на фундаменте из утрамбованной глины или мелких камней на глиняном растворе. Их четырехскатная крыша стропильной конструкции покрыта камышом или тяжелой изогнутой черепицей. С двух-трех сторон дом опоясывает галерея с досчатым парапетом. Дома эти вначале принадлежали зажиточным колонистам, а с конца XIX — начала XX в. — уже более бедным семьям, которые потому их и сохранили, что не имели возможности построить новые³².

Менее фундаментальных домов от середины XIX в. дошло до нас гораздо меньше. Их стены тоньше и выложены без фундамента, чамур приготовлен менее тщательно и дает трещины, они меньше по габаритам³³. Это дома середняков.

Статистикой 1847 г. во всех поселениях южной Бессарабии зарегистрировано 47% жилых построек, названных «домами»³⁴. Как это видно из приведенных выше данных, в болгарских селах их процент должен быть выше. Тем не менее значительная часть средних и бедных крестьян жила еще в бурдеях и

землянках. Но с середины XIX в. бурдеи начали строить уже из чамура — это было под силу каждому. Стены такого бурдея хорошо защищали от холода и ветров, а земляное покрытие лучше, чем камышовое, сохраняло тепло. Оно было трехслойным: камыш настилали на обрешетку крыши, поверх него насыпали золу для гидроизоляции и на золу — толстый слой земли (местами — чамурные вальки). Такое тяжелое покрытие выдерживали глиняные стены и новая конструкция крыши — «на слыжах», при которой верхняя балка, образующая гребень крыши (*гредá*), крепилась на вершины глиняных фронтонов, продолжающих боковые стены домика, а стропила (*крóквы*) опирались на его продольные стены³⁵.

В селе Криничное в 1952 г. нами был зафиксирован бурдей столетней давности с глиняными стенами, выложенными по линии каркаса из столбов, — сочетание старого и нового приемов строительства³⁶.

Таким образом, новая для болгар строительная техника³⁷ — валькование во второй половине XIX в. вытеснила традиционную в наземных видах их жилища, как фундаментальных, так и более примитивных.

Техникой возведения стен из чамура пользовались ногайцы³⁸, ее восприняли все другие жители южной Бессарабии, независимо от их этнического происхождения: старожильческое молдавское население, пришедшие сюда в начале XIX в. с севера украинцы и русские, переселившиеся вместе с болгарами гагаузы, албанцы³⁹. Это народы с разными культурными традициями, сложившимися в разных историко-этнографических областях.

То, что валькованая глинобитная техника привязана к географической, а не к какой-либо этнической среде, подтверждается и такими фактами. У молдаван северной Молдавии бытовал другой прием строительства домов из глины: ее

пабивали между двумя рядами досок, которые снимали, когда глина подсыхала⁴⁰. Часть болгар, покинувших Бессарабию в 30-е годы XIX в., на обратном пути осела в северной Добрудже. Уже знакомые с выкладкой стен из глиняных вальков (о чем говорят, между прочим, некоторые локальные названия, присвоенные чамурным домам, — *колонистка къща*, *татарска къща*), они попали в область, где у румын, у старожилов-болгар и других был распространен тот же способ строительства, и прочно им овладели. Но через сто с лишним лет произошло переселение части болгарского населения из северной Добруджи в южную, и эта традиция у переселенцев стала затухать⁴¹.

Валькование распространено по всему степному Причерноморью, в том числе у украинцев и русских⁴², не пользующихся этим приемом строительства в более северных областях. Буджак — часть этой географической и культурно-исторической зоны.

Восприятие опыта старожильского и ранее обжившегося в Буджаке населения сыграло решающую роль в быстром освоении переселенцами-болгарами новой строительной техники. Кроме того, администрацией колоний была организована помощь задунайским переселенцам в постройке домов. Как повествует одно из местных преданий, «русские учили болгар строить дома из чамура»⁴³.

Обзаведение фундаментальными домами не привело к уничтожению на болгарских усадьбах временных жилых построек, невзирая на рекомендации переселенческой администрации сносить землянки, чтобы придать колониям благоустроенный вид⁴⁴. Землянки и глинобитные бурдеи продолжали использоваться как место для приготовления пищи и корма скоту, для разных других домашних работ и как жилье, к которому уже привыкли. Оно было удобно и для экономии топлива, в зимнюю стужу

тут ютилась вся семья. Сюда временно могли выделиться одна-две семьи женатых сыновей, пока они не построили себе собственных домов⁴⁵. Наконец, в двух постройках размещались большие семьи, которые не были редкостью во второй половине XIX в.: «в ипом дворе, свято придерживаясь патриархальной старины, живали 3—4 семьи одного рода под властью деда или прадеда»⁴⁶. Отметим, что старшим в семье выделялось лучшее место в жилище, в соответствии с их преимущественным положением при сохраняющихся еще патриархальных семейных отношениях.

Широко используя землянки и наземные хижины в повседневном быту, болгары могли содержать дома в большей чистоте, они лучше их обставляли и украшали, туда в первую очередь вносили архитектурные повешества. Постепенно к дому начало складываться особое отношение как к постройке, отражающей достаток и вкус его владельцев и представляющей их в этом качестве перед лицом села, перед внешним миром. С развитием престижно-репрезентативной функции в доме стали выделяться парадные помещения. Вместе с этим начала затухать его жилая функция, в то время как во второй постройке она росла и укреплялась. В течение второй половины XIX в. утвердился новая модель жилища, состоящего из двух функционально дополняющих друг друга построек. Наиболее яркое развитие эта жилая форма получила в изучаемой нами области⁴⁷. При дальнейшем рассмотрении эволюции жилища мы будем иметь в поле зрения обе постройки этого жилого комплекса.

Для понимания последующего текста и рисунков следует разъяснить основные термины, связанные с жилищем. Кроме того, терминология, как известно, отражает процесс развития жилища, род его использования, отношение к нему его обитателей, а также межэтнические контакты.

Термины *землянка* и *бурдей* в быту не строго привязаны к углубленной в землю и к наземной постройке: местные жители (не только болгары, но и гагаузы, украинцы и др.) могут назвать землянку бурдеем и бурдей — землянкой. Они объединяют их по ряду конструктивных элементов, по материалу покрытия крыши, по интерьеру с минимальными удобствами.

Когда землянка или бурдей становятся частью жилого комплекса, к ним принимается название *кухня*, но значение этого слова шире общепринятого. Под ним подразумевалась постройка, в которой не только готовили пищу, но и жили. В ряде районов — и это характерно именно для болгар западных пределов Одесской области — осмысление кухни как жилого помещения зашло еще дальше. В этом домике, состоящем, как правило, из двух комнат, кухней стали называть не ту комнату, где стряпали, а ту, где спали. Такое смысловое «смещение» не так уж парадоксально, если учесть, что термин «кухня» в болгарском языке был тогда сравнительно новым, замеченным, и в Болгарии к традиционному крестьянскому жилищу не прилагался. В последнем пищу готовили в помещении, совмещающем жилые и хозяйственные функции: здесь и спали, и занимались днем домашней работой, здесь у очага собиралась вся семья, в холодное время сюда загоняли молодняк, держали здесь муку, сосуды с водой и пр. Это помещение называлось *кыштой* (*къща*) — синоним «дома», так как первоначально оно было в доме единственным⁴⁸.

С повышением культуры быта и, в частности, с устройством в смежной с кыштой комнате отопительной печи (это произошло в зоне Болгарии с более низкими зимними температурами — в ее средней гористой части и к северу от нее до Дуная⁴⁹) в теплой комнате члены семьи стали больше проводить вре-

мени, здесь же принимали гостей, а кышту использовали по преимуществу в качестве кухни и каждодневной столовой, теплого вестибюля, отчасти — рабочей комнаты хозяйки. Но эти функциональные превращения развивались в Болгарии медленно, они прослеживаются с конца XVIII до конца XIX в. и позднее, притом в разных местах не одновременно. Быстрее и радикальнее они совершались в жилищах северо-восточных районов (где наблюдался наибольший прогресс в земледельческом хозяйстве), еще радикальнее и раньше — в городских домах, в которых помещение с очагом перестало занимать центральное положение.

Изменения в устройстве и использовании жилища не замедлили сказаться на его терминологии: теплую спальню во многих районах северной Болгарии стали называть, как и отапливаемую ее печь, *сббой*³⁰; в ряде сел Добруджи эта комната приобрела значение основного жилого помещения и соответственно в нее «переместился» термин *къща*, а бывшую кышту, которая по существу превратилась в теплые сени, стали именовать *хаятом* (*файт*, *ваят*), или *прустом* (вар. *прус*)³¹. Оба последних слова первоначально означали на разных болгарских диалектах некое преддверие жилых помещений (навес, галерею, в землянках — род сеней и пр.), и в этом значении мы встречаем хаят, в частности, в ряде районов южной Болгарии³². Хаят как теплый коридор был элементом городского жилища, в том числе в городах, расположенных к югу от Балканского хребта³³.

В домах и «кухнях» болгар Бессарабии помещение, где находился очаг, обычно располагающийся перед хлебной печью, а с утратой очага — только устье печи, называлось прустом или хаятом (вар. *файт*, *аят*, *ая*), а жилые комнаты — кыштами или соба́ми. Нетрудно заметить сходство с терминологией жилища северо-восточной Болга-

рии. Быстрое усвоение этой терминологии выходцами из средней и южной Болгарии можно объяснить, в частности, присутствием среди них городских жителей, в домах которых помещения имели аналогичные названия.

После того как дом стал частью жилого комплекса, за ним закрепилось название «большого дома» (*гулямата къща*) — в противопоставление второй, более скромной жилой постройке. Тем же термином обозначалась в нем парадная комната, а жилая или вторая парадная называлась малой комнатой (*малката къща*); иногда обе комнаты различались как верхняя и нижняя (*го́рната и до́льнята*) — в зависимости от положения дома на склоне; в некоторых селах, при дальнейшем развитии дома в длину — как крайняя и средняя (*крайната и среднята*). В других микрорайонах жилую комнату называли *сббой* при парадной *гулямата къща*, а в многокомнатных домах соба́ми именовали комнаты второстепенного значения, тогда как более представительные — кыштами. В кухне жилая комната называлась *кухней*, а если их было две, то вторая именовалась *сббой* или же они различались как большая и малая кухни. Термин *къща* к жилым помещениям «кухни» никогда не прилагался.

Терминология жилища у бессарабских болгар осталась в основном традиционной, сохраняющей особенности их говоров в фонетике и лексике. Заимствованные термины применяются к заимствованным элементам жилища, однако не ко всем. Например: *чаму́р*, *лампа́ч* или *па́ци* (сырцовый кирпич), *фронтон*, *колидо́р* (веранда).

Продолжим рассмотрение эволюции жилища.

Долгое время большой дом и кухня конструктивно развивались как бы независимо друг от друга. Сказывалось разное их генетическое происхождение (один — из развитого жилища Болга-

рии, другая — из примитивного жилища), заложенное в их конструкции. Кроме того, их развитие определяли разные факторы социально-культурного порядка. Престижное значение жилища вызвало к жизни новое явление — моду на тот или иной его элемент, на его внешний вид. мода менялась, и за ней приходилось тянуться. Она приносилась прежде всего в «большой дом», который выполнял престижную функцию жилища. Внешняя и внутренняя архитектура дома находилась на уровне максимума материальных возможностей его владельцев, а часто превышала их: крестьяне среднего достатка экономили на самом необходимом или влезали в долги, чтобы построить «приличный» дом, чтобы «не было стыдно перед людьми»⁵⁴.

Традиционное болгарское жилище отличается практическая целесообразность, и эта черта более всего характеризовала «кухню». Ее устройство отражало уровень повседневного быта, а в сопоставлении с «большим домом» — степень разрыва между репрезентативной и практической сторонами жилища. Однако преувеличенное значение, придаваемое его показной стороне, нередко имело своим последствием снижение качества второй постройки до уровня, не оправдываемого уровнем быта. Вероятно, происхождение «кухни» из временного жилища, которое строили «как-нибудь», в расчете на обзаведение лучшим, а также то, что это семейно-интимное жилое пространство было элементом автономной сферы быта семьи и потому его устройство могло не соотносываться с общественным мнением, — все это выработало и закрепило в традиции несколько небрежный, на скорую руку стиль строительства и благоустройства «кухни».

Поясним сказанное на примерах.

Возведение стен из чамура обеспечивало постройке фундаментальность и долгосрочность служения и до середи-

ны XX в. применялось при строительстве домов. В начале XX в. зажиточные, а с 20—30-х годов и средние крестьяне более богатых сел стали облицовывать чамурные дома обожженным кирпичом, придавая им этим вид полугородского жилища. Облицовывали две стены, выходящие на улицу или во двор, или только фасадную⁵⁵. В небольшой группе поселений, в чьих владениях имелись залежи известняка (села Делепы, Главан и др.), и в некоторых близлежащих селах со значительной примесью горючих среди их основателей (села Задунаевка, Ново-Ивановка) получило дальнейшее развитие каменное зодчество⁵⁶. Дома из белого отесанного известняка добротны и выглядят нарядно.

В конце XIX—начале XX в. из-за Днестра и из среднего и северного междуречья начинает распространяться саманная техника кладки стен. Она имела перед чамурной преимущество в большей легкости и скорости выполнения работы (дом строился в один прием), но уступала в прочности (стены выкладывались в полтора кирпича — 45 см толщиной, на глиняном растворе). Поначалу из сырцового кирпича делали хозяйственные постройки и внутренние перегородки в домах, постепенно стали употреблять лампач и для постройки «кухни». Чаще к этому способу прибегали в северных и восточных районах изучаемой нами области. Здесь же раньше, чем на юге, начали усовершенствовать этот метод строительства: в углы стен вмуровывали отесанные камни, комбинировали сырцовый кирпич с чамуром или каменной кладкой и т. д.⁵⁷. Было замечено, что облицовка кирпичом или цементом значительно увеличивает прочность стен, сделанных из лампача. Постепенно саманная техника распространилась и на строительство домов, что характерно для современного народного зодчества болгар⁵⁸.

Приспособление к жизни в степи ска-

залось в полном господстве одноэтажности, несмотря на то, что выходцы из горных и предгорных областей Болгарии имели на родине дома на высоком покое, в котором были хозяйственные и часть жилых помещений, или же дома с полными двумя этажами. На неровностях почвы бессарабские болгары цоколя в большинстве случаев не делали, а выравнивали строительную площадку утрамбованной глиной, которая затем обмазывалась и превращалась в пол. Деревянные полы были редкостью еще в начале XX в. и настилались в парадных комнатах зажиточных крестьян. В современных домах деревянные полы стараются настилать в первую очередь в жилых комнатах, что является признаком повышения культуры быта⁵⁹.

Существенным различием вертикального развития «большого дома» и «кухни» было наличие в первом и отсутствие во второй фундамента в период до первой мировой войны. В более поздних формах жилища, включающего фундаментальную «кухню», эта разница исчезает. Под домом делали и погреб. Таким образом, «кухня» очень мало развивалась по вертикали, продолжая традицию плетневой хижины, стоящей на поверхности земли.

В домах, построенных до середины XIX в. и несколько позднее, потолок делали только в жилых комнатах, а хаят, подобно крыше болгарского традиционного дома, оставался без потолочного перекрытия. Приблизительно до 20—30-х годов XX в. были распространены потолки с выступающими балками — центральной продольной (*майка, киръш, гредá*) и поперечными (*рэйки, бálки, плáнки*), которые рельефно выступали на фоне побеленного потолка. Промежутки обрешетки потолочного перекрытия заполнялись прутьями, камышом и пр. и изнутри обмазывались глиной, а сверху для утепления накладывались вальки. В Болгарии утеплять потолки не принято.

В «кухнях» потолок отсутствовал до конца XIX — начала XX в., затем его стали делать только в спальнях комнатах. В современных «кухнях» потолок имеется и в хаяте, по нередко он еще старого фасона — с выступающей матицей⁶⁰.

Очень наглядны различия между большим домом и кухней в эволюции формы и конструкции крыши. В «кухнях» крыша всегда оставалась двускатной, в домах она до конца XIX — начала XX в. была четырехскатной (каковые бытуют в Болгарии по сей день). Позднее, с переориентацией домов на улицу и с развитием однорядной связи жилых и хозяйственных построек, крыши домов стали делать на два ската, местами — например, в селах Каменка, Задунаевка, Дюлмен и др. — полувальмовые (влияние города или народной архитектуры местных немцев, швейцарцев). Однако в южных районах переход к двускатности еще не закончился (села Криничное, Василевка и др.).

Конструкция крыш «кухонь» изменилась, как уже говорилось, с сохой на слыжную, а во второй четверти XX в. начался переход на стропильную, которая в настоящее время господствует.

Стропильная конструкция крыши домов прошла на территории Пруто-Днестровья несколько ступеней развития. В середине — второй половине XIX в. коньковая балка (*бýло*) подпиралась столбиками (*пoп*), вставленными в матицу, а стропила (*крóквы*) скреплялись с поперечными балками потолочного перекрытия. Для большей жесткости стропила соединялись попарно горизонтальной балкой (*пáянте*). Эта конструкция широко распространена в сельском традиционном жилище Болгарии, и ее детали имеют аналогичную терминологию⁶¹. В двускатных крышах стропила поддерживались П-образной конструкцией, опирающейся на поперечные балки потолка. Далее, путем определенных технических приемов создается надеж-

ный скелет из стропил без подпор. Наконец, в современных домах распространен способ крепления стропил в продольные балки, составляющие обвязку потолочного перекрытия⁶².

Не имея возможности охарактеризовать другие конструктивные детали болгарского жилища, отметим, что все они проделали существенную эволюцию от поселения болгар на территории нынешней Одесской области и до наших дней, в результате чего жилище усовершенствовалось в целом, а две его части — большой дом и кухня — конструктивно сблизились или унифицировались. В период между двумя мировыми войнами в некоторых селах кухня даже лидировала в своем развитии перед домом в связи с павшей тенденцией к отмиранию парадной части жилища. Бывало, что «большой дом» с небольшими сводчатыми окнами, какие были характерны для XIX в., с глиняными полами и под камышовой крышей, стоял рядом с «кухней», крытой черепицей, с широкими, городского типа окнами и деревянным полом в спальне⁶³. При Советской власти, с повышением материального благосостояния колхозников парадная часть вновь утвердила свое значение, при не менее совершенной жилой⁶⁴.

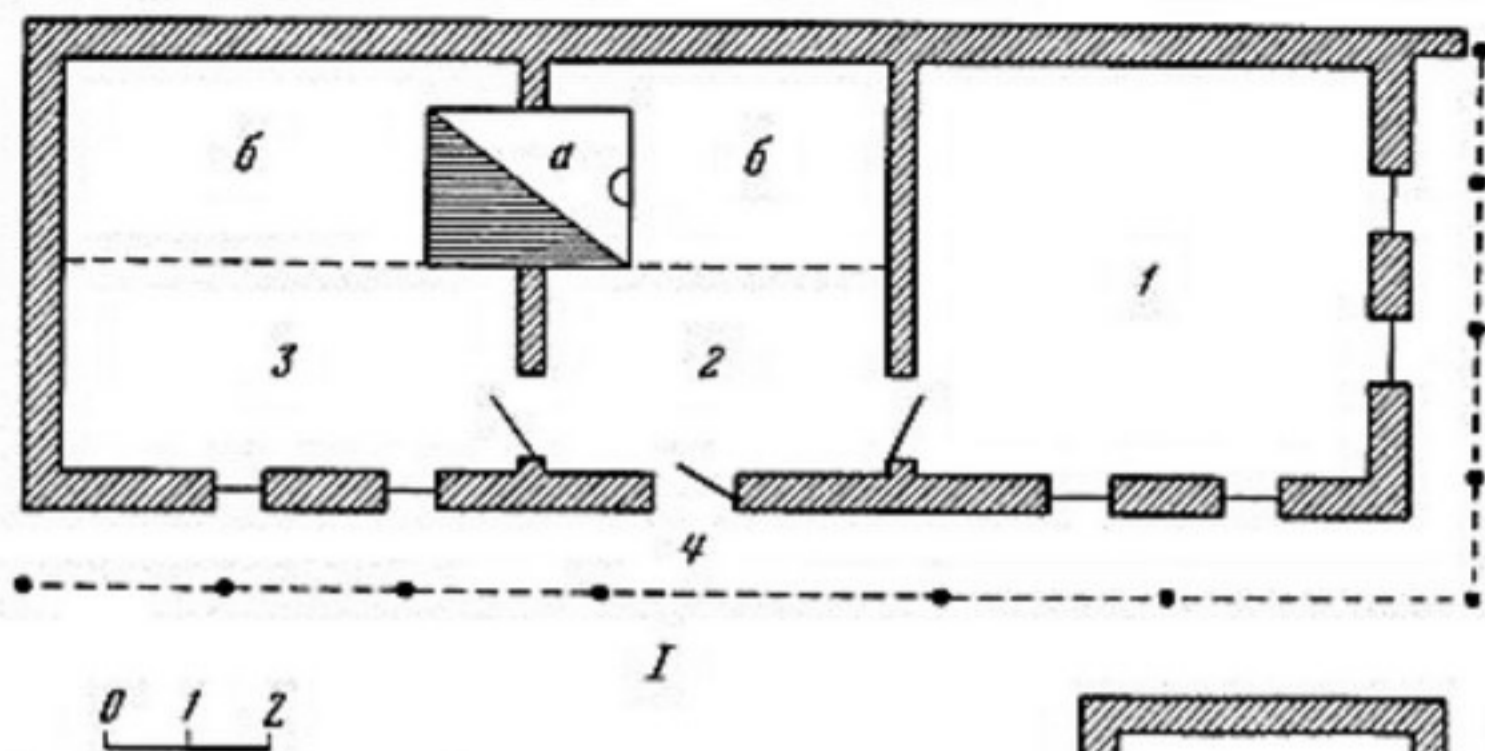
Конструкция болгарского жилища у разных групп переселенцев на территории Одесской области проделала один и тот же путь развития. При этом на протяжении полутора веков наблюдалась смена нескольких традиций, повзвещения утверждались на определенное время в качестве нормы и вновь вытеснялись другими. Этот процесс продолжается. Традиция, вынесенная из Болгарии, сравнительно быстро стусеивалась или в корне изменилась, так как строительная техника непосредственно зависит (до тех пор, пока слабо развита индустрия жилого строительства) от природно-географической среды. Вместе с тем в строительной технике, являю-

щейся частью производительных сил, быстрее всего воспринимается опыт местного населения.

Формирование нового типа жилища ярко прослеживается и в его планировке, где развитие идет сложнее. Многообразие архитектурных традиций, принесенных из Болгарии, в новых условиях жизни не реализовалось, переселенцы вначале имели однотипное по планировке жилище (за небольшими исключениями). Параллельно с формированием жилого комплекса усложнялась планировка парадной и жилой его частей, создавались ее локальные типы — уже местного происхождения. На их основе шел процесс создания обобщенных форм, не исключая известной вариативности. Конкретно это выражалось в следующем.

Примитивные жилища (впоследствии «кухни») были до последних десятилетий XIX в., как правило, однокамерными, при этом помещение делилось на две части печью и легкой перегородкой, которая при отсутствии потолка не создавала полной изоляции. Вход в землянку был с торца, в бурдеи — с торца или, чаще, с длинной стороны. С появлением в «кухне» потолка можно говорить о ее двухкамерности. Это сопровождалось сближением ее с домом и в других конструктивных деталях⁶⁵.

Однокамерных домов у болгарских переселенцев не было. До конца XIX — начала XX в. дома состояли из двух-трех помещений, по связи которых между собой можно выделить два типа планировки. Значительно преобладала такая связь, при которой комнаты расположены однорядно, входная дверь ведет в хаят, из него — в одну-две комнаты (вторая, если она есть, находится по другую сторону хаята). Узкая галерея или навес, ограниченный столбами, опоясывает дом с двух-трех сторон. Подобный тип планировки был распространен на равнинах Болгарии (исключая восточную Фракию).

а также в западных и центральных частях страны; аналогичная планировка характеризовала жилище коренного населения южной части Бессарабии⁶⁶. Выходцы из восточнобалканских районов и из восточной Фракии легко восприняли этот тип планировки. В этом сыграло свою роль то, что переселенцы из северо-восточной Болгарии поселились в Буджаке раньше и передали свой опыт обживания новых мест балканцам и «фракийцам», а также живой пример местного жилого строительства.

Второй тип планировки связан с южноболгарской традицией, которая получила лишь локальное распространение (села Суворово, Каменка, Тараклия⁶⁷), но проявил устойчивость во времени и даже в XX в. несколько расширил район своего бытования. Этот тип жилой связи характеризуется двухрядным расположением помещений. До нас дошли только трехкамерные постройки такого рода: две смежные комнаты имеют отдельные выходы в хаят, расположенный перед ними, что напоминает жилую связь в домах южной Болгарии, которые развивались не делением помещения с очагом, как в северной части страны, а пристройкой к нему другой комнаты с отдельным входом (ср., например, «фракийский» дом, некоторые виды родопского⁶⁸). Хаят

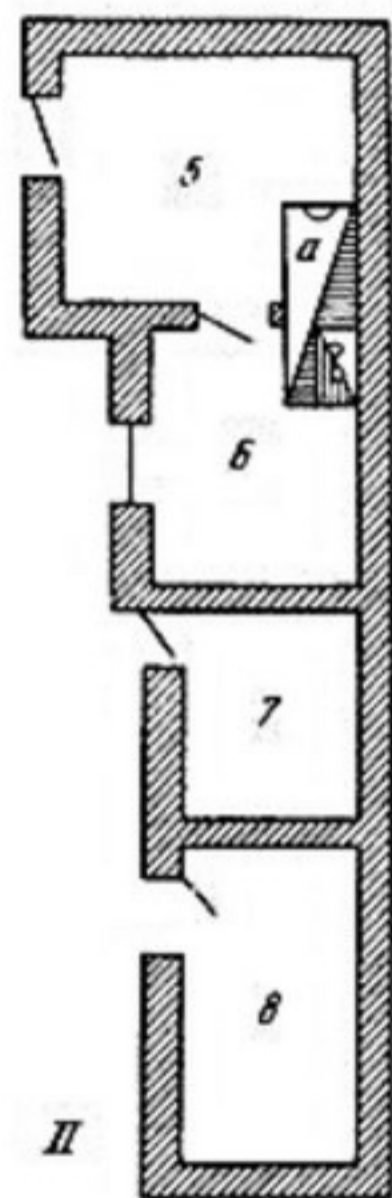

Рис. 4. План жилого комплекса из двух построек

I — «большой дом» (гулямата къща), 30-е годы XIX в.; II — «кухня», 90-е годы XIX в.; 1 — парадная комната (новата къща), 2, 5 — хаят, 3 — жилая комната «большого дома» (сѣба), 4 — галерея на глинобитном основании (триѣба), 6 — жилая комната «кухни» (кѣхня), 7, 8 — хозяйственные помещения, а — хлебная печь (сѣба), б — глиняное возвышение для спанья. Село Огородное Болградского района

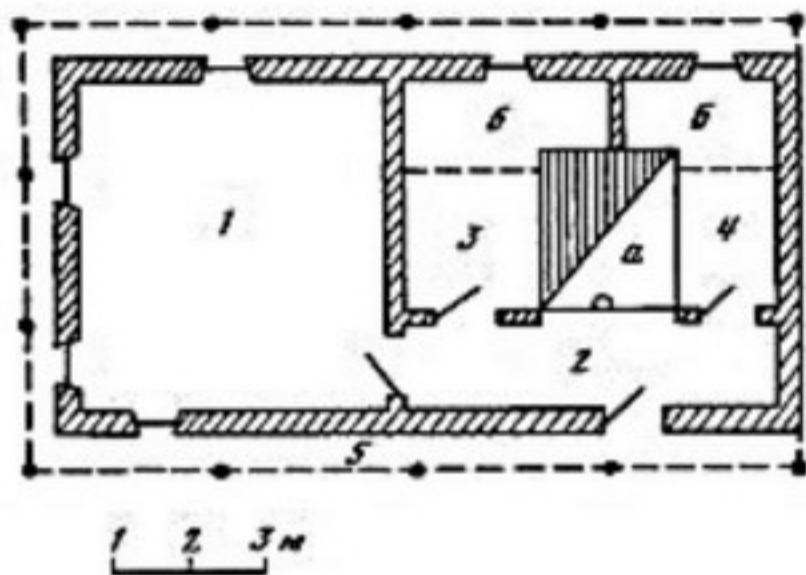

Рис. 5. План дома с двухрядным расположением помещений. Вторая половина XIX в.

1 — парадная комната (крѣпната къща), 2 — аят, 3 — жилая комната (средната къща), 4 — жилая комната (камбра), 5 — галерея (сулдурма), а — хлебная печь (соба), б — глиняное возвышение для спанья (одър). Поселок Суворово, районный центр

в бессарабских домах этого типа занимает место, на котором в южноболгарских домах находится галерея или закрытый вестибюль, но выполняет все функции хаята. Сюда, в частности, выходит печь, устье которой повернуто ко входу. Среди жителей сел, где распространен этот тип планировки, имелись носители фракийских говоров⁶⁰. Не случайно местное население называет такие дома «шикпрликскими» — по старому имени села Суворово, все предки жителей которого были переселенцами из Фракии⁷⁰.

Планировку жилища необходимо дополнить характеристикой его габаритов. Старинные дома с однорядным расположением комнат население называет «квадратными», и действительно, по очертаниям они приближаются к квадрату. Помещения просторные (в среднем 25—30 м²), вытянутые по ширине дома, достигающей 6—7 м. Хаят передко больше спальни⁷¹.

Кухни в это время еще малы, площадь их часто не превышает площади одной комнаты в доме. К ним сохраня-

ется отношение как к подсобному жилью. Жилой комплекс находится в стадии оформления, четкого разграничения функций между двумя постройками нет. Жилище приспособлено для обитания больших семей или для длительной совместной жизни женатых сыновей⁷². Во всех его элементах, кроме материала стен, преобладает балканская традиция.

К концу XIX в. этот тип жилища перестает удовлетворять требованиям изменившегося домашнего быта болгар. Неразделенные семьи стали редкими и недолговечными, рушились патриархальные семейные устои. Значительное снижение социальных позиций старшего поколения и увеличение самостоятельности младшего, изменения в представлениях крестьян об этике поведения в доме, о гигиене жилья и т. п. — все это потребовало большего обособления в доме людей разных возрастов, семейных пар, а также локального разграничения функций жилища. Широкие просторные дома начали делить поперечными перегородками, из двух-трех комнат получалось четыре-шесть. Такое усложнение планировки характерно для северо-восточной Болгарии, оно определило формирование так называемого добруджанского дома⁷³.

Но в Бессарабии эта линия эволюции жилища заглохла, а окрепла и получила дальнейшее развитие другая — объединение дома и подсобной жилой постройки в единый функциональный комплекс. Упрочение этой формы жилища выразилось, в частности, в том, что новоселы одновременно (а те, кто победнее, последовательно) сооружали на усадьбе дом и «кухню». Бедняки могли всю жизнь прожить без парадных комнат, но по причине материального недостатка⁷⁴.

В жилом комплексе «большой дом» + «кухня» нашла свое выражение не только потребность обособления малых семей, но и новая функция жилища —

престижно-репрезентативная, о которой мы упоминали выше. Замечательно, что лучшим, что могло, по представлениям болгарских крестьян конца XIX—начала XX в. и позднее, украсить их жилище и повысить их общественный престиж, были не только достижения их собственной культуры, но в значительной степени — черты городского быта. Заимствовались больше элементы внешней архитектуры и интерьера (особенно мебелировки), в то время как основы планировки не затрагивались. Инновации вносились в дом, но не в кухню. Они распространялись прежде всего среди зажиточных и среднезажиточных крестьян, больше связанных рыночными контактами с городами и немецкими, достаточно урбанизированными селами (продажа зерна, закупка сельскохозяйственного инвентаря, лошадей и пр.), а также имевших на то материальные возможности.

Не будучи подготовлены естественным развитием своего домашнего быта к обживанию по-новому обставленных помещений, хозяева использовали их только в особых случаях: для важных семейных торжеств, для больших праздников, размещения гостей. Однако и здесь инновация приспособилась к традиции многолюдных семейно-родовых праздников, для исполнения которых на свежем воздухе, как это было в Болгарии, природно-климатические условия Буджака не располагали, а старые просторные дома были сломаны. Важное социальное значение имел у болгар и обычай гостеприимства, для чего нужны были свободные помещения. Парадные комнаты использовались и для деловых встреч (заключение торговых сделок, обсуждение общественных дел и т. п.), в этих случаях также реализовывалась их престижно-представительная функция⁷⁵.

Новая функция жилища сыграла немалую роль в дальнейшем развитии его планировки и всего жилого комплекса.

Наиболее простой вариант этого развития — выделение в хайте небольшого помещения для готовки пицци, где также и спали обычно старики. Это, правда, самое теплое место в доме, но для XX в. характерно, что старикам выделяются уже комнаты поскромнее, а молодой семье — получше⁷⁶. Передняя часть хаята, неиспользуемая теперь для хозяйственных целей, чище содержится и служит прихожей как для жилой, так и для парадной комнаты. Такие дома были более распространены в северной части исследуемой нами области и в крайних восточных селах, а также рассеянно встречались в других местах у более бедной части населения. При таком доме имеется кухня-бурдей, мало эволюционирующая⁷⁷. Аналогии этому жилищу находим у народов южной Молдавии (болгар, гагаузов, молдаван и др.) и южной Румынии⁷⁸.

К югу и востоку от Болграда у богатых и средних по зажиточности крестьян парадная часть заняла целый «большой дом», именовавшийся поэтому также «чистым». Он был двух- или трехраздельным и не отапливался. В соответствии с этим увеличилась в габаритах «кухня». Как правило, она состояла из двух, реже — из трех комнат и имела вдоль фасада галерею. В сущности это небольшой традиционный дом, какие были широко распространены в XIX в., с той разницей, что и третья комната в нем отапливалась. Обе жилые постройки иногда стояли отдельно друг от друга (старая позиция), а чаще соединялись в однорядную связь, но при этом между собой не сообщались, сохраняли свои названия и различались внешне («кухня» была ниже и уже дома). В зависимости от размеров семьи и от материального достатка и «большому дому» могли быть пристроены одна, две «кухни»⁷⁹.

В микрорайоне Суворово—Каменка—Василевка—Бановка усложнение планировки пошло и в длину, и в ширину.

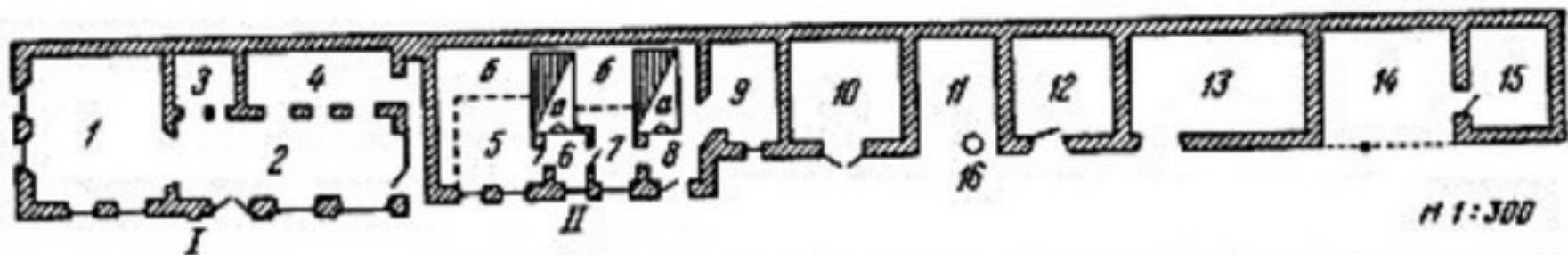

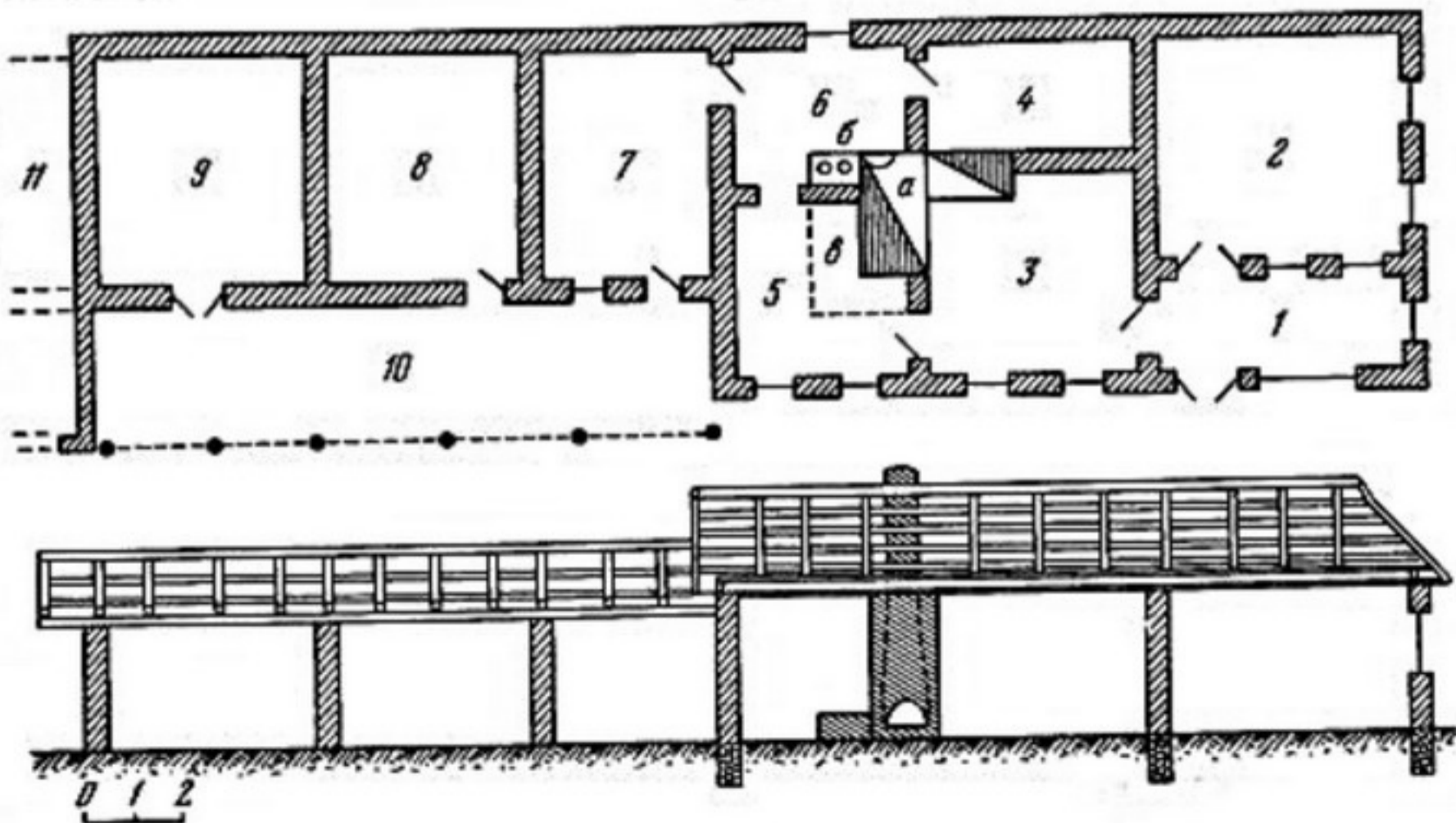
Рис. 6. План дома с развитой парадной частью и двумя жилыми ячейками. Начало XX в.

1 — парадная комната (гулямота кѣща), 2 — вестибюль парадной части (колидор), 3, 4 — комнаты для хранения вещей, экспонирования приданого, предметов рукоделия хозяйки (перегородка), 5 — жилая комната (зѣмната кухня), 6 — аят, 7 — жилая комната (соба), 8 — летняя кухня (ляйтната кухня), 9, 10 — кладовые (зѣнце), 11—15 — хозяйственные помещения, 16 — резервуар для воды (басѣйн), а — печь (жымбетъ), б — глиняное возвышение (под). Село Круничное Болградского района

Рис. 7. План дома с печью, обращенной к задней стене. 30-е годы XX в.

1 — вестибюль (халт, или колидор), 2 — парадная комната (гулямота кѣща), 3 — парадная комната для гостей (сѣрдната чиста кѣща), 4 — чулан (темната кѣща), 5 — жилая комната (камора, или кѣфия), 6 — халт, 7 — кладовая (кладовка), 8, 9 — стойла для скота (дам), 10 — хозяйственный наос (пѣнджур), 11 — разрушенные хозяйственные постройки, а — печь (соба), б — плита, в — глиняное возвышение (одър). Село Каменка Болградского района

К трехкамерному дому, в котором одна из комнат оставалась жилой, пристраивалась еще одна жилая комната (камора) и к ней придавался халт, располагающийся сбоку, сзади от каморы или опоясывающий ее с двух сторон в форме буквы Г (крив фаят). В двух последних случаях печь занимала нестандартную позицию, повернувшись устьем к задней стене дома, и эта часть жилища служила зимней кухней. Вся постройка была монолитной, комнаты сообщались между собой. Дом сочетался с «кухней» примитивной конструкции (бурдей), используемой по преимуществу летом для готовки пицци, так как функция жилого помещения у нее была «отнята» каморой⁸⁰. На сложение описанного типа планировки оказали влияние, как нам представляется, две традиции. С одной стороны, характерная для данного микрорайона двухрядная жи-

лая связь, с другой — традиция городского жилища, которое имеет тенденцию развиваться в ширину и в котором выделяется кухня в общепринятом значении (вспомним о значительной примеси выходцев из городов и ремесленных центров в трех селах из четырех, названных выше).

И по строительной технике, и по планировке, и по использованию помещений болгарское жилище к концу XIX — началу XX в. стало уже местным типом жилища с преобладанием вновь развившихся черт над принесенными из Болгарии или же с сильно трансформированными традиционными элементами, которые приобрели новое качество.

Современные дома по планировке распадаются на два главных типа: это, во-первых, трехраздельный дом с выделенной кухней в хайте, к которому пристроена капитальная летняя кухня (не сообщающаяся с ним), где в теплое время года хозяйка предпочитает заниматься домашними делами. Другой, и наиболее распространенный тип — «длинный» монолитный дом, в котором число помещений, расположенных однорядно, доходит до восьми-десяти. В Суворово, Каменке, Василевке наряду с длинными еще встречаются дома с двухрядной связью помещений, характерной для этого микрорайона⁶¹.

В настоящее время получили значительное распространение дома с нарушенной традиционной планировкой: к парадной комнате, как обычно выходящей окнами на улицу, пристраивают под прямым углом параллельно улице две жилые комнаты. Все большую популярность приобретают типовые проекты жилища, в которые вносятся элементы народной архитектуры. Встречаются также дома, построенные из готовых деталей⁶².

Отличительной чертой современного деревенского дома является замена галереи застекленной верандой (*колидор*). Прimitивные кухни снесены,

и их строительство не возобновляется⁶³.

Бытование жилого комплекса у болгар в свое время являлось показателем того, что новые и традиционные функции жилища не могли локализоваться в одной постройке. В современном жилище соответствие материальных возможностей культуре повседневного быта сильно продвинулось вперед, что выражается, в частности, в тенденции к формированию одной усовершенствованной жилой постройки. Однако процесс этот не закончился, вернее проблема возникает в связи с новыми формами жилища, распространяющимися из города, за которыми не поспевает развитие сельского быта. Не будучи обжиты полностью, они некоторое время бытуют в качестве моды и престижного знака, а другая часть жилища сохраняет традиционные черты.

На протяжении всего периода проживания болгар в южном Пруто-Днестровье, в течение которого их жилище подверглось огромным изменениям, в нем сохранилась постоянной одна особенность: минимум жилого пространства составляет в нем пара помещений — хаят и комната (кышта, соба, камора и пр.), которые не существуют одно без другого, являясь «ядром» болгарского дома этого региона. При расширении дома для новой родственной семьи к ней пристраивались как минимум два указанных помещения. Это — инновация по сравнению с традиционным жилищем Болгарии.

Несколько слов об интерьере. В домах болгар до конца XIX в. мебели почти не было. Спальным местом служило глиняное, реже — дощатое возвышение (*под, бдър*), которое в старинных домах занимало половину комнаты, примыкая к печи. С сокращением размеров семей уменьшился и одр. В хайте глиняное возвышение служило хозяйке кухонным столом. Ели на низком круглом переносном столике (*софра, паралия*), сидя на низких трехногих табуретках,

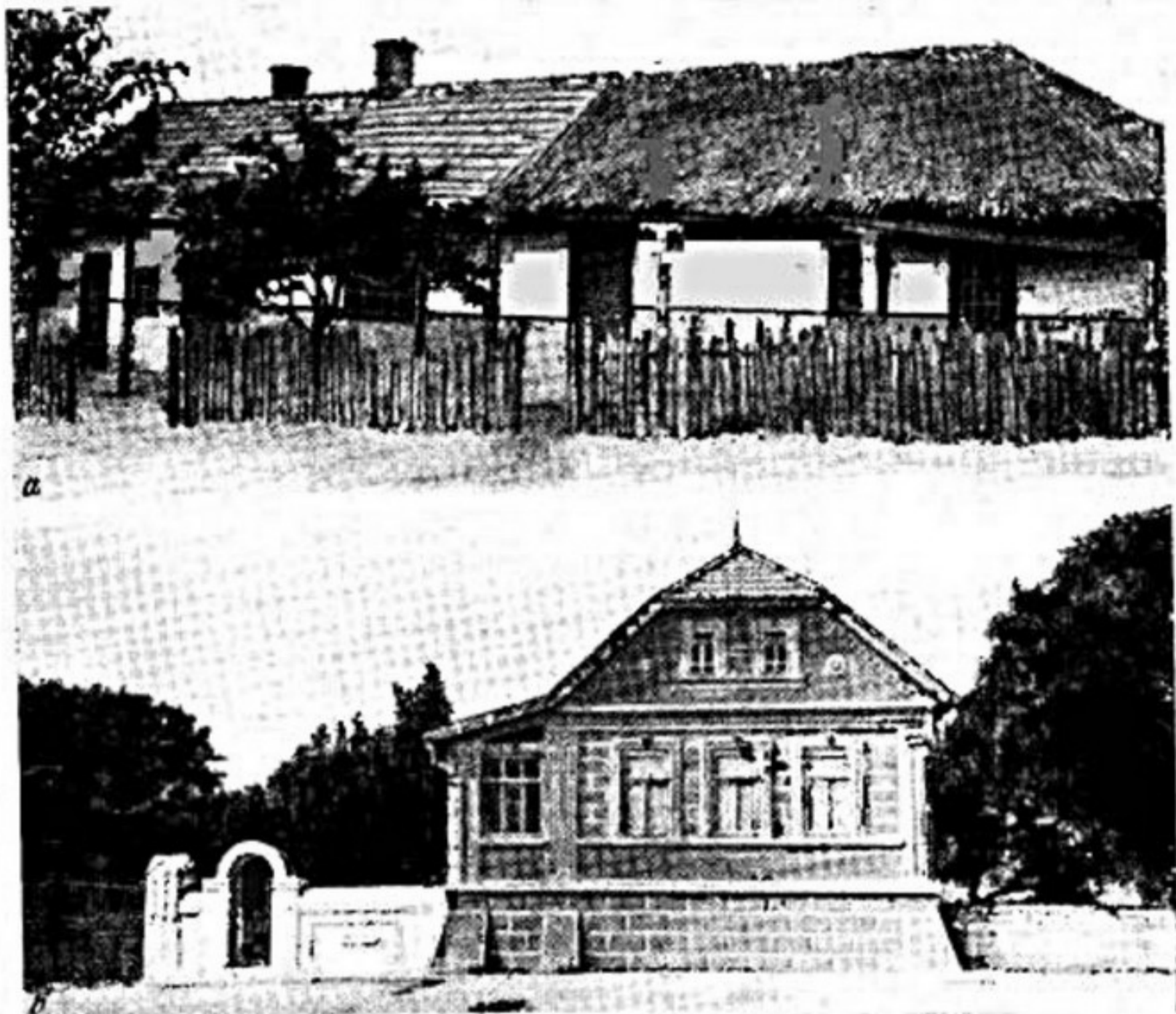

Рис. 8.

а — дом со старой парадной частью (постройка конца XIX в.) и новой, конструктивно более совершенной жилой частью (постройка 1930-х годов), Село Кризачное Болградского района; б — современный дом, известняк. Село Задуняевка Болградского района

на подушках, а женщины — обычно подогнув под себя одну погу. В парадных комнатах и в жилой комнате дома вдоль одной-двух стен были построены глинобитные лавки. Их начали замечать в XX в. подвижными деревянными лавками (скамён — искаж. русск.

скамья) или деревянными диванами ремесленного изготовления. Столы и кровати появляются в основном после первой мировой войны, прежде — в парадных комнатах, а в жилых комнатах дома и особенно «кухни» очень долго сохранялись и не вполне исчезли до сих пор глиняные возвышения. На них водружают кровати, и так в комнате обособляется спальное пространство.

Убранство болгарских домов состоит, по традиции, из декоративных тканей (безворсовые ковры, дорожки, протянутые вдоль стен и устилающие полы,

узорные полотенца на стенах, зеркалах и пр.). В парадных комнатах выставлены фотографии членов семьи и близких. В настоящее время тканые изделия заметно уступили место вышитым, а также тканям фабричного производства⁸⁴.

В заключение остановимся на традиции и инновации в развитии болгарских поселений.

Так как у себя на родине многие из переселенцев жили в условиях пересеченной местности (включая холмистую Дунайскую равнину и прорезанную балками Добруджу), то постройка домов на склонах буджакских балок не представляла для них трудностей, а расположение сел в них казалось вполне удобным. Те же, что свыклись с жизнью на плоской равнине юга Болгарии, видимо, быстро приспособились к новой среде. Однако при размещении своих домов и усадеб на местности болгары оказались связанными жестким требованием администрации соблюдать уличную планировку, которая для переселенцев была новшеством. Вынужденные подчиняться этому распоряжению (оно касалось всех колонистов юга России), болгары, однако, долго не могли сообразовать с уличной планировкой традиционную ориентацию домов по странам света, сложившуюся в условиях кучевых и разбросанных поселений Болгарии. Надо сказать, что обращение фасада к югу, а глухой задней стены к северу было рационально и в климате южной Бессарабии: зимой жилище было защищено в таком положении от холодных ветров и в то же время с юга обогревалось солнцем (кстати, южную стену с этим расчетом делали в старых домах тоньше); летом же, когда солнце поднимается высоко над горизонтом, галерея или навес крыши затеняли комнаты от его жгучих лучей. И это играло немаловажную роль в длительном поддержании старой

традиции ориентации жилища⁸⁵. Кроме того, эстетика стройных улиц, регулярного порядка жилых и хозяйственных строений не была у болгар в то время развита, не имея традиции в архитектуре сельских поселений на их родине.

Усадьба также застраивалась по типу усадеб кучевых поселений в Болгарии: дом был отодвинут в глубь широкого двора, в котором довольно беспорядочно располагались хозяйственные постройки. Фасадом дома считалась его длинная сторона с окнами и входной дверью. Напротив нее в глухой северной стене делалась вторая дверь для удобства связи дома с хозяйственным двором⁸⁶.

Так как улицы в большинстве сел идут вдоль балок, тянущихся в Буджаке с северо-запада на юго-восток, то дома были обращены в сторону улицы узкой стороной (нередко под углом), в которой окон не делали. В поперечных переулках на одной стороне оказывались дома, обращенные фасадом к проезду (отодвинувшись при этом в глубь двора), а на другом — выходили на линию улицы глухой задней стеной⁸⁷.

«Кухни» вначале ставились также окнами на юг, а после сложения двух-построечного комплекса ориентировались всегда в глубину двора. Наиболее распространенное положение кухни — задней стеной к улице, параллельно последней, которое можно было наблюдать еще в недавнее время.

Только с конца XIX — начала XX в. дома стали ставить торцом строго перпендикулярно к улице. Тогда же укрепилась и новая традиция двускатной крыши, фронтоном которой украшали деревянной резьбой. Фасадной стала торцовая стена дома, в ней прорезывались и окна. Дома придвинулись ближе к улице, отделенные от нее невысоким забором, и стали частью ее архитектурного оформления. Перенос фасада с длинной стороны дома на торцовую

полностью завершился в современном строительстве. Архитектурные и конструктивные новшества, художественное украшение дома, резьба, роспись, орнамент на цементе и пр. появляются прежде всего на его узкой фасадной стороне. На улицу же выходят два окна парадной комнаты⁸⁸.

Рассмотрение болгарских сел с точки зрения их социальной структуры показывает значительную устойчивость традиции расселения семейно-родственными гнездами. При регулярной планировке скопление фамилий, принадлежащих к одной родственной группе, создавалось на отдельных частях улиц, от перекрестка к перекрестку, называемых *махалами*. Это связано прежде всего с характером первоначального заселения — по участкам, нарезаемым властями вдоль заранее запланированных улиц. Новоселы старались сгруппироваться при этом по-родственному. Махалы носят обычно названия преобладающей здесь фамилии или имени, прозвища первозасельника⁸⁹.

В течение XIX в. родственный принцип расселения поддерживался традицией при семейных разделах оставаться на отцовском дворе, а не покупать участок на краю села. Это было обусловлено не только экономическими соображениями, но и стремлением родичей жить по соседству, чтобы помогать друг другу по хозяйству, дому, по присмотру за детьми. Но к концу XIX в. этот обычай ослабевает: дворы стали тесными, длинными и узкими, делить их стало трудно; в то же время капитализм значительно разрушил родственную солидарность, усилив частнособственнические, индивидуалистические устремления. Отцы теперь выделяют сыновей больше «на сторону», происходит все большее перемешивание родственных семей в поселении⁹⁰.

Если сравнить расселение родственных групп в Бессарабии и в Болгарии, то в последней оно в тот же период вы-

ражено четче, хотя и там махалы, как правило, не однородны по родственному составу. Думается, причина кроется как в более медленном, чем на юге России, развитии буржуазных отношений в сельском хозяйстве, так и в большей возможности при кучевом, а тем более при рассеянном типе расселения найти участок для новой семьи вблизи родительского и сохранить родственное соседство.

Социально-классовое расслоение жителей села в прошлом заметно отражалось на внешнем его виде. Центральные улицы были застроены большей частью домами кулаков и крепких середняков, боковые окраины — скромными домами и бурдеями бедняков⁹¹. Центром села служила площадь с сельской управой и церковью, на которой в праздничные и воскресные дни устраивались хороводы при стечении всех жителей. Центр современных поселений — это административные здания, магазины, Дом культуры. Характерно озеленение улиц, создание сельских парков, скверов.

В этнически смешанных поселениях представители каждой национальности занимали, как правило, отдельные концы села или отдельные его кварталы. Таково, например, одно из наиболее крупных сел региона — Червоноармейск (б. Кубей), которое по этническому признаку делится на две половины — болгарскую и гагаузскую. Болгары и гагаузы издавна заключают между собой браки, у них не существует национальных предубеждений и в обеих частях села дети от смешанных браков обычно ассимилируются с той этнической группой, в пределах расселения которой они проживают. Поэтому целостность болгарской и гагаузской половин в общем не нарушается⁹².

С молдаванами, украинцами, русскими, живущими в одном с ними селе (например, села Колеспое, Новый Траян, Бановка и др.), болгары до установления

Советской власти браки заключали много реже, чем с гагаузами, что объясняется известным несходством семейно-бытового уклада болгар — пришельцев с Балкан и коренных жителей Восточной Европы. В социалистическом обществе эта преграда преодолена в ходе об-

щего подъема культуры, выравнивания характера образа жизни, усиления межэтнических контактов на производстве, в общественной деятельности, в быту и утверждения интернационализма в идеологии широких масс.

- ¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. IV. М., 1973, с. 10, 183.
- ² История городов и сел Украины. Одесская область. Киев, 1878, с. 211—212, 215, 383—388, 449, 462, 732 и др.
- ³ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским, вып. 5. М., 1900, с. 105.
- ⁴ *Тигорова И.* Георги Ив. Цанко-Килчик. София, 1910, с. 11; *Мещеряков И. И.* Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в южной Бессарабии (1808—1856). Кишинев, 1971, с. 199; *Кабузан В. М.* Народонаселение Бессарабской области и левобережья Приднестровья. Кишинев, 1974, с. 22; Атлас болгарских говоров СССР. Под ред. С. Б. Бернштейна. Вступительные статьи и комментарии к картам. М., 1948, с. 16.
- ⁵ История Молдавии: Документы и материалы, т. II: Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского. Кишинев, 1957, с. 1—2; Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1, т. XXXII. СПб., 1830, с. 319.
- ⁶ *Мещеряков И. И.* Социально-экономическое развитие..., с. 199—207.
- ⁷ *Берг Л. С.* Население Бессарабии. Пг., 1923, с. 23—28; *Кабузан В. М.* Народонаселение Бессарабской области..., с. 15, 29.
- ⁸ По мнению М. В. Маруневича, в первой массовой волне переселенцев гагаузы преобладали над болгарам. См.: *Маруневич М. В.* Некоторые особенности развития жилища гагаузов в XIX и начале XX в.— Сов. этнография, 1975, № 5, с. 82.
- ⁹ *Кабузан В. М.* Народонаселение Бессарабской области..., с. 44.
- ¹⁰ Атлас болгарских говоров СССР. Вступ. статьи..., с. 13; *Кабузан В. М.* Народонаселение Бессарабской области..., с. 118—119; *Мещеряков И. И.* Социально-экономическое развитие..., с. 17.
- ¹¹ *Мещеряков И. И.* Переселение болгар в южную Бессарабию. 1828—1834. Кишинев, 1965, карта (вклейка); *Кабузан В. М.* Народонаселение Бессарабской области..., с. 117.
- ¹² *Кабузан В. М.* Народонаселение Бессарабской области..., с. 44—46.
- ¹³ Архив Института этнографии АН СССР, Болгаро-гагаузская экспедиция МГУ 1952 г. Болгарский отряд. Полевые записи автора (далее — АИЭ, БГЭ), тетр. III, л. 3, 7, 10; АИЭ, Пруто-Днестровская экспедиция 1965 г. Полевые записи автора (далее — АИЭ, ПДЭ), тетр. II, л. 22—24, 36 об., 51 об.
- ¹⁴ Атлас болгарских говоров СССР. Вступ. статьи..., с. 32—40. Болгария в этнокультурном отношении делится на восточную и западную. Восточная занимает приблизительно две трети страны.
- ¹⁵ Атлас болгарских говоров СССР. Вступ. статьи..., с. 32; *Журавлев В. К.* Говор села Криничное (Чешма — Варунта).— В кн.: Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР, вып. 7. М., 1955, с. 18 и др.
- ¹⁶ Атлас болгарских говоров СССР. Вступ. статьи..., с. 12—13; АИЭ, БГЭ, тетр. III, л. 3, 7—8; тетр. I, л. 13—14.
- ¹⁷ По подсчетам И. И. Мещерякова (сделанным на основании косвенных данных), в городах и селах всей Бессарабии выходящие из городов и ремесленных центров Болгарии составляли в 30-е годы XIX в. пятую-шестую часть переселенцев. См.: *Мещеряков И. И.* Переселение болгар в южную Бессарабию..., с. 96, 101, 161—162.
- ¹⁸ АИЭ, ПДЭ, тетр. II, л. 23, 27, 35—36; 52; *Кабузан В. М.* Народонаселение Бессарабской области..., с. 32, 36, 38; *Маркова Л. В.* Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар юго-западных районов СССР (к вопросу об устойчивости этнических традиций).— В кн.: Actes du Premier congrès international des études balkaniques et Sud-est européennes, t. VII. Sofia, 1974, p. 573.
- ¹⁹ *Златев Т.* Българската къща в своя архитектурно-исторически развой, кн. 1. Селска къща. София, 1930, с. 121; *Маркова Л. В.* Типы сельского жилища Болгарии.— В кн.: Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968, с. 22—23; АИЭ, Материалы научной командировки в Болгарию 1956 г. Полевые записи автора, л. 108, 111, 116.

- ²⁰ Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака, с приложением генерального плана его края, составленное при гражданской съемке, производившей по высочайшему повелению размежевание земель оной на участки с 1822 по 1828 г. Аккерман, 1899, с. 26.
- ²¹ Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Статистический очерк. Одесса, 1848, с. 106; АИЭ, БГЭ, тетр. I, л. 42; тетр. III, л. 49, 71, 73. Ср.: Кожухаров Г. Добруджанска къща.— В кн.: Комплексна научна Добруджанска експедиция през 1954 година. София, 1956, с. 57—58.
- ²² Статистическое описание Бессарабии..., с. 26, 27.
- ²³ Бырия П. П. Сельские поселения Молдавии XV—XVII вв. Кишинев, 1969, с. 121—122; Салманович М. Я. Жилища коренного населения Молдавской ССР.— Сов. этнография, 1947, № 4, с. 208—209; Маруневич М. В. Некоторые особенности развития жилища гагаузов..., с. 89; *Vakarelski Chr. Über die Volkswohnarchitektur bei den Bulgaren (Traditionelle Formen bis 1944)*.— *Ethnographica*, III—IV. Врно, 1962, S. 287, 288; Маркова Л. В. Типы сельского жилища Болгарии, с. 14—15; там же см. ссылки на литературу.
- ²⁴ Салманович М. Я. Эволюция молдавского жилища.— Краткие сообщения Ин-та этнографии, 1960, вып. XXXIII, с. 15; Маркова Л. В. Типы сельского жилища..., с. 14—15.
- ²⁵ Бобчев С. Сборник на българските юридически обичаи, ч. 2. София, 1908, с. 216—228; Маркова Л. В. Сельская община у болгар в XIX в.— В кн.: Славянский этнографический сборник. Труды Ин-та этнографии, нов. сер., 1960, т. LXII, с. 43—44.
- ²⁶ Клаус А. Наши колонии, вып. I. СПб., 1869, с. 320.
- ²⁷ Мецгерюк П. П. Социально-экономическое развитие..., с. 199—201, 204—207.
- ²⁸ Маруневич М. В. Некоторые особенности развития народного жилища гагаузов..., с. 83. Торговцы-гагаузы, сведения о которых нашел в архивах П. П. Мецгерюк, происходили скорее всего из черноморских городов, расположенных в области расселения гагаузов в Болгарии. Это подтверждается и грекофильской ориентацией многих из них, о чем упоминает П. П. Мецгерюк: черноморские города Болгарии населяли до XX в. компактные группы греков, их буржуазная верхушка занималась торговлей. Торговцы-гагаузы меньше, чем многие из болгарских купцов внутренних районов страны, были связаны с сельскохозяйственным производством, сильнее был урбанизирован и их быт. Поэтому они по-
- ле переселения в Россию предпочитали оседать в городах. См.: Мецгерюк П. П. Социально-экономическое развитие..., с. 204—206.
- ²⁹ Кабузан В. М. Народонаселение Бессарабской области..., с. 44, 119.
- ³⁰ Клаус А. Наши колонии, с. 325.
- ³¹ Центральный государственный архив МССР, ф. 151, оп. 1, д. 94, л. 117—118; АИЭ, БГЭ, тетр. I, л. 49.
- ³² АИЭ, БГЭ, тетр. II, л. 44—45; тетр. III, л. 10—11, 70.
- ³³ АИЭ, Научная командировка в Одесскую область 1968 г. Полевые записи автора (далее — ИКО), л. 16 об., 25.
- ³⁴ Клаус А. Наши колонии, с. 326.
- ³⁵ АИЭ, БГЭ, тетр. II, л. 17; АИЭ, ИКО, л. 15.
- ³⁶ Маркова Л. В. Поселения и жилища болгар-переселенцев в Бессарабии.— Краткие сообщения Ин-та этнографии, 1953, вып. XXIV, с. 7—8.
- ³⁷ Вакарелски Х. Етнография на България. София, 1974, с. 260.
- ³⁸ Титоров И. Българите в Бесарабия. София, 1903, с. 46—47; Маруневич М. В. Некоторые особенности..., с. 90.
- ³⁹ Салманович М. Я. Эволюция молдавского жилища, с. 15; Маруневич М. В. Некоторые особенности..., с. 90—91; см. также статьи Л. Н. Чивкиковой и О. Р. Будины в настоящем сборнике.
- ⁴⁰ Салманович М. Я. Жилища коренного населения Молдавской ССР, с. 210.
- ⁴¹ Енчев-Видю А. Стари и нови паметници в Добруджа. София, 1918, с. 24; Георгиева Б. Народна архитектура.— В кн.: Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974, с. 151; *Stanculescu F., Gheorgiu A., P. Petrescu. Architectura populară românească. Dobrogea. București*, 1957, p. 19, 20.
- ⁴² Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине (Историко-этнографический очерк). Киев, 1975, с. 164, 165, 176.
- ⁴³ Кабузан В. М. Народонаселение Бессарабской области..., с. 44; АИЭ, БГЭ, тетр. I, л. 37 об.
- ⁴⁴ История Молдавии: Документы и материалы, т. III: Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии, 1812—1861 гг. Кишинев, 1969, с. 189.
- ⁴⁵ Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии..., с. 97, 105; АИЭ, БГЭ, тетр. III, л. 68; тетр. II, л. 24.
- ⁴⁶ Клаус А. Наши колонии, с. 326; см. также АИЭ, БГЭ, тетр. I, л. 14 об.; тетр. II, л. 20, 35 об.; тетр. III, л. 68.
- ⁴⁷ Подробнее см.: Маркова Л. В. Типы болгарского жилища в Днестровско-Прутском междуречье.— В кн.: Этнография и искусство Молдавии. Кишинев, 1968, с. 69 и сл.

- ⁴⁸ Маркова Л. В. Типы сельского жилища Болгарии, с. 17—34. О термине *кѣща* у славянских народов см.: Харузин А. И. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907, с. 223—232.
- ⁴⁹ Георгиева-Стойкова С. Огнището в българския бит. София, 1956, с. 85—86.
- ⁵⁰ Перенос термина, означающего печь, на комнату, где эта печь находится, убедительно, с нашей точки зрения, доказала болгарский ученый С. Георгиева-Стойкова. О связи этого вопроса с более широкими этнокультурными проблемами см.: Георгиева-Стойкова С. Огнището в българския бит, с. 90—91.
- ⁵¹ Георгиева Б. Народна архитектура, с. 128—148.
- ⁵² См., например: Шишков С. Из източните склонове на Родопите.— Родопски напредък, 1908, г. VI, кн. IV. Пловдив, с. 90.
- ⁵³ Табаков С. История на град Сливен, т. III. София, 1929, с. 275.
- ⁵⁴ АИЭ, БГЭ, тетр. II, л. 16 об.
- ⁵⁵ АИЭ, БГЭ, тетр. I, л. 5; тетр. II, л. 36 об.; тетр. III, л. 14.
- ⁵⁶ АИЭ, Молдавская археолого-этнографическая экспедиция 1962 г. Болгарский отряд. Полевые записи автора, тетр. I, л. 20, 24.
- ⁵⁷ АИЭ, БГЭ, тетр. III, л. 54; АИЭ, НКО, л. 24 об.
- ⁵⁸ АИЭ, ПДЭ, тетр. II, л. 36; АИЭ, НКО, л. 19 об., 24 об.
- ⁵⁹ АИЭ, БГЭ, тетр. I, л. 5, 10, 11, 15 об., 39 об.; АИЭ, НКО, л. 19 об., 23 об., 25.
- ⁶⁰ АИЭ, БГЭ, тетр. III, л. 27, 76; АИЭ, ПДЭ, тетр. II, л. 15; АИЭ, НКО, л. 20, 23 об., 25.
- ⁶¹ Вакарелски Х. Етнография на България, с. 261; Маркова Л. В. Типы сельского жилища Болгарии, с. 17; Георгиева Б. Народна архитектура, с. 151.
- ⁶² АИЭ, БГЭ, тетр. III, л. 12, 76; АИЭ, НКО, л. 26.
- ⁶³ АИЭ, БГЭ, тетр. I, л. 38 об.
- ⁶⁴ АИЭ, ПДЭ, тетр. II, л. 37, 48—50, 54.
- ⁶⁵ АИЭ, БГЭ, тетр. II, л. 71—73; тетр. III, л. 16.
- ⁶⁶ Маркова Л. В. Типы сельского жилища Болгарии, с. 24; Георгиева Б. Народна архитектура, с. 129—141; Салманович М. Я. Жилище коренного населения Молдавской ССР, с. 210.
- ⁶⁷ Село Тараклия находится в пределах Молдавской ССР на границе с Одесской областью.
- ⁶⁸ Народы зарубежной Европы, I, М., 1964. Раздел «Болгары. Поселения и постройки» (Б. Георгиева), с. 332; Маркова Л. В. Типы сельского жилища Болгарии, с. 19—20, 30.
- ⁶⁹ Атлас болгарских говоров СССР, карта № 1.
- ⁷⁰ АИЭ, БГЭ, тетр. III, л. 46, 61.
- ⁷¹ АИЭ, БГЭ, тетр. II, л. 42, 46 об., 54—55.
- ⁷² АИЭ, БГЭ, тетр. I, л. 14 об.; тетр. II, л. 35 об., 20.
- ⁷³ См.: Георгиева Б. Народна архитектура, с. 143—145, 149; Маркова Л. В. Типы сельского жилища Болгарии, с. 31.
- ⁷⁴ АИЭ, БГЭ, тетр. I, л. 9—11; тетр. III, л. 50, 51.
- ⁷⁵ АИЭ, БГЭ, тетр. III, л. 4, 5, 44.
- ⁷⁶ АИЭ, БГЭ, тетр. II, л. 54; тетр. III, л. 52.
- ⁷⁷ АИЭ, ПДЭ, тетр. II, л. 28, 37; АИЭ, НКО, л. 15 об., 23, 27.
- ⁷⁸ Салманович М. Я. Жилище коренного населения Молдавской ССР, с. 210 и сл.; она же. Типы румынского жилища.— В кн.: Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы, с. 44; Маруневич М. В. Народное жилище гагаузов Чадыр-Лунгского района Молдавской ССР.— В кн.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968, с. 39.
- ⁷⁹ АИЭ, БГЭ, тетр. II, л. 43—44, 52.
- ⁸⁰ АИЭ, БГЭ, тетр. I, л. 31; тетр. III, л. 46, 50—51, 53, 56, 60—61; Маркова Л. В. Поселения и жилище болгар-переселенцев..., с. 13—14.
- ⁸¹ АИЭ, БГЭ, тетр. I, л. 39—41 об.; тетр. III, л. 36; АИЭ, ПДЭ, тетр. II, л. 49—50; АИЭ, НКО, л. 18; Маркова Л. В. Поселения и жилище болгар-переселенцев..., 16—17.
- ⁸² АИЭ, НКО, л. 17.
- ⁸³ АИЭ, НКО, л. 26 об.; Маркова Л. В. Типы болгарского жилища в Днестровско-Прутском междуречье, с. 72—73.
- ⁸⁴ АИЭ, БГЭ, тетр. I, л. 17 об., 29—30, 38; тетр. II, л. 47—48; тетр. III, л. 9 об., 14 об., 16, 17, 28.
- ⁸⁵ АИЭ, БГЭ, тетр. II, л. 4 об.; тетр. III, л. 14—16, 25.
- ⁸⁶ АИЭ, БГЭ, тетр. II, л. 44 об.—45, 54 об.; тетр. III, л. 22, 26 об., 29, 35.
- ⁸⁷ АИЭ, ПДЭ, тетр. I, л. 139—140; АИЭ, БГЭ, тетр. III, л. 25—26, 44, 51.
- ⁸⁸ АИЭ, БГЭ, тетр. II, л. 26, 29; тетр. III, л. 19, 24, 51.
- ⁸⁹ АИЭ, ПДЭ, тетр. II, л. 51—52.
- ⁹⁰ АИЭ, БГЭ, тетр. III, л. 15, 60 об.; АИЭ, ПДЭ, тетр. II, л. 16, 52.
- ⁹¹ АИЭ, ПДЭ, тетр. II, л. 36; АИЭ, БГЭ, тетр. I, л. 40.
- ⁹² АИЭ, ПДЭ, тетр. II, л. 23, 27.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГАГАУЗОВ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ УССР

В настоящей статье предпринята попытка проследить некоторые стороны культурно-бытовых процессов в среде гагаузского населения Одесской области УССР в XIX — начале XX в. Для иллюстрации выбраны два вида материальной культуры — жилище и женская одежда, так как в этих сферах материального быта, на наш взгляд, наиболее ярко проявлялись процессы культурно-бытовой адаптации гагаузов в среде иноэтничного населения.

Материальная культура гагаузов почти не изучена. Из многочисленных публикаций частично касается этой темы только статья В. С. Зеленчука и М. Ф. Филимоновой¹, освещающая в основном быт гагаузов, живущих в МССР.

Некоторые данные о материальной культуре гагаузов интересующих нас районов содержит работа Г. Е. Маркова². Важные сведения о традициях гагаузов имеет работа русского этнографа конца XIX в. В. А. Мошкова³.

Настоящая публикация основывается главным образом на полевых материалах, собранных автором с 1966 по 1974 г.

Гагаузские села Одесской области УССР — это юго-восточная часть бывшего так называемого «Буджакского подворения» болгарских колоний в Южной Бессарабии⁴. В круг внимания настоящей статьи вошли семь гагаузских сел: Димитровка, Александровка (Сатылык-Хаджи), Червоноармейское (Кубей), Жовтневое (Каракурт), Виногра-

довка (Курчи), Котловина (Болбока), Старые Трояны (Новоселовка).

Гагаузы этих сел, так же как и сел, расположенных на территории Молдавской ССР, переселились в Южную Бессарабию в начале XIX в. В отличие от болгар — выходцев из разных районов Болгарии⁵, гагаузы выселялись преимущественно из северо-восточной Болгарии (округов Варны, Провадии, Силистрии, Добруджи)⁶, т. е. из равнинных земледельческих районов Подунавья, что обусловило единство их хозяйственной деятельности и быта. Подавляющее большинство гагаузов в момент переселения были крестьянами⁷.

Во времени переселения в Южную Бессарабию бытовая культура гагаузов имела много общего с культурой других этнических групп северо-восточной Болгарии. В течение XIX в. в условиях Южной Бессарабии быт и культура гагаузов развивались уже на качественно новой основе. Определяющими факторами в этом процессе являлись: сложная разнородная среда, особенности социально-экономического и правового положения колонистов, а также естественно-географические условия края.

В связи с миграционными процессами в конце XVIII и первой половине XIX в. население южного междуречья Прута и Днестра как и всей Бессарабии, имело многонациональный характер: здесь жили молдаване, украинцы, болгары, гагаузы, русские, албанцы, цыганцы, румыны, греки и другие этнические

группы⁸. В результате взаимовлияния культур к концу XIX в. в крае сложились новые формы бытовой культуры, ставшие общими, традиционными для всего населения края. В наибольшей степени это относится к элементам материальной культуры.

Гагаузские села располагались не компактно, а перемежались в большинстве случаев с болгарскими, украинскими и молдавскими селами. В селе Жовтневое (Каракурт) жили совместно гагаузы, болгары, албанцы и немногие молдаване. Гагаузы и болгары жили совместно в селах Кубей, Новоселовка.

Экономической основой хозяйства гагаузов были так называемые клонистские наделы, которыми пользовалась каждая колонистская семья, но которые не подлежали полному отчуждению, т. е. не могли быть проданы (в соответствии с законом 1819 г.). Обеспеченность земель предопределила живучесть патриархальных устоев крестьянского быта, а это в свою очередь обусловило сравнительную замкнутость жизни гагаузов вплоть до последних десятилетий XIX в.

Возможность отчуждения земли, возникшая в конце XIX в. в послереформенный период, дала толчок к развитию капиталистических отношений в гагаузском селе. Предметы ремесленного и промышленного производства проникали в быт колонистов через рынок (ярмарки, базары). На недельные базары и ярмарки в таких центрах края, как Комрат, Болград, Тарутино, Татарбунары, съезжались крестьяне, ремесленники и торговцы всего юга Бессарабии. На ярмарках не только покупали и сбывали свои изделия, там завязывались деловые знакомства, производились всевозможные сделки. Для девушек и женщин ярмарки служили «выходом в свет». Здесь присматривали и перенимали фасоны платьев, покупали фабричные ткани, обувь и т. п. Таким путем в села проникали элементы быта средних

слоев городского населения края, обнаруживающие себя прежде всего в урбанизации некоторых форм праздничной и сезонной верхней одежды, во внутреннем убранстве жилищ, преимущественно парадных его частей.

• • •

Основываясь на новых землях, гагаузы возводили жилища земляночного типа, а также наземные плетневые дома. Планировка и тех и других была достаточно развита, по большей части она была двухраздельной (жилая комната + помещение с очагом). Сложившаяся традиция функционального использования внутренних помещений обеспечивала необходимый минимум удобств.

Жилища, углубленные в землю, т. е. землянки *бордэй*, во многих чертах повторяли подземные жилища, распространенные в Подунавье⁹. При благоприятном стечении обстоятельств некоторые из переселенцев возводили наземные двухкамерные дома с камышовой крышей, возрождавшие облик наземных плетневых построек Дунайской равнины¹⁰.

Плетневая техника, принятая у переселенцев, подкреплялась аналогичным опытом старожилых жителей края: молдаван, погайцев. В селах гагаузов, как и у остального населения Южной Бессарабии, первоначально плетневыми были и церкви и мельницы, общественные хранилища для зерна, лавки и другие общественные здания. Даже в городах края большинство домов были «выстроены из плетня и тростника, обмазаны глиною и покрыты одни досками, а иные тростником. В селениях же дома похожи на шалаши кочующих народов, все они состоят из плетневых мазанок и землянок»¹¹.

Однако скудность необходимого строительного материала в Буджаке обусловила отход переселенцев впослед-

ствии от плетневой техники. Все большую популярность получали глиняные постройки, где основным материалом при возведении стен являлась глина, перемешанная с соломой. К концу XIX в. чамурная техника полностью вытеснила плетневую не только у гагаузов, но и у других этнических групп Южной Бессарабии¹², особенно у тех, которые жили в центральном Буджаке. Медленнее протекал этот процесс у населения, преимущественно молдавского, Южного Припрутья, Южного Приднестровья и приозерных областей, где изобилие лозы и камыша позволяли дольше сохранить традиции каркасных построек. Из исследованных сел к приозерным¹³ относятся Виноградовка, Котловина, расположенные на берегу оз. Ялпух, и Старые Трояны, расположенные на западном берегу оз. Катлабух. В селах же Димитровка, Червоноармейское, Александровка, Жовтневое чамур довольно быстро стал единственным строительным материалом. На него в этих селах возводили даже заборы.

А. А. Скальковский в середине XIX в. так описал колониетский дом: «Домы строят болгаре (и гагаузы.— М. М.) по наружности во многом сходные с хорошими малорусскими хатами», это, по его мнению, «обыкновенные малороссийские избы из плетня или брусьев, вымазанные глиной»¹⁴. В одном из статистических обзоров болгарских колоний за 1820—1843 гг. сообщается, что наземные постройки, коими прежде всего являлись церкви, построены «по фасаду хижины молдавских»¹⁵.

По-видимому, к 30—40-м годам XIX в. уже явным было большое сходство гагаузского наземного дома — *евь* с молдавским и украинским. Крутая четырехскатная камышовая крыша (*ертю кумайлан*), большей частью двухраздельная планировка, небольшие окна, невысокие стены, глиняная завалинка (*приспа*), иногда с галереей, составляли его специфические внешние признаки

и сближали с жилищем окружающего населения.

В исследуемых гагаузских селах еще встречаются такие старые, чаще двухкамерные дома, используемые в качестве кухни. Этот дом иногда называют *кючюк евь* (маленький дом), *еский евь* (старый дом)¹⁶. Он ориентирован фасадом к улице и стоит посреди двора (в связи с этим его называют *айкыры евь*, т. е. дом, стоящий поперек усадьбы). Эти дома (*бир башлы евь*) можно рассматривать как начальный этап в эволюции наземного дома у гагаузов Бессарабии, от которого шло дальнейшее развитие наземного жилища гагаузов путем совершенствования конструкции и пристройки новых помещений.

В селах гагаузов были распространены также наземные мазанки с земляной крышей, которые в отличие от домов и землянок мы называем наземными хижинами, а в народе их называют кухней или, так же как и землянку, — *бурдеем*. В практике возведения именно этих чамурных наземных хижин прослеживается опыт прежних жителей Буджака — погайцев, воспринятый гагаузами, как и другим населением Южной Бессарабии, в степных условиях.

Наземные хижины составляли характерную черту гагаузских усадеб конца XIX в.

Это была глинобитная небольших размеров мазанка с пологой двускатной крышей сохой конструкции без потолочного покрытия, обмазанная сверху и изнутри глиной. В ареал построек типа бордей, кроме юга Бессарабии, входят и причерноморские степи Украины (бывшей Новороссии). Это доказывает, что развитие гагаузской «кухни» отражало определенный этап общего развития жилищных форм в южной степной полосе нашей страны в XIX в. Жилища этого типа в Одесской области, на Херсонщине, в Приазовье до сих пор называют землянками¹⁷. Население левобережья Днестра Молдавской ССР эти

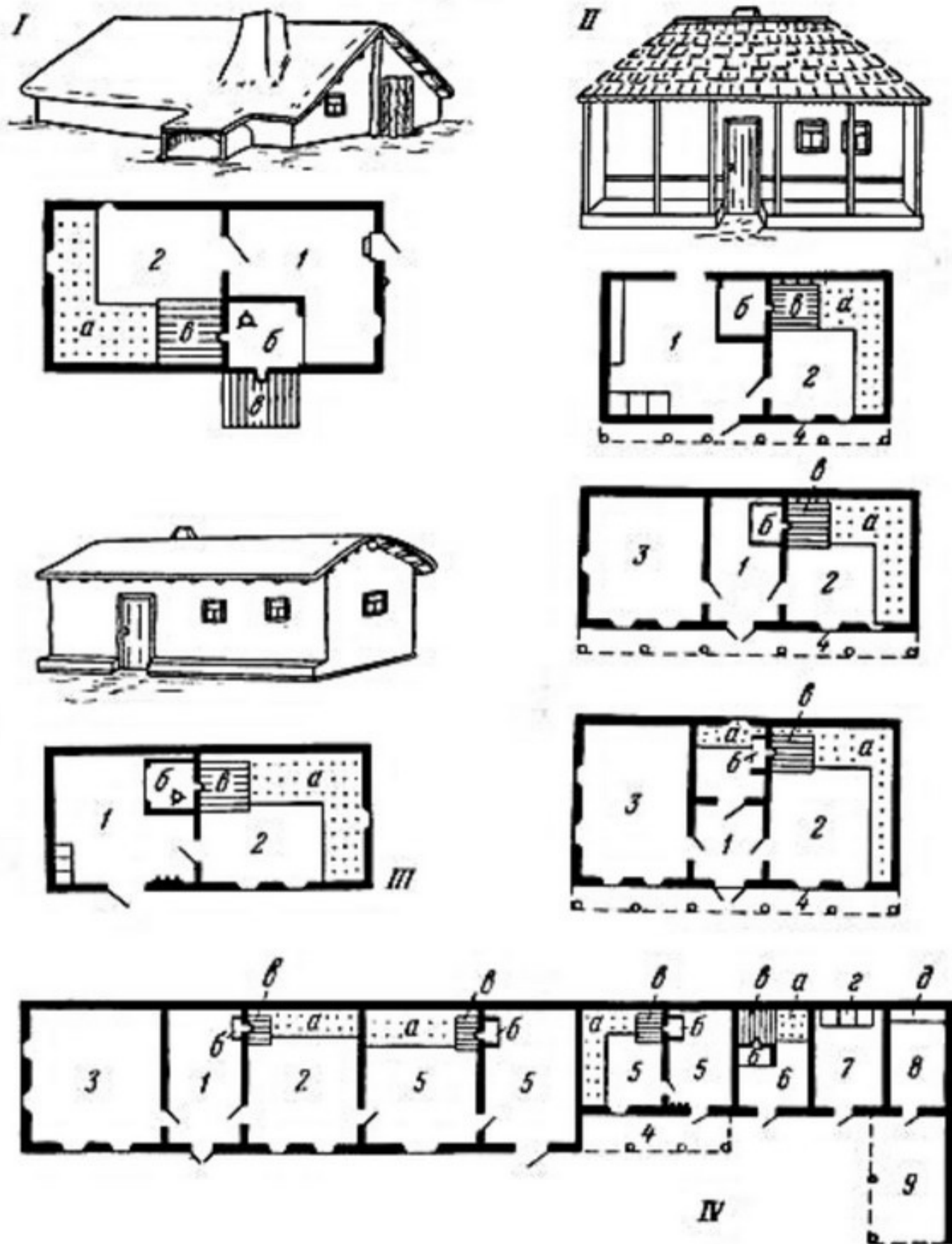

Рис. 2. Основные типы жилища в гагаузских селах Одесской области

I — полуземлянка (бордбей), общий вид и план; II — жилой дом (се), общий вид и варианты планировки: 1 — двухкамерный, 2 — трехкамерный, 3 — трехкамерный с раздельными сенями; III — «кухня» (наземная мазанка), общий вид и план; IV — «длинный дом», план: 1 — теплые сени (хайт); 2 — жилая комната (соба одя); 3 — паровая комната (бюджк соба, лак одя); 4 — галерея

(сундурма); 5 — жилая «кухня» (кухнелляр, сочетаются две двухкамерные ячейки жилой кухни); 6 — летняя кухня (атеш кучня); 7 — кладовая (унижк); 8 — хлев (дам), 9 — навес для летнего содержания скота (сайейн); а — глинобитное возвышение для сна (пат-долма); б — вымовная труба (баталык) и основание трубы, место для открытого очага (ватра); в — печь (соба, жимбит, кунтер), г — лажи для припасов (унижк), ж — ясли (ахир)

постройки также называет землянками, бурдейками.

Таким образом, внешний облик гагаузского жилища в самом начале претерпел изменения в сторону аналогии с местными формами (преимущественно молдавскими и украинскими). С другой стороны, физико-географические условия степного Буджака (резкие колебания температуры, безлесная степь, богатая лёссовыми суглинками) и опыт степных кочевников определили бытование более примитивного, чем дом, жилища — степных чамурных мазанок с двускатной крышей без потолочного перекрытия.

Все виды крестьянских построек в названных селах в середине XIX в. согласно старым традициям равнинного жилищного строительства воздвигались без фундамента. Для закладки стен дома достаточно было расчистить и выровнять необходимой величины площадку, на которой по контуру стен иногда рылась неглубокая, до 10 см глубиной, траншея, но чаще стены ютились прямо на землю, даже не расчищенную от травы.

Проблема укрепления стен в бесфундаментном строительстве частично решалась конструктивными особенностями построек: снаружи по низу их окаймляла небольшая глинобитная завалина полуовальной формы (*перва́з*). С усовершенствованием конструкции жилых построек эта завалина по фасадной стене делалась прямоугольной формы, шире и массивнее — так в принципе развивалась глинобитная завалина (*присна*)¹⁸, имеющая аналогии у соседних молдаван, украинцев, болгар, румын и др. Укреплять стены присной было необходимо и в постройках более совершенной конструкции: присба была продолжением фундамента и опорой для столбов узкой галереи вдоль фасада (*сандурма́, присна*).

Галереи с основанием и без него были свойственны не только гагаузскому жилищу. Аналогии сандурмы встречаются

во всем Балкано-Дунайском ареале. На наш взгляд, сооружение гагаузами и болгарями — «задунайскими колонистами» навеса со столбами — это балканская традиция: молдаване, жившие в междуречье Прута и Днестра, ранее не знали этой конструктивной особенности и заимствовали ее, очевидно, у переселенцев, свидетельством чего служит термин *шандарма́* (близкое к *сандурма́*), которым они называют открытую галерею со столбами и приспой¹⁹.

Заднюю, а иногда и боковую стену укрепляли глинобитные возвышения внутри дома (*пат-долма́*), являвшиеся одной из характернейших особенностей гагаузского жилого интерьера. Устойчивость и прочность чамурных стен достигалась также их большой шириной, доходившей до полуметра и более.

К концу XIX в. конструкция жилых домов совершенствуется, появляется фундамент (*темель*). Возведение фундамента, связанное с усложнением всей строительной техники дома, требовало квалифицированного труда, что удорожало строительство дома и было доступно далеко не всем колонистам. Поэтому основную часть построек еще долго продолжали составлять строения «собственноручной работы», без фундамента.

Немаловажную роль играло влияние городского зодчества и смена материала строительства. Зажиточные гагаузы стали возводить дома, большие по размерам. Устойчивость высоких стен в таких домах уже не могла быть обеспечена только завалиной. Да и чамур в конце XIX—начале XX в. постепенно стал заменяться саманным кирпичом, изредка камнем или обожженным кирпичом. Это делало стены тоньше и изящнее, но требовало капитального укрепления основания степ, т. е. возведения массивного каменного фундамента.

Усложнилась конструкция домов также подведением под дом погреба. При достаточно большой высоте цоколя (осо-

бенно при неровном рельефе) сооружали цокольный этаж, в котором помещали погреб (*маазá*), а иногда и жилые помещения. Наиболее зажиточные гагаузы возводили цокольные погреба из камня специфичной сводчатой кладки (*кемёр куржалыйлан*). Планируемый свод возводили вначале в виде дощатого каркаса, опирающегося на полукружия деревянных арок (*куржýла*). По каркасу вели веерообразную кладку. По окончании работ каркас убирали. По всей видимости, эта техника была заимствована вместе с формой погребов у городского населения края, особенно бывших крепостей (Измаил, Аккерман), а также монастырей, где каменное зодчество в XIX в. достигло определенного развития.

Если цокольный этаж использовался в качестве жилища (как правило, кухни или мастерской), то тут располагались очаг, нары для сна и домашняя утварь или инструменты. Но большей частью это полуподвальное помещение имело хозяйственное назначение (в нем хранили вино, продовольствие). Вход в него вел со двора или с улицы через широкие двухстворчатые двери. Если высота позволяла, то перед спуском в погреб устраивали небольшое полуподвальное помещение с горизонтальным потолком, нередко с побеленными стенами — *бáш-ку*. В башке располагали утварь, сосуды с напитками и другие припасы. Здесь иногда ели. Полость башки или подвала сообщалась с находящимися наверху жилыми помещениями через лаз. В домах, расположенных в холмистой местности, иногда погреб находился по склону выше жилых помещений. В таких случаях погреб примыкал к жилым помещениям (чаще всего к кухне).

Возведение цокольных помещений квалифицируется нами как балканская традиция. В некоторых районах северной Болгарии, в том числе в Добрудже, распространены аналогичные жилища с полуподвальными этажами, используемыми в хозяйственных целях²⁰. В Бес-

сарабии среди болгар, соседствующих с гагаузами, были выходцы не только из равнинных областей, где этажность жилища не получила значительного развития²¹, но и из горных районов, а также из городов, где вертикальное развитие построек ко времени переселения в Бессарабию было одной из характерных черт народного жилища²². Сообщение цокольных помещений между собой и с жилыми комнатами свидетельствует о живучести в быту гагаузов балканских традиций, в корне отличных от традиций молдаван, украинцев и других этнических групп Южной Бессарабии, для которых погреба под домом не были характерны в прошлом, а распространились под влиянием задунайских переселенцев.

Значительную роль в эволюции форм жилища и хозяйственного комплекса гагаузов, как и других этнических групп Южной Бессарабии во второй половине XIX и начале XX в., сыграло влияние бытовой культуры немецких колонистов. Немецким переселенцам были присущи навыки возведения жилищ из камня и обожженного кирпича. В их среде ремесленная прослойка была более многочисленной. В сочетании с социально-экономическими факторами влияние быта немецких колонистов в конце XIX в. привело к качественным изменениям в жилой архитектуре у населения края, в том числе у гагаузов.

Это проявилось главным образом в развитии однорядного расположения и взаимосвязи жилых и хозяйственных построек. Новый план дома («длинный дом») особенно активно начал развиваться в среде гагаузов с начала XX в. Исходные моменты его формирования состояли в объединении двух жилых построек жилого комплекса, стоявших ранее на усадьбе порознь. Дом переместился из центра усадьбы в один из ее фасадных углов и оказался в большинстве случаев повернутым торцом в сторону улицы. Из глубины двора

к нему — сначала на определенном расстоянии, затем и вплотную — пристраивалась «кухня» вместе с хозяйственными постройками. Сначала каждая отдельная часть сохраняла свои конструктивные особенности. С течением времени постепенно нивелировался уровень стен, конструкция крыши всех ячеек длинного ряда стала одинаковой, так же как и материал ее покрытия. Медленнее нивелировалась линия фасадной стены, в то время как задняя стена становилась единой, монолитной. Функциональная дифференциация частей, составляющих длинный дом, сохранилась до настоящего времени, несмотря на конструктивное единство стен, крыши и непосредственное сообщение смежных помещений.

Развитие однорядной связи, образовавшей длинный дом, Г. Е. Марков объясняет отчасти последствиями земельных реформ начала XX в., когда стала ощущаться острая нехватка земли: «...возникло стремление перенести дом и другие постройки на край усадьбы с тем, чтобы иметь возможность более рационально использовать приусадебный участок. Одновременно тот же процесс происходит и у болгар. Некоторые местные жители считают, что такое расположение дома — фронтоном на улицу и задней стеной к боковой стороне земельного участка — воспринято от немцев-колонистов»²³.

В Бессарабии аналогия гагаузского и болгарского длинного дома с жилищем немцев этого региона бесспорна. Один из традиционных типов жилого дома, наиболее распространенный в центральных и южных немецких областях (называемый в специальной литературе «средне-немецким домом»), характеризуется следующими особенностями: «Обязательным для их планировки является объединение всех жилых и хозяйственных помещений под одной крышей. Расположение имеет поперечное направление по отношению к коньку крыши. Вход в дом находится с длинной стороны... вдоль

фронтона расположено жилое помещение... Следующий ряд занимает кухня с очагом, куда ведет входная дверь снаружи. Далее... следуют гумно, хлев, конюшни. В условиях холмистой местности... передняя часть поднимается на каменном цоколе, в котором находится арочная дверь в погреб»²⁴. Этнографические наблюдения в районе бывших немецких поселений в Бессарабии подтверждают наличие в жилище бессарабских немцев всех этих черт. Исследования последних лет позволяют проследить бытование перечисленных выше особенностей жилого дома на всей территории Южной Бессарабии, но наиболее ярко они проявляются в селах, расположенных вблизи бывших немецких поселений (современные Татарбунарский и Арцизский районы Одесской области). Аналогичный длинный дом стал традицией не только у гагаузов, но и у болгар, молдаван, украинцев, русских и других групп, проживающих в этом районе²⁵.

Изменение ориентировки дома по отношению к улице повлекло за собой изменение силуэта крыши и новые параметры горизонтальной планировки. Дом стал намного уже в поперечном сечении. Новые прилегающие жилые и хозяйственные помещения позволили сократить площадь помещений собственно дома и свести их к чисто парадным, представительным. Торцовый фасад, обращенный к улице, с одним или двумя окнами стал парадным. Его венчал по примеру немецких домов остроконечный фронтон двускатной крыши со стрельчатыми слуховыми окнами и башневидными навершиями по краям. Торцовые стены, фронтоны, оконные и дверные проемы украшали каменной и кирпичной кладкой. Такой декор жилых домов стал особенно характерным для сел Димитровка, Александровки, Кубея, Старых Троян.

Силуэт двух- или четырехскатной крыши и приемы покрытия ее камышом гагаузы связывают с опытом жителей

Рис. 3. Виды домов гагаузов Одесской области

а — дом в селе Александровка Ново-Ивановского района, б, в — дома в селе Димитровка Ново-Ивановского района, г — «длинный дом» в селе Виноградовка Болградского района

соседних сел. Двускатную крышу называют *немцѣ ертиюсѣ*, т. е. «немецкая крыша», тогда как четырехскатную *рус ертиюсѣ* — «русская крыша»²⁶, а иногда — *молдаван ертиюсѣ* «молдавская крыша». Крыши, покрытые камышом «под щетку», у гагаузов именуются «немецкими», а покрытые слоем камыша без дополнительной его обработки — в одних селах «рускими» (Димитровка, Александровка), в других — «молдавскими» (Виноградовка, Котловина, Жовтневое). В некоторых молдавских селах Южной Бессарабии покрытие «под щетку» также носит название *немцаскѣ*, а простое покрытие называется *по простѣм*. По всей видимости, немецкие строители в покрытии домов добились высокого мастерства, хотя немцы-колонисты не были основными носителями этой традиции: она издавна известна молдаванам северных районов левобережной Молдавии²⁷.

Название «русская крыша» имеет более широкое значение, чем простое заимствование русских традиций. Понятие

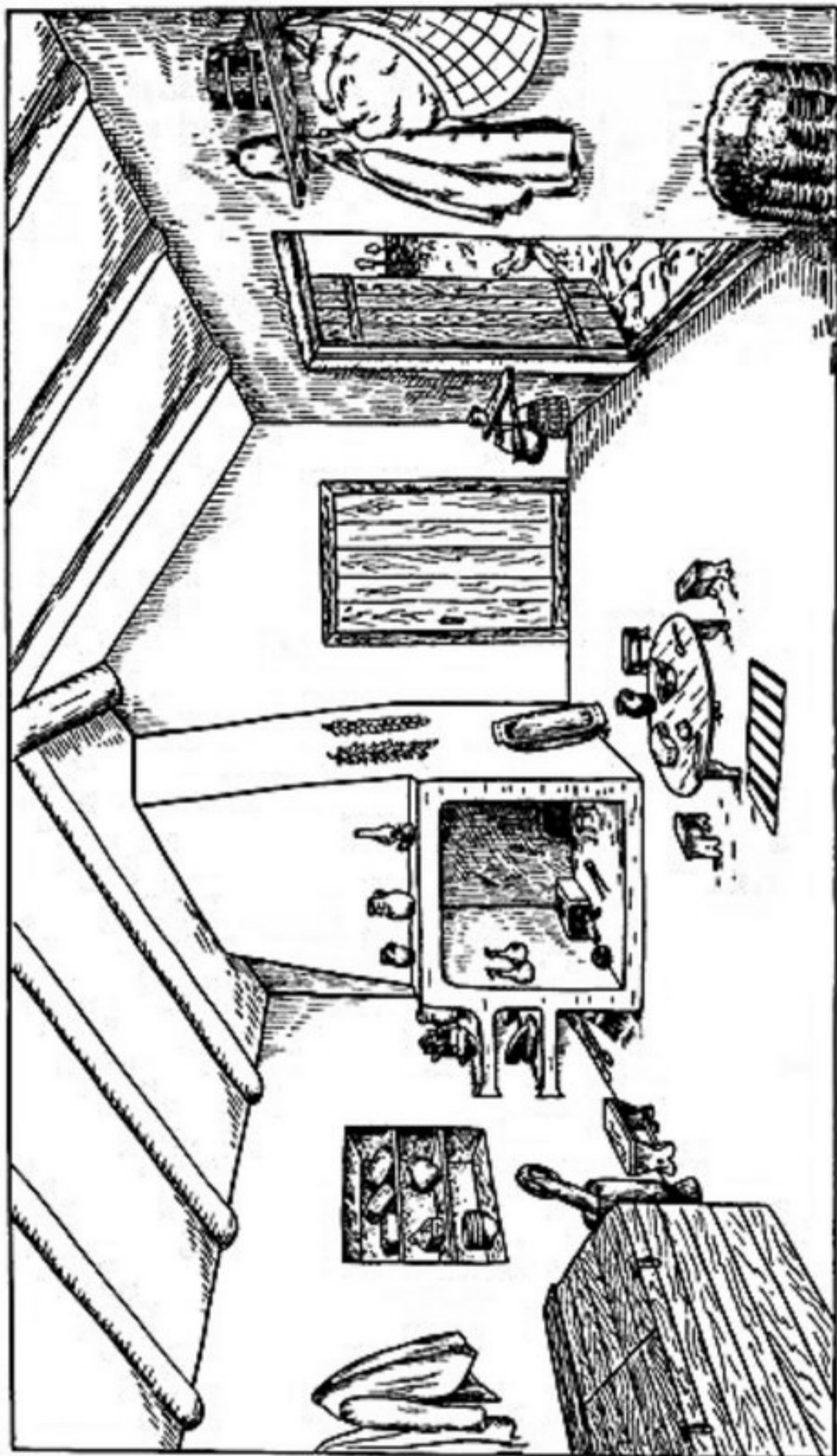

Рис. 4. Халык в казахском доме

«русское», особенно в гагаузских селах Одесской области, ассоциировалось с попятием «местное». «Русскими» гагаузы называли не только собственно русских людей, но и украинцев. Пришельцами из-за Дуная Южная Бессарабия воспринималась как истинная Россия и поэтому все местное, незнакомое для них, принималось как русское. Аналогичные ассоциации существовали и у других групп иммигрантов²⁸.

Внутренняя планировка жилого дома гагаузов также испытала влияние местных традиций.

План основного жилого зала (помещение с очагом — *хайт* + жилая комната — *сба*, *бда*, *ичёр* и его отопительное ядро — очаг + печь) оказались в Бессарабии очень устойчивыми. Система отопления всех видов жилища гагаузов во всех селах однотипна. Центром жилища по балканской традиции еще долго продолжал оставаться хайт. В старину, когда преобладали многолюдные семьи, хайт превосходил по размерам жилую комнату. В этом принципиальное сходство хайта задунайских переселенцев Бессарабии с аналогичными помещениями в домах балканского ареала и столь же принципиальное его отличие от холодных сеней молдаван и украинцев.

Основной жилой функцией хайта в доме гагаузов являлся очаг (*атешлык*). Во всех типах жилищ в одном из задних углов хайта располагался дымоход, куда выходило устье обогревательной печи. Корпус печи находился в жилой комнате. Дымоход (*бажалык*, *бжак*) был столь широким, что, по образному выражению самих гагаузов, в него «можно было въехать на подводе». Кверху он постепенно сужался и выступал над крышей.

На основании *бажалыка* (*ватра*) разводили огонь, а над ним подвешивали котел (*бакыр*, *чайн*), в котором готовили пищу. Котел висел на цепи (*синжыр*) с крючком (*верига*, *чангэль*) на нижнем конце. Верхний конец цепи закреплялся в середине деревянной или металличе-

ской переключины, вмурованной концами в стены *бажалыка* на высоте человеческого роста. Подвесным котлом пользовались еще в XIX в., впоследствии котел стали устанавливать на металлические треножки (*сажак*).

Эта отопительная система гагаузского жилища, воссозданная гагаузами Бессарабии точно по образцу отопительного устройства в северо-восточной Болгарии, находит аналогии как в подземном, так и в наземном жилище населения северной и центральной Болгарии²⁹, южной Румынии³⁰. В свое время в Болгарии древние традиции печи-каменки славянских землянок в синтезе с местными традициями открытого очага фракийских племен в течение веков дали определенные типы отопительной системы. Одной из самых рациональных систем является система печь + очаг. Дальнейшее совершенствование этой системы привело к появлению дымовой трубы над очагом с прямым выводом наружу. Этот признак нами классифицируется как балканская особенность, невзирая на сходство этой системы (печь + очаг) с формами жилищ местного населения степной части Пруто-Днестровского междуречья как на рубеже I и II тысячелетий н. э.³¹, так и в более близкое время. Балканская отопительная система не претерпела изменений в Южной Бессарабии: в наиболее классическом виде она сохранилась в юго-западной части междуречья, т. е. в районе преимущественного расселения гагаузов и болгар.

Основным развивающимся звеном гагаузского жилища в Бессарабии стала жилая комната. К моменту переселения в Бессарабию *сба* для гагаузов была сравнительно новым явлением, у местного же населения они наблюдали в качестве центра домашней жизни просторное помещение с организованным, удобным расположением мест для сна и работы (молд. *кэмара*, укр. *хата*, *хатина*). Это помещение было лучше защищено от непогоды, чем хайт. В связи с этим

хают постепенно утрачивает былые функции жилого центра дома и превращается в место приготовления и приема пищи, хранения запасов и утвари.

Организация внутреннего пространства, меблировка и убранство жилой комнаты у гагаузов развивались под влиянием местных традиций.

Главной особенностью старинной жилой комнаты было широкое, иногда почти на полкомнаты, земляное или глинобитное возвышение *пат-долма*. Конструктивно долма связана с устройством землянок в северо-восточной Болгарии³², а также в Бессарабии³³. Аналогичные возвышения (*бдър, пбд, мінсофа*) имелись и в жилищах бессарабских³⁴ и новороссийских болгар и албанцев³⁵. Фиксированное место долмы в углу, образуемом задней и торцевой стенами, вплотную к печи, на наш взгляд, определялось влиянием интерьера молдавской комнаты³⁶ и украинской хатины³⁷, в которых площадь в углу между печью, торцевой и задней стеной жилого помещения занята теплой лежанкой (молд. *лежанка, ватра*, укр. *грубка*), дополняемой дощатым топчаном (укр. *лавка, піл*, молд. *пат*). Молдавское название *пат* перешло и в говор гагаузов. На *пат-доме* ночью спала вся семья, на день складывали постельные принадлежности, там же работали, ели за низким круглым столом (*сбфра*).

Меблировку жилой комнаты гагаузов в конце XIX в. дополнила деревянная длинная скамья (*скемня, склембя*) вдоль торцевой или фасадной стены. В соответствии с местной традицией распространились и узкие неподвижные лавки (*кючюк пат*). Эти объекты занимали свои места в интерьере гагаузского жилища по схеме, идентичной с молдавским и украинским жилищем.

Применение в убранстве жилой собы гагаузов тканых изделий, свойственное им в Болгарии, получило в Бессарабии еще более широкое развитие, поддержанное аналогичной модой местного

населения. Специально для убранства интерьера изготавливались различные декоративные полотенца (*пешкър*), ковровые изделия (*килім, палá, кадрéл*), украшавшие стены, покрывавшие *пат*, стопку спальных принадлежностей на нем, устилавшие пол. Полотенца прикрепляли треугольником, концами всеобразно вниз, как это делалось у украинцев и молдаван. Эти парядные треугольнички обрамляли окна, иконы, фотографии. Названия длинных узких ковров, опоясывающих стены над *патом* и ниже окон (*палатáр, кадрéл*), происходят от молдавских *пáретáрь, кадрéлэ*.

Картина бытовых процессов была бы неполной без освещения одной из важных сторон — влияния городских форм быта. С этим связано появление в убранстве гагаузского жилища деревянной мебели и некоторых других объектов интерьера. В 30-е годы XIX в. Скальковский отмечал, что убранство домов в некоторых болгарских колониях (Болград, Комрат) во многом повторяет городское, они обставлены стульями и столами³⁸. Зажиточные колонисты охотно следовали городской моде. К концу XIX — началу XX в. многие из этих новшеств распространились и в среде основной массы крестьян и стали традиционными для их быта. Таковыми являются высокие столы (*мáсэ*), длинные переносные скамьи со спинкой и подлокотниками (*скáун, скémбя, скémня*) по типу городских диванов, деревянные кровати с украшенными резьбой спинками (*кривáт*), буфеты и подвесные шкафчики (*дулáп*). Эти предметы покупались на рынке или изготавливались сельскими мастерами, которые имели токарные станки.

В середине XIX в. изменялась функциональная нагрузка помещений жилого дома гагаузов. Большое внимание стало уделяться представительным, парадным функциям жилища. Жилая соба и тем более старинный хаят двухкамерного дома не отвечали этим нуждам. Появилась

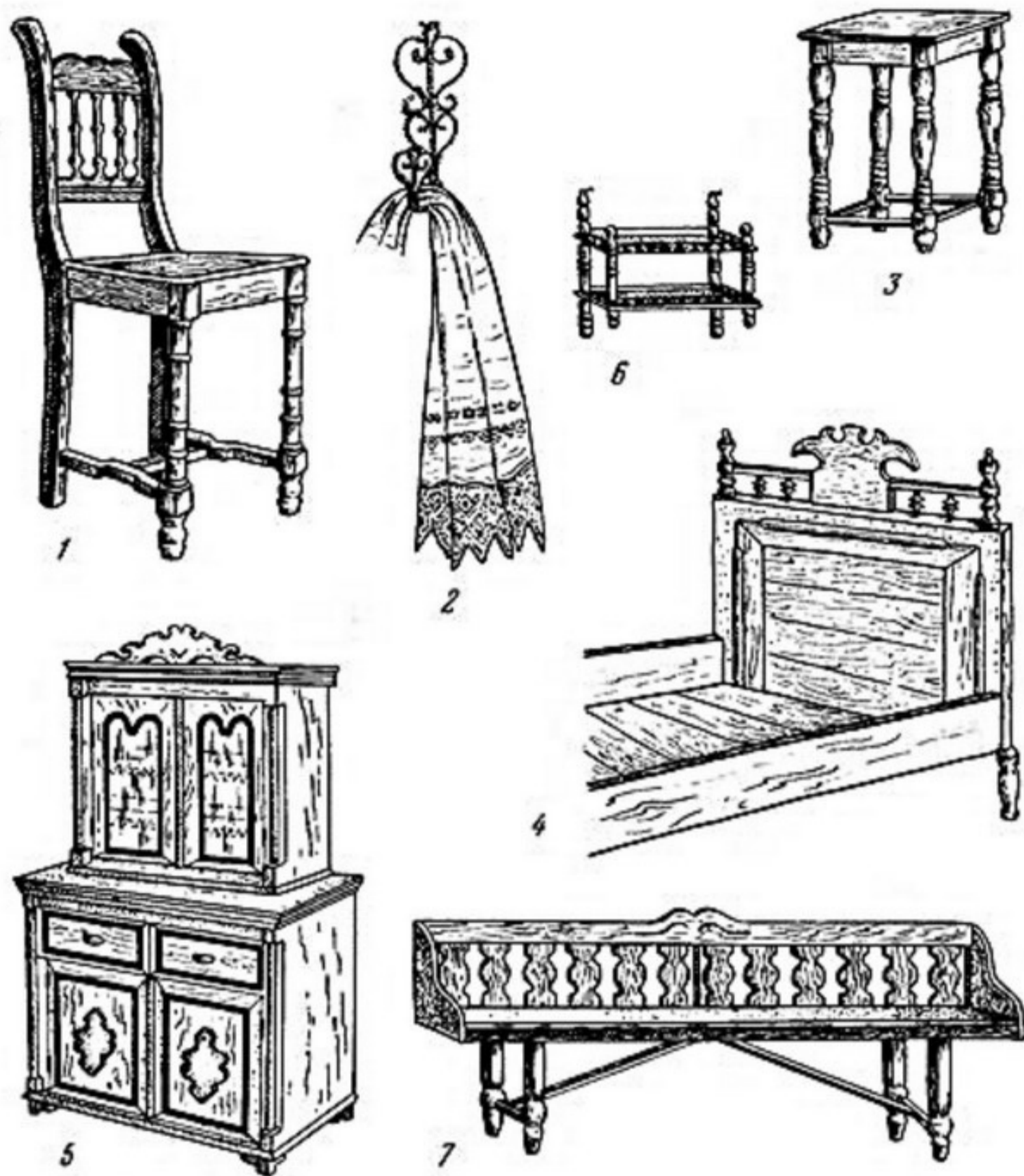

Рис. 5. Предметы убранства в гагаузском жилом доме. Конец XIX — начало XX в.

1 — скэмня, 2 — фэшылка с полотенцем пешкир, 3 — табрётка, 4 — кровать, 5 — долап, 6 — этажерка, 7 — скэмня

необходимость в парадном, чистом помещении. В связи с этим к двум старым помещениям дома прибавилось третье,

располагавшееся по другую сторону хаята, напротив жилой собы. Новая комната не отапливалась и использовалась для совершения семейных празднеств, обрядов (свадьбы, похороны и т. д.). Интерьер, назначение и даже название этой комнаты (*бюйк ев*, *бюйк соба* — буквально «большая комната») имеют аналогии с молдавской *каса маре*, бол-

гарской *гулямата кьшта* и украинской *велька пага*.

Следовательно, трехкамерный дом гагаузов складывался во второй половине XIX в. под влиянием окружающего населения, большую часть которого составляли молдаване, болгары, украинцы. Интерьер бююк ев полностью повторяет традиции местной схемы, ставшей общей для всего населения Южной Бессарабии.

Бююк ев приводили в порядок в основном по праздникам, когда хозяйка собирала у себя гостей, а остальное время его использовали в качестве кладовой, там хранились лучшие вещи, а также продовольственные припасы. Праздничное убранство бююк ев, кроме ковров на стенах, вышитых дорожек и декоративных полотенец, кружевных занавесок на окнах, стульев, стола, ларей (*сандьк*) с одеждой и приданым дочери на выданье, включало обязательно праздничную одежду семьи, которая висела на стене, занавешанная кружевным покрывалом *фистан чартафь*. Пол также покрывался домоткаными ковриками. Наиболее старинными элементами в убранстве бююк собы были упомянутые выше декоративные полотенца, которые развешивались по стене веером.

Развитие трехкамерного дома является важным этапом в домостроительстве у гагаузов Бессарабии. Коренные изменения наблюдаются как в самом доме, так и в жилищно-хозяйственном комплексе в целом. В трехкамерном доме хаят сокращается в размерах и окончательно превращается в проходное помещение, все больше уподобляясь при этом холодным сеням молдавского и украинского домов, а весь дом в целом становится представительнее, параднее. Гагаузы при этом не отказались от привычного плана основного жилого узла, который сохранился в наиболее архаическом виде в дополнительной жилой постройке, как и прежде, как правило, наземный бордей. Когда бордей стал второй жилой

постройкой, его стали называть кухней. Она примитивнее дома по конструкции, но ее функциональная нагрузка и связанные с ней традиционные черты планировки и интерьера полностью дублируют старый двухкамерный дом.

Во второй половине XIX в., когда окончательно произошло отделение функций жилых и парадных помещений, тенденция следовать городской моде усилилась. В быт вошли и постепенно стали традиционными вышитые полотняные дорожки (*дорбшка*), занавески (*пёрдя*) из покупных или домотканых тканей, украшенные по краям самодельными по городским образцам кружевами (*тантели*). Традиционные тканые полотенца все чаще заменялись полотнами, вышитыми крестом на белом фабричном полотне. Гагаузские жепщины в селах Котловина и Жовтнево объясняют эту замену влиянием украинской моды. В начале XX в. для подвешивания полотенец под влиянием города появились специальные вешалки (*фешилка*)³⁹. Техника исполнения этих вешалок сочетала аппликацию, вышивку, т. е. приемы прикладного искусства, не характерные ранее для гагаузов. Такого же рода повоей традицией явилось распространение в быту (сначала зажиточных крестьян) вязанных крючком по городским образцам кружевных покрывал (*чаршаф*), скатертей (*маса юзю*), наволочек (*йастык юзю*), салфеток (*салфетка*), а также выполненных аппликативным методом из разноцветных лоскутов пестрых покрывал (*пала, чаршаф, йорган юзю*) и др.

Эти элементы, подчеркивающие престижные стороны жилого дома, сосредоточивались в его парадных комнатах.

В дальнейшем убранство парадных частей жилища гагаузов по-прежнему было более подвержено изменениям, городскому влиянию, тогда как традиционные черты более сохранялись в жилых частях жилища — жилой себе и «кухне».

Рис. 6. Кружевная скатерть (масă юзіу), изготовленная по городским образцам, вязана крючком из хлопчатобумажных нитей, Село Жовтневоє Болградского района

* * *

Процессы взаимопроникновения культур различных этнических групп Южной Бессарабии и изменение в результате этих процессов бытовой культуры бессарабских гагаузов достаточно ярко прослеживаются в одежде гагаузских женщин.

Так же как и в жилище, основные типы одежды гагаузов исследуемых сел

в наиболее старинных своих чертах являются однородными. На этом основании можно допустить, что во время переселения все жители интересующих нас сел обладали едиными формами одежды.

Женский костюм гагаузов подразделялся на будничный, дольше сохранявший традиционные черты, и выходной, который подвергался наиболее интенсивным изменениям. В XIX в. почти вся одежда гагаузов изготовлялась домашним способом из самодельной пряжи и тканей. В дальнейшем материал, из которого изготавливается одежда, стал одним из показателей перемен, происходивших в развитии народного костюма гагаузов.

Наиболее старинный женский будничный костюм состоял из рубашки (*гельмэк*), платья без рукавов (*колсуз фистан*, *енсуз фистан*), передника (*фьта*) и головного платка (*чембер*). Этот комплекс являлся основой женского костюма в XIX в. и сохранился до сих пор, преимущественно у женщин пожилого возраста. Как дополнение к этому комплексу у каждой женщины имелись однобортная кофта с рукавами (для непогоды), а также платье с длинными рукавами *енни фистан*, которое шили для праздников и донашивали в будни.

В женском костюме, так же как и в мужском, рубашка выполняла функцию белья. В прошлом ее шили из домотканого белого хлопчатобумажного полотна (*бэзь*) и из шелка-сырца (*бюрюнжюк*). Со временем домотканое полотно стали заменять ситцем светлых тонов или белым фабричным полотном.

Наиболее старинные типы покроя рубахи — туникообразные и рубахи из двух полотнищ. В туникообразном покрое основная часть рубахи представляла собой согнутый вдвое длинный кусок полотна. В другом виде покроя два полотнища сшивали плечевым швом. Рукав у тех и у других рубах был прямым со швом по краю основного полотнища. Шитье рубах старинного покроя, по

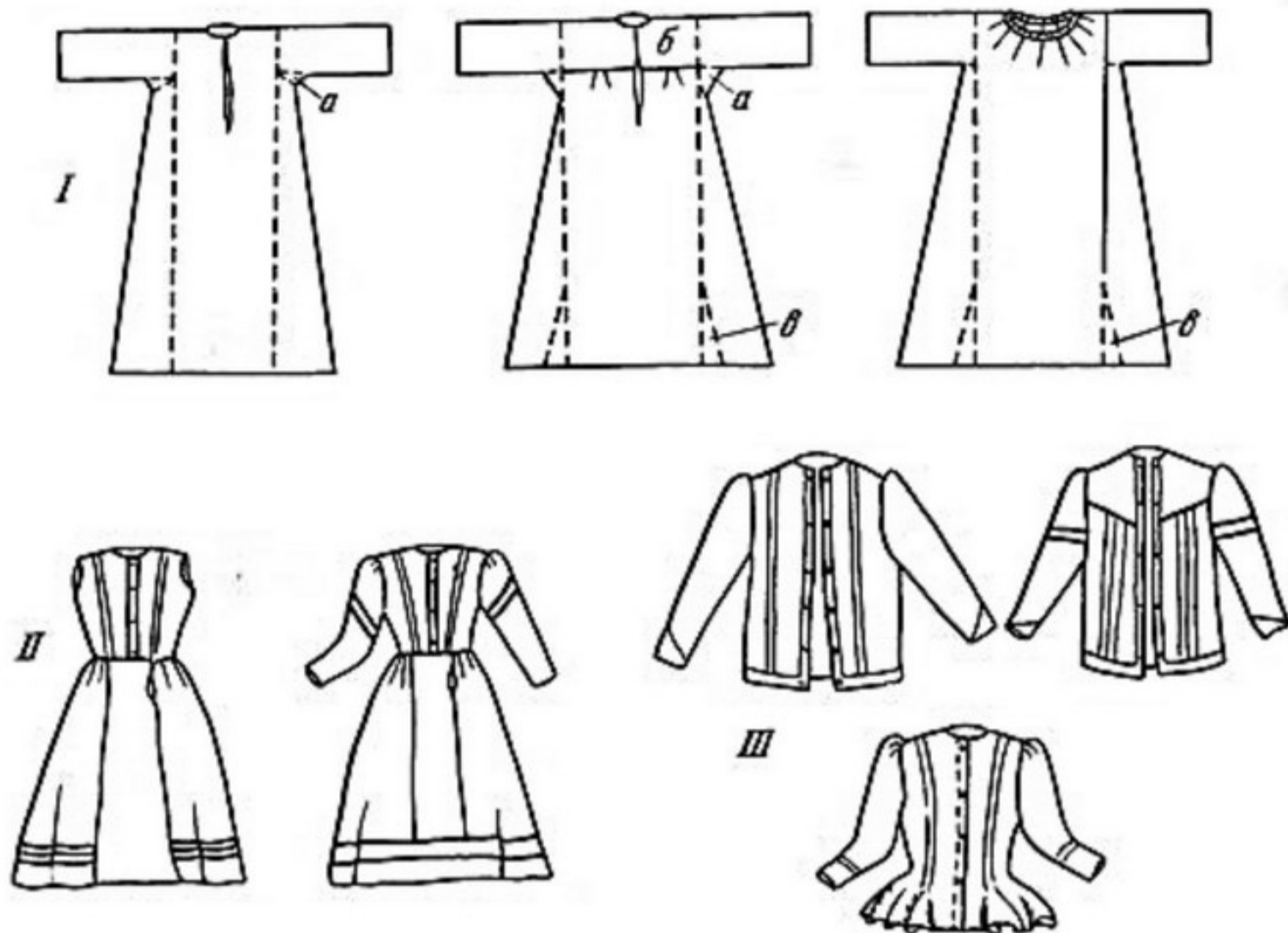

Рис. 7. Традиционная женская одежда

I — типы женских рубах: 1 — рубаха туникообразного покроя; 2 — рубаха с кокеткой, 3 — рубаха с круглым воротом; а — подмышечная вставка (пáва, пáва), б — кокетка (чупáк, плáтка), в — вставной клин; II — типы женских платьев фистин; 1 — платье безрукавное (колауи фистин), 2 — платье с рукавами (наиболее старинный тип); III — женские кофты: 1 — свободного покроя с цельным лифом, 2 — свободного покроя с кокеткой, 3 — усложненного покроя

сообщениям информаторов, обходилось без отходов материала. Ворот был круглый, с прямым разрезом (ертмежик) на середине груди, застегивался у самого горла. Отверстие для ворота прорезали только непосредственно перед первым одеванием. Пока рубаха лежала в запасе, ворот не прорезали.

К основным двум полотнищам рубахи с боков пришивали клинья (кляну),

косые или прямые. Бывали рубахи и поликового покроя. Но полики (плечевые вставки) неусложненные, прямые не играли той важной роли, какая им отводится в покрое рубах у восточных славян (в том числе у украинцев)⁴⁰ и молдаван⁴¹. Они близки по силуэту и крою к общегородским фасонам конца XIX в.⁴²

Поздним вариантом кроя являются рубахи с широкой прямой плечевой вставкой (плáтка, какéтка, чупáк). В месте пришивания платки делали сборки, а в пройму вставляли четырехугольную вставку (пáва). Эти элементы, как и сам покрое с плечевыми вставками, мы склонны характеризовать как местные, бессарабские, так как аналогичным элементам в молдавском и украинском костюмах весьма часты⁴³.

В селах Каракурт, Котловина, Випо-

градовка обнаружены женские рубахи, украшенные вдоль швов кокетки, ворота и края рукавов выделкой под мережку или белыми кружевами. Принимая во внимание, что для гагаузов в прошлом вообще нехарактерно украшение вышивкой рубах, как женских, так и мужских, это явление мы отнесем к заимствованиям от молдаван и украинцев, отчасти от болгар⁴⁴.

Влияние местных традиций усматривается нами в изменениях кроя ворота женской рубахи. В первой половине XX в. в селах Курчи (Виноградовка), Кубей (Червоноармейское) некоторые швеи делали широкий вырез ворота, не требующий дополнительного разреза спереди. Его край, а также край рукавов обшивали бейкой (*кыйнаш парчежик*), иногда из материи другого цвета, в результате чего создавался некоторый цветовой ансамбль, созвучный с молдавскими и южноукраинскими традициями⁴⁵ и не характерный для старых гагаузских рубах. Полотно туловища под полоску ворота вшивается слегка присборенным по типу молдавских и украинских женских рубах и кофт. Севернее изучаемого ареала, в гагаузских селах Комратского района МССР и особенно в Комрате, где гагаузы живут среди компактного расселения молдаван, этот тип ворота стал одним из самых распространенных, а сочетание такой рубахи с юбкой, по примеру молдаванок и украинок⁴⁶, стало одним из традиционных будничных комплексов женской одежды, вытеснивших комплексы рубахи с безрукавным платьем.

Так же как и у соседних народов — украинцев, молдаван и др., гагаузы иногда шили для будничной носки составные рубахи, которые состояли из лифа (*чупак*) и подола (*етек*); как правило, из разных материалов: чупак — из более тонкого, етек — из более грубого, иногда отличающегося по цвету от лифа. Цельные же рубахи служили выходной и обрядовой одеж-

дой, как это было у славянских женщин⁴⁷.

Во второй половине XIX в. костюм молодых гагаузок дополняется широким юбкой из белой бязи с кружевом по подолу (*гергефли фуста*), по талии присборенной на резинке. Ее надевали на рубаху так, чтобы белые кружева (в основном фабричной работы) были видны из-под платья. Этот способ ношения юбки мы связываем с влиянием городской моды.

Наиболее старинным типом женского платья гагаузы считают платье без рукавов (*чукман*⁴⁸, *енсиз фистан*, *колсиз фистан*), которое носили в сочетании с рубахой. Отрезной лиф такого платья кроили цельный или с кокеткой, с закрытым воротом. В обоих случаях перед лифа украшался складками, застроченными (*насту*) или присборенными (*торплу*, *буришук*). Спереди по центру лифа шла вертикальная застежка на пуговицах. Эта застежка имела своим продолжением разрез в подоле (*йортмеч*, *йортмеч навза*). У наиболее старинных платьев лиф шился на подкладке (*хастарлы*). Подол платья широкий (до 9 прямых полотнищ). Подол платья пришивался к лифу присборенным в мелкую складочку. Спереди в подол вшит прямой кусок другого материала попроще, так как эта часть всегда скрыта под фартуком (*фарту*, *фута*). Низ подола в некоторых случаях украшен широкой оборкой. Чаще всего вдоль низа подола застрачиваются одна — три широкие складки. Декоративным элементом служат отделочные ленты (*шириит*, *кыйнаш парча*, *парчежик*) преимущественно черного или коричневого цвета.

Во второй половине XIX в. под влиянием городской моды верхняя женская одежда гагаузских крестьянок стала многообразнее. Появились пальто. Быстро распространились и стали традиционными платья с рукавами (которые именовались так же, как

и безрукавные, чукман, фистан). Это платье в наиболее старинном виде полностью повторяет покрой енсиз фистан, только с добавлением рукавов с высокими буфами у плеч и с манжетами или резинкой у запястья. Глухой ворот без отворотов, как и у колсуз фистан, и несложный крой переда лифа старинных платьев соответствовали привычке носить множество нагрудных украшений — монист и бус.

Под влиянием городских форм крой и внешний облик платья с рукавами изменялись. В конце XIX — начале XX в. его стали украшать нашивными кружевами, сложными декоративными складками, оборками, гофрировкой, рядами пуговиц, воланами и т. д. В дальнейшем крой платья продолжал усложняться за счет увеличившегося количества элементов лифа (отложные воротнички, фигурные кокетки, мелкие складки и швы, воланы, пелерины и т. д.) и перехода к покрою подола с клипьями, иногда расклепленного, иногда укороченного и суженного. И хотя у большинства гагаузок продолжало бытовать в качестве выходной одежды платье с рукавами, близкое по материалу (домоткапина) и крою к старинным образцам, новые перечисленные выше черты считались модными, имели престижное значение и все шире проникали в повседневный быт. Платья чаще стали шить из фабричных тканей — кашемира, вельвета, репса, сатина и др. Распространившиеся отложные воротнички постепенно исключали необходимость большого количества традиционных нагрудных украшений.

Во второй половине XIX в. под влиянием города среди гагаузских женщин распространился совершенно новый комплект одежды: кофта с юбкой, дополняемые традиционным фартуком и головным платком. Характерно, что и юбку и кофту шили преимущественно из одного материала. У наиболее старинных вариантов этого комплекта

кофта имеет обязательно свободный покрой. Этот комплект сравнительно быстро сделался главным видом выходной одежды пожилых женщин. У молодежи он стал паравне с фистаном одним из наиболее элегантных видов праздничной одежды и играл престижную роль. Его редко шили из домоткапины, считая ее слишком грубой для этого вида одежды. Юбки и кофты чаще всего шили из фабричных тканей — репса, сатина, вельвета, атласа, ситца. Особенную нарядность кофтам придавали нашивные декоративные украшения из кружев, блесток, галуна, люрекса.

Одним из наиболее элегантных и красивых фасонов кофты считался крой в талию, так называемая 8-клипная кофта (*секъиз парчалъ кофта*). Она имела узкие прилегающие рукава с пышными буфами у плеч; иногда она застегивалась на спине.

В селе Виноградовка, Котловица, Червопоармейское, Димитровка гагаузки называют юбку *юпка*, что свидетельствует, на наш взгляд, о том, что юбка как поясная одежда, не свойственная гагаузам в более ранние периоды, в конце XIX в. вошла в их быт под влиянием русских общегородских форм.

Зимняя одежда гагаузов в прошлом весьма однообразна и проста. В прохладное время года женщины надевали несколько платьев одно на другое (у зажиточных их бывало по 15—20 штук), кофты из сукна или домотканой шерстяной материи, поверх них носили меховые безрукавки (*пошкйна, пбшки, минтанка*). Более плотной верхней одежды женщины не имели в силу традиции, подкрепленной образом жизни: женщины в гагаузской семье обычно были заняты домашней работой в кухне и во дворе.

Меховая одежда, широко распространенная на Балканах⁴⁹, была известна гагаузам до переселения. В Бесса-

Рис. 8. Типы верхней женской одежды

1 — меховая безрукавка, 2 — матерчатая безрукавка, подбитая шерстью, 3 — теплая кофта, подбитая шерстью, 4 — суконное женское пальто (кастер): а — вид спереди, б — вид сзади; 5 — гагаука и теплая шерстяная шали; 6 — самодельные суконные сандалии (терлык); 7 — постолы из свиной кожи (чорык)

рабии эта традиция нашла подтверждение в аналогичных формах одежды соседнего молдавского населения²⁰, более того — в некоторых селах мехо-

вая безрукавка называлась молдавским словом *кептар* (Жовтневое, Виноградовка).

Со временем типы верхней одежды сделались разнообразнее. Кофты стали вязать из толстых шерстяных нитей. Меховые безрукавки иногда заменялись (особенно в бедных семьях) стегаными с суконным верхом (*кептар*, *ичлай пошкйна*, *абá*, *желетка*). Для некоторых сел (Виноградовка, Котловина) стали обычными вязаные шерстяные безрукавки (*майка*).

Женской одежды типа пальто в XIX в. не существовало. Овчинные полушубки (*кацавэка*)⁵¹, мало отличавшиеся от мужских меховых полушубков (*кюркь*), женщины надевали редко. В конце XIX—начале XX в. женщины из зажиточных семей иногда имели меховые шубы (*джянынкэр, салтамарка*)⁵². В начале XX в. под влиянием городских форм богатые гагаузки все чаще стали носить длинные сукопные украшенные декоративным шнуром пальто (*абá, кастэр*). По их подобию шили также длинные стеганные на шерсти или на меху пальто (*бой кофтасы, узун кофта, ичли кофта, долу кофта*). Особую популярность получили плюшевые пальто, ставшие одним из показателей степени зажиточности. Эти виды одежды даже богатые гагаузки надевали лишь в воскресные и праздничные дни.

В селах были свои мастера (*терзи*) по изготовлению пальто. Особенно славились мастера села Кубей, у которых шили жители всех окружающих сел.

Старинные туфли без задников (*еменí, папуч*), самодельные сукопные или вязаные шерстяные тапочки (*терлик*), а также постолы из свиной кожи (*чарык*) были в прошлом основными видами обуви. С развитием ремесел в крае и расширением рыночных отношений в конце XIX в. все популярнее становятся кожаные закрытые туфли, сохранившие старинное название (*еменí, папуч*), и полусапожки (*чепичи*). Эта обувь имела престижное значение. Ее покупали для девушек на выданье. У женщин старшего поколения в начале XX в. большую популярность получили глубокие резиновые галоши фабричного производства (это стало своеобразной традицией, дошедшей до настоящего времени).

Старинный головной убор гагаузских женщин состоял из двух платков: нижнего (тонкого, светлых тонов) — *бариз* и верхнего (более плотного, тем-

ных цветов, преимущественно черного): без бахромы — *чембэр*, с бахромой — *шалинка*. Чембер носили в буднее время. Бариз и шалинка предназначались преимущественно для праздников.

Традиционных способов повязывания концов платков несколько: подростки, девушки, молодые женщины обвязывали концы платка вокруг шеи (этот способ называется *бойнудан*); женщины среднего возраста делали узел под подбородком (*ченя алтындан*); иногда концы платка затягивали в узел на темени (*тепендан, аннылык*), над ухом сбоку (*мбда, намбда, влэшка*).

Некоторые исследователи последний из описанных способов квалифицируют как заимствование у молдаван. Однако широкое его бытование у народов Балкано-Дунайского ареала (греки, македонцы, болгары) наводит на мысль, что этот способ был известен гагаузам еще в Болгарии. В Бессарабии он лишь подкрепился молдавской традицией, что отразилось в заимствовании названия *намбда, мбда*. Название же *влэшка* более общее и вероятнее всего привезено гагаузами из-за Дуная. На наш взгляд, именно там оно является названием одного из реликтовых элементов этнической культуры живших когда-то на этой территории волохов⁵³. Этот элемент имел широкое распространение у народов балканского ареала, в том числе и у гагаузов.

Один из старинных способов повязывания платка — *аннылык* состоит в том, что нижний платок надевался так, что его концы, перекрепчиваясь на затылке и над лбом, образовали валик вокруг головы. Верхний черный платок оттопыривался на месте валика и образовывал характерный для гагаузок силуэт⁵⁴.

Дóма женщины ходили в нижнем платке с валиком, а верхний повязывали поверх нижнего, выходя из дома.

Рис. 9. Способы повязывания платка

1 — повязывание нижнего платка валиком вокруг головы (анналык); 2 — повязывание верхнего платка концами под подбородком (ченя алтырбан); 3 — повязывание верхнего платка концами на темени (тепедля); 4 — повязывание платка способом мбда, намбда, влбшка; 5 — повязывание платка концами вокруг шеи (дартылы)

В начале XX в. виды головных платков стали разнообразнее как по форме и расцветке, так и по назначению. Гагаузки начали носить шерстяные и шелковые шали с бахромой фабричной работы (*пюскюлю шалинка*) в качестве верхнего, а молодежь — в качестве единственного платка. Выбор цвета ограничивали однотонными, преимущественно темными цветами. Яркие цвета традицией не допускались. Именно в это время в быту гагаузов под влиянием городской моды начали распространяться большие вязаные плюшевые и тканые шали-пледы (*берта, плбш берта, шал*). Их носили девушки из зажиточных семей. Тканый фабричной работы шерстяной плед (*шал*) стал традиционной верхней одеждой замужних женщин и бытовал в селах вплоть до 1950-х годов.

* * *

Представленный выше материал свидетельствует о сложных процессах, имевших место в материальном быту и культуре гагаузов, живущих в Одесской области УССР. Первоначально шла адаптация переселенцев на новой родине, освоение рационального опыта местного населения, приспособление к

климатическим условиям Буджака. В это время наиболее активно происходило заимствование погайских, молдавских и украинских традиций возведения жилых домов: эволюция строительной техники, изменение внешнего облика дома и общего плана внутреннего убранства жилой и парадной комнат. В свою очередь гагаузы, как и другие переселенцы, явились посетителями специфических балканских культурных традиций, оказавших сильное влияние на быт населения Южной Бессарабии. Таковыми являлись: усложнение вертикальной планировки жилища, отопительная система (очаг+печь), теплые сени. Под влиянием южноевропейского типа дома почти все население Южной Бессарабии вывело топку очага и печи в сени, улучшив тем самым санитарные условия в жилой комнате и утеплив сени, причем была выиграна дополнительная жилая площадь ранее холодных, нежилых сеней. Распространилась также открытая галерея перед фасадной стеной, защищавшая вход в жилое помещение от прямых солнечных лучей.

В одежде в это время были очень устойчивы балканские традиции, но все же происходили и заимствования: изменение покроя нательной рубахи, появление женской юбки.

В конце XIX — начале XX в. развитие капиталистических отношений, сопровождающихся ростом ремесел, торговли, ломкой рамок узконационального бытового уклада, стало оказывать доминирующее влияние на быт гагаузов. В итоге усилилось проникновение в

сельский быт городских форм культуры, а также влияние русских и украинцев в культурно-бытовой сфере, но уже опосредованно, через город, рынок, промышленные изделия. Эти процессы одинаково активно касались как жилища, так и одежды. Повсюду проникали прежде всего в быт сельской буржуазии.

Женский костюм гагаузов этого периода обогатился новыми элементами, многие из которых стали традиционными. Разнообразнее и красочнее стала одежда с рукавами, появился новый комплекс — юбка с кофтой, многообразнее стала верхняя одежда, в которой преобладали городские образцы.

Дальнейшее экономическое развитие края привело к изменениям во внешнем

облике гагаузского жилища, как и жилища других этнических групп Южной Бессарабии. В связи с повышением цен на землю наиболее рациональной оказалась экономная организация надворных построек по типу усадеб немецких колонистов, одпорядная связь построек, расположенных перпендикулярно к улице, в одном из углов усадьбы. Это повлекло качественные изменения в жилом комплексе. Новый тип дома, так называемый длинный дом, распространился по всей Бессарабии, что привело к однотипности хозяйственно-жилого комплекса в крае. Особенно активно этот процесс коснулся исследуемых нами гагаузских сел Одесской области УССР.

- ¹ *Зеленчук В. С., Филимонова М. Ф.* Национальная гагаузская одежда и ее бытование в настоящее время (по материалам сел Вулканештского, Чимшилийского и Чадыр-Мунгского районов). — В кн.: Материалы и исследования в археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964, с. 62—67.
- ² *Марков Г. А.* Материалы по этнографии гагаузов. — Краткие сообщения Института этнографии (далее — КСИЭ), 1953, вып. XIX.
- ³ *Мошков В. А.* Гагаузы Бендерского уезда. — Этнографическое обозрение, 1902, № 2, № 4.
- ⁴ *Скальковский А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848. В XIX в. гагаузов не выделяли из среды болгар, поэтому в литературе и источниках того времени они фигурируют как часть болгар.
- ⁵ *Маркова Л. В.* Типы болгарского жилища в Днестровско-Прутском междуречье. — В кн.: Этнография и искусство Молдавии. Кишинев, 1972, с. 61; *Она же.* Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар юго-западных районов СССР (к вопросу об устойчивости этнических традиций). М., 1966.
- ⁶ *Мошков В. А.* Гагаузы Бендерского уезда. — Этнографическое обозрение, 1900, № 1, с. 4; *Губогло М.* Малые тюрко-язычные народы Балканского полуострова (к вопросу о происхождении гагаузов). М., 1967, с. 9—10.
- ⁷ *Мецгерюк И. И.* Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в

Южной Бессарабии в 1808—1856 гг. Кишинев, 1971.

- ⁸ *Наулко В.* Географичне розміщення народів в УРСР. Київ, 1966, с. 17—27; *Он же.* Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975, с. 32, 33, 39—46, 49—53.
- ⁹ *Гунчев Г.* Уземните къщи в Дунавска България. — В кн.: Гос. Софийски университет. История, филология, философия, кн. XXX. София, 1939, с. 13—31 и др.
- ¹⁰ *Маркова Л. В.* Типы сельского жилища Болгарии. — В кн.: Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968, с. 17; *Маринев В.* Принос към изучаването на бита и културата на турците и гагаузите в Североизточна България. София, 1965, с. 233; *Георгиева В., Данчев Г.* Социалистичко переустройство на къщата и домакинство в полските села. — В кн.: Известия на етнографски институт и музей, кн. X. София, 1962; *Кожухаров Г.* Българската къща през пет столетия. София, 1967, с. 90; *Он же.* Добруджанска къща. — В кн.: Комплексна научна добруджанска експедиция през 1954 година. София, 1956, с. 56; *Салманович М. Я.* Типы румынского народного жилища. Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968, с. 41.
- ¹¹ Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака с приложением генерального плана края, составленным при гражданской съемке Бессарабии... Анкерман, 1899, с. 27.
- ¹² *Маркова Л. В.* Типы болгарского жилища

- в Днестровско-Прутском междуречье, с. 64; *Салманович М. Я.* Жилище коренного населения Молдавской ССР.—Сов. этнография, 1964, № 4, с. 209—210; *Она же.* Эволюция молдавского жилища.—КСИЗ, 1960, XXXIII; *Бобок С. С.* Типология и интерьер современного жилища зоны Кодр Молдавской ССР.—Изв. АН МССР. Сер. общ. наук, 1973, № 2, с. 59—60.
- ¹³ Имеется в виду район нижнего Подунавья, где находятся озера Ялнух, Катлабух, Китай (совр. Ренийский, часть Болградского, Измаильский и Кулийский р-ны Одесской обл. УССР).
- ¹⁴ *Скальковский А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае, с. 104—105.
- ¹⁵ Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии.—В кн.: История Молдавии. Документы и материалы, т. III. Кишинев, 1962, с. 246. Известно, что при заселении Буджака вплоть до 40-х годов XIX в. церквями для переселенцев служили простые плетневые постройки типа их жилищ. Иногда для этой цели приспособлялись даже землянки (*Чакыр Д. Г.* Биографический очерк рода и фамилии Чакыр. Кишинев, 1899). В легенде об основании села Димитровка говорится, что с самого начала церковь здесь была плетневая (*аачтан клися*) по образцу жилищ переселенцев.
- ¹⁶ О «евиз» см.: *Маруневич М. В.* Народное жилище гагаузов Чадыр-Лунгского района МССР.—В кн.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968, с. 36—38.
- ¹⁷ *Маруневич М. В.* Некоторые особенности развития народного жилища гагаузов в XIX и начале XX в.—Сов. этнография, 1975, № 5, с. 82—95.
- ¹⁸ Представляется справедливым мнение некоторых ученых, склонных связывать происхождение завашины со славянской домостроительной традицией, а ее название возводить к глаголу «сывать» (ср. *присытьба, приистьба*).—*Бломквист Е. М.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.—В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 77. Ареал этого явления включает в настоящее время степную юг Восточной Европы, где его бытование с самых древних времен было связано с плетневой, глинобитной и саманной техникой строительства народного жилища. На наш взгляд, появление присны в домах гагаузов обязано влиянию местных традиций, сложившихся в бессарабских степях.
- ¹⁹ У балканских народов навес внешней галереи значительно шире: столбы по большей части вкапываются в землю; иногда галерея имеет каменный или дощатый пол и значительно реже — глиняный. В Бессарабии навес со столбами сочетался с глинобитной присной, служившей основанием галереи. На наш взгляд, именно в Бессарабии сложился тип узкой галереи с глиняным основанием, протянувшейся по двум сторонам дома (один торец и фасад), или по трем сторонам (два торца и фасад), или даже по четырем его сторонам.
- ²⁰ *Кожухаров Г.* Българската къща..., с. 104—105; *Он же.* Добружанска къща..., с. 65—67; *Маркова Л. В.* Типы сельского жилища Болгарии, с. 34—34.
- ²¹ *Георгиев Б., Данчев С.* Социалистическо переустройство..., с. 12.
- ²² *Маркова Л. В.* Типы сельского жилища Болгарии, с. 24—34.
- ²³ *Марков П. Е.* Материалы..., с. 62.
- ²⁴ *Листова И. М.* Крестьянское жилище Германии, Австрии и Швейцарии в XIX в.—В кн.: Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968, с. 200.
- ²⁵ *Чижикова Л. Н.* Этнографические особенности русского населения Молдавии — Сов. этнография, 1973, № 3, с. 36; *Моисеенко З.* Архитектура сельских жилых домов Молдавии. Кишинев, 1973, с. 7—8; *Грацианская Н. Н., Зеленчук В. С.* Этнографические особенности сельского населения села Голубое МССР — Изв. АН МССР. Сер. общ. наук, 1973, № 2, с. 68—69.
- ²⁶ *Марков П. Е.* Материалы..., с. 59—60.
- ²⁷ *Салманович М. Я.* Жилище коренного населения Молдавской ССР, с. 112.
- ²⁸ *Грацианская Н. Н., Зеленчук В. С.* Этнографические особенности, с. 67.
- ²⁹ *Георгиева-Стойкова Ст.* Огнището в българския бит. София, 1956, с. 17—18 и др.; *Кожухаров Г.* Добружанска къща, с. 50; *Гунчев Г.* Уземните къщи..., с. 39, 40 и др.; *Маринов В.* Принос към изучаването на бита и културата на турците и гагаузите в Североизточна България. София, 1956, с. 242.
- ³⁰ *Салманович М. Я.* Типы румынского народного жилища, с. 38.
- ³¹ *Рикман Э. А., Рафалович И., Хынку И. Г.* Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971, с. 131—132; *Хынку И. Г.* Жилище на территории Молдавии в X—XVII вв.—В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 97—98, 103.
- ³² *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956, с. 249; *Маркова Л. В.* Типы сельского жилища Болгарии, с. 14; *Гунчев Г.* Уземните къщи..., с. 6, 36; *Кожухаров Г.* Българската къща..., с. 96—97.
- ³³ Подробнее об этом см.: *Маруневич М. В.* Некоторые особенности развития..., с. 87;

- Маркова Л. В. Типы болгарского жилища в Днестровско-Прутском междуречье, с. 66.
- ³⁴ Маркова Л. В. Поселения и жилища болгар-переселенцев в Бессарабии.— КСИЭ, вып. XXIV, 1955, с. 5; Походные письма ополченца, с. 30, 46, 54, 56.
- ³⁵ Державин Н. Болгарские колонии в России, т. I.— В кн.: Сборник за народни умотворения, паука и книжнина, т. XXIX, София, 1914, с. 33, 82.
- ³⁶ Салманович М. Я. Жилище коренного населения Молдавской ССР, с. 213—220.
- ³⁷ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки..., с. 229.
- ³⁸ Подробнее см.: Маруневич М. В. Искусство гагаузов.— Декоративное искусство СССР, 1967, № 2, с. 21.
- ³⁹ Подробнее см.: Маруневич М. В. Искусство гагаузов, с. 21.
- ⁴⁰ Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 606—611.
- ⁴¹ Зеленчук В. С. Основные типы традиционной молдавской народной одежды.— В кн.: Этнография и искусство Молдавии. Кишинев, 1972, с. 87.
- ⁴² Маслова Г. С. Народная одежда..., с. 612.
- ⁴³ Маслова Г. С. Народная одежда..., с. 605—612; Зеленчук В. С. Основные типы..., с. 86—87.
- ⁴⁴ Зеленчук В. С. Основные типы..., с. 86—87; Г. С. Маслова относит эту традицию к числу общих для восточных славян (Маслова Г. С. Народная одежда..., с. 616). Доступный нам материал не дает нам основания считать эту традицию столь же древней у гагаузов.
- ⁴⁵ Маслова Г. С. Народная одежда..., с. 616; Зеленчук В. С. Основные типы... с. 87, 88.
- ⁴⁶ Маслова Г. С. Народная одежда..., с. 614; Зеленчук В. С. Основные типы..., с. 89.
- ⁴⁷ Маслова Г. С. Народная одежда..., с. 603.
- ⁴⁸ Чукман идентичен безрукавным платьям, широко распространенным у южных и восточных славян и известным под названием *сукман* (Маслова Г. С. Народная одежда..., с. 637, 647; см. также: Кръстева И. Народната носия в Поибрене и Среднегоред Панагорско.— Изв. Етнографски институт и музей, 1963, кн. VI, с. 172; Велева М. Котленската носия през XIX и първата половина на XX век.— Там же, 1955, кн. II, с. 30—31). Фистан — более общее название для женской одежды, чем чукман. Чукман у гагаузов обозначает и домотканую шерстяную ткань, из которой шили женскую одежду (платье, кофты) и само платье. Обычай называть одежду названием материала (как в данном случае) сохранился у гагаузов до настоящего времени. Например, платье из ситца называется *чит* (ситец) с добавлением цвета — *маави чит* — «голубое платье», *кырмызы чит* — «красное платье» и т. д.
- ⁴⁹ Велева М. Котленската носия..., с. 27, 28; Кръстева Г. Народната носия в Поибрене и Среднегорец, с. 177.
- ⁵⁰ Зеленчук В. С. Основные типы..., с. 90.
- ⁵¹ Марков Г. Е. Материалы..., с. 64.
- ⁵² Зеленчук В. С., Филимонова М. Ф. Национальная гагаузская одежда..., с. 70.
- ⁵³ Историкографические аспекты славяно-волошских связей. Кишинев, 1973.
- ⁵⁴ В некоторых районах северо-восточной Болгарии под платок надевали специальные высокие чепцы и получался аналогичный силуэт.

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ В СЕЛЕ САРТАНА

Жизнь в селе Сартана (с 1946 г. — Приморское, ныне — один из пригородов г. Жданова) в XIX в. и в первые десятилетия XX в. протекала так же, как и в других селах греков-румеев Мариупольщины. Мужчины пахали землю, пасли стада овец, ездили в близкий Мариуполь на базар. Женщины хлопотали дома, обслуживали мужей и детей, пряли и ткали, чтобы одеть свою семью, а главным занятием девушек было рукоделие всевозможных видов: они готовили себе приданое.

С детских лет девочка знала, что рано или поздно ей надо выходить замуж, и к этому главному событию своей жизни она должна приготовить необходимую для себя одежду, предметы, которыми она украсит свой будущий дом, подарки, которые согласно строгому этикету она преподнесет своей новой родне.

В XIX в. в девичьем рукоделии преобладало вышивание. Вышивали крестом на пяльцах. Много усилий требовало изготовление декоративной ткани *тухма* (на сартанском говоре *тухма-джа*)¹. Ее вышивали на красном фоне белыми или черными нитками. Изготавливали и длинное красное полотнище, по нижнему краю которого вырезали большие волнообразные зубцы, обшитые бахромой из золотых ниток, — *чтынърья* или *стенърья*.

С XX в. вышивание почти забылось. Девушки-невесты, готовящие себе приданое, по большей части вязали крючком и спицами скатерти, подзоры и всякие другие кружева, на которые гречанки были большие мастерицы.

С этим главным запятием девушек было связано вечернее времяпрепровождение сельской молодежи — посиделки (на местном наречии — *сту плэкму*, что буквально означает «на вязание»). Собирались то в одном доме, то в другом большими группами — соседки, подружки. Керосин для освещения приносили по очереди. Окла в комнате оставляли незанавешенными: для царней. Парни заранее были оповещены о посиделках, они подходили к окнам, балагурили, кого хвалили, кого высмеивали. Так как посиделки устраивались во многих домах, группы царней переходили от одних освещенных окон к другим. И так допоздна. Затем расходились на ночь. Живущие поблизости подружки уходили домой, некоторые оставались на ночлег. Девушка могла пойти к своим близким или дальним родственникам погостить несколько дней.

Кроме посиделок, бывали и другие случаи для знакомства сельской молодежи. Долгие зимние вечера коротали в доме какого-нибудь известного на селе сказителя. Приходила не только молодежь, но и пожилые, и старики — во всякое время и без предупреждения, чтобы послушать сказку, песни, побасенки, были и небылицы. Если хозяин был беден и керосин ему был дорог, тогда по очереди приносили керосин слушатели.

В теплое время года сходились на общесельские праздники, главным из которых был *панайр* — общественный обед, приуроченный к престольному празднику (в Сартане таковым был день св. Георгия — 24 апреля). В дни пасхи

и других церковных праздников собирались на гулянье около церкви, где молодежь каталась на каруселях, качалась на качелях. Сюда приходили и старики, чтобы присмотреть невесту или зятя в семью, сюда же являлись и профессиональные свахи.

На посиделках и народных гуляниях завязывались знакомства среди молодежи, возникала взаимная склонность, которая могла завершиться счастливым браком. Однако молодые люди не могли вступить в брак без согласия родителей. Родители же могли высватать невесту и без ведома сына. Мнения девушки часто вообще не спрашивали. Она не имела права сказать «не хочу, не пойду, не правится», если выказывала сопротивление, то отец избивал ее, бросал в амбар, а замуж выдавал, за кого хотел.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

Если парню понравилась девушка, он сообщал о своем намерении жениться самой девушке или ее родителям через своих близких родственников. В доме девушки немедленно собирался семейный совет из родственников, разбирали семью жениха: что они собой представляют, какое у них хозяйство, живут ли мирно в семье, с соседями, ходят ли в церковь. Если родители девушки признали эту семью достойной их дочери, они давали знать родителям парня, что готовы принять сватов.

Сват (*худѣс*) — пожилой мужчина, родственник или близкий друг семьи жениха. Обычно сватов было двое или трое. Мать жениха передавала с ними подарок для невесты — *смадь*: два серебряных рубля, слепленных воском, как символ того, что молодые всю жизнь должны быть вместе.

Жених со своими друзьями отправлялись вслед за сватом, чтобы постоять под окнами, проследить, как принимают сватов.

Если не было отца, в доме командовал старший брат.

Бывали случаи, когда родители сватали несовершеннолетних. Частенько два закадычных друга решали поженить своих детей. Такое согласие было крепко, как клятва, и редко нарушалось. Нарушение его считалось оскорблением обычаев, установленных веками. Случаи, которые сохранились в памяти старожиллов Сартаны, произошли по большей части еще в XIX в., но нередко сватовство малолетних практиковалось и в начале XX в. Прабабушке моей матери было тринадцать лет, когда ее сватали. Один год ходила в «невестах». Четырнадцати лет ее выдали замуж, а жениху было семнадцать лет (дело относится примерно к 1840-м годам).

Родители невесты и вида не подают, что знают о причине прихода гостей, спрашивают: «Зачем пожаловали в такой поздний час издалека, не заблудились ли?» Потом начинаются расспросы про здоровье, про погоду, про посев озимых, яровых и т. д. Сваты отвечают: «Мы слышали, что вы продаете коня или корову, а мы можем помочь». Или говорят, что надеются получить розу. Так загадками ведутся разговоры. Затем сваты начинают перечислять богатство и достоинства жениха.

Если родители девушки решают отказать претенденту, они ставят на стол вместо угощения тарелку с орехами и кладут вилку (дескать, получишь невесту тогда, когда возьмешь орех вилкой).

Если родители девушки согласны выдать ее замуж, они тем не менее отвечают уклончиво, заявляют, что им надо еще подумать, посоветоваться. Считалось неприличным давать согласие тотчас же. В конце концов родители девушки приглашают своих сватов, те

восхваляют невесту: и красавица, мол, и пригожа, во всем селе такой не найти, и работяца, и рукодельница.

Когда сговор состоялся, сваты кладут свои подарки на стол. Мать невесты зажигает лампаду, все становятся перед иконами на колени. Помолвившись, сваты разворачивают свой подарок. Невеста в это время сидит в другой комнате или на печи. Мать зовет свою дочь, чтобы та взяла подарок; бывает, что девушка стесняется и не хочет выходить из своего укрытия, тогда подарок принимает ее мать².

Начинаются поздравления. Хозяйка накрывает на стол. Сваты со своей стороны выставляют угощение. Первый тост произносит отец невесты, следующий — родные жениха. Они уже называют друг друга *худалих* (сватами). Родители невесты договариваются со сватами, в какой день должны прийти отец и мать жениха на «большое сватовство» (сговор, обручение) — *мегбл аравонис*.

В этот день мать жениха пекла большой пирог, калачи, уже был куплен шелковый головной платок *пушю* для невесты, припасено золотое кольцо, золотой крест (если семья богата, то крест вешали на золотую цепочку, те, кто победнее, покупали серебряную).

Родные жениха приходят в дом родителей невесты. Мать невесты кладет на стол свои подарки для жениха: золотое кольцо, шелковую рубашку, батистовый носовой платок с вышитыми инициалами. Мать жениха кладет свои подарки. Обменявшись подарками, усаживаются за стол, приглашают и жениха с его друзьями. Мужчины сажают за один стол, женщины — за другой, отдельно. Подается богатая закуска, горячая и холодная: баранина, индюки, шловы, куры, каймак, свежий сыр со сметаной и пр.

На сватанье приглашают музыкантов, которые играют на скрипке и кларнете. Танцуют национальные танцы: *ярёмава*, *бугданку*, *хорб*.

Большое сватовство пазывалось еще и *тѣа цако́сум халац* («будем ломать калач»).

Большой, как колесо, плетеный калач, испеченный матерью жениха, брали в руки брат невесты и брат жениха, и каждый тянул к себе, стараясь ухватить побольше. Считалось, что превосходство будет на стороне жениха или невесты в зависимости от того, кому достанется больший кусок. Если калач разламывался на равные части, это воспринималось как знак полного будущего согласия супругов. Потом оба куска клали на стол, макали в мед и угощали пирующих.

В старину во время сговора невеста не являлась сватам. На их просьбу показать невесту родители отвечали: «Чтобы, увидеть невесту, падо много денег». К концу XIX в. и в начале XX в. обычай несколько изменился. Невеста являлась к гостям, целовала руки родственникам жениха, но все это делала молча³.

На большом сватовстве назначают день свадьбы. Вечером мать жениха объявляет о своем желании видеть свою невестку. Невесту вводят в парадную комнату, она, стесняясь, подходит и целует руки свекрови. Кроме подарков, которые принесены на сватанье, свекровь дарит невесте большой ситцевый платок со сладостями и золотую либо серебряную монету.

Если невеста молода, не достигла 17-летнего возраста, свекровь говорила: «Ну, дочка, поживи еще годик у своей матушки, а потом я возьму тебя под свое крылышко».

После мегола аравонис, когда была достигнута полная договоренность о свадьбе, старинная традиция разрешала нареченным вступать в супружеские отношения. Невестка или старшая сестра стлала им совместную постель.

В день большого сватовства договаривались, какими подарками должны обменяться обе стороны в день свадьбы.

Невеста обычно сама готовила подарки жениховой родне: своей будущей свекрови — вышитую рубаху, а в старину (XIX в.) готовила еще и *харты* — повязку, закреплявшую кудель на прялке. Обычно это было небольшое (30—40 см длиной и 10—15 см шириной) продолговатое полотнище, сшитое из разноцветных кусочков материи. Невеста готовила подарки и другим своим будущим родственникам.

Отец жениха должен был приготовить для невесты полный подвенечный наряд: платье, фату (на рубеже XIX — XX вв. она сменила старинный *перифтар*), ботинки, пояс *хулан* из золотой или серебряной парчи с серебряными бляшками, шелковый белый или кремовый платок *пуштй* (темный цвет не допускался), а также золотое кольцо и, если средства позволяли, золотую брошь. Матери невесты, ее отцу, братьям, их женам, сестрам, зятям и прочей родне также предназначались подарки.

Взаимный обмен подарками происходил и позже, в течение всего периода (иногда довольно длительного) между сватовством и венчанием.

В великий пост невеста должна была говеть. В первый день поста начиналось невестино «голодание» — *тримарзму*. Три дня она не ела, не пила, на четвертый день она могла принимать пищу. Такой обряд сохранился даже и накануне Октябрьской революции. После причастия родственницы жениха приносили невесте узлы со сладостями. Подарки принимали родственницы невесты — старшая невестка или старшие сестры. Мать невесты угощала прибывших с подарками и в свою очередь посылала гостинцы будущему зятю. Женщины из обоих домов совершали обмен подарками в дни сельских праздников — на пасху, в капун Юрьева дня.

Засватанная пара могла «ходить в женихах» год, два, а если парня забирали на военную службу, которая длилась

4 или 5 лет, невеста должна была ждать возвращения жениха.

Свадьбу обычно играли в воскресенье. В пятницу устраивали демонстрацию приданого (*прика*). Невеста развешивала его на столах, на стенах, везде, где только можно было повесить вещи. На столах — скатерти, полотенца, подзоры — тканые, вязаные из белых и цветных ниток; на стенах у самого потолка — длинные полотнища красного цвета — стенарья, обшитые парчой и золотой бахромой, немного ниже — тухма. Почти все эти вещи невеста вышивала или плела сама, а покрывала из тончайшего полотна обычно ткали ее бабушки. Здесь же развешивались и подарки, приготовленные для жениха и его семьи: шелковые и полотняные рубашки, головные и носовые платки и пр.

В пятницу вечером невеста посылала девочек приглашать родственниц, подруг, знакомых на прика — рассматривать ее изделия. В субботу с самого утра двери парадной комнаты были открыты для всех. Приходили все, кроме жениховой родни (их не полагалось приглашать на прика). В один день в селе справляли по несколько свадеб, и молодые женщины и девушки успевали побывать везде, чтобы потом сравнить и посудачить, у кого лучше, у кого хуже приданое.

К концу дня прика убирали. Вечером к невесте приходил жених со своими родственниками. С музыкой, песнями они шли через все село на *штейсе* (девичник). На шейсе гуляли допоздна, потом расходились, а жених оставался у невесты. Он помогал подружкам убирать прика, складывать все по местам.

В воскресенье происходило венчание в церкви, после которого невеста переезжала из дома родителей в дом свекра.

Лет сто и более тому назад ни бричек, ни линеек у греков не было, имелись только большие *гарбы* (арбы) на деревянных колесах; на них-то и рассаживался свадебный поезд. На дно гар-

бы стлали *поветь* (толстую суконную полость), прикрывали красивыми коврами.

В XIX в. свадебная церемония начиналась с приглашения посаженного отца (*паранфу*) и посаженной матери (*паранифсы*). Желательно, чтобы посаженными родителями были крестный отец (*калота*) и крестная мать (*нйна*) жениха. Обычно они бывали мужем и женой. Если же к моменту свадьбы их крестника кто-либо из крестных родителей умирал, то вдовец (или вдова) просили занять его место сестру (или брата) или кого-нибудь другого из своих близких родственников. Приглашение посаженных родителей обставлялось очень торжественно. Шаферы отправлялись к их дому в сопровождении музыкантов (бубен, зурна, скрипка, кларнет). Паранифса встречала гостей угощением, желала здоровья и счастья молодым и шаферам. Нагружали на гарбы или брички пироги, папеченные паранифсой, водку и снедь, припасенные паранфу, и с музыкой возвращались в дом жениха с тем, чтобы всем вместе ехать к родным невесты.

На гарбу (а позже на бричку) усаживались старшие братья жениха со своими женами, прочая родня помоложе. Нагружали провизию: пироги, калачи, которые заранее папекла мать жениха, другую снедь, вино, водку. Здесь же помещали и цару живых баранов. На второй гарбе ехали родители жениха, деды, бабки, посаженные родители и другие родственники постарше. Молодежь шла пешком. Под звуки оркестра трогались со двора.

По приезде к сватам отец жениха велит зарезать одного барана (второго оставляют на завтра), он привозит своего повара (*ащи*), который должен готовить и угощать невестину родню. Когда мясо готово, повар разносит его по столам: гости со стороны жениха выходят из-за стола, для этого угощения садятся только невестина родня. Ащи подносит

мясо, и каждый раз музыканты играют «туш».

В это время паранифса берет подвенечное платье невесты и в сопровождении 15—20 женщин с музыкой и танцами несет наряд. Невеста находится у соседей, вместе с нею ее подружки. Одна или две из них одевают невесту, иногда для этой цели приглашают умелых женщин.

Старинное подвенечное платье невесты было красного цвета. Оно переходило по наследству от одного поколения к другому. Голову покрывал перифтар: белый полотнячатый убор из толчайшего полотна. Его края затканы золотым и серебряным шитьем, украшены вышивкой и мелким жемчугом. Перифтар плотно облегал голову и прикалывался к волосам шпильками и булавками (позолоченными или посеребренными) со множеством металлических подвесок. Не каждая семья могла приобрести эти ценные вещи. Бедняки брали перифтар на прокат в зажиточных семьях только на день венчания.

В конце XIX в. в качестве подвенечного наряда надевали шелковое или атласное платье, сшитое по моде того времени, и фату.

Пока невесту одевали к венцу, в доме ее родителей продолжается веселье и угощение.

Шаферы во главе со старшим (*парагдамбрс*)⁴ отправляются одевать жениха. Все шаферы повязаны белыми платками. С песнями они направляются к дому жениха.

Существовал обычай, чтобы кто-нибудь из шаферов украл в доме невесты какую-либо вещь, которую должен показать во время дарения⁵.

За несколько часов до венчания начиналась церемония бритья и одевания жениха. Его платье, предназначенное для венчания, предварительно отсылалось священнику для благословения. Оно завязывалось в специальный платок, сшитый из разноцветных лоску-

тов, квадратной формы (*бухча*). Когда бухчу возвращали от священника, родственники и все приглашенные, которые находились в то время у жениха, должны были танцевать, держа в руках узел, это называлось «заставлять танцевать бухчу».

Затем начиналось бритье жениха в присутствии мужской молодежи, которая в особой ритуальной песне высказывала пожелания здоровья и счастья молодым.

По окончании бритья шаферы и молодые люди в песенной форме просят жениха снять старое платье, чтобы надеть новое, венчальное:

«Взгал та палэя ки фор та тюнурья, та гэмбрийтка» («сними старое [платье] и надень новое, свадебное»). Жених снимает с себя старое платье и облачается в подвенечное. Всякий раз, когда жених надевает на себя что-либо, шаферы поют ему песни, например: «Тот, кто хочет жениться, надевает [новую] одежду» (*Катъа* ис па, тина ирэв на пандрэис, тья миталэкс фурсія-т*).

Во время одевания жениха паранфу сидит за столом, на котором горят две восковые свечи. Обряд кончился, паранфу берет бухчу, уже пустую, объявляется ею и, засунув за нее две восковые свечи, горевшие во время одевания жениха, не расстаётся с ними до конца свадьбы.

Вся церемония одевания жениха называлась «коронацией».

В старину (не позже середины XIX в.) жених венчался в халате, переходившем по наследству от одного поколения к другому. К концу XIX в. этот старинный обряд сменился поджачной парой или тройкой.

Одетый в свадебное платье жених назывался «вооруженным», ему должны были оказывать особый почет «как князю», и даже старики должны были встать и поклониться ему.

У старшего шафера носовой платок в

руке, он дает один конец жениху, остальные три конца держат другие шаферы: они обходят вокруг стола три раза, потом подают жениху подушку (*максилар*), специально приготовленную посаженной матерью, он садится на нее; перед ним ставят бутылку водки, рюмку и две тарелки; одна с медом, другая с мелко нарезанными кусочками хлеба. К жениху подходят родственники, друзья, знакомые, его поздравляют, целуют. Если жениха поздравляет человек моложе его, то он целует руку жениху, если же поздравляющий старше жениха, то жених целует ему руку. Одевают и поздравляют жениха только мужчины.

Старший шафер стоит по правую руку жениха и паливает в рюмку водку, второй — по левую руку, он накалывает вилкой кусочек хлеба, макает в мед и дает поздравляющему закусить водку. Так сидят за столом, пока кто-нибудь не сообщит, что невеста уже готова. Жених поднимается с подушки. Опять обходят три раза вокруг стола, держась за концы платка, кланяются три раза всем и выходят во двор. Там их ждут оседланные кони, убранные красивой сбруей. Если в хозяйстве не было своих хороших лошадей, их занимали у родных, у соседей. На конях ехали к церкви.

В это время в доме невесты совершаются церемонии, которыми руководит посаженная мать. После того как узнают, что невеста уже готова, паранфса с женщинами под звуки бубна и зурны заходят во двор дома, где ждет наряженная невеста.

Дверь дома, в котором находится невеста, заперта изнутри. Начинается «торг». Паранфса снаружи поет: «Отдайте нам невесту! Откройте дверь!» Из дома в ответ: «Дайте нам выкуп, и мы отдадим вам невесту!» Паранфса опять кричит: «Отдайте нам нашу невесту!» Этот торг повторяется три раза, потом паранфса соглашается дать вы-

куп: «Откройте дверь, и мы дадим вам выкуп!»

Парапифса отдает бухчу — узел, в котором приготовлены сладкие сдобные калачики, бублики, конфеты. Она их подает старшей дружке, и та пропускает парапифсу.

В комнате на софе, на табурете или стуле сидит невеста и горько плачет, закрыв лицо платочком, приготовленным заранее для этого случая (хотя ей и не хочется плакать, она должна — это признак того, что она не хочет покинуть родной дом, уходить в чужой; если невеста не заплачет, это большая обида для ее родителей). Брат ссаживает невесту, и ее выводит на улицу. Если у невесты нет брата, тогда ее ссаживают крестная мать и крестная жениха.

На дворе ждет невесту повар аци с длинной палкой. Он идет впереди всех и палкой чертит кресты. По этим крестам должна ступать невеста. Музыка играет заунывный марш, под который плачет не только невеста, но и все присутствующие. Плачет «вся свадьба».

На пороге родительского дома встречают отец и мать с образом для благословения. После благословения родителей невесту везут в церковь, где ее уже ждет жених.

В более позднем варианте свадебной церемонии, относящемся уже к XX в., жених приезжает за невестой в дом ее родителей. После благословения они садятся в бричку, запряженную парой лошадей. При выезде со двора свадебный поезд останавливают несколько парней с улицы, где живет невеста, требуя выкуп за «свою» девушку. Парапифсу одаривает парней.

После венчания молодые едут в дом новобрачного. В более ранние времена, когда жених приезжал в церковь верхом, он после венчания садился вместе с шаферами на коней и скакал вперед с тем, чтобы встретить молодую жену возле дома.

У греков не различаются терминологически понятия невестка и невеста, и в том и в другом случае они называются *ниф*. Равным образом слово *гтамбрис* применяется и к жениху до свадьбы, и к молодому мужу, а также употребляется в значении «зять», так его будут называть уже всегда в семье его жены.

Торжественно собираются гости на свадебный пир. Посаженый отец держит тарелку, наполненную кусками хлеба, медом и бекмезом (переваренный сгущенный сок арбуза). Каждому входящему подается хлеб, смоченный медом или бекмезом.

Молодых встречают у ворот. Аци снова чертит перед невестой кресты, она ступает по ним, на пороге дома их ждет свекровь (*питъира*) с тарелкой в руках. В тарелке пшеница, смешанная с орехами, конфетами и мелкими медными монетами. Молодые целуют ей руку и наклоняют голову. Мать берет горсть пшеницы и посыпает ею головы молодых. Так три раза, потом бросает тарелку через головы молодых, так, чтобы тарелка разбилась, и при этом приговаривает: «Пусть повылазят у ваших врагов глаза, пусть расколятся их головы!»

Свекрови подают тарелку с медом; она берет правую руку невестки, макает мизинец ее в мед и делает кресты на косяках дверей дома.

Известен и другой обычай, относящийся к XIX в.: свекровь давала невестке зажженную свечу, и та чертила кресты на косяках дверей копотью этой свечи. В народе объясняли, что это якобы знак благословения, что молодому дается право жить под этим кровом.

Молодых сажают за стол под образами, к ним подходят с поздравлениями отец, мать, все остальные родичи по старшинству и степени родства. Невеста должна целовать им руки — от мала до велика. Рядом с женихом стоит старший шафер. Он наливает каждому

рюмку водки, а тот кладет на тарелку деньги.

Поздравления кончились, молодых уводят к кому-нибудь из соседей или родственников. За ними идут шаферы, подружки и вся молодежь. Молодые гости пируют, но новобрачные по обычаю не едят и не пьют.

В это время в доме родителей угощают родню и друзей старшего возраста. О том, присутствовали ли на этом пире родители невесты, сведения расходятся. Самые пожилые жители Сартаны утверждают, что в старину за отцом и матерью невесты посылали сразу же после того, как уводили молодоженов на пир молодежи. В более позднее время отца и мать невесты не приглашали. Бывали только их старшие сыновья с женами, дочери с мужьями, сестры, братья.

Пиршество продолжается до утра.

Когда гости расходятся, молодых приводят в дом жениха. Их ждет приготовленная постель. Столы после угощения убраны, но сор не выметен. Невесту раздевают, снимают с нее фату. В прежние времена покрывало, скрывавшее лицо невесты, подымала посаженная мать двумя перевязанными розовыми лептами ложками.

На другой день после венчания совершался обряд, известный под названием «сладкой водки» (*гъальтй ракй*). Собравшиеся родственники жениха поздравляли его и пили водку, подслащенную медом и сдобренную перцем. С этой водкой сватья отправлялась к родителям невесты и там устраивали пирушку.

Таким образом, старинный обряд предписывал завершение всей церемонии в один день.

В позднем варианте церемониал занимал два дня: в первый — венчанье и пир молодежи, во второй — прибытие родителей невесты и пир старшего поколения. В этот второй день новобрачная вставала раньше всех и выметала сор в комнате, где было свадебное торжество;

но выметала его не из комнаты, а, наоборот, от дверей к углу, под образ, «чтобы счастье не вымести из дома». Убирали сор только на другой день утром.

Рано утром мать посылала своей дочери завтрак. Назывался «завтрак матери» (*манна-ц ту фэй*).

В этот день с утра едут за приданным невесты. Родные молодой угощают гостей, потом шаферы требуют приданое невесты. Мать показывает на сундук, но на сундуке сидит младший брат невесты (если брата нет, то сестра). Брат не отдает сундук, он просит за него выкуп — пару новых сапог. Шаферы не соглашаются, предлагают ему какую-нибудь безделушку, а мальчонка настаивает на своем, он знает, что сапоги для него уже припасены, они лежат на гарбе под поветью. После недолгих шуточных торгов братишка получает выкуп за сундук — сапоги. Сундук погружают на бричку (ранее на гарбу) и увозят.

Во второй раз приезжают за отцом и матерью невесты. Теперь ее родители именуются «главный сват» (*баш худас*) и «главная сватья» (*баш эмбитъйра*). После того как их доставили в дом новобрачных, отправляются в сопровождении музыкантов за посаженными родителями. У паранифсы уже приготовлены два больших пирога, калачи и другие сладости. Их завязывают в бахчу и кладут в бричку. Паранфу приготовил водки и баранью тушу.

Посаженных родителей встречают торжественно — музыкой и танцами. Один пирог паранифсы развертывают, чтобы все оценили ее кулинарное мастерство. Потом его убирают до конца свадьбы.

Торжественным пиром руководили паравфу и паранифса; он начинался с поздравления: «Чиро! Чиро! Фос ста мятя мас!» (Свет нашим очам).

В разгаре пира посаженная мать и старший шафер открывают сундук не-

весты. Кроме ее приданого там найдутся и подарки, которые были обещаны в день большого сватовства. Подарки раздаются всем по старшинству: свекру самый лучший и дорогой подарок — вышитая шелковая рубашка, носовой платок, полотенце, кисет. Свекрови — вышитая сорочка, шелковый платок, носовой платок и пр. Родственники и родители молодой также получают подарки от жениховой родни согласно уговору.

После раздачи подарков начиналось одаривание молодых — *харизмата*. Отец новобрачного дарил деньги. Отец молодой дарил своей дочери корову или телку. Близкие родственники-мужчины дарили овцу, телку, крестный также дарил телку или овцу.

На стол ставят пирог паранифсы, его разрезает паранфу на мелкие кусочки. Шафер подносит каждому гостю кусочек пирога, рюмку водки; мужчины, взяв рюмку, клали на тарелку деньги, а женщины — свои подарки — матерью, посуду и другие вещи. Каждый подарок шафер берет в руки и сообщает гостям, кто что подарил. Все собранное вручают паранфу, он пересчитывает деньги и вручает новобрачным⁷.

Молодая жена в этот день находится уже здесь, в доме своего свекра, но сидит с молодежью в другой комнате, на пиру не присутствует. На ней свадебный наряд, только голова вместо фаты покрыта шелковым платком. В те времена, когда надевали перифтар, этот головной убор носили постоянно до рождения первого ребенка.

Свадьба кончилась. Гарба, запряженная парой волов, или же пароконная бричка уже вриготовлены, чтобы развозить почетных гостей по домам. Во время прощания новобрачные целуют всем руки.

В следующее воскресенье после свадьбы молодые супруги идут к родителям жены (это называется *ста ухто* — восьмой день)⁸. Теперь *гзамброс* может

пройти по улице со своей женой. Вот в кругу своих молодых родственников, шаферов они пришли отпраздновать последний день свадебного цикла, прощаться.

Начинается жизнь молодой в ее новой семье. Старшая невестка в доме *инкзга* (или свекровь) знакомит ее с домашней обстановкой, с работой в доме. Она должна подняться раньше всех, вытопить печь, приготовить воды для умывания свекру и свекрови, приготовить полотенца, полить свекру. Пока свекр умывается, невестка ждет поодаль, потом подает полотенце, се подарок. Умылся, вытерся отец, протягивает невестке руку, она целует ее, и в руке невестки остается золотая монетка. Все это делается молча. Молодая должна была целовать руки всем живущим в доме, даже маленьким детям.

Невестка первое время не должна разговаривать со свекровью и свекром. Все переговоры ведутся через молодых сестер и старших невесток. Потом свекровь дарит невестке золотую монетку, та начинает разговаривать с нею. Позже свекровь говорит невестке: «Ну, хватит тебе молчать, поговори с отцом». Чтобы невестка заговорила со свекром, он также должен одарить ее двумя-тремя золотыми монетами. Это называется «развязывание языка» — *сулятиму*. Тогда только невестка назовет его *тата* (отец), но на разговоры с ним она все же скупа. Только через много лет язык у нее «развяжется» по-настоящему. В старину обычай требовал сохранять молчание со свекром до пяти лет и более.

В случае смерти мужа вдова должна была год жить в доме свекра, покидать этот дом ранее считалось неприличным. Только после конца годовичного траура вдова могла вступить во второй брак. Вдова могла видеть своего жениха до сватовства, составить себе мнение о нем и имела право принимать или отвергать предложения сватов.

ОБРЯДЫ И ПОВЕРЬЯ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ РЕБЕНКА

Появление ребенка в семье вызывает особенную радость. Отсутствие ребенка у греков считалось проклятием. «Бесплодная женщина — что дерево, не приносящее плодов», — гласит поговорка.

Появление ребенка сопровождалось целым рядом обычаев и обрядов. Рождение ребенка у греков называлось «свет очей». Как правило, поворожденного принимала повивальная бабка (*манáка*).

Прежде всего поворожденного показывали дедушке и бабушке. Они должны были одарить внука; дед дарил теленка или ягненка, бабушка — золотую монетку. Бабушка посыпала поворожденного мукой: делала ему на лобике крест, — чтобы «он жил до седых волос», посыпала потом на ручки, ножки и, наконец, на ступни ног, «чтобы он ходил в богатстве». На живот клали немного соли (в гигиенических целях). Ребенка обмывали, пеленали и подносили матери.

Обмывали ребенка только те бабки, которые его приняла.

Три дня роженицу (*лаху́са*) берегли «от чужого глаза». На третий день после родов повивальная бабка мыла роженицу: наливали в большое деревянное корыто побольше горячей воды, сажали туда роженицу, накрывали ее каким-либо рядом, сверху шубой или тулупом, чтобы она хорошо пропарилась. В день купанья крестная мать лахусы (нуна) приносила куриный суп. Роженица должна была съесть кусок курицы, обязательно крыло и шею, «для того чтобы ребенок скорей окреп и держал шею прямо».

В честь крестной матери устраивали угощение, на котором должна присутствовать и манáка. Крестная мать преподнесла ей небольшие подарки: ситцевый головной платок и кусок мыла.

С этого дня можно было и посторон-

ним видеть роженицу. Родственницы и знакомые приносили ей сладости, которыми она должна была питаться, «чтобы быть здоровой».

Через неделю ребенка крестили. Считалось желательным, чтобы крестными родителями были крестная мать и крестный отец отца новорожденного.

Обряды при рождении ребенка были одинаковы, будь то мальчик или девочка. Мальчик-крестник называется *фуцкб*, девочка — *фуцкй*.

В день крестин устраивали праздник, на который приглашали крестных родителей малыша, родственников и обязательно повивальную бабку. Ее опять одаривали дешевенькими подарками.

На третий день после крещения крестная мать ребенка натирала его специальным маслом (*ми́ро*). Это было первое «купание» после крещения.

Сорок дней после родов роженица не должна была выходить из дому; нарушение этого порядка считалось великим грехом: «Даже трава не растет, где ступит роженица», говорили в старину. На сороковой день бабка брала новорожденного и вместе с матерью ребенка шла в церковь «брать молитву». Из церкви приходили домой, здесь уже ждала крестная мать; она встречала роженицу и ребенка со стаканом воды, «чтобы предохранить новорожденного от всяких болезней», потом заворачивала его в одеяло, клала туда кусок хлеба и сахару, «чтобы был бел, как сахар, и добр, как хлеб». Все родственники, которых посещала молодая мать с ребенком, насыпали ему муку на руки, ноги, лобик, клали в ручку серебряную монетку.

Крестные у греков почитались выше родителей. В народе верили: «Для крестника дороже не тот отец, который родил, а тот, который крестил, выпул из «святой воды» (*звгъалин си пэх т áяз*

ма). Крестные были обязательными участниками всех семейных торжеств.

Брак между членами двух семей — крестника и крестных родителей — запрещался традицией до пятого и шестого колена. Они считались такими же близ-

кими родственниками, как братья и сестры. Все близкие родственники крестника, обращаясь к его крестным родителям, называли их «калота» и «пуна».

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Остановимся на поминальных кушаньях и траурной одежде жителей Сартаны.

После омовения покойника клали в парадной комнате жилого дома под образом. У изголовья ставили стакан воды, к которому прикрепляли три зажженные свечи. Считалось, что душа покойного будет пить из этого стакана, пока будет находиться в доме.

На кладбище в день похорон (*парахума*) несли воду и кутью (*кблва*) — кашу из пшеничных зерен или риса. Когда после отпевания гроб опускали в яму, на гроб насыпали кутью и поливали немного воды из стакана, который стоял в головах покойника. После того как могила была засыпана, кутью раздавали всем присутствующим «на помин души», часть ее приносили домой и раздавали тем, кто не был на кладбище.

Три дня после похорон готовили жидкую, как суп, кутью, добавляя в нее изюм, а когда разливали по тарелкам, прибавляли немного тертых орехов и три кусочка хлеба — *пендарту*. Эти кусочки отрезали от пяти маленьких хлебцев, выпеченных специально для поминальной кутьи. До восхода солнца колву разносили всем соседям, родственникам, причем жидкая каша должна была быть горячей, чтобы пар от поминального кушанья «достигал души покойного».

Три дня подряд родственники и друзья ходили на кладбище, несли ладан в специальной курильнице и обильным дымом окуривали могилу, обходя ее трижды, начиная с правой стороны.

Первой этот обход начинала близкая родственница покойного (мать, жена, сестра), за нею другие родственники, а затем остальные. Близкие родственники посещали могилу до девяти дней.

На девятый день устраивали поминальное угощение — *джанаш*, *албнима*. Тем, кого хотели пригласить на поминки, разносили колву, на этот раз сваренную густо и уложенную на маленькие тарелочки. Поверх каши клали маленький хлебец.

Через сорок дней поминки повторялись с той же церемонией приглашения.

Траур (*шири́му*) носили и мужчины, и женщины. Кроме головного черного платка, женщины в XIX в. и даже в начале XX в. надевали еще специальную черную повязку на лоб: небольшой ситцевый платок складывали пополам наискосок и, начиная от углов, сворачивали жгутом шириной около 1 см. Это был главный знак траура у женщин, особенно пожилых, его носили по близким родственникам — мужу, сыну, брату, отцу. Женщины помоложе носили повязку (так же, как черное платье) до 9-дневного или 40-дневного поминания, старушки — обычно до первой годовщины смерти; некоторые черный платок, как и все черное одеяние, носили дольше.

Траур у мужчин обозначался не одеждой, а прической. До конца XIX в. среди греков Сартаны удерживался обычай, запрещавший мужчинам, носившим траур, стричь волосы и брить бороду и усы. Обычно соблюдали траур год после смерти близкого человека

(например, жены). Такой обычай в XX в. уже был оставлен, но некоторые пожилые мужчины и сейчас не бреют бороды и усов первые девять дней пос-

ле смерти близкого родственника, а некоторые и до сорока дней. Молодежь и люди среднего возраста этого обычая не придерживаются.

- ¹ Все специальные термины и словосочетания даются на говоре села Сартаны. В говорах других румынских сел наблюдаются значительные варианты. (Прим. ред.). Диграфом «дъ» обозначается специфический межзубный звук греческого языка (δ). См.: Белецкий А. А. Греческие диалекты юго-восточной Украины и проблема их языка и письменности.— В кн.: Балканская филология. Л., 1970, с. 12.
- ² Принять сватовство или дать согласие означалось формулой *пѳран ту смадъ* («приняли подарок»); формула, означающая отказ сватам,— *ѳрсан ту смадъ* («вернули подарок»).
- ³ В скрывавши невесты и в ее молчании отразился, в пережиточной форме, древний обычай «избегания» молодой родителями ее мужа.— Прим. ред.
- ⁴ Диграф «гъ» соответствует греческому γ.
- ⁵ Ныне сами исполнители этого обычая затрудняются дать ему объяснение. Подобный обычай, возникший, вероятно, как символическое воспоминание о борьбе двух коллективов родственников при бракумыкании, широко распространен, он много раз описан в специальной литературе.— Прим. ред.
- ⁶ Диграфом «тъ» обозначается межзубный звук греческого языка (θ).
- ⁷ В том старинном варианте свадебного обряда, который сохранился в памяти старшего поколения, одаривание происходило в первый день во время пира. Кто-либо из

шаферов обходил гостей с тарелкой, к которой были прикреплены две восковые свечи; на тарелке стояли рюмки с водкой, рюмка подносилась гостю, а тот клал на тарелку деньги. Собранные таким образом деньги передавали посаженному отцу. Он их пересчитывал и вручал новобрачной. Затем начиналось одаривание вещами.

Равным образом свадьба у греков, населявших другие села Мариупольщины, имела свои местные особенности, но они проявлялись лишь в деталях.

В настоящее время свадебная церемония значительно отличается от описанного здесь обряда. Прежде всего из обряда исключается церковное венчание. Благословение пкоюй заменилось напутственными словами, которые произносят родители, прощаясь со своей дочерью. Никто не требует от невесты, чтобы она плакала, покидая родительский дом. Многие приемы магического или апотропейного характера утратили свое значение: они или совсем забыты, или исполняются в шуточной, игровой форме. Протяженность всего обряда сократилась, он выполняется ныне в течение двух дней. Основные же элементы обряда остались такими, какими они описаны здесь, и сохраняются в народе как элемент национальной традиции.— Прим. ред.

- ⁸ В старину считалось нехорошим признаком, если новобрачные тотчас после свадьбы выходили из дому.

НАРОДНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ТОПОНИМОВ

(южные районы Донецкой области УССР)

О древнейшем освоении человеком территории, охватывающей центральную, юго-западную и южную части Донецкой области, свидетельствуют археологические памятники времен палеолита, неолита, меди и бронзы. В I—II тыс. н. э. на обширных степных пространствах кочевали, вытесняя друг друга, скифы, гунны, авары, хазары, половцы, печенегы, а позднее — монголо-татары, ногайцы. Это были ираноязычные и тюркоязычные племена. Этим объясняется обилие здесь топонимов тюркского происхождения.

Поселения, существующие ныне в этом районе, начали возникать 200—250 лет назад на берегах полноводных рек Волчьей, Мокрые Ялы, Кальмиус, Волноваха. Заселение шло в порядке государственной колонизационной политики. В течение этих столетий постепенно сформировался пестрый этнический состав населения современного Донбасса.

В конце XVIII в. здесь были поселены выведенные из Крыма греки, говорившие частично на греческом, частично на татарском языке. В эту же пору здесь осели группы грузин, волохов (валахи, молдаване), сербов и др. В 1820-х годах были основаны немецкие

колонии, в последней четверти XIX в. — менонитские. Стихийная крестьянская колонизация из украинских и русских губерний и организованное правительство поселение украинских и русских крестьян усиливали славянский этнический элемент. Отсюда то чрезвычайное разнообразие топонимов, которое составляет особенность Донецкой области.

Топонимы имеют различное происхождение: русское, украинское, тюркское, греческое и др.

Названия рек, холмов, балок, деревень, городов и т. д. служат важнейшим источником для изучения древней истории, быта, культуры, хозяйственной деятельности народов, населявших изучаемую территорию. Исследуя топонимы, можно узнать многое, что уже ушло из памяти людей.

В настоящем сообщении приведены топонимы южной части Донецкой области, главным образом названия населенных пунктов, и то толкование происхождения этих названий, какое дают им сами жители этих мест. Сообщение построено главным образом на материалах, собранных автором в 1968—1973 гг., с привлечением некоторых опубликованных данных.

НАЗВАНИЯ СЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Речка *Волчья* — берет начало на южных отрогах Донецкого кряжа и впадает в Самару — приток Днепра. В прошлом многоводная и судоходная река. Запорожцы из Сечи плавали по Са-

маре, Волчьей и Кальмиусу в Азовское море. В верховьях рек Волчья и Кальмиус они волочили небольшие суда с товарами, используя для этого разные приспособления: валки, салазки, ворота,

порой прибегали к тягловой силе животных. Река получила свое название от слова *волочить* — «тянуть по земле»¹.

Село *Андреевка* — украинское село Великоновоселковского района расположено на правом берегу р. Волчья. В 1757—1768 гг. здесь жили запорожцы, имели сторожевой пост. В 1770 г. всю эту местность занял отставной старшина Андрей Сологуб, разводил скот, распахивал землю. В сентябре 1775 г. зимовник Андрея Сологуба посетил губернатор Азовской губернии В. А. Чертков. Он приказал основать здесь государственную военную слободу и в честь хозяина назвал ее Андреевкой². Название села сохранилось доныне.

Село *Алексеевка* — украинское село того же района. Так же, как и Андреевка, было береговой станцией запорожцев. В 1775 г. В. А. Чертков основал здесь военную слободу и назвал ее именем старшины Алексея Петренко³. Западная часть этого населенного пункта называется Литвины, так как первыми поселенцами этой части села были литвины. Восточная часть именуется Краины, что означает «край», «окраина». Центральная часть села называется Биржей; здесь запорожцы построили пристань для барж, а слово «баржа» со временем изменилось на «биржи».

Селидово — город, расположен в верховьях р. Соленой. До 1956 г. — село Селидовка. В 1770—1773 гг. по распоряжению новороссийской губернской канцелярии в старинных запорожских займищах были временно поселены волохи, взятые в плен на русско-турецкой войне. В последующие годы Селидовка была заселена украинцами (казаками Миргородского полка), а волохов переселили в села Землянки, Корсунь и другие населенные пункты Бахмутского уезда.

О происхождении названия села в пароде имеются две версии: согласно

одной из них основателем Селидовки был запорожский казак по имени Селид; по второй версии название это будто бы дал землемер, который делил наделы. В виде платы за работу или в дар он получил от жителей село. Село землемеру не понравилось, и он, рассердившись, назвал село «Сало-давкою». С течением времени это название трансформировалось, возникло слово Селидовка. До сих пор жители старшего поколения называют город Салидове, Салидовка⁴.

Село *Галициновка* расположено в истоках р. Волчья. В 1778 г. эти прекрасные земли достались генерал-майору князю С. Ф. Галицину. По фамилии владельца получила название слобода, из которой разрослось село⁵. Наименование осталось за ним до сих пор.

Село *Марьинка* — ныне поселок городского типа, районный центр. Старинное запорожское займище, позже казенное село. В 1791 г. всю эту местность приобрел в собственность помещик коллежский асессор Семен Жебунёв. Его жену звали Марией⁶. В честь нее новую деревню назвали Марьинским. Это название сохранилось до сих пор.

Село *Боевое* — украинское село Володарского района в 32 км от г. Жданова. До 1923 г. называлось Покровское. Село основано после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. дунайскими казаками, которые переселились на северное побережье Азовского моря, на земли, отведенные им за военную службу. Так возникли станции Покровская, Никольская, Стародубовка, Новоспасовка, Петровская⁷.

Село *Камышеватое* — украинское село Першотравневого района в 35 км от г. Жданова. Основано азовскими казаками в 1830 г. Название села происходит от имени р. Камышеватки, на берегу которой расположено село. По берегам реки заросли камыша.

ТОПОНИМЫ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Речка *Шайтанка* (от *шайтан* — «черт»). Местность, по которой течет р. Шайтанка, камениста, берега глинистые и неудобные, много участков с неплодородной почвой, вода в речке соленая. Отсюда и название. Есть в Донецкой области и Шайтанский лес.

Речка *Мокрые Ялы* — слово *ялы* на татарском означает «берег», «побережье». В крымско-татарский язык оно попало из греческого.

Речка *Кашлагач* — в переводе с татарского означает «кинь дерево».

Названия курганов: *Хара оба*, *Дорт оба*, *Эти оба*. *Хара* — черный, *дорт* — четыре, *эти* — два.

Харцызск — город областного подчинения. В XVIII в. обширные приазовские степи оставались малозаселенными. И вот сюда в междуречье Кальмиуса и

Миуса, на необжитые земли Дикого поля, спасаясь от крепостной неволи, бежали сотни крестьян. Между Доном и Запорожской Сечью находили убежище люди двух казацких вольниц — Донской и Запорожской. Турки, татары, а также русские помещики называли этих вольнолюбивых людей *харцызцами*, что означает по-тюркски «разбойники». Названия *харцызские* закрепилось за многочисленными долинами, степными речками, балками⁸.

Село *Улаклы* — село Великоновоселковского района, старинное название *Жиндеень*. Основано в 1779 г. татароязычными греками, выходцами из Крыма. Местное население произносит название своего села *Улла-Хыллы*, что по-татарски означает «умные люди»⁹.

ТОПОНИМЫ ГРЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Ялта — поселок городского типа Першотравневого района в 18 км от г. Жданова на берегу Азовского моря. В 1780 г. основана выходцами из крымской Ялты, которую арабские историки называли *Джалитой*. *Ялос* по-гречески «берег моря».

Село *Стыла* Старобешевского района. Основано греками в 1780 г. выходцами из крымского села *Стылы* (*Стила*, *Стиля*). Наименование «Стыла» происходит якобы от слова *эстелла* — «звезда», восходящая на южной стороне небосвода. Село расположено в местности, богатой залежами железистого камня. В конце XIX — начале XX в. тут добывали в открытых карьерах железную руду для заводов Юза (ныне Донецк). Вот почему в топонимах села упоминаются каменные горы, карьеры: *хая* — на местном наречии «камень», «гора», *шахман хая* — по фамилии жителя села, жившего у подножия этой горы. *Бибиши хая* — слово *бибиши* на местном

наречии означает «голубь». Это была гора, где в прошлом водились дикие голуби. Свое название сохранила *Макри хая*: *макри* — «длинная», *кундо хая* — «короткая гора», *псило хая* — «высокая гора».

Мариуполь. С 1948 г. — г. Жданов. Расположен на северном берегу Азовского моря на месте укрепления запорожцев *Кальмиусская Паланка*. С 1775 г. — г. Павловск. В 1780 г. по ходатайству греков, прибывших из Крыма, переименован в *Мариуполь*. В XVIII в. в Бахчисарае одно предместье города, населенное православными греками, а именно долина близ Успенского монастыря, где в Успенской церкви находилась редкая икона «Одигитрии божьей матери», называлось с давних времен *Маниами*, *Мариуполем*, *Мариуполем* — «обителью божьей матери». Греки, выходя из Бахчисарая в Россию, взяли с собой икону и ее именем называли г. Мариуполь¹⁰.

ТОПОНИМЫ СМЕШАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Село *Староигнатьевка* Тельмаповского района, старые варианты названия — *Игнатьевка*, *Гюрджи*, *Дубовка*. Основано в 1782 г. грузинами и волохами, выходцами из Бахчисарая, Кафы, Карасубазара, Султан-Сали и других сел Крыма. Название поселению дали по имени митрополита Игнатия, руководившего переселением христиан из Крыма. Старой Игнатьевкой оно стало называться после того, как в 1885 г. волохи отделились и основали свое село *Новоигнатовку*.

В официальных документах XIX в. *Староигнатьевка* именовалась еще *Грузинской Слободой*. Предполагают, что ее население имеет грузинское происхождение, что его предки за долгое время пребывания в Крымском ханстве потеряли свой язык, говорили по-татарски и считали себя татароязычными греками.

Среди жителей *Староигнатьевки* до сих пор бытует название *Гюрджи* — Грузия. Местные старожилы называют себя гюрджулер, а старики ближайших сел, выезжая в *Староигнатьевку*, часто говорят: «Едем в Гюрджи»¹¹.

В этом селе много интересных топонимов. Река *Дубовка*, протекающая через село, получила свое название благодаря дубовому лесу, который рос на ее берегу. Ипогда и село называли *Дубовкой*. В народе сохранились названия отдельных частей села. *Богдан малес* — происходит от *богдан*, так называли волохов, живших на окраине села. Въезд в село со стороны станции Карань называется *Кейбеш*, что в переводе с татарского означает «глава села» (может быть, «пачало села»: *кей* — село, *баш* — голова). Полагают также, что *Кейбаш* — фамилия одного из первых поселенцев. *Хайнах Чохрах* — в переводе с татарского «кипучая криница»; это большое озеро, где много подводных ключей. Вода бьет фонта-

ном, выбрасывая большое количество воды.

Село *Старобешево* — поселок городского типа, расположен на правом берегу р. Кальмиус в 35 км на юго-восток от г. Донецка. Основано в 1780 г. татароязычными греками, выходцами из крымского села *Бешев* или *Бешуй*. В переводе с татарского это означает «пять домов»: *беш* — пять, *эв* — дом. В 1896 г. возникло новое село *Ново-Бешево*. Прежнее село стали называть *Старобешево*.

В этом селе много интересных топонимов. Вот один из них: *зортав* — *зор* — «сила», *тав* — «лес». На юго-востоке от *Бешево* в 1830-х годах росла тутовая роща. Эти земли в рощу решил закупить один из помещиков, чтобы организовать производство шелка. Узнав об этом, крестьяне подняли все население — мужчин, женщин, стариков и детей и за два дня вырубил весь лес. Название *Зортав* сохранилось до наших дней, хотя леса там давно нет.

Преобладающее население *Старобешево* носит русские фамилии: *Васильев*, *Федоров*, *Попов*, *Михайлов* и т. д. По этому поводу местные жители рассказывают: в середине XIX в. в селе местный священник запустил учет регистрации браков и рождаемости. Чтобы избежать наказания, он сжег имеющиеся документы и решил запово «крестить» всех жителей. Священник давал новые фамилии по такому принципу: если человека звали Федором, то ему давали фамилию *Федоров*, Василию — *Васильев* и т. д. Так греки, потеряв свои фамилии, обрели русские.

Село *Старомлиновка* — Великоповоселковского района. До 1947 г. называлось *Старый Керменчик* — по-татарски «маленькая крепость». *Старомлиновка* — «старая мельница» (по украински *Старый Млын*). Село основано в 1779 г. татароязычными греками из крымских

сел: Кермепчик, Шурю, Бия-Сала, Улу-Сала, Албет. Отдельные части села жители называют по-своему.

Яных коше — северная сторона села. Название толкуют двояко: якобы в начале XIX в. на этой стороне произошел большой пожар, а слово *яных* по-татарски означает «горит». Вторая версия: название произошло по фамилии одного жителя — Яных. *Харшиях* — в переводе с татарского означает «Заречье». Со времени основания села и по 1800 г. греки в основном жили на левом берегу р. Мокрые Ялы. Сельское самоуправление находилось в руках выбранных из среды переселенцев, по большей части богатых, влиятельных селян. Провинившихся крестьян судил местный суд, состоявший из этих же лиц. За малейшую провинность виновника вместе с семьей переселяли на правый берег — Заречье. Вот почему и расширение села шло за счет освоения правобережья. Так было до реформ 1860—1870-х годов, когда местный суд был заменен общим для всей России судом присяжных. За это время на правобережной восточной части села выросло много улиц. Правобережье поныне называется Харшиях.

Таш чихарган тынях — *таш* — «камень», *тынях* — «ставок», *чихарган* — «вышло», «вышли», все название в целом означает «выкопали камни». Для обеспечения многочисленного скота питьевой водой крестьяне строили ставки (на территории теперешнего зерносовхоза Кермепчик). Копая траншею для ставка, они попали на сплошной камень. Хотя ставок удалось с большим трудом построить, название *таш чихарган* осталось в пародии.

Койбаш-хутор. Название тюркского происхождения, объясняют его так: *кой* — «село», *баш* — «голова», что означает «глава села». Другая версия: *кой* — «овца», *баш* — «голова».

Биржа — юго-восточная часть села. Название происходит от слова «берег»,

«набережная часть»; теперь улицы этой части называются Большая Набережная, Малая Набережная.

Шелковица — юго-восточная окраина села. На берегу речки еще в 20-х годах XX в. росли тутовые деревья — шелковица. Пляж славится и в наши дни. Давно там нет ни сада, ни шелковицы, а в обиходе осталось: «Куда идешь?» «Иду купаться на шелковицу».

Село *Раздольное* Старобешевского района. До 1946 г. село называлось Большая Каракуба. Основано в 1780 г. греками-переселенцами из крымского села Аргин. Первоначально новое село также называлось Аргин. В более позднем названии Каракуба (*кара* — татарск. «черная», *уба*, *оба* — «гора») отражается особенность местного ландшафта: село расположено на правом берегу р. Кальмиуса, а вдоль левого берега на десятки километров тянутся выходы темно-серого гранита. В начале XIX в., когда из этого села выделилась часть жителей и образовала новое село Новая Каракуба, жители решили переименовать село в Большую Каракубу.

В юго-западной части села протекает речка Кушурка, которая впадает в Кальмиус. На местном греческом диалекте слово *купурка* означает «мостик».

Выходцы из Большой Каракубы, основавшие свое село Новая Каракуба, вероятно, обратили внимание, что это название не соответствовало окружающему ландшафту. Тут не было никакой горы. Вскоре здесь были найдены прекрасные гончарные глины, и побочным занятием греков стало гончарное производство. В 30—40-е годы XIX в. село стали называть *Гончарихой*, в 1946 г. село переименовано в Красную Поляну.

Село *Максимовка* Волновахского района основано в 1802 г. греками, выделившимися из села Большая Каракуба. С момента основания и до 80-х годов XIX в. село называлось Волновахой. В 1880-х годах в связи со строительством железной дороги Еленовка—Марну-

поль возле истоков р. Волиновахи (правый приток Кальмиуса) в 6 км от села, о котором идет речь, была построена железнодорожная станция, которая тоже была названа Волиноваха. Именно тогда пришлось село переименовать в *Бугас* или Бугасу. *Буга* в переводе с татарского означает «бык», *су* — «вода». С 1946 г. село называется Максимовкой.

В советское время на карте Донецкой области появились новые названия, которые передают новое содержание жиз-

ни советского человека. Почти во всех районах Донецкой области есть села Первомайское (Першотравневе), Урожайное, Зеленое Поле. Таковы же и новые названия греческих сел — Заможное, Раздольное, Красная Поляна. Есть село Мирное, города Комсомольск, Новый Доубасс, Новый Свет. Название города Зугрес возникло в связи со строительством в 1920-х годах Зуевской ГРЭС.

¹ А. А. Скальковский также полагал, что название «Волчья» дано реке запорожскими казаками (Скальковский А. А. Географическая и этнографическая терминология Новороссийского края. СПб., 1868, с. 21).

² Материалы для статистического описания Екатеринославской епархии, вып. 2. Екатеринослав, 1880 (далее — Материалы...), с. 47—48.

³ Там же, с. 32—33.

⁴ Усторія міст і сіл Української РСР. Донецька область. Київ, 1970, с. 675, 690.

⁵ Материалы..., с. 65.

⁶ Материалы..., с. 76.

⁷ Історія міст..., с. 255.

⁸ Історія міст..., с. 844—845.

⁹ Тюркские названия записаны на местном говоре, значительно отличающемся от современного литературного татарского языка.

¹⁰ В литературе встречается несколько иное

толкование названия города: «Мариамполь» христиане называли Чуфут-кале, часть Бахчисарая, где жили преимущественно карaimы и где находилось 130 дворов христианских жителей; Маурум, Маурум, Майрем, Мариам, Марьино — так называлась другая часть Бахчисарая, расположенная вокруг Успенского скита, там среди жителей преобладали христиане (75 дворов); и, наконец, 285 дворов находилось в собственно Бахчисарее. Еще в конце XIX в. обитатели города при устье Кальмиуса различали три его части: Мариуполь (где по предположению тогдашних краеведов обосновались первые выходцы из Чуфут-кале), Марьинск и Бахчисарай. Первоначально Марьино или Марьинск было пригородным селом, в 1811 г. включено в городскую черту (Мариуполь и его окрестности, Мариуполь, 1892, с. 69—70).

¹¹ Історія міст..., с. 812.

*

СОДЕРЖАНИЕ

*

<i>Ю. В. Иванова,</i> <i>Л. Н. Чижикова</i>	Из истории заселения Южной Украины	3
<i>Ю. В. Иванова,</i>	Русско-украинские этнокультурные связи в южных районах Украины	12
<i>О. Р. Будина,</i>	Особенности формирования хозяйственного комплекса многонационального района Приазовья	74
<i>Л. В. Маркова,</i>	Развитие жилища в этнически смешанной среде (по материалам греков Донецкой области УССР)	92
<i>В. М. Маруневич,</i>	Традиции и инновации в устройстве и использовании жилища болгар западных районов Одесской области УССР	126
<i>О. Н. Ксенофонтова-Петренко</i>	Некоторые особенности материальной культуры гагаузов Одесской области УССР	150
<i>С. К. Темир.</i>	Семейные обряды в селе Сартана	173
	Народное толкование топонимов (южные районы Донецкой области УССР)	185

**Культурно-бытовые процессы
на юге Украины**

Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Редактор издательства С. Н. Васильченко
Художник А. Н. Шаев
Художественный редактор И. В. Разина
Технический редактор О. Г. Ульянова
Корректоры М. С. Бочарова, А. А. Смогилева

ИБ № 5246

Сдано в набор 5.12.78
Подписано к печати 3.03.79
Т-08622. Формат 70×90^{1/4}
Бумага люксоарт
Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая.
Усл. печ. л. 14,2. Уч.-изд. л. 16,2
Тираж 1350 экз. Тип. зан. 1518
Цена 2 р. 70 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Страна	Напечатано	Должно быть
39	4 св. (лев.)	поперечный	продольный
104	17 св. (лев.)	пришла на смену	потеснила
136	8 св. (прав.)	или во двор	и во двор
147	11 св. (лев.)	1878	1978
148	30 св. (лев.)	Салманович М. В.	Салманович М. Я.
150	14 св. (лев.)	из многочисленных	немногочисленных
170	27 св. (лев.)	Марков Г. А.	Марков Г. В.
171	4 св. (лев.)	1964	1942
191	2 св.	Ю. В. Иванова,	Ю. В. Иванов и др. Чижин-